Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (64)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2021

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (64). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 196 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (64)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2021

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 4 (64). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2021. – 196 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Коробейникова О.М., Коробейников Д.А., Шемет Е.С., Горбачева А.С. Методика анализа динамики платежных систем в цифровой экономике 7
Мизиковский И.Е. Структуризация учетно-калькуляционного пространства конструкторских работ машиностроительных предприятий 16
Трифонов Ю.В., Сочков А.Л., Миронов Е.А. Типология российских регионов с точки зрения развития человеческого капитала на базе нейросетевого кластерного анализа 23
Шинкевич А.И., Шумкин А.В. Алгоритм оценки инновационного потенциала секторов экономики как элемент реинжиниринга бизнес-процессов 35

Социологические науки

Щукина Н.П. К вопросу об инвентаризации пенитенциарной социологии в российском дискурсе 43
Воронин Г.Л., Мамлев Д.О. Изучение факторов миграционных процессов в Приволжском федеральном округе через призму социально-экономического положения индивидов 50
Голубин Р.В., Коротышев А.П., Рыхтик П.П. Методы веб-аналитики как инструмент анализа и прогнозирования социально-политических процессов 61
Деточенко Л.С. Вовлеченность детей-инвалидов в социальные связи и сообщества: фасилитаторы, стратегии и факторы успеха 70
Карпикова И.С., Артамонова В.В. Возможности геймификации в сфере трудовой мотивации сотрудников 79
Аксенов В.А., Кирюхина Е.М., Якушева А.М. Коронавирус и туристическая индустрия Великобритании: опыт социальной поддержки отрасли 88
Мигунова А.В. Школьные службы медиации и примирения: текущее состояние и перспективы развития 97
Петрова Т.Ю., Захаркина Т.Н. Академическое родительство: предпосылки актуализации вопроса 105
Чуков Р.С., Золотов С.А. Безусловный базовый доход как мотиватор работников периферии цифровой экономики 112
Ермолаева С.Г. Развитие университетского сообщества в региональных университетах в условиях академического менеджериализма 120
Терешонок Т.А. Мотивационная среда военного вуза: сущность, основные понятия и концепция исследования в рамках социологии управления 127

Педагогические науки

Тащёва А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р. Социально-психологическая адаптация и проблемы инклюзивного сопровождения студентов с ОВЗ в вузе 136
Грушецкая И.Н. Сравнительные особенности социально-педагогической работы с одаренными детьми в организациях дополнительного образования 146
Пушкина Е.Н. Обучение основам перевода в неязыковом вузе 151
Родионов М.А., Диков А.В. «Промышленные цифровые технологии» в предпрофессиональной подготовке школьников 160
Синицына Ю.В., Стручкова И.В., Дятлова К.Д., Швец И.М. Формирование и развитие исследовательских навыков студентов-биологов при внедрении проектного метода 170
Францева Ю.Е. Контекстный подход к обучению практической психологии будущих социальных работников 179
Щербинина О.С. Самоотношение одаренных детей как психолого-педагогическая проблема 188

CONTENTS

Economic sciences

Korobeynikova O.M., Korobeynikov D.A., Shemet E.S., Gorbacheva A.S. Methodology for analysis of the dynamics of payment systems in the digital economy 7
Mizikovsky I.E. Structuring the accounting and calculation space for the design work of machine-building enterprises 16
Trifonov Yu.V., Sochkov A.L., Mironov E.A. Typology of Russian regions from the point of view of human capital development based on neural network cluster analysis 23
Shinkevich A.I., Shumkin A.V. Algorithm for evaluating the innovative potential of economic sectors as an element of business process reengineering 35

Sociological sciences

Shchukina N.P. On the question of inventory of penitentiary sociology in the Russian discourse 43
Voronin G.L., Mamlev D.O. The study of factors of migration processes in the Volga Federal District through the prism of the socio-economic situation of individuals 50
Golubin R.V., Korotyshev A.P. , Rykhtik P.P. Web analytics methods as a tool for analysis and forecasting of socio-political processes 61
Detochenko L.S. Involvement of children with disabilities in social relations and communities: facilitators, strategies, and success factors 70
Karpikova I.S., Artamonova V.V. Gamification possibilities in the sphere of work motivation of employees 79
Aksenov V.A., Kiryukhina E.M., Yakusheva A.M. Coronovirus and the UK tourism industry: experience of social support for the industry 88
Migunova A.V. School mediation and reconciliation services: current state and prospects for development 97
Petrova T.Yu., Zakharkina T.N. Academic parenting: background 105
Chukov R.S., Zolotov S.A. Unconditional basic income as a motivator for workers in the periphery of digital economy 112
Ermolaeva S.G. Development of the university community in regional universities in the conditions of academic managerialism 120
Tereshonok T.A. Motivational environment of a military university: the essence, basic concepts and concept of research in the framework of the sociology of management 127

Pedagogical sciences

Tashcheva A.I., Gridneva S.V., Arpentieva M.R. Socio-psychological adaptation and problems of inclusive support of students with disabilities at the university 136
Grushetskaya I.N. Comparative features of social and pedagogical work with gifted children in educational organizations 146
Pushkina E.N. Teaching translation norms to students of non-linguistic specialities 151
Rodionov M.A., Dikov A.V. Industrial digital technologies in the pre-professional training of students 160
Sinitsyna Yu.V., Struchkova I.V., Dyatlova K.D., Shvets I.M. Formation and development of research skills of students-biologists in the implementation of the project method 170
Frantseva Yu.E. Contextual approach to teaching practical psychology to future social workers 179
Shcherbinina O.S. Self-attitude of gifted children as a psychological and pedagogical problem of 188

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.741.225 (470)
DOI 10.52452/18115942_2021_4_7

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ДИНАМИКИ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2021 г. ***О.М. Коробейникова, Д.А. Коробейников, Е.С. Шемет, А.С. Горбачева***

Коробейникова Ольга Михайловна, д.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики и предпринимательства Волгоградского государственного технического университета
korobeinikov77@yandex.ru
Коробейников Дмитрий Александрович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономической безопасности Волгоградского государственного аграрного университета
deisi79@mail.ru
Шемет Екатерина Сергеевна, к.э.н.; доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Волгоградского государственного аграрного университета
shemete@mail.ru
Горбачева Анна Семеновна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Волгоградского государственного аграрного университета
annasemenovna26@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2021
Статья принята к публикации 30.10.2021

Целью статьи является разработка и апробация методики анализа развития платежных систем в цифровой экономике. В задачи исследования входят обоснование показателя емкости платежных систем, выделение типов развития платежной системы в цифровой экономике, а также апробация методики анализа развития платежной системы по данным платежной системы Банка России и российских частных платежных систем. Новизна исследования заключается в разработке и апробации методики анализа развития платежных систем в цифровой экономике. Суть методики состоит в том, что для анализа динамики платежных систем в цифровой экономике предлагается обобщенный показатель – емкость платежной системы, который показывает зависимость прогресса (регресса) системы от динамики количества и сумм транзакций по видам, а также динамики индексов развития цифровой экономики, потребительской и деловой активности. Показатель целесообразно использовать для установления характера сценарного развития платежной системы. В зависимости от динамики показателей, скорректированных на уровень инфляции, выделено IX типов развития платежной системы. Результаты апробации методики на открытых статистических данных показали, что за 2011–2019 гг. платежная система Банка России имеет характер от прогрессирующего до стагнирующего с признаками регресса, российские частные платежные системы получили более волатильную оценку от прогрессирующей до регрессирующей. Предлагаемую методику развития платежной системы можно использовать для экспресс-диагностики развития как всей национальной платежной системы, так и отдельных платежных систем в ее составе.

Ключевые слова: финансовый рынок, платежные системы, национальная платежная система, платежный рынок, платежные услуги, платежные сервисы, цифровая экономика, FinTech.

Введение

Обоснование актуальности темы

Тематика исследований платежной сферы уже долгое время не теряет своей актуальности, поскольку платежные системы успешно выполняют не только традиционные операционные функции посредничества в перемещении платежей между экономическими субъектами, но и важнейшую функцию генерации и трансмиссии цифровых инноваций пользователям в нефинансовые секторы [1].

Способствует максимальному раскрытию созидательного потенциала платежных систем динамичное развитие цифровой экономики: на платежном рынке появляются новые участники, цифровые платежные технологии и инструменты, нестандартные инновационные решения. Формируется общая цифровая среда, рыночная платежная инфраструктура меняется не только качественно, но и выходит за свои физические границы. Под влиянием научно-технического прогресса современный платежный рынок цифровизируется более высокими темпами, чем дру-

гие нефинансовые сферы [2]. Открываются интерфейсы, технологически совершенствуются каналы движения стоимости в платежных системах, происходит симбиоз платежных услуг с другими финансовыми, а также нефинансовыми услугами, в стандартные процессы оказания платежных услуг вовлекаются новые (в том числе нефинансовые) участники, меняются характер и формы расчетно-платежных отношений [3].

Значение платежных систем в развитии цифровой экономики состоит в том, что они являются наиболее удобными и универсальными финансовыми посредниками, создающими цифровую культуру, прививающими цифровые навыки, правила и традиции, являющимися ядром формирования цифровой среды. В силу естественных операционных характеристик они являются наиболее массовыми финансовыми посредниками, расчетно-платежные услуги которых используют все без исключения экономические субъекты и максимальное количество частных лиц.

Максимальное соответствие деятельности платежных систем миссии и философии цифровой экономики закономерно вызывает не только вопрос о том, как платежные системы влияют на распространение цифровых инноваций, но и о том, с какой динамикой в условиях цифровой экономики развиваются собственно платежные системы, а также в чем проявляется влияние цифровой экономики на платежные системы. В статье предлагается через показатель емкости провести аналитическую оценку развития платежных систем в условиях цифровой экономики.

Целью исследования является разработка и апробация методики анализа развития платежных систем в цифровой экономике.

Задачи исследования: 1) обосновать показатель емкости платежных систем; 2) выделить типы развития платежной системы в цифровой экономике; 3) апробировать методики анализа развития платежной системы по данным российских частных платежных систем и платежной системы Банка России.

Новизна исследования заключается в разработке и апробации методики анализа развития платежных систем в цифровой экономике, в основу которой положены метод процессной диагностики и комплексный показатель – емкость платежной системы, которая показывает зависимость прогресса (регресса) платежной системы от динамики количества и сумм транзакций по видам, а также индекса развития цифровой экономики, индекса потребительской активности, индекса деловой активности, что позволяет использовать методику для экспресс-диагностики развития национальной платежной системы и ее элементов.

Анализ сложившейся теоретико-методологической базы по проблематике платежных систем и платежного рынка показал, что в большей степени в российских и зарубежных научных работах освещены практические аспекты текущего развития платежных систем. Среди исследований следует отметить работы Ю.И. Коробова [4], С.В. Криворучко, В.А. Лопатина [5], В.Ю. Петрова, А.В. Борцовой [6], Е.Г. Хоменко [7], P. Angelini [8], M.L. Bech, B. Hobijn [9], Boumediene Ramdani, Ben Rothwell, Elias Boukrami [10], K. Ercevik, J. Jackson [11], S. Kobayakawa [12], M. Laven [13] и др. Функционированию платежных систем в цифровой экономике посвящены труды М. Ачаповской [14], А.В. Бабкина, Д.Д. Буркальцевой, Д.Г. Костень, Ю.Н. Воробьева [15], М. Ковалева, Г. Головенчик [16], О.Ю. Свиридова, И.В. Некрасовой [17], J. Jagtiani, L. Lambie-Hanson, T. Lambie-Hanson [18], P. Masiukiewicz, P. Dec [19], J.E. Stiglitz [20] и др. Но вместе с тем самостоятельных аналитических методик, оценивающих состояние развития платежных систем в условиях цифровизации, разработано не было. Данная статья призвана устранить этот методический пробел.

Теоретико-методологические подходы

При выполнении работы авторами применены теоретические методы обобщения и сравнения данных, эмпирические методы наблюдения и описания предметной области, методы экономического анализа и статистики, а также формализации (структурированного описания) характеристик объектов исследования (в качестве которых выступают национальная платежная система, частные платежные системы и платежная система Банка России). Применение метода процессной диагностики позволило разработать комплексный показатель аналитической оценки динамической емкости платежной системы, что может быть полезно для прогнозирования развития платежных систем в цифровой среде.

Результаты

Предлагаемая методика анализа развития платежных систем в цифровой экономике характеризует состояние основных процессов в платежной системе – платежей и переводов денежных средств с использованием различных инструментов и сервисов. Суть методики состоит в том, что предлагается комплексный показатель – емкость платежной системы. Емкость показывает зависимость прогресса (регресса) от динамики количества транзакций (КТ), динами-

ки сумм транзакций (ОТ) по видам и динамики индексов развития цифровой экономики, потребительской и деловой активности. Емкость платежной системы и емкость платежного рынка в целом в идеале должна увеличиваться, что будет характеризовать положительную динамику развития платежных систем.

Для получения комплексной оценки емкости платежной системы предлагается использовать величину средней геометрической из темпов роста количества транзакций и сумм оборота [21]. Расчеты предлагается проводить по формуле в следующем виде:

$$К = \sqrt[5]{Т_{р_{кт}} \times Т_{р_{от}} \times Т_{р_{ицэ}} \times Т_{р_{ипа}} \times Т_{р_{ида}}}, \quad (1)$$

где К – средняя геометрическая величина емкости платежной системы (комплексная оценка); $Т_{р_{кт}}$ – коэффициент роста (снижения) количества транзакций; $Т_{р_{от}}$ – коэффициент роста (снижения) суммарного объема транзакций; $Т_{р_{ицэ}}$ – коэффициент роста индекса развития цифровой экономики; $Т_{р_{ипа}}$ – коэффициент роста (снижения) интегрального индекса потребительской активности; $Т_{р_{ида}}$ – коэффициент роста (снижения) интегрального индекса деловой активности экономических субъектов.

Учитывая математическое содержание средней геометрической и экономический смысл темпов роста показателей, для установления критериального значения в качестве константы сравнения предлагается единица. Если $К > 1$, то это будет указывать на преобладание тенденции к росту показателей, что означает положительную динамику емкости. Если $К < 1$, то емкость снижается в силу неблагоприятных факторов.

Основным, доминантным, фактором, определяющим емкость платежной системы, является количество транзакций (КТ). Для установления емкости платежной системы определяется динамика количества транзакций за период времени:

$$\Delta КТ = КТ_1 - КТ_0 . \quad (2)$$

Значение $\Delta КТ > 0$ означает количественный рост, который напрямую связан и является следствием глубины проникновения цифровых инноваций платежного рынка в платежно-расчетное обслуживание экономических субъектов. Положительная динамика количества транзакций свидетельствует о росте деловой активности и большей вовлеченности платежных субъектов в безналичный денежный оборот.

Значение $\Delta КТ < 0$ означает снижение количества транзакций в динамике, что указывает на падение деловой активности, отказ от безналичных расчетов в пользу теневых наличных схем либо на рыночную переориентацию платежной системы с розничного сегмента на оптовый.

Второй по значимости фактор – общая величина денежного оборота в платежной системе (ОТ). Для установления емкости платежной системы определяется изменение суммарной величины оборота за период времени:

$$\Delta ОТ = ОТ_1 - ОТ_0 . \quad (3)$$

Значение $\Delta ОТ > 0$ характеризует рост суммарной величины, который может быть достигнут как экстенсивно, так и интенсивно. Экстенсивный путь роста сумм операций связан с ростом денежной массы, инфляцией и не всегда является следствием цифровой инноватизации экономики, поэтому вряд ли может оцениваться положительно. Интенсивный рост объемов операций мы оцениваем положительно, поскольку он непосредственно связывается с ускорением динамики денежной массы в цифровых каналах экономики без экстенсивного увеличения количества денег (т.е. не влияет на рост инфляции).

Значение $\Delta ОТ < 0$ характеризует снижение величины оборота и однозначно указывает на регресс платежной системы.

Для учета влияния на развитие платежных систем внешних условий, задаваемых цифровой средой, в методику, ранее разработанную О.М. Коробейниковой [22], мы включили дополнительные факторы.

В качестве фактора влияния цифровой экономики предлагается национальный индекс развития цифровой экономики (по странам), разработанный и рассчитываемый с 2018 года специалистами центра компетенций федерального проекта «Цифровые технологии» [23]. Изменение данного индекса (предполагается по умолчанию, что в динамике должен происходить рост индекса с разной скоростью) характеризует в том числе изменения на платежном рынке под воздействием цифровых инноваций. Для платежных систем этот индекс характеризует в первую очередь технологические возможности расширения емкости, показывая влияние рыночного предложения на емкость платежной системы.

Емкость платежной системы также зависит от факторов потребления услуг, поэтому в расчет включены приросты интегральных индексов потребительской активности и деловой активности экономических субъектов, рассчитываемых по методологии Росстата. Приростные значения индексов будут отражать динамику активности пользователей платежных систем. Чем активнее пользователи совершают платежи и денежные переводы через платежные системы, тем большее количество и объемы транзакций совершаются в системе и тем выше емкость платежной системы. Таким образом, индексы потребительской и деловой активности харак-

Таблица 1

Типы развития платежной системы в цифровой экономике

Значение приростов	ΔКТ > 0	ΔКТ ≈ 0	ΔКТ < 0
ΔОТ > 0 при: Δ ИЦЭ ≥ 0, Δ ИПА ≥ 0, Δ ИДА ≥ 0	I прогрессирующая	IV стагнирующая с признаками прогресса	VII относительно стабильная с признаками регресса
ΔОТ ≈ 0 при: Δ ИЦЭ ≥ 0, Δ ИПА ≈ 0, Δ ИДА ≈ 0	II прогрессирующая	V стагнирующая	VIII регрессирующая
ΔОТ < 0 при: Δ ИЦЭ ≥ 0, Δ ИПА ≤ 0, Δ ИДА ≤ 0	III относительно стабильная с признаками прогресса	VI стагнирующая с признаками регресса	IX регрессирующая

теризуют расширение емкости с позиции влияния рыночного спроса.

Для более развернутой характеристики сценарной динамики, наряду с показателем емкости платежной системы, предлагается ранжировать платежные системы в зависимости от приростных значений факторов, включаемых в расчеты. При ранжировании основными факторами будут выступать объем и количество транзакций. Примем, что индекс цифрового развития в динамике будет только увеличиваться (Δ ИЦЭ > 0) как заданное по умолчанию макроэкономическое условие. Динамика индексов потребительской и деловой активности будет соответствовать динамике количества и объемов транзакций: рост потребительской и деловой активности, как правило, сопровождается адекватным изменением платежного поведения. Учитывая данные условия, предлагаем выделить следующие типы развития платежных систем:

– прогрессирующий (наблюдается, когда происходит рост количества и объемов транзакций с соответствующим ростом потребительской и деловой активности на фоне роста индекса развития цифровой экономики);

– относительно стабильный (наблюдается, когда происходят несущественные отклонения в динамике количества и/или объемов транзакций с соответствующими отклонениями потребительской и деловой активности на фоне роста индекса развития цифровой экономики);

– стагнирующий (наблюдается, когда происходит стагнация количества транзакций с соответствующей стагнацией потребительской и деловой активности на фоне роста индекса развития цифровой экономики);

– регрессирующий (наблюдается, когда происходит снижение количества и объемов транзакций с соответствующим снижением потребительской и деловой активности на фоне роста индекса развития цифровой экономики).

Развивая и модифицируя методику, предложенную О.М. Коробейниковой [22], выделим типы развития платежных систем в условиях цифровой экономики с включением в методику предложенных индексов.

Взаимосвязь динамики количественных индикаторов платежной системы, включенных в комплексный показатель емкости, отражает следующая матрица индикаторов (табл. 1).

Характеристика выделенных типов представлена в таблице 2.

Апробацию методики процессной диагностики можно проводить на материалах национальной платежной системы, отдельных платежных систем и их групп, а также по группам однородных операций, инструментов, сервисам и прочим аналитическим позициям. Используя открытые данные Банка России и Росстата, проведем апробацию предлагаемой авторами методики на примере национальной платежной системы России и ее уровней – платежной системы Банка России (табл. 2) и частных платежных систем, относящихся к розничному сегменту (табл. 3). Расчеты считаем целесообразным проводить за период с 2010 года, поскольку для целей анализа динамики развития платежных систем интерес представляет исследование всего периода действия закона «О национальной платежной системе» [24], с принятием которого в 2011 году произошли количественный рост и качественные изменения субъектов национальной платежной системы.

Проведенная с указанными допущениями апробация показала следующее (табл. 3 и 4).

Показатель емкости платежных систем рассчитан по формуле (1), его динамика представлена на рисунке 1. В расчете показателя емкости также принят ряд допущений. Индекс развития цифровой экономики в расчетах мы применить не можем, поскольку статистический материал за достаточное количество периодов

Таблица 2

Характеристика типов развития платежной системы в цифровой экономике

Тип	Характеристика типа	Описание типа
I	Прогрессирующая	Характеризуется одновременным приростом за период объемов и количества транзакций, индексов активности, что свойственно растущим традиционным рынкам, а в нашем случае – периоду интенсификации уровня цифровизации платежного рынка (период 2010-х годов; границы периода четко не определяются, что обусловлено неравномерным внедрением цифровых технологий в банковскую деятельность и небанковский сектор, а также трансформацией собственно цифровых технологий)
II	Прогрессирующая	Прогресс обеспечивается исключительно за счет доминантного фактора – роста количества транзакций при ненаращивании (существенном) суммарных объемов переводов
III	Относительно стабильная с признаками прогресса	Является частным случаем прогрессирующих систем с положительной динамикой доминантного признака, когда на фоне роста количества транзакций происходит сокращение их суммарного объема
IV	Стагнирующая с признаками прогресса	Платежная система показывает рост (признаки прогресса) исключительно за счет объемной (суммарной) составляющей, притом что количество транзакций практически не увеличивается (стагнирует). В этом случае либо обслуживаемая денежная масса экстенсивно растет (что связывается с действием механизмов денежной мультипликации и не зависит от влияния цифровой инноватизации), либо ускоряется движение денег (при имеющемся объеме денежной массы увеличивается количество совершаемых ею оборотов – интенсивный рост) за счет диффузии цифровых инноваций. Отсутствие положительной динамики количества транзакций до достижения точки насыщения рынка платежными услугами указывает на недостаточную акселерацию цифровых инноваций (в частности, за счет слабости технологических, организационных, информационных и других факторов)
V	Стагнирующая	Платежной системе свойственны неменяющиеся суммарные и объемные значения. Выявляются значения показателей, характерных для стадии прохождения «дна» экономических кризисов, что обусловливает кратковременность пребывания платежной системы в таком состоянии
VI	Стагнирующая с признаками регресса	Характеризуется ненаращиванием количества транзакций со снижением суммарных объемов операций, которое и выступает признаком регресса. Ситуация становится возможной, например, при смене технологий обработки информации, когда платежная система не имеет потенциала роста из-за появления высокотехнологичных конкурентов, но оставляет за собой незначительный круг традиционных клиентов
VII	Относительно стабильная с признаками регресса	Прирост объема денежных транзакций в суммарном выражении сопровождается снижением количества операций, что и указывает на регресс
VIII	Регрессирующая	Характеризуется стагнацией объема транзакций с ухудшением рыночных позиций по количеству проведенных транзакций. Может указывать на замену традиционных технологий регрессирующих систем (либо самих систем) на инновационные (в том числе цифровые)
IX	Регрессирующая	Характеризуется понижательными тенденциями по обоим оценочным факторам. Может указывать на замену традиционных технологий регрессирующих систем (либо самих систем) на инновационные (в том числе цифровые)

Источник: собственная разработка.

Таблица 3

Апробация методики анализа развития платежной системы Банка России

Показатель	Количество операций, млн ед.	Объем операций, млрд руб.	Индекс фактического конечного потребления домохозяйств	Индекс физического объема выпуска	Емкость (К)	Тип
2010 год						
Абсолютное значение	1059.0	653352.9	104.3	104.4	-	-
2011 год						
Абсолютное значение	1187.6	916153.5	105.8	105.0	1.27	I
Коэффициент роста	**1.122**	**1.402**	**1.014**	**1.006**		
Индекс инфляции	-	0.0610	-	-		
2012 год						
Абсолютное значение	1259.0	1150497.4	105.9	103.7	1.15	I
Коэффициент роста	**1.060**	**1.256**	**1.000**	**0.987**		
Индекс инфляции	-	0.0658	-	-		

Окончание таблицы 3

Показатель	Количество операций, млн ед.	Объем операций, млрд руб.	Индекс фактического конечного потребления домохозяйств	Индекс физического объема выпуска	Емкость (К)	Тип
2013 год						
Абсолютное значение	1341.2	1224893.5	103.5	101.4	1.04	II
Коэффициент роста	**1.065**	**1.065**	**0.977**	**0.978**		
Индекс инфляции	-	0.0645	-	-		
2014 год						
Абсолютное значение	1370.6	1205179.9	101.3	100.9	0.99	III
Коэффициент роста	**1.022**	**0.984**	**0.979**	**0.995**		
Индекс инфляции	-	0.1136	-	-		
2015 год						
Абсолютное значение	1398.5	1356543.2	91.3	96.5	0.99	VI
Коэффициент роста	**1.020**	**1.126**	**0.901**	**0.956**		
Индекс инфляции	-	0.1291	-	-		
2016 год						
Абсолютное значение	1435.9	1340034.2	98.2	101.2	1.07	III
Коэффициент роста	**1.027**	**0.988**	**1.076**	**1.049**		
Индекс инфляции	-	0.0538	-	-		
2017 год						
Абсолютное значение	1529.2	1440878.1	102.8	102.5	1.10	I
Коэффициент роста	**1.065**	**1.075**	**1.047**	**1.013**		
Индекс инфляции	-	0.0252	-	-		
2018 год						
Абсолютное значение	1591.3	1715133.0	102.0	102.5	1.11	I
Коэффициент роста	**1.041**	**1.190**	**0.992**	**1.000**		
Индекс инфляции	-	0.0427	-	-		
2019 год						
Абсолютное значение	1715.7	1566461.4	101.3	101.3	0.98	III
Коэффициент роста	**1.078**	**0.913**	**0.993**	**0.988**		
Индекс инфляции	-	0.0300	-	-		

Таблица 4

Апробация методики анализа развития частных платежных систем России

Показатель	Количество операций, млн ед.	Объем операций, млрд руб.	Индекс фактического конечного потребления домохозяйств	Индекс физического объема выпуска	Емкость (К)	Тип
2010 год						
Абсолютное значение	3561.1	318188.5	104.3	104.4	-	-
2011 год						
Абсолютное значение	3695.9	364364.0	105.8	105.0	1.10	I
Коэффициент роста	**1.038**	**1.145**	**1.014**	**1.006**		
Индекс инфляции	-	0.0610	-	-		
2012 год						
Абсолютное значение	4039.5	399446.0	105.9	103.7	1.09	II
Коэффициент роста	**1.093**	**1.096**	**1.000**	**0.987**		
Индекс инфляции	-	0.0658	-	-		
2013 год						
Абсолютное значение	4436.2	457045.9	103.5	101.4	1.10	I
Коэффициент роста	**1.098**	**1.144**	**0.977**	**0.978**		
Индекс инфляции	-	0.0645	-	-		
2014 год						
Абсолютное значение	4627.4	532776.1	101.3	100.9	1.09	I
Коэффициент роста	**1.043**	**1.166**	**0.979**	**0.995**		
Индекс инфляции	-	0.1136	-	-		
2015 год						
Абсолютное значение	4498.9	530971.4	91.3	96.5	0.91	IX
Коэффициент роста	**0.972**	**0.997**	**0.901**	**0.956**		
Индекс инфляции	-	0.1291	-	-		
2016 год						
Абсолютное значение	4369.0	523110.1	98.2	101.2	1.04	IX
Коэффициент роста	**0.971**	**0.985**	**1.076**	**1.049**		
Индекс инфляции	-	0.0538	-	-		

Окончание таблицы 4

Показатель	Количество операций, млн ед.	Объем операций, млрд руб.	Индекс фактического конечного потребления домохозяйств	Индекс физического объема выпуска	Емкость (К)	Тип
2017 год						
Абсолютное значение	4044.3	547210.6	102.8	102.5	1.01	VIII
Коэффициент роста	**0.926**	**1.046**	**1.047**	**1.013**		
Индекс инфляции	-	0.0252	-	-		
2018 год						
Абсолютное значение	5255.7	686395.7	102.0	102.5	1.27	I
Коэффициент роста	**1.300**	**1.254**	**0.992**	**1.000**		
Индекс инфляции	-	0.0427	-	-		
2019 год						
Абсолютное значение	6231.3	663932.9	101.3	101.3	1.06	III
Коэффициент роста	**1.186**	**0.967**	**0.993**	**0.988**		
Индекс инфляции	-	0.0300	-	-		

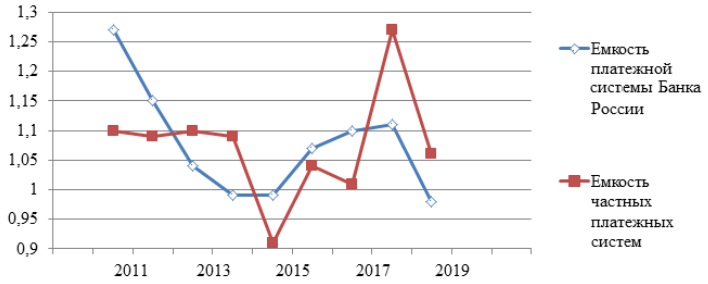

Рис. 1. Динамика показателей емкости платежных систем

пока не накоплен. Таким образом, индекс, рассчитываемый согласно методике, предложенной центром компетенций федерального проекта «Цифровые технологии» [23], является перспективным. Индексы потребительской и деловой активности, являющиеся обобщающими показателями, мы детализируем и в расчетах используем информацию Росстата о фактическом конечном потреблении домохозяйств (при оценке емкости платежных систем показатель будет характеризовать динамику общего объема оплаченного и, соответственно, проведенного через платежные системы потребления розничными пользователями платежных систем) и о физическом объеме выпуска продукции, работ, услуг (при оценке емкости платежных систем показатель будет характеризовать динамику деловой платежно-расчетной активности производителей выпущенных продукции, работ, услуг, которые обслуживаются денежным оборотом платежных систем).

Дадим характеристику каждому типу развития платежных систем по результатам апробации методики.

Тип I выявляется при оценке платежной системы Банка России в 2011–2012 гг. (обновление нормативной базы – принятие ФЗ «О национальной платежной системе»), 2017–2018 гг. (активная фаза цифровизации). Коэффициенты емкости платежной системы в указанные периоды больше единицы. Прогрессирующий характер развития (по I типу) в указанные периоды обусловлен восприимчивостью к цифровым инновациям и их динамичным трансферам в условиях усиливающейся централизации банковской деятельности и укрупнения основных участников национальной платежной системы [25]. Количество переводов денежных средств в платежной системе Банка России (доминантный признак оценки) имело устойчивую тенденцию к росту. В отношении частных платежных систем I тип выявляется в 2011 г., 2013–2014 гг., 2018 г. Коэффициенты емкости платежной системы в указанные периоды больше единицы.

Платежные системы II типа являются частным случаем, они представлены преимущественно в розничном сегменте в 2012 г., где рост транзакций сопровождается популяризацией цифровых платежных услуг среди розничных клиентов; второй тип также был выявлен в 2013 г. для платежной системы Банка России.

Количественные данные по платежной системе Банка России и частным платежным системам выявляют III тип в 2019 году, а также в 2014 году в платежной системе Банка России. В платежной системе Банка России объем переводов имел сокращение только в 2014, 2016 и 2019 годах, но снижение объема переводов было незначительным при опережающем росте количества переводов.

Типы развития платежных систем IV и V по результатам апробации не выявлены.

Тип развития VI наблюдается по результатам апробации методики по платежной системе Банка России в 2015 году. Тип характеризуется ненаращиванием количества транзакций со снижением суммарных объемов операций, которое и выступает признаком регресса. Так, например, по данным Банка России, сегмент платежной системы Банка России по количеству расчетов с применением почтовой и телеграфной технологии составлял до 0.5 млн ед. (по состоянию на конец 2012 года), сократившись в последующие периоды до значений, близких к нулевым.

Тип развития платежных систем VII по результатам апробации не прослеживался.

Тип VIII согласно данным таблицы 4 наблюдается в 2017 году в отношении частных платежных систем.

Тип IX наблюдался применительно к российским частным платежным системам в 2015–2016 гг., что явилось следствием применения международных санкций в отношении российских системообразующих финансовых участников.

Заключение

Таким образом, апробация методики для оценки платежной системы Банка России и частных платежных систем в 2011–2019 гг. показала волатильную оценку от прогрессирующей до регрессирующей как за счет воздействия негативных макроэкономических шоков, так и за счет цифровой инноватизации. Предложенную методику анализа развития платежной системы можно использовать для процессной экспресс-диагностики развития как всей национальной платежной системы, так и отдельных платежных систем в ее составе.

Список литературы

1. Коробейникова О.М., Коробейников Д.А. Проблемы трансмиссии денежных и кредитных ресурсов в контексте проведения денежно-кредитной политики // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2015. № 2 (38). С. 246–251.

2. Акимова О.Е., Волков С.К. Исследование современного состояния инновационного предпринимательства в России // Региональная экономика: теория и практика. 2019. **17.4 (463).** С. 733–748.

3. Буркальцева Д.Д., Курьянова И.В., Тюлин А.С. Эволюция банковских услуг в контексте трансформации социально-экономических систем // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1 (46). С. 63–68.

4. Коробов Ю.И. Развитие банковской системы: модернизация или трансформация? // Наука и общество. 2015. № 3 (22). С. 39–41.

5. Криворучко С.В., Лопатин В.А. Банки как субъекты национальной платежной системы: современные проблемы // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 111–117.

6. Петров В.Ю., Борцова А.В. Криптовалюта как новейшая форма денег в современной экономике // Фундаментальные исследования. 2018. № 5. С. 188–192.

7. Хоменко Е.Г. Понятие платежного инструмента и национального платежного инструмента в российском законодательстве // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 119–126.

8. Angelini P. An analysis of competitive externalities in gross settlement systems // Journal of Banking and Finance. 1998. № 22. P. 1–18.

9. Bech M.L., Hobijn B. Technology diffusion within central banking // The Case of Real-Time Gross Settlement International Journal of Central Banking. 2007. Vol. 3 (3). P. 147–181.

10. Boumediene Ramdani, Ben Rothwell, Elias Boukrami. Open banking: The emergence of new digital business models // International Journal of Innovation and Technology Management. 2020. Vol. 17. № 05. P. 2050033.

11. Ercevik K., Jackson J. Simulating the impact of a hybrid design on the efficiency of the CHAPS large-value payment system // The Quarterly Review of Economics and Finance. 2009. № 49. P. 1–25.

12. Kobayakawa S. The Comparative analysis of settlement systems // Centre for Economic Policy Research Discussion Paper. 1997. № 1667. P. 1–38.

13. Laven M. Money evolution: How the shift from analogue to digital is transforming financial services // Journal of Payments Strategy & Systems. 2014. Vol. 7 № 4. P. 319–328.

14. Ачаповская М. Цифровизация экономики как драйвер инновационного развития // Банкаўскі веснік. 2019. № 3. С. 52–58.

15. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3. С. 9–25.

16. Ковалев М., Головенчик Г. Цифровая трансформация банков // Банкаўскі веснік. 2018. № 11. С. 50–60.

17. Свиридов О.Ю., Некрасова И.В. Тенденции развития финтех-экосистемы в российской экономике // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21. № 4. С. 197–206.

18. Jagtiani J., Lambie-Hanson L., Lambie-Hanson T. Fintech lending and mortgage credit access // The Journal of FinTech. 2021. Vol. 01. № 01. 2050004.

19. Masiukiewicz P., Dec P. Financial services on informal economy // Economics. Law. State. 2019. № 2 (4). P. 18–31.

20. Stiglitz J.E. Key challenges facing modern finance: Making the financial sector serve society // Finance: Theory and Practice. 2020. № 24 (2). P. 6–21.

21. Коробейников Д.А., Филин М.А. Методика аналитической оценки экономической динамики аграрного производства // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса: Наука и высшее профессиональное образование. 2011. № 2 (22). С. 243–249.

22. Коробейникова О.М. Методика количественной оценки уровня и динамики развития платежных систем // Экономика и банки. 2019. № 2. С. 27–37.

23. Национальный индекс развития цифровой экономики: Пилотная реализация. М.: Госкорпорация «Росатом», 2018. 92 с. URL: https://in.minenergo.gov.ru/upload/iblock/df0/df063a504b10a3af5a1ce7cbb07e35fd.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

24. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: Федер. закон, 27 июня 2011 г., № 161-ФЗ: в ред. Федер. закона от 02.08.2019 г. // СПС «Консультант Плюс».

25. Попова Л.В., Коробейникова О.М., Коробейников Д.А., Шемет Е.С. Эволюция платежных систем в России // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 24 (744). С. 1396–1409.

METHODOLOGY FOR ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF PAYMENT SYSTEMS IN THE DIGITAL ECONOMY

***O.M. Korobeynikova,*[1] *D.A. Korobeynikov,*[2] *E.S. Shemet,*[2] *A.S. Gorbacheva*[2]**

[1]Volgograd State Technical University
[2]Volgograd State Agrarian University

The purpose of the article is to develop and test a methodology for analyzing the development of payment systems in the digital economy. The objectives of the study include substantiating the indicator of the capacity of payment systems, identifying the types of development of the payment system in the digital economy, as well as testing the methodology for analyzing the development of the payment system according to the data of the payment system of the Bank of Russia and Russian private payment systems. The novelty of the research lies in the development and testing of a methodology for analyzing the development of payment systems in the digital economy, which is based on the method of process diagnostics and a complex indicator - the capacity of the payment system, which shows the dependence of the progress (regression) of the system on the dynamics of the number and amounts of transactions by type, as well as digital economy development index, consumer activity index, business activity index, which allows using the technique for express diagnostics of the development of the national payment system and its elements. To analyze the dynamics of payment systems in the digital economy, a generalized indicator is proposed - the capacity of the payment system, which shows the dependence of the progress (regression) of the system on the dynamics of the number and amounts of transactions by type, as well as the dynamics of the indices of the development of the digital economy, consumer and business activity. It is proposed to use the indicator of the capacity of the payment system to establish the nature of its scenario development. Depending on the dynamics of indicators adjusted for the inflation rate, IX types of development of the payment system are identified. The results of testing the methodology on open statistical data showed that for 2011–2020. The Bank of Russia payment system has a character from progressing to stagnating with signs of regression; Russian private payment systems have received a more volatile assessment, from progressive to regressive. The proposed methodology for the development of the payment system can be used for express diagnostics of the development of both the entire national payment system and individual payment systems as part of the national payment system.

Keywords: financial market, payment systems, national payment system, payment market, payment services, payment services, digital economy, FinTech.

УДК 657
DOI 10.52452/18115942_2021_4_16

СТРУКТУРИЗАЦИЯ УЧЕТНО-КАЛЬКУЛЯЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА КОНСТРУКТОРСКИХ РАБОТ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2021 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.09.2021
Статья принята к публикации 20.10.2021

Нарастание кризисных явлений, прежде всего вызванных коронавирусной пандемией, особенно ощутимо на машиностроительных предприятиях. Это обстоятельство катализировало проведение активных мероприятий по снижению затрачиваемых ресурсов, прежде всего напрямую не связанных с производственным процессом. В пул таких ресурсов вошли конструкторские затраты, напрямую связанные с перспективой долгосрочного обеспечения конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов. Принятие решений о их снижении должно основываться на предельно выверенной информационной базе, формирование которой должно вестись эффективными приемами и способами планирования, учета затрат и их калькулирования. Целью исследования является структурирование качественного информационного поля управления затратами, производимыми на конструкторские работы машиностроительных предприятий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, в том числе связанных с формированием оптимальной номенклатуры статей затрат; обоснованием адекватной учетно-калькуляционной модели их обработки и представлением получаемых результатов; институционализацией предлагаемых информационно-инструментальных средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий. В основе исследования лежат методы, связанные с применением системного подхода к отражению затрат на проведение конструкторских работ на ряде промышленных предприятий Нижегородской области; предполагающие наблюдение динамики расходования средств, их идентификацию, измерение, описание, декомпозицию, классификацию и анализ. Автором предложены номенклатура статей конструкторских затрат; обоснование точечно ориентированной учетно-калькуляционной модели их обработки; обновление форм представления смет и калькуляций; цифровая трансформация планово-учетной функции управления; определение способов институционализации предлагаемых средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий. Внедрение этого информационно-инструментального набора регулирования затрат позволит вывести процесс разработки стратегии управления конструкторскими расходами на качественно новый уровень, значительно снизить риски несбалансированных решений.

Ключевые слова: учет затрат и калькулирование, себестоимость конструкторских работ, Direct Costing, Absorption Costing, смета расходов, расходы, экономия ресурсов, машиностроительное предприятие.

Введение

Нарастание кризисных явлений, прежде всего вызванных коронавирусной пандемией, особенно ощутимо в экономике машиностроительных предприятий. Так, на исследуемых автором хозяйствующих субъектах, занимающихся производством машин и оборудования в Нижегородской области, спад производства с начала 2020 года, по сравнению с тем же периодом 2019-го, превысил более 35%, что обусловило проведение политики жесткой экономии. Вполне ожидаемо, мероприятия по снижению себестоимости продукции и сокращению потерь ориентированы прежде всего на сокращение объема ресурсов, процесс потребления которых напрямую не связан с изготовлением конечной продукции. Несмотря на очевидное противоречие со стратегией долгосрочного развития и обеспечения конкурентоспособности, практически на всех исследуемых предприятиях в пул сокращаемых расходов включаются затраты на проведение конструкторских работ.

Вместе с тем автором не отрицается необходимость оптимизации затрат данного класса, проводимой исключительно на основе тщательного технико-экономического обоснования этого процесса. Решение этой задачи предполагает выполнение многих требований, в том числе обеспечение измеримости и наглядности показателей процесса конструирования продукции; генерирование прозрачной, максимально визуализированной информационной среды. К сожалению, как показали исследования на большинстве изучаемых предприятий, эти требования зачастую не выполняются: учет ведется многократно раскритикованным «котловым» методом; исследуемый класс затрат отражается в составе общехозяйственных или прочих производственных расходов. В этих условиях «про-

падает» необходимость в экономически обоснованных, утвержденных статьях конструкторских затрат и методах их учетно-калькуляционной обработки.

Между тем такой подход входит в противоречие с Положением по бухгалтерскому учету «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» [1], предусматривающим декомпозицию затрат на проведение конструкторских работ в составе следующих статей:

– материальные затраты и услуги сторонних организаций и лиц, используемых при выполнении указанных работ;

– затраты на заработную плату и другие выплаты работникам, непосредственно занятым при выполнении указанных работ по трудовому договору;

– отчисления на социальные нужды;

– стоимость спецоборудования и специальной оснастки, предназначенных для использования в качестве объектов испытаний и исследований;

– амортизация объектов основных средств и нематериальных активов, используемых при выполнении указанных работ;

– затраты на содержание и эксплуатацию научно-исследовательского оборудования, установок и сооружений, других объектов основных средств и иного имущества;

– общехозяйственные расходы, в случае если они непосредственно связаны с выполнением данных работ;

– прочие расходы.

Наличие подобной номенклатуры статей позволяет вести учет конструкторских затрат и калькулировать производственную себестоимость создаваемого продукта посредством двух моделей – полной и сокращенной. Первая из них состоит из прямых и косвенных затрат, вторая может структурно реализовываться двумя вариантами:

1) на основе включения прямых расходов;

2) отнесением прямых расходов с частью косвенных (как правило, за вычетом общехозяйственных затрат, включаемых в затраты периода)[1].

Учет прямых затрат и калькулирование на их основе себестоимости продукции осуществляется методом Direct Costing [2–19], характерным исключительно для управленческого учета. К прямым затратам в рассматриваемой деятельности принято относить «материалы, … оплату труда… специалистов…; затраты по работам, выполняемым сторонними организациями и предприятиями, в т. ч. находящимися на самостоятельном балансе опытными (экспериментальными) предприятиями, и другие затраты, связанные с выполнением конкретных договоров (заказов)» [20].

Второй вариант модели сокращенной себестоимости, реализуемый методом Absorption Costing [2–19], предполагает процедуру распределения косвенных затрат на основе показателя, максимально влияющего на их накопление в отчетном периоде. В [21] в кратком изложении представлены основные подходы к решению проблемы выбора такого показателя, предполагающие:

– в условиях преобладания в производственной деятельности трудоемких процессов (ручного труда) в качестве базы распределения – прямые расходы на оплату труда;

– при доминировании материалоемких процессов – прямые материальные расходы;

– для тех производств, где показатели трудоемкости и материалоемкости паритетные, – общую сумму прямых расходов;

– при значительной доле накладных расходов в общем объеме затрат – выручку.

Себестоимость конструкторских работ списывается на разработанную и запущенную в производство продукцию линейным способом или пропорционально объему ее выпуска [1, 11, 21, 22]. Первый способ «предполагает равномерное списание расходов …по опытно-конструкторским …работам в течение установленного организацией срока»; второй «предусматривает, что расходы …определяются исходя из количественного показателя объема продукции (работ, услуг) в отчетном периоде и соотношения общей суммы расходов по конкретной …опытно-конструкторской … работе и всего предполагаемого объема продукции (работ услуг)» [21, с. 348]. «Срок списания расходов по научно-исследовательским, опытно-конструкторским и технологическим работам определяется организацией самостоятельно исходя из ожидаемого срока использования полученных результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, в течение которого организация может получать экономические выгоды (доход), но не более 5 лет» [1][2]. Необходимо подчеркнуть, что списание возможно, когда расходы задокументированы в установленном формате, продукт конструкторских работ можно продемонстрировать и (или) внедрить в производство, в противном случае эти издержки относятся на прочие расходы.

Целью исследования является структурирование качественного информационного поля управления затратами, производимыми на конструкторские работы машиностроительных предприятий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, в том числе

связанных с формированием оптимальной номенклатуры статей затрат; обоснованием адекватной учетно-калькуляционной модели их обработки и представлением получаемых результатов; институционализацией предлагаемых информационно-инструментальных средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий.

Теоретико-методологические подходы

В основе исследования, изложенного в данной статье, лежит системный подход к изучению приемов и способов отражения затрат на проведение конструкторских работ на ряде промышленных предприятий Нижегородской области; наблюдение динамики расходования средств, идентификация и описание их состояний, измерение количественных параметров, декомпозиция и классификация; анализ применения на практике разработанной автором методики формирования сведений о расходах. Проведенные исследования показали, что в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий имеет место отнесение к конструкторским расходам затрат, производимых на операции, связанные с изменением дизайна, эксплуатационных свойств изделий, с улучшением отдельных потребительских свойств. Данный подход противоречит п. 4 ПБУ 17/02 «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» [2] и должен быть исключен из учетно-калькуляционной практики. Структурирование номенклатуры статей конструкторских затрат на исследуемых предприятиях предполагает выделения из общехозяйственных расходов статей прямых трудовых затрат: «Заработная плата инженеров-конструкторов» и «Отчисления на социальные нужды». В ходе исследований выявлено, что на изучаемых хозяйствующих субъектах труд конструкторов не нормируется, что в значительной степени снижает качество его измерения и возможностей визуализации, приводит к ошибкам управления этим ресурсом. Введение строгого нормирования рабочего времени на разработку конструкторской документации, исходя из [23], позволит повысить результативность управления конструкторскими работами, детализировать их подотчетность и усилить контролируемость.

В формируемую номенклатуру расходов необходимо включить статьи прямых материальных расходов «Расходные материалы» и «Энергия на технологические нужды». Последняя статья должна отражать издержки процессов эксплуатации технологического оборудования, непосредственно задействованного в потоке создания ценности конструкторами, главным образом средств вычислительной техники (компьютеров в комплексе с плоттерами и принтерами); отопления и освещения помещений, непосредственно используемых для выполнения конструкторских работ. Статья «Расходные материалы» отражает стоимость материалов, предусмотренных регламентом эксплуатации технологического оборудования конструкторских работ.

Прямые затраты входят в пул основных (технологических) затрат потока создания ценности, наряду с частью косвенных затрат, в данном случае относящихся к статье «Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств». Эта комплексная статья включает стоимость сменных деталей и запасных частей к технологическому оборудованию; вспомогательных материалов, необходимых для ухода за оборудованием и содержания его в рабочем состоянии; планово-предупредительных и текущих видов ремонтов; спецоборудования и специальной оснастки, предназначенных для использования в конструкторских работах; оплаты труда с премиями и отчислениями на социальные нужды технического персонала (системных администраторов; специалистов, обеспечивающих программное сопровождение и т.п.); а также амортизацию технологического оборудования; помещений, где непосредственно реализуются конструкторские работы, нематериальных активов (прикладного программного обеспечения конструкторских работ, релевантных процессу баз данных) и т.п.

Другая часть косвенных затрат образует пул накладных (управленческих) затрат, куда в данном случае относятся статьи общехозяйственных и прочих накладных расходов. Первая должна включать затраты на содержание административно-управленческого персонала, ответственного за организацию и проведение конструкторских работ; амортизацию основных средств и нематериальных активов (за вычетом сумм амортизации, отнесенных на статью «Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств»); затраты на необходимые консультации со специалистами различного профиля по вопросам, связанным с конструированием; использование библиотечного фонда и специализированных баз данных; услуги связи; планово-предупредительные ремонты оборудования и техническое обслуживание, предусмотренное регламентом эксплуатации (за вычетом аналогичного вида расходов, предусмотренных статьей «Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств»); повышение квалификации

Таблица 1

Смета расходов отдела главного конструктора ООО «Х» на апрель 2020 г., тыс. руб.

№ п/п	Наименование статьи	Сумма
1	Основные затраты	
1.1	Заработная плата инженеров-конструкторов	420
1.2	Отчисления на социальные нужды	150
1.3	Расходные материалы	2.5
1.4	Затраты энергии на технологические нужды	4.5
1.5	Итого прямые затраты стр. 1.1+стр. 1.2+стр. 1.3+стр. 1.4	577
1.6	Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств	200
1.7	Итого основные затраты: стр. 1.5+стр. 1.6	777
2	Накладные затраты	
2.1	Общехозяйственные расходы	8.2
2.2	Прочие расходы	4.8
2.3	Итого накладные затраты : стр. 2.1+стр. 2.2	13
3	Итого производственная себестоимость стр. 1.7+стр. 2.3	790

Таблица 2

Калькуляция плановой себестоимости проектирования изделия М397654-1 на апрель 2020 г., тыс. руб.

№ п/п	Наименование статьи	Сумма
1.1	Заработная плата инженеров-конструкторов	92
1.2	Отчисления на социальные нужды	27.6
1.3	Расходные материалы	2.4
1.4	Затраты энергии на технологические нужды	1.5
5	Итого прямые затраты стр.1.1+стр.1.2+стр.1.3+стр.1.4	123.5
6	Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств	43.8
7	Итого основные затраты	167.3

конструкторов и вспомогательного персонала, имеющего отношение к проектной деятельности, и т.п.

На статью прочих накладных затрат целесообразно списывать расходы на материалы для хозяйственных нужд конструкторского подразделения; мелкий ремонт, охрану труда и технику безопасности; пожарную и иную сигнализацию; содержание помещений в чистоте, потери от непроизводительных затрат и т.п. В табл. 1 представлена смета расходов, сформированная на основе предложенной автором номенклатуры статей расходов, и порядок их калькуляционной обработки.

В строках 1.5 и 1.7 представлены результаты калькулирования двух вариантов сокращенной себестоимости конструкторских работ, в строке 3 – их производственная себестоимость. Строка 1.5 содержит результат учета прямых затрат и калькулирования на их основе себестоимости методом Direct Costing; строка 1.7 – себестоимость, рассчитанную путем отнесения на нее основных расходов методом Absorption Costing. По мнению автора, накладные расходы целесообразно относить на финансовый результат обычной деятельности предприятия; статью «Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств» – распределять между себестоимостью выполняемых *i*-работ по формуле (1):

$$P_i = \frac{C}{П} П_i, \qquad (1)$$

где С – общая сумма распределяемых затрат; П – сметный показатель базы распределения косвенных затрат; $П_i$ – показатель базы распределения *i*-работы.

В таблице 2 представлена калькуляция плановой себестоимости конструкторских работ по проектированию изделия М397654-1 ООО «Х», утвержденной в апреле 2020 г.

Значение статьи «Содержание и эксплуатация оборудования и других объектов основных средств» рассчитано как отношение стр.1.6 к строке 1.1 Сметы расходов отдела главного конструктора, умноженное на значение статьи 1 Калькуляции плановой себестоимости проектирования изделия М397654-1. Списание рассчитанной себестоимости, по мнению автора, необходимо провести, исходя из запланированных объемов производства в течение 3-го квартала 2020 г. по формуле (2):

$$СВт = \frac{С}{О} От, \qquad (2)$$

где СВт – списание себестоимости конструкторских работ в период Т; С – себестоимость конструкторских работ; О – объем производства, на который планируется списание; От – объем производства в период Т.

Таблица 3

План списания себестоимости проектирования изделия М397654-1 в 3-м квартале 2020 г.

№ п/п	Месяц	Объем производства (шт.)	Сумма (тыс. руб.)
1	Июль	50	42
2	Август	70	58.9
3	Сентябрь	79	66.4
Итого		199	167.3

Таблица 4

Номенклатура статей затрат на конструкторские работы (фрагмент)

№ п/п	Статья затрат	Содержание
1	Расходные материалы	Картриджи для принтеров, МФУ, плоттеров и факсимильной аппаратуры; чернила для плоттеров; тонеры и драм-картриджи для лазерных принтеров, плоттеров, МФУ; узел переноса изображения; PLA-пластик для 3D-принтера; фотополимеры для 3D-печати
2	Энергия на технологические нужды	Затраты на электроэнергию, расходуемую на формирование конструкторской документации и опытных образцов изделий

В таблице 3 представлен план списания себестоимости проектирования изделия М397654-1 в 3-м квартале 2020 года.

Действенным инструментом обеспечения планомерности конструкторских работ является создание резерва предстоящих расходов на их осуществление. Решение, принятое руководством, о формировании такого резерва должно отражаться в учетной политике для целей налогообложения и в соответствующих локальных актах. Согласно [24], сумма отчислений в резерв не должна превышать лимит Л, рассчитываемый по формуле:

$$Л = 0.03В - Р, \quad (3),$$

где В – выручка от продаж; Р – расходы на формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности[3].

Необходимо отметить, что все остальные инструменты учетно-калькуляционного пространства конструкторских работ должны быть отражены в учетной политике для целей бухгалтерского учета предприятия, в положениях и инструкциях по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг), а также по ведению управленческого учета. Планово-учетная нормативная документация служит методической основой для структурирования электронного информационного фонда, а также для разработки нового и (или) внесения коррективов в действующее программное обеспечение. Одним из важных элементов данной системы является нормативно-справочная информация, в которую в том числе входит разработанный автором электронный справочник, где отражается номенклатура и состав расходования ресурсов (табл. 4).

По мнению автора, автоматизация учетно-калькуляционного пространства конструкторских работ должна быть предметно ориентирована на ситуационно-адаптированное формирование информационной базы принятия управленческих решений по гибкому регулированию производимых затрат; генерирование оперативных, бухгалтерских и статистических отчетов, релевантных по форме и содержанию запросам менеджмента; проведение комплексного экономического анализа и составление текущих и перспективных прогнозов. Цифровая трансформация учета и калькулирования конструкторских затрат невозможна без внедрения средств интеллектуализации данной предметной области, прежде всего класса Business Intelligence, позволяющих качественно интерпретировать значительные по объему и сложности данные, обеспечить построение интегрированного информационного поля эффективного менеджмента предприятия.

Заключение

Проведенные исследования на ряде машиностроительных предприятий Нижегородской области позволили выявить определенные проблемы в стратегии снижения расходов, в том числе связанных с проведением конструкторских работ. Непропорционально большие, экономически не обоснованные объемы сокращения затрат исследуемого класса пагубно сказываются на перспективах технологического развития хозяйствующих субъектов, приводят в долгосрочном периоде к заметному снижению конкурентоспособности и, следовательно, к сокращению экономических выгод. Среди многих

причин такого положения дел имеет место низкий уровень осведомленности лиц, ответственных за принятие решений по регулированию издержек, о текущем и перспективном состоянии затрат на конструирование продукции. В свою очередь, это вызвано существенной «зашумленностью» информационного пространства; недостаточным уровнем планирования, учета и калькулирования данного вида затрат; отсутствием должной детализации представления в учетных регистрах расходуемых средств.

Формирование качественной информационной базы принятия решений по управлению затратами предполагает решительный отказ от применяемых приемов и способов калькулирования себестоимости и структуризации информационной базы принятия решений по регулированию расходования ресурсов на проведение комплекса конструкторских работ. Предложенные автором номенклатура статей конструкторских затрат, обоснование точечно ориентированной учетно-калькуляционной модели их обработки, обновление форм представления смет и калькуляций; цифровая трансформация планово-учетной функции управления, определение способов институционализации предлагаемых средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий позволяют вывести процесс разработки стратегии управления конструкторскими расходами на качественно новый уровень, значительно снизить риски несбалансированных решений.

Примечания

1. Полная себестоимость традиционно включает производственные и коммерческие расходы, при этом в качестве сокращенной себестоимости может рассматриваться производственная себестоимость, представленная в [1].

2. При этом указанный срок полезного использования не может превышать срока деятельности организации.

3. Необходимо отметить, что исследуемые предприятия не участвуют в фондах поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, что, по мнению автора, в определенной степени снижает эффективность конструкторской деятельности.

Список литературы

1. Приказ Минфина России от 19.11.2002 № 115н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет расходов на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы» ПБУ 17/02» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.12.2002 № 4022). URL: https://base.garant.ru/12129182/ (дата обращения: 01.06.2020).

2. Бехтерева Е.В. Себестоимость: рациональный и эффективный учёт расходов. 5-е изд., перераб. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. 148 с.

3. Жарикова Л.А. Управленческий учет: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. 136 с.

4. Осипов В.И., Горина А.А. Характеристика и направления развития систем управленческого учета // Вестник Университета. 2019. № 5. С. 40–47.

5. Горлова Е.И. Инструменты управления затратами в системе управления предприятием // ЭКОНОМИНФО. 2012. № 17. С. 30–34.

6. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд. М.: Изд-во «Магистр: Инфра-М», 2016. 144 с.

7. Мизиковский Е.А., Мизиковский И.Е. Бухгалтерский учет и анализ бизнес-процессов: Учебное пособие. М.: Изд-во «Магистр», 2020. 216 с.

8. Воронова Е.Ю. Взаимосвязь управленческого и финансового учета // Аудиторские ведомости. 2009. № 11. С. 80–88.

9. Камышанов П.И., Камышанов А.П. Финансовый и управленческий учет и анализ: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2017. 592 с.

10. Зыкова Т.Б. Учет расходов на осуществление инновационной деятельности // Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики. 2019. № 22. С. 78–88.

11. Мизиковский И.Е., Антонец В.А., Нечаева Н.В., Абубакирова К.Н. Основы бухгалтерского учета в научно-технической сфере. Н. Новгород, Электронный управляемый курс на сайте электронного обучения ННГУ. Идентификационный номер в электронном каталоге Фонда образовательных ресурсов ННГУ 833Е.14.20. 2014 г.

12. Белобородова В.А Калькуляция себестоимости продукции в промышленности: Учеб. пособие для вузов по спец. «Бухгалтерский учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности» / Под ред. В.А. Белобородова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статитика, 1989. 279 с.

13. Титова Е.А. Сущность и содержание статей затрат // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 5-4. С. 135–140.

14. Пивкин С.А. Косвенные расходы: учет, распределение, прогноз. Saarbruken – Lap Lambert Academic Publishing OmniScprintum GmbH&Co.KG, 2014. 244 с.

15. Баженов А.А., Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет в унитарных предприятиях: Учебное пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. 114 с.

16. Кондраков Н.П., Кондраков И.Н. Бухгалтерский учет в схемах и таблицах. М.: Проспект, 2016. 280 с.

17. Кондраков Н.П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий) учет: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 496 с.

18. Сорокина В.В., Шапарина С.В. Учет затрат и калькулирование себестоимости продукции в соответствии с РСБУ и МСФО на примере ОАО «АвтоВАЗ» // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 19. С. 134–146.

19. Харченко О.Н., Самусенко С.А. Методологические аспекты учета затрат и калькулирования себестоимости продукции при переходе на МСФО // Международный бухгалтерский учет. 2007. № 3 [99]. С. 24–31.

20. Типовые методические рекомендации по планированию, учету и калькулированию себестоимости

научно-технической продукции (утв. Миннауки РФ 15.06.1994 № ОР-22-2-46). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4855/5766cdbf844aae235038414e6b45db18ae79849a// (дата обращения: 01.06.2020).

21. Касьянова Г.Ю. Себестоимость продукции, работ, услуг: бухгалтерская и налоговая. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АБАК, 2018. 424 с.

22. Исправников С.А., Касьянова Г.Ю. НИОКР: правовое регулирование, бухгалтерский и налоговый учет / Под ред. Г.Ю. Касьяновой. М.: ИД «Аргумент», 2008. 200 с.

23. Межотраслевые укрупненные нормативы времени на разработку конструкторской документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/902124631 (дата обращения: 14.06.2021).

24. Практический комментарий основных изменений налогового законодательства. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123554/6c7f669bb7328c111bcf43e34920e347561daa4e/.

STRUCTURING THE ACCOUNTING AND CALCULATION SPACE FOR THE DESIGN WORK OF MACHINE-BUILDING ENTERPRISES

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The increase in crisis phenomena, primarily caused by the coronovirus pandemic, is particularly noticeable in machine-building enterprises. This circumstance catalyzed the implementation of active measures to reduce the resources spent, primarily, not directly related to the production process. The pool of such resources includes design costs directly related to the prospect of long-term competitive advantages of economic entities. Making decisions about their reduction should be based on a highly verified information base, the formation of which should be carried out by effective methods and methods of planning, cost accounting and their calculation. The purpose of the research is to structure a qualitative information field for managing costs incurred for design work of machine-building enterprises. Achieving this goal involves solving a number of tasks, including those related to the formation of an optimal range of cost items; substantiation of an adequate accounting and calculation model for their processing and presentation of the results obtained; institutionalization of the proposed information tools in the accounting practices of the studied enterprises. The research is based on methods related to the application of a systematic approach to techniques and methods for reflecting the costs of design work at a number of industrial enterprises in the Nizhny Novgorod region. These methods involve the observation of the dynamics of spending, their identification, measurement, description, decomposition, classification and analysis. The author's proposed nomenclature of articles of design costs; support point-oriented cost center model of processing; updating forms for the submission of estimates; digital transformation planning and accounting management functions; identify ways to institutionalize the proposed funds in the accounting practices of the studied companies. The introduction of this information and tool set of cost control will allow you to bring the process of developing a strategy for managing design costs to a qualitatively new level, and significantly reduce the risks of unbalanced solutions.

Keywords: cost accounting and calculation, cost of design work, Direct Costing, Absorption Costing, cost estimates, expenses, resource savings, machine-building enterprise.

УДК 332.1:004.8
DOI 10.52452/18115942_2021_4_23

ТИПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА БАЗЕ НЕЙРОСЕТЕВОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

© 2021 г.

Ю.В. Трифонов, А.Л. Сочков, Е.А. Миронов

Трифонов Юрий Васильевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой информационных технологий и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
itime@iee.unn.ru
Сочков Андрей Львович, к.т.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
an.so2009@yandex.ru
Миронов Евгений Александрович, студент магистратуры Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
miron.52reg@icloud.com

Статья поступила в редакцию 09.09.2021
Статья принята к публикации 20.10.2021

Целью статьи является оценка уровня развития человека в российских регионах с использованием технологий искусственного интеллекта. Объектом исследования в данной работе выступают регионы РФ, а его предметом – уровень развития человеческого капитала как основного фактора формирования экономики знаний на изучаемых территориях. В качестве метода исследования использована методика нейросетевого кластерного анализа на базе самоорганизующихся карт Кохонена, отличающаяся от известных тем, что осуществлялась в три этапа, в ходе которых выявлялись стабильные кластеры. Вычислительные эксперименты проводились с использованием программы Deductor. На основе официальных статистических данных за 2019 год, структурированных на базе системы из пяти показателей, получена типология регионов РФ с точки зрения развития человеческого капитала, которая включает три типа изучаемых объектов. Анализ их количественных характеристик позволил выявить факторы, влияющие на улучшение демографической ситуации в регионах. Так, уровень рождаемости в значительной степени определяется менталитетом и образом жизни населения, а продолжительность жизни – ещё и экологической обстановкой в регионе, поэтому этим факторам должно уделяться повышенное внимание со стороны органов власти разных уровней. В качестве инструментария коррекции менталитета населения целесообразно использовать социальную рекламу. Результаты исследования могут быть использованы учеными и специалистами, изучающими человеческий капитал как фактор экономики знаний, а также представителями органов власти, занимающимися разработкой стратегических документов и государственных программ развития человека.

Ключевые слова: регионы России, типология регионов, человеческий капитал, демография, кластерный анализ, нейронные сети.

Введение

Переход человечества к информационному обществу неразрывно связан с трансформацией экономики, основными факторами производства которой выступают земля, труд и капитал, в экономику, основанную на знаниях и инновациях. Самой конкурентоспособной экономикой будет та, в которой генерируется наибольший объём информации и знаний, а их перераспределение между людьми и организациями осуществляется максимально быстро и просто. Построение экономики такого типа чрезвычайно важно для России и всех её субъектов.

Создание высокотехнологичных инноваций невозможно без участия человека, поэтому на процесс формирования экономики знаний в значительной мере влияет процесс развития человеческого капитала и повышения качества жизни. Удовлетворённость жителей в этом смысле оказывает прямое влияние на экономику такого типа. Территории, обладающие высокими показателями качества жизни, сдерживают эмиграцию высококвалифицированных кадров, более того, формируют иммиграционные потоки высокообучаемого персонала.

Вопросам изучения человеческого капитала во всём мире посвящены ежегодные отчёты ООН [1–3], которые формируют рейтинги стран по индексу человеческого развития (ИЧР) и отмечают важность этой проблемы для любой страны и её регионов. В статье [4] исследована динамика уровня развития человека в РФ в целом по отношению к другим странам на основе

анализа данных ООН по ИЧР за 2014–2018 гг. Были учтены три составляющие развития человека: уровень жизни населения, продолжительность жизни и уровень образования. В работах [5, 6] исследована проблема измерения и оценки человеческого капитала природно-ресурсного макрорегиона Енисейская Сибирь.

Актуальность изучаемых вопросов закреплена и в приоритетах развития человеческого капитала в РФ, среди которых отмечается повышение рождаемости и увеличение продолжительности жизни, увеличение уровня доходов населения и т.д. [7]. Однако на этом пути встречается ряд проблем, которые можно укрупнённо разделить на несколько групп. Первая группа – проблемы, связанные с уровнем благосостояния населения. Наличие значительной доли жителей с низкими доходами и неравенство доходов ведут к формированию высокой стратификации общества, отсутствию возможности должного обеспечения жилой площадью, коммунальными и социальными услугами всего населения. Вторая – миграционные проблемы: молодые и квалифицированные кадры мигрируют из муниципальных районов в региональные центры, а из них в мегаполисы и за рубеж. Третья – демографические проблемы: наблюдаемое сокращение численности населения в трудоспособном возрасте вследствие относительно невысокого уровня средней продолжительности жизни формирует высокую демографическую нагрузку.

Решение описанных проблем важно для страны в целом и особо важно для регионов, в которых отсутствуют богатая природно-ресурсная база, рекреационные туристические зоны и для которых не существует альтернативы развития высокотехнологичной инновационной экономики. Для таких регионов проблемы развития человеческого капитала становятся первоочередными. Большинство региональных властей осознают это и в своих стратегиях социально-экономического развития (далее по тексту – Стратегии) выводят на первый план блок развития человека [7, 8], приоритеты которого можно обобщить следующим образом: увеличение доходов основной части населения региона, повышение ее обеспеченности жильём, усиление вовлеченности в здоровый образ жизни (ЗОЖ), улучшение демографической ситуации.

Деятельность по этим направлениям планируется контролировать по набору ключевых показателей, позволяющих оценить уровень развития рассматриваемых сфер. Так, в Стратегии Нижегородской области для оценки блока «Развитие человека» используются 6 показателей. В аналогичных документах Свердловской [8] и Самарской областей [9] контролируются 5 и 8 показателей соответственно. В стратегии Ставропольского края [10] используются 27 показателей, размещённых по разным блокам документа. Как можно видеть, каждый регион использует свою систему показателей, отличающуюся от других, однако если обобщить все рассмотренные подходы, то можно сформировать набор из пяти показателей, позволяющий оценить уровень развития человеческого капитала в каждом регионе РФ. В этот набор вошли:

– медианный среднедушевой доход (рублей в месяц, входная переменная x_{j4});

– общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (в м^2, входная переменная x_{j5});

– индекс доступности спортивных сооружений (безразмерная величина, входная переменная x_{j3});

– суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину, входная переменная x_{j1});

– ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет, входная переменная x_{j2}).

Приведённая система показателей позволяет количественно оценить все факторы, влияющие на развитие человеческого капитала региона. Демографическая сфера описывается двумя показателями из пяти, благосостояние человека – одним показателем, возможность вести ЗОЖ – одним показателем, и ещё один показатель характеризует обеспеченность населения жилплощадью. Система показателей использует общедоступные данные сайта ФСГС (https://rosstat.gov.ru/), статистика по которым представлена для всех 85 регионов РФ.

При оценке деятельности территорий по нескольким показателям приходится решать задачу ранжирования многомерных объектов, описываемых набором координат, причём по одному показателю может присутствовать одна тенденция, а по другому – совершенно противоположная. Чаще всего для этих целей используются различные рейтинги, когда вся система показателей сводится к некоторой интегральной оценке, по которой происходит ранжирование рассматриваемых территорий.

Для изучения уровня развития человека в разных странах во всемирном масштабе ООН регулярно составляет рейтинг ИЧР. Каждая страна характеризуется четырьмя показателями, на базе которых определяются безразмерные индексы дохода, образования и долголетия. Интегральный индекс человеческого развития страны определяется как среднее геометрическое всех трёх индексов. Их значения лежат в

диапазоне от 0 до 1. В результате получается список стран, проранжированных в зависимости от значения ИЧР [11, 12].

Для анализа качества жизни в регионах РФ ежегодно составляются рейтинги агентства «РИА Рейтинг» [13]. На первом этапе формирования рейтинга проводится нормирование значений отдельных показателей, характеризующих регионы. На втором этапе определяется рейтинговый балл территории по группе однотипных показателей, и на третьем этапе – итоговый рейтинговый балл. В результате получается список регионов, проранжированных в зависимости от значений интегрального балла, который изменяется в диапазоне от 1 до 100, причём чем выше это значение, тем выше рейтинг региона. Кроме описанных методик используются и ряд других [6, 14,15].

Интегральные оценки, получаемые по рассмотренным методикам, зачастую формируются без учёта весов первичных показателей. Это происходит, прежде всего, потому, что весьма проблематично оценить эти веса количественно, поскольку трудно определить степень влияния каждого показателя на итоговую оценку, что отмечает ряд исследователей [15]. Кроме того, в качестве результата ранжирования территорий чаще всего получаются линейные списки, которые располагают регионы в порядке возрастания или убывания интегрального рейтинга. Такое представление результата затрудняет формирование типологии объектов, то есть выделение групп объектов со сходными характеристиками, в отношении которых было бы возможно формирование и проведение в жизнь единых (однотипных) и эффективных политик управления. Отмеченные проблемы позволяет решить новый подход кластеризации многомерных объектов на основе технологий искусственного интеллекта, в частности искусственных нейронных сетей (ИНС), позволяющий автоматически учитывать веса исходных показателей и формировать кластеры однотипных объектов [16].

Объектами исследования в данной работе выступают регионы РФ, а его предметом – уровень развития человека на изучаемых территориях. Целью настоящей статьи является оценка уровня развития человека в регионах РФ с использованием ИНС. Для достижения поставленной цели в ходе исследования были решены следующие задачи:

– проведён обзор систем показателей для оценки уровня развития человека в регионах, на основе которого разработана адекватная система таких характеристик;

– проанализированы различные методики такой оценки и обоснована наиболее адекватная из них;

– осуществлена адаптация методологии нейросетевого кластерного анализа под выбранную систему показателей;

– проведена оценка уровня развития человека в регионах с учётом данных 2019 года;

– выявлены основные типологии регионов и их основные отличия;

– приведены рекомендации по разработке типовых политик управления группами регионов.

Методология

Для выявления типологий регионов РФ с точки зрения развития человеческого капитала в данной работе использовалась методика нейросетевого кластерного анализа. Данный подход базируется на технологиях искусственного интеллекта, активное применение которых стимулируется национальной стратегией развития искусственного интеллекта РФ [17], и используется для изучения деятельности различных территорий (регионов, стран) в ряде работ [18–23].

В работе [18] исследовалась деятельность регионов РФ в сфере высшего образования за период 2010–2015 гг. Каждый из них характеризовался вектором из 6 специальных показателей. Для каждого года изучаемого периода решалась задача кластеризации исходного массива векторов, в результате чего были получены 4 разнотипные группы регионов. Проведённый анализ позволил выявить территории с большим потенциалом совершенствования системы образования и регионы, которым необходимо существенное повышение эффективности их деятельности в рассматриваемой сфере.

В работе [19] анализировалась эффективность системы здравоохранения регионов РФ на основе данных 2017 года. В результате решения задачи кластеризации 82 субъектов РФ, каждый из которых описывался вектором из 4 показателей, было сформировано 3 группы регионов. В группу лидеров вошло всего лишь 4 субъекта РФ, а остальные 78 распределились на две группы (середняки и аутсайдеры), что подчёркивает существующий разрыв в уровне развития разных территорий страны.

В работе [20] изучались уровень благополучия и качество жизни в итальянских провинциях на основе статистических данных за 2005–2011 годы. Все 20 итальянских регионов, каждый из которых описывался 12 показателями, были подвергнуты процедуре кластеризации, в результате которой было получено 6 разнотипных групп, отличающихся уровнем благополучия и качества жизни. В результате исследования было выявлено существенное различие в развитии северных и южных провинций страны.

В работе [21] исследован уровень риска стихийных бедствий в регионах КНР на основе статистических данных, полученных в 2016–2017 годах. В результате решения задачи кластеризации 31 региона Китая, каждый из которых описывался вектором из 28 показателей, были сформированы 5 групп провинций с различным уровнем риска. Такая типология регионов страны позволяет властям разрабатывать общие рекомендации по предотвращению стихийных бедствий и минимизации их последствий для каждой выявленной группы однотипных территорий.

В работе [22] исследована деятельность субъектов РФ по развитию физкультуры и спорта в 2013–2017 годах. В результате кластеризации 85 регионов, каждый из которых описывался вектором из 6 соответствующих показателей, были выявлены 5 разнотипных групп, что говорит о неравномерности развития спортивной инфраструктуры в стране. Полученные результаты важны для стратегического планирования деятельности в сфере физкультуры и спорта.

В данном исследовании ставится задача определения типологии регионов РФ с точки зрения развития человеческого капитала. Для количественного анализа системы показателей $(x_{j1},x_{j2},x_{j3},x_{j4},x_{j5})$, сформированной выше, использованы последние официальные статистические данные за 2019 год, опубликованные на сайте ФСГС России (www.gks.ru/bgd/regl/b20_14p) в феврале 2021 года. Значения показателей $x_{j1},x_{j2},x_{j4},x_{j5}$ взяты непосредственно из сборника «Регионы России», а значение индекса доступности спортивных сооружений x_{j3} вычислялось по следующей формуле:

$$x_{j3} = (W_j^{Б} N_j^{Б} + W_j^{З} N_j^{З} + W_j^{П} N_j^{П}) / N_j^{Н}, \qquad (1)$$

где $N_j^{Н}$ – численность населения *j*-го региона; $N_j^{Б}$ – число плавательных бассейнов в *j*-м регионе; $N_j^{З}$ – число спортивных залов в *j*-м регионе; $N_j^{П}$ – число плоскостных спортивных сооружений (площадки, поля) в *j*-м регионе; $W_j^{Б}, W_j^{З}, W_j^{П}$ – весовые коэффициенты для соответствующих типов спортивных сооружений *j*-го региона, численные значения которых равны 1.0, 0.5, 0.1, соответственно.

Выявление групп однотипных объектов происходило в результате решения задачи кластеризации всего списка регионов России, представленных наборами характеристик, отражающих уровень развития человеческого капитала территории. Формально задача кластеризации описывается следующим образом [24]. Дано множество регионов РФ $R = \{r_1, r_2, ..., r_j, ..., r_n\}$, $n = 85$, каждый из которых описывается вектором из пяти показателей

$$x_j = \{x_{j1}, x_{j2}, x_{j3}, x_{j4}, x_{j5}\}, \ j = 1, 2, ..., n.$$

Требуется построить множество кластеров C и отображение F множества R на множество C, то есть $F : R \to C$. Задача кластеризации состоит в построении множества

$$C = \{c_1, ..., c_k, ..., c_m\}, \ m = 3, 4, 5;$$

c_k – кластер, содержащий однотипные регионы из множества R:

$$c_k = \{r_i, r_j \mid r_i \in R, r_j \in R \text{ и } d(r_i, r_j) < \sigma\},$$

где σ – критерий близости регионов РФ для включения их в один кластер, $d(r_i, r_j)$ – мера близости между регионами, называемая «расстоянием».

Если «расстояние» между регионами меньше критерия σ, то они считаются «близкими» и помещаются в один кластер. В противном случае считается, что регионы «отличны» друг от друга, и их помещают в разные кластеры.

Использование самоорганизующихся карт (СОК) Кохонена позволяет решать поставленную задачу в автоматическом режиме в процессе их самоорганизации. Карты Кохонена относятся к специальному типу ИНС, реализующему технологии Data Mining, который позволяет находить закономерности в больших массивах данных [25, 26]. В ходе синтеза такой нейронной сети происходит трансформация входного набора данных в двумерную топологическую карту, на которой исследуемые объекты группируются в кластеры и визуализируются разными цветами. Результат данного процесса в значительной степени зависит от его начальных условий, поэтому для получения оптимального разбиения массива кластеризуемых объектов обычно синтезируется ансамбль сетей [27] и по определённому критерию выбирается лучшая карта.

Для моделирования СОК Кохонена часто используется аналитический пакет Deductor [19, 22, 23, 28]. Эта программа позволяет варьировать большое количество параметров процесса самоорганизации карты в ходе синтеза ансамбля сетей и определять средние и максимальные ошибки квантования, используемые для вычисления значения критерия качества кластеризации. В данной работе использовалась версия Deductor Academic 5.3.

Для решения задач, поставленных в данном исследовании, нейросетевой кластерный анализ проводился в три этапа.

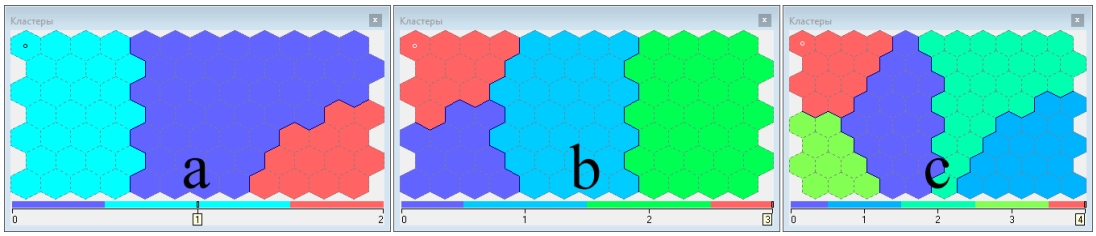

Рис. 1. Топологические карты разбиений данных 2019 г. на 3 (карта **a**), 4 (карта **b**) и 5 (карта **c**) кластеров (источник: получено авторами в результате вычислительного эксперимента)

На первом этапе весь массив регионов разбивался на 3 кластера. Выбор оптимального разбиения осуществлялся из 13 синтезированных карт по критерию минимума суммы средних и максимальных ошибок квантования по кластерам. В ходе этого процесса варьировались следующие параметры:

– Размеры топологической карты (12×7 и 11×8);

– количество эпох (500 и 1000);

– радиус обучения в конце процесса самоорганизации карты (0.1, 1.2, 2.0);

– скорость обучения в конце процесса (0.005, 0.08, 0.14).

Другие параметры синтеза нейронных сетей выбирались фиксированно и не варьировались:

– скорость и радиус обучения в начале процесса самоорганизации карты (по умолчанию в используемой программе);

– функция соседства (гауссова);

– способ начальной инициализации карты (из собственных векторов);

– условие распознавания примера (ошибка<0.05).

На втором этапе весь массив регионов разбивался на 4 кластера. Выбор оптимальной карты осуществлялся из 13 вариантов, полученных при варьировании тех же параметров, по аналогичному критерию. Анализировался состав полученных групп для определения стабильных кластеров, позволяющих выявить определённый тип регионов, то есть кластеров, которые сохранили свой состав с первого этапа анализа. Для определения компактности кластеров вычислялось стандартное отклонение по каждому показателю регионов для каждой группы в отдельности.

На третьем этапе весь массив объектов разбивался на 5 групп по схеме, аналогичной первому и второму этапу. Определялись стабильные кластеры, содержательный анализ которых позволил выявить различные типы регионов РФ с точки зрения развития человеческого капитала.

Результаты

В ходе первого этапа нейросетевого кластерного анализа было получено разбиение всех регионов РФ на три кластера. Топологическая карта лучшего варианта приведена на рис. 1 (карта **a**).

В первый кластер попали 12 регионов, во второй и третий – 27 и 46 регионов соответственно. Количественные характеристики кластеров, средние и максимальные значения показателей по РФ приведены в таблице 1. Были определены средние значения каждой характеристики по регионам, входящим в соответствующий кластер, а также их стандартные отклонения. Средние значения показателей по РФ были рассчитаны как средние арифметические значения соответствующих показателей всех 85 регионов. Максимальные значения показателей по РФ брались по значениям лучших регионов.

На базе средних значений показателей, приведённых в таблице 1, были построены диаграммы, визуализирующие каждый кластер и изображённые на рис. 2. При этом все значения, использованные для построения диаграмм, были нормированы, то есть отнесены к соответствующим максимальным значениям показателей по РФ. Это сделано для того, чтобы была возможность изобразить все диаграммы на одном рисунке, сравнить их между собой и со средними значениями по РФ.

В ходе второго этапа было проведено разбиение регионов на 4 группы. Топологическая карта лучшего разбиения приведена на рис. 1 (карта **b**).В первый кластер вошли 11 регионов, во второй – 10, в третий и четвёртый – 26 и 38 регионов соответственно. Количественные характеристики полученных кластеров приведены в таблице 2.

На базе таблицы 2 были сформированы диаграммы кластеров, которые приведены на рис. 3.

Кластер 1, полученный на втором этапе, практически совпадает по всем значениям числовых характеристик с аналогичным кластером, сформированным в ходе первого этапа, что говорит о его стабильности. Исходя из этого, весьма вероятно, что этот кластер будет сформирован и на третьем этапе. Если это подтвердится, то можно вести речь о группе однотипных регионов со схожими показателями, в отношении которых можно разрабатывать единые рекомендации по развитию человеческого капитала.

Таблица 1

Количественные характеристики кластеров при разбиении на 3 группы

Номер кластера	Мощность кластера	Характеристики кластера	x_{j1}	x_{j2}	x_{j3}	x_{j4}	x_{j5}
1	12	Среднее значение	1.70	72.17	0.50	41221.52	24.31
		Стандартное отклонение	0.22	2.80	0.17	10418.30	2.88
2	27	Среднее значение	1.67	72.57	0.40	18112.44	22.91
		Стандартное отклонение	0.34	3.54	0.09	3189.85	3.12
3	46	Среднее значение	1.41	72.89	0.45	20861.14	29.15
		Стандартное отклонение	0.13	1.16	0.10	3614.14	2.04
Среднее значение показателя по РФ			1.53	72.68	0.44	22862.43	26.48
Максимальное значение показателя по РФ			2.72	83.40	0.89	56918.90	33.50

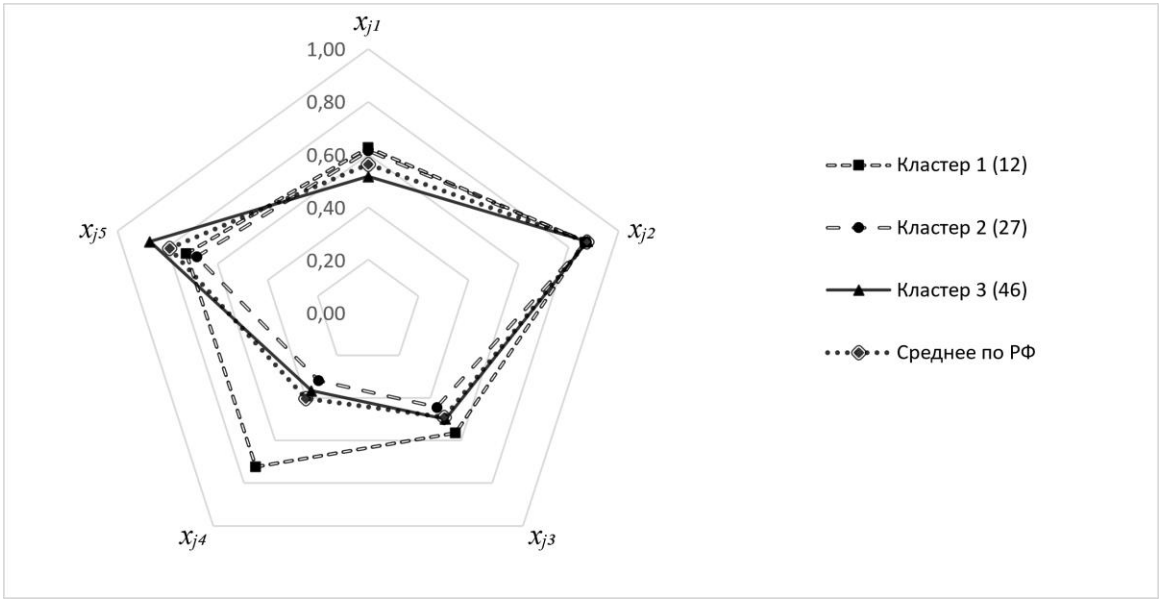

Рис. 2. Диаграммы кластеров при разбиении на 3 группы (источник: получено авторами на базе таблицы 1)

На третьем этапе было проведено разбиение на пять кластеров. Топологическая карта лучшего варианта приведена на рис. 1 (карта **c**). В кластеры 1 и 2 стабильно вошли 11 и 10 регионов соответственно, а во вновь сформированные кластеры 3, 4 и 5 – 15, 24 и 25 регионов соответственно. Их количественные характеристики приведены в таблице 3.

На базе таблицы 3 были сформированы диаграммы кластеров, представленные на рис. 4.

Третий этап подтвердил предположение о том, что кластер 1 является стабильным и сохраняет свой состав на протяжении всего анализа. В него постоянно попадают Камчатский и Хабаровский край, Магаданская, Мурманская и Сахалинская область, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), которые являются прежде всего ресурсодобывающими регионами, и г. Москва. Главной особенностью этого кластера являются высокие доходы на душу населения. Среднее значение этого показателя x_{j4cp} составляет 1.86 среднероссийского значения, что значительно превышает аналогичные характеристики других кластеров. Средние значения остальных четырёх показателей рассматриваемого кластера находятся на среднероссийском уровне и составляют $x_{j1cp} = 1.12$; $x_{j2cp} = 0.99$; $x_{j3cp} = 1.16$; $x_{j5cp} = 0.91$. Эти цифры практически соответствуют уровню средних показателей других кластеров, что видно на рис. 2, 3 и 4.

Кроме кластера 1 к стабильным можно отнести и кластер 2, который сформировался на втором этапе анализа и сохранил свой состав на третьем этапе. В него вошли 10 регионов: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики, Астраханская область, а также республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Коми и Тыва. Большинство из них расположено в горных местностях, населению которых присущ особый национальный менталитет. Количество промышленных предприятий на данных территориях невелико, что также способствует сохранению хороших экологических условий проживания. Отличительными особенностями этого кластера являются высокая рождаемость и продолжительность жизни населения, средние значения которых со-

Таблица 2

Количественные характеристики кластеров при разбиении на 4 группы

Номер кластера	Мощность кластера	Характеристики кластера	x_{j1}	x_{j2}	x_{j3}	x_{j4}	x_{j5}
1	11	Среднее значение	1.71	72.20	0.51	42532.89	24.10
		Стандартное отклонение	0.23	2.93	0.17	9833.37	2.92
2	10	Среднее значение	1.92	74.63	0.34	15966.88	19.85
		Стандартное отклонение	0.43	4.62	0.08	2419.98	3.05
3	26	Среднее значение	1.52	71.83	0.44	19673.17	25.40
		Стандартное отклонение	0.12	1.80	0.07	3156.38	1.41
4	38	Среднее значение	1.39	72.90	0.45	21165.10	29.66
		Стандартное отклонение	0.14	1.25	0.10	3712.84	1.85
Среднее значение показателя по РФ			1.53	72.68	0.44	22862.43	26.48
Максимальное значение показателя по РФ			2.72	83.40	0.89	56918.90	33.50

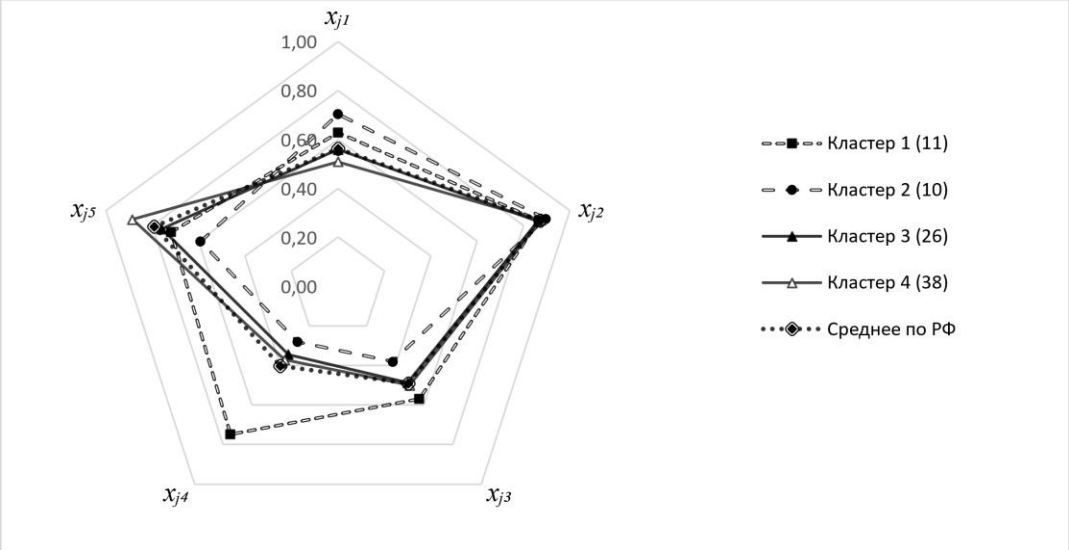

Рис. 3. Диаграммы кластеров при разбиении на 4 группы (источник: получено авторами на базе таблицы 2)

ставляют $x_{j1cp} = 1.25$ и $x_{j2cp} = 1.03$ по отношению к среднероссийским показателям и являются наиболее высокими из всех рассматриваемых кластеров. При этом значения остальных трёх показателей по отношению к среднероссийским $X_{j3cp} = 0.77$; $x_{j4cp} = 0.70$ и $x_{j5cp} = 0.75$ являются наименьшими из всех.

Других стабильных кластеров в ходе анализа не сформировалось. На втором этапе все остальные регионы РФ, не попавшие в стабильные формирования, распределились на два кластера, а на третьем этапе – на три. Средние значения показателей всех полученных кластеров близки к среднероссийским, что позволяет отнести все эти регионы к одному типу, однако разбиение, проведённое на третьем этапе, позволяет провести более детальную дифференциацию этих территорий и получить три подтипа регионов, каждый из которых характеризуется своей спецификой.

К первому подтипу можно отнести 15 регионов, которые попали в кластер 3: Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Пермский, Приморский и Ставропольский край, Амурская, Иркутская, Кемеровская, Омская и Свердловская области, Удмуртская Республика, Еврейская автономная область, а также республики Калмыкия и Хакасия. Большинство из них являются приграничными территориями, что, вероятно, и обусловливает их общую специфику. Значения трёх показателей этого кластера практически совпадают со среднероссийскими: $x_{j1cp} = 1.01$; $x_{j2cp} = 0.98$ и $x_{j3cp} = 0.98$. Остальные два показателя имеют значения чуть ниже среднероссийских: $x_{j4cp} = 0.87$ и $x_{j5cp} = 0.93$. Данный кластер является достаточно компактным, поскольку стандартные отклонения, приведённые в таблице 3, имеют низкие значения. Это говорит о том, что все регионы, попавшие в эту группу, имеют близкие значения исследуемых показателей и являются однотипными с точки зрения развития человеческого капитала.

Ко второму подтипу можно отнести 24 региона, попавшие в кластер 4: Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Новгородская, Орловская,

Таблица 3

Количественные характеристики кластеров при разбиении на 5 групп

Номер кластера	Мощность кластера	Характеристики кластера	x_{j1}	x_{j2}	x_{j3}	x_{j4}	x_{j5}
1	11	Среднее значение	1.71	72.20	0.51	42532.89	24.10
		Стандартное отклонение	0.23	2.93	0.17	9833.37	2.92
2	10	Среднее значение	1.92	74.63	0.34	15966.88	19.85
		Стандартное отклонение	0.43	4.62	0.08	2419.98	3.05
3	15	Среднее значение	1.55	71.14	0.43	19937.26	24.68
		Стандартное отклонение	0.11	2.01	0.06	3444.49	1.26
4	24	Среднее значение	1.40	72.67	0.51	19257.95	30.11
		Стандартное отклонение	0.14	1.20	0.08	2439.14	1.88
5	25	Среднее значение	1.42	73.06	0.38	22181.06	27.78
		Стандартное отклонение	0.14	0.13	0.07	3970.42	1.81
Среднее значение показателя по РФ			1.53	72.68	0.44	22862.43	26.48
Максимальное значение показателя по РФ			2.72	83.40	0.89	56918.90	33.50

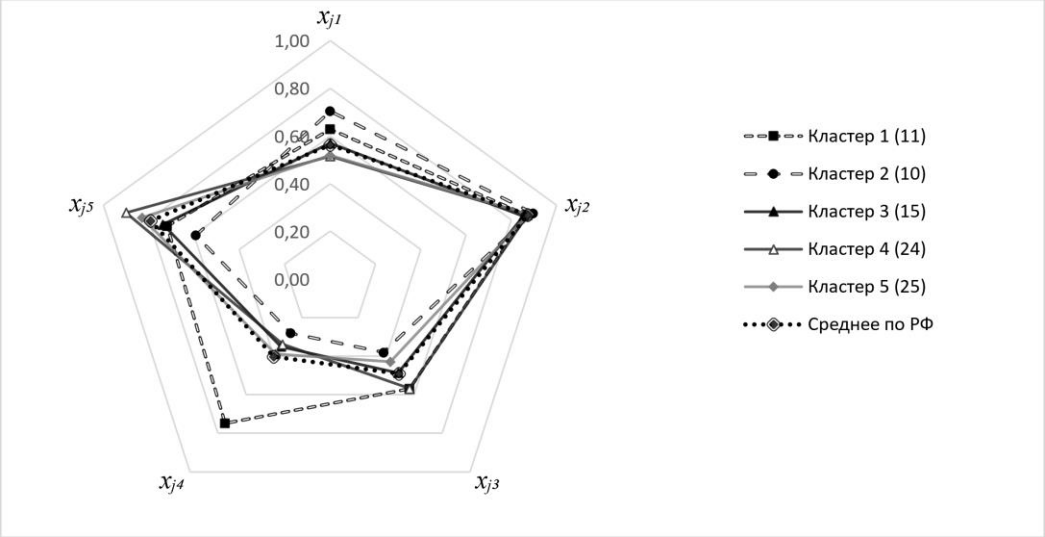

Рис. 4. Диаграммы кластеров при разбиении на 5 групп (источник: получено авторами на базе таблицы 3)

Пензенская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская и Ульяновская области, республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания и Чувашская Республика. Эта группа имеет наилучшие средние показатели в стране по общей площади жилых помещений, приходящихся на одного жителя, и по индексу доступности спортивной инфраструктуры, при этом средний коэффициент рождаемости имеет минимальное значение среди всех рассмотренных кластеров. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в этой группе регионов совпадает со среднероссийским значением $x_{j2cp}=1$, а медианный среднедушевой доход не доходит до этой цифры ($x_{j4cp}=0.84$). Стандартные отклонения, характерные для данного кластера, имеют невысокие значения, что говорит о его компактности и близости регионов в смысле развития человеческого капитала на этих территориях.

К третьему подтипу можно отнести 25 регионов, попавшие в кластер 5: Архангельская, Волгоградская, Ивановская, Калининградская, Кировская, Ленинградская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Томская, Тульская, Тюменская, Челябинская и Ярославская области, республики Адыгея, Карелия, Крым и Татарстан, Краснодарский край, а также города Санкт-Петербург и Севастополь. Эти регионы имеют лучшие из трёх рассмотренных подтипов средние показатели по медианному среднедушевому доходу $x_{j4cp}=0.97$ и по продолжительности жизни $x_{j2cp}=1.01$, при этом показатель доступности спортивной инфраструктуры $x_{j3cp}=0.86$ минимальный (все значения взяты по отношению к среднероссийским показателям). Значения остальных двух показателей $x_{j1cp}=0.93$ и $x_{j5cp}=1.05$ располагаются между значениями аналогичных показателей двух предыдущих подтипов и близки к среднероссийским значениям. Стандартные отклонения относительно средних значений показателей данного

кластера невелики, что характеризует его как компактный и позволяет вести речь об однотипности регионов, которые его сформировали, с точки зрения развития человеческого капитала.

Проведённый нейросетевой кластерный анализ позволил сформировать типологию российских регионов, причем количественные характеристики полученных типов позволяют вести речь о некоторых интересных соотношениях в рассматриваемой сфере.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на следующие особенности. Максимальный коэффициент рождаемости $x_{j1cp}=1.25$ зафиксирован в кластере 2, для которого также характерны наименьшие уровни медианных среднедушевых доходов $x_{j4cp}=0.70$ и общей площади жилых помещений $x_{j5cp}=0.75$, приходящейся на одного жителя. В то же время минимальный коэффициент рождаемости $x_{j1cp}=0.92$ зафиксирован в кластере 4, для которого характерны максимальное значение общей площади жилых помещений $x_{j5cp}=1.14$, приходящейся на одного жителя, и медианный среднедушевой доход $x_{j4cp}=0.84$, который располагается несколько ниже среднероссийского значения, но не является минимальным. Отметим также кластер 1, который характеризуется максимальным доходом $x_{j4cp}=1.86$, средним уровнем показателя площади жилых помещений $x_{j5cp}=0.91$, приходящейся на одного жителя, и коэффициентом рождаемости $x_{j1cp}=1.12$, значение которого не является максимальным, а тяготеет скорее к среднероссийскому показателю.

Эти особенности позволяют предположить, что коэффициент рождаемости не в столь сильной степени зависит от благосостояния жителей региона, как обычно принято полагать, а скорее зависит от их менталитета и образа жизни, поскольку максимальный коэффициент присущ кластеру 2, образованному по большей части теми субъектами РФ, уровень благосостояния которых невысок, но для которых характерны специфические национальные особенности, связанные с их менталитетом и образом жизни. Исходя из этого, для улучшения демографической ситуации на той или иной территории наряду с разработкой и проведением в жизнь политики по повышению благосостояния населения, что обычно планируется в разнообразных стратегических документах, целесообразно также делать акцент на разработку программы мероприятий и инструментария воздействия на умонастроения жителей в сторону изменения их взгляда на многодетные семьи и повышение рождаемости. В частности, можно рекомендовать представителям власти проведение социальных рекламных кампаний по формированию «моды» на создание многодетных семей, например путём использования жизненных примеров известных популярных личностей, имеющих многодетные семьи.

Кластер 2 имеет ещё одну специфическую особенность. Население регионов, которые его составляют, имеет максимальную среднюю продолжительность жизни $x_{j2cp}=1.03$ на фоне минимальных показателей доступности спортивной инфраструктуры $x_{j3cp}=0.77$, среднедушевого дохода $x_{j4cp}=0.70$ и общей жилплощади $x_{j5cp}=0.75$, приходящейся на одного жителя. Объективности ради необходимо отметить, что экологическая обстановка в большинстве из этих регионов значительно лучше, чем в других субъектах РФ. Максимальные индексы доступности спортивных сооружений имеют регионы кластеров 1 и 4, показатели которых по среднедушевому доходу и общей жилплощади также лучше, чем у регионов кластера 2, при этом средняя продолжительность жизни населения ниже.

Эта особенность позволяет выделить факторы, которые определяют демографическую ситуацию в регионе с точки зрения ожидаемой продолжительности жизни. Наиболее существенными из них представляются экологическая обстановка и образ жизни населения. Этот тезис необходимо учитывать властям разных уровней при постановке целей и формулировке задач соответствующих разделов стратегических документов, касающихся развития человеческого капитала. Наряду с разработкой программ по улучшению систем здравоохранения и образования, по повышению благосостояния населения и доступности спортивной инфраструктуры, то есть вместе с учётом факторов, уже отмеченных в выше цитированной литературе, целесообразно уделять значительное внимание улучшению экологической обстановки и формированию таких умонастроений населения, которые бы способствовали распространению ЗОЖ и позитивного взгляда на мир. Необходимо изменить взгляд жителей на спортивные объекты, которые прежде всего должны восприниматься ими как место занятий физкультурой и спортом, а не как культурно-досуговые заведения для просмотра физических упражнений других людей на фоне потребления прохладительных напитков. Аналогичное справедливо и в отношении мероприятий здравоохранения, например диспансеризации, проводящейся ежегодно для разных групп населения. Её эффективность будет расти при улучшении взгляда на

неё со стороны основной части населения и увеличения числа жителей, которые её проходят. Для достижения этого целесообразно также использовать инструментарий социальной рекламы.

Отмеченные выше факторы, несомненно, влияют на продолжительность жизни населения страны, однако в целом значения этого показателя для разных кластеров достаточно близки между собой. Так, минимальное значение составляет 71.14 лет (кластер 3), максимальное значение – 74.63 лет (кластер 2), среднее значение по РФ – 72.68 лет, то есть диапазон изменения этого параметра составляет 4.8%. Это значение является минимальным среди диапазонов изменений всех других показателей, что говорит об ограниченности влияния рассмотренных факторов на продолжительность жизни.

Заключение

На основе последних официальных статистических данных за 2019 год, структурированных на базе оригинальной системы показателей и обработанных с использованием авторской методики нейросетевого кластерного анализа, получена типология регионов РФ с точки зрения их человеческого капитала, которая позволила выявить наиболее существенные факторы, определяющие его развитие.

Сформированная типология включает три типа российских регионов. К первому типу относятся 11 регионов, которые характеризуются высоким уровнем доходов на душу населения при среднем уровне всех остальных рассматриваемых показателей. Ко второму типу относятся 10 регионов, которые характеризуются наилучшими демографическими показателями на фоне низких значений среднедушевых доходов, относительной общей жилплощади и индекса доступности спортивных объектов. К третьему типу относятся 64 региона, которые характеризуются средними значениями всех показателей и распределяются на три подтипа.

Анализ количественных характеристик полученных типов позволил выявить факторы, в наибольшей степени влияющие на улучшение демографической ситуации в регионах. Так, уровень рождаемости в значительной степени определяется менталитетом и образом жизни населения, а продолжительность жизни – ещё и экологической обстановкой в регионе, поэтому этим факторам должно уделяться повышенное внимание со стороны властей разных уровней. В качестве инструментария коррекции умонастроений населения целесообразно использовать социальную рекламу.

Результаты проведённого исследования могут быть интересны и полезны специалистам-регионоведам и учёным, изучающим закономерности развития человеческого капитала административно-территориальных образований различных типов, а также представителям власти разных уровней, занимающимся разработкой стратегических документов в целом и программ развития человека в частности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31230.

Список литературы

1. Human Development Report 2020. The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene [Электронный ресурс]. United Nations Development Programme (UNDP). New York: United Nations, 2020. 412 p. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2020 (дата обращения: 20.08.2021).

2. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century [Электронный ресурс]. United Nations Development Programme (UNPD). New York: United Nations, 2019. 366 p. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019 (дата обращения: 20.08.2021).

3. Human Development Report 2016: Human Development for Everyone [Электронный ресурс]. United Nations Development Programme (UNPD). New York: United Nations, 2017. 286 p. URL: http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2016 (дата обращения: 20.08.2021).

4. Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы // Регионология. 2019. Т. 27, № 2 (107). С. 310–329.

5. Давыдов Д.В., Крутиков Д.В., Воронцова И.П. Человеческий капитал в цифровой экономике: проблемы измерения и оценки // Практики развития: теоретические и технологические решения и вопросы в цифровую эпоху: Материалы XXVI научно-практической конференции, Красноярск, 25–27 апреля 2019 г. Красноярск: Автономная некоммерческая образовательная организация «Институт психологии практик развития», 2020. С. 46–61.

6. Vorontsova I.P., Semenova A.R., Vitkovskaya L.K., Drobyshev I.A. Evaluation of human capital in the macroregion (on the example of the Yenisey Siberia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. № 11. P. 1808–1818.

7. Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» от 21.12.2018 года № 889 (ред. от 16.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5200201812250001 (дата обращения: 08.08.2021).

8. Закон Свердловской области «О Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы» от 21.12.2015 № 151-ОЗ (ред. от 12.12.2019) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600201512280002 (дата обращения: 08.08.2021).

9. Постановление Правительства Самарской области «О Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года» от 12.07.2017 года № 441 (ред. от 17.09.2019) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6300201707180001 (дата обращения: 08.08.2021).

10. Закон Ставропольского края «О Стратегии социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года» от 27.12.2019 № 110-кз [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2600201912300022 (дата обращения: 08.08.2021).

11. 2020 HDR Technical Note [Электронный ресурс]. United Nations Development Programme (UNDP). New York: United Nations, 2020. 19 p. URL: http://hdr.undp.org/en/content/hdr-technical-notes (дата обращения: 20.08.2021).

12. Мкртчян Г.М., Тагаева Т.О., Бокслер А.И. Индекс человеческого развития в регионах РФ с учетом ситуации в сфере обращения с отходами // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 41–57.

13. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2020 // РИА Рейтинг. 2021. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2020.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

14. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Оценка развития и типологии северных регионов России в контексте факторов конкурентной привлекательности // Известия Русского географического общества. 2018. Т. 150. № 5. С. 56–71.

15. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Российские регионы: конкурентная привлекательность и устойчивость развития: Монография. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2019. 248 с.

16. Сочков А.Л., Субботин А.В. Алгоритм оценки конкурентоспособности регионов с учетом их инновационного потенциала для нейросетевого моделирования // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: Материалы IV Междунар. науч. интернет-конференции. В 2 частях. Вологда, 15–19 июня 2020 г. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2020. С. 217–223.

17. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (дата обращения: 20.08.2021).

18. Перова В.И., Авагян Э.А. Нейросетевой анализ динамики показателей высшего образования в регионах Российской Федерации как фактора экономического роста страны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 54-60.

19. Перова В.И., Корчемный П.В. Анализ эффективности системы здравоохранения регионов Российской Федерации на основе нейросетевого моделирования // Актуальные проблемы управления: Сборник научных статей по итогам VI Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 1–5 октября 2019 года. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 404–409.

20. Carboni O.A., Russu P. Assessing regional well-being in Italy: An application of Malmquist–DEA and self-organizing map neural clustering // Social Indicators Research. 2015. Vol. 122, № 3. P. 677–700.

21. Chen N., Chen L., Ma Y., Chen A. Regional disaster risk assessment of China based on self-organizing map: Clustering, visualization and ranking // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2019. **33.** P. 196–206.

22. Letiagina E., Perova V., Orlova E. Neural network analysis of the development of physical education and sports in Russia as an economic factor of country security // Proceedings of the 4th International Conference on Innovations in Sports, Tourism and Instructional Science (ICISTIS 2019). Atlantis Press. 2019. № 11. P. 174–179.

23. Yashin S., Trifonov Y., Sochkov A. et al. Research of the innovative development of the Russian Federation regions and its impact on the eco-friendliness of the economy based on neural network cluster analysis for the purpose of economic security // IV International Scientific and Practical Conference «Sustainable Development and Green Growth on the Innovation Management Platform» (SDGG 2021), Kaliningrad, Russia, May 27–28, 2021 / G. Roos (Ed.). E3S Web of Conferences 291, 03008 (2021).

24. Горбаченко В.И. Сети и карты Кохонена [Электронный ресурс]. URL: http://gorbachenko.selforganization.ru/articles/Self-organizing_map.pdf (дата обращения: 26.08.2021).

25. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the IEEE. Sept. 1990. Vol. 78. № 9. P. 1464–1480.

26. Kohonen T., Oja E., Simula O. et al. Engineering applications of the self-organizing map // Proceedings of the IEEE. Oct. 1996. Vol. 84. № 10. P. 1358–1384.

27. Белолипцев И.И., Горбатков С.А., Романов А.Н., Фархиева С.А. Моделирование управленческих решений в сфере экономики в условиях неопределенности: Монография / Под ред. А.Н. Романова. М.: ИНФРА-М, 2019. 299 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/1015085 (дата обращения: 10.08.2021).

28. Горбатков С.А., Рашитова О.Б., Солнцев А.М. Интеллектуальное моделирование в задаче принятия решений в рамках налогового управления // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. 2013. Т. 17. № 1 (54). С. 182–187.

TYPOLOGY OF RUSSIAN REGIONS FROM THE POINT OF VIEW OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT BASED ON NEURAL NETWORK CLUSTER ANALYSIS

Yu.V. Trifonov, A.L. Sochkov, E.A. Mironov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to assess the level of human development in Russian regions using artificial intelligence technologies. The object of research in this paper is the regions of Russia, and its subject is the level of human capital development as the main factor in the formation of the knowledge economy in the studied territories. As a research method, the method of cluster analysis based on self-organizing Kohonen's maps was used, which differs from the known ones in that it was carried out in three stages, during which stable clusters were identified. Computational experiments were carried out using the program Deductor. Based on statistical data of 2019, structured on the basis of a system of five indicators, a typology of the regions from the point of view of human capital development is obtained, which includes three types of objects under study. The analysis of their quantitative characteristics made it possible to identify factors impacting the improvement of the demographic situation in the regions. The birth rate is determined by the mentality and lifestyle of the population, and life expectancy is also determined by the environmental situation in the region, so these factors should be given increased attention by authorities. It is advisable to use social advertising as a tool for correcting the mentality of the population. The results of the research can be used by specialists studying human capital as well as representatives of authorities engaged in the development of strategic documents and state programs for human development.

Keywords: Russian regions, typology of regions, human capital, demography, cluster analysis, neural networks.

УДК 338
DOI 10.52452/18115942_2021_4_35

АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

© 2021 г.

А.И. Шинкевич, А.В. Шумкин

Шинкевич Алексей Иванович, д.э.н.; д.т.н.; проф.; заведующий кафедрой логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
ashinkevich@mail.ru
Шумкин Александр Васильевич, соискатель кафедры логистики и управления
Казанского национального исследовательского технологического университета
a.shumkin2021@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.09.2021
Статья принята к публикации 26.10.2021

Развитие инновационной экономики ставит во главу угла необходимость трансформации существующих бизнес-процессов на предприятиях секторов экономики. Одним из инструментов данной трансформации видится реинжиниринг бизнес-процессов создания и коммерциализации инновационных разработок на российские и международные рынки. Цель данной статьи заключается в разработке методического инструментария для оценки инновационного потенциала секторов экономики для осуществления реинжиниринга бизнес-процессов в целях повышения их конкурентоспособности и эффективности. На основе проведенного исследования получены следующие выводы: 1) системной составляющей реинжиниринга бизнес-процессов инновационной деятельности является процессное мышление, направленное на формирование соответствующей онтологии реинжиниринга, ориентированной на процессное управление; 2) сектора экономики, характеризующиеся высоким уровнем инновационной активности, как одного из условий готовности к реинжинирингу бизнес-процессов, имеют по сравнению с другими группами сравнительно высокие значения совокупности показателей инновационного потенциала, за исключением инвестиций, направляемых на модернизацию, что вызывает тревожность в плане финансового обеспечения модернизационных преобразований бизнес-процессов для данной группы видов экономической деятельности; 3) в алгоритме оценки инновационного потенциала секторов экономики к реинжинирингу бизнес-процессов наибольшее значение имеют такие составляющие, как удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, уровень инновационной активности и доля инновационных товаров, подвергшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет.

Ключевые слова: реинжиниринг, бизнес-процесс, инновационный потенциал, алгоритм, инновационная деятельность, инновации, сектор экономики.

Введение

Развитие инновационной экономики ставит во главу угла необходимость трансформации существующих бизнес-процессов на предприятиях секторов экономики. Одним из инструментов данной трансформации видится реинжиниринг бизнес-процессов создания и коммерциализации инновационных разработок на российские и международные рынки. Реинжиниринг предполагает кардинальное перепроектирование существующих бизнес-процессов, их перестройку и реорганизацию, способные повысить гибкость, эффективность цепочек создания стоимости, а также конкурентоспособность отечественных предприятий и, как следствие, – отраслей экономики в целом.

Проблематика реинжиниринга бизнес-процессов в инновационной деятельности предприятий нашла достойное место в исследованиях ученых. В частности, в научной литературе широкое обсуждение нашли такие вопросы, как повышение ресурсоотдачи [1], интеллектуализация производственных процессов и процессов управления [2], показатели эффективности реорганизации предприятия [3], планирование и прогнозирование эффекта от модернизации в сфере инноваций [4], повышение эффективности предприятия на основе реинжиниринга [5], специфика реинжиниринга в управлении инновационной организацией [6, 7], реинжиниринг как способ повышения конкурентоспособности компании [8], цифровая аналитика бизнес-процессов [9] и т.п.

Кроме того, вопросы повышения конкурентоспособности отечественной промышленности, предполагающие модернизацию бизнес-процессов в сфере инновационной деятельности, закреплены в программных документах федерального уровня – «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [10], «Цифровая экономика Российской Федерации» [11], Стра-

тегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года [12], «Экономическое развитие и инновационная экономика» [13], «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [14] и др.

Указанные аспекты подчеркивают значимость и актуальность изучения вопросов реинжиниринга бизнес-процессов для повышения отдачи от инновационной деятельности.

Полагаем, что первой ступенью реинжиниринга бизнес-процессов должна стать диагностика готовности предприятий и секторов экономики к осуществлению модернизационных преобразований. В этой связи показательной будет являться оценка инновационного потенциала экономических субъектов, представляющего собой состояние их внутренней инновационной среды в виде созданной инновационной инфраструктуры, ресурсной и технологической базы, инвестиционных возможностей для осуществления инновационной деятельности, способной приносить коммерческую отдачу от ее результатов.

Таким образом, цель данной статьи заключается в разработке методического инструментария для оценки инновационного потенциала секторов экономики для осуществления реинжиниринга бизнес-процессов в целях повышения их конкурентоспособности и эффективности. При этом под инновационным потенциалом секторов экономики будем понимать совокупную способность элементов экономической системы (субъектов хозяйствования и видов экономической деятельности) к осуществлению инновационной деятельности посредством использования ресурсной, научно-технической и технологической базы, инфраструктуры и инвестиций.

Методология

Методология исследования основана на соблюдении следующих принципов:

– системности (рассмотрение элементов бизнес-процессов и инновационного потенциала как неотъемлемых взаимосвязанных составляющих инновационной деятельности);

– научности (использование научных подходов к анализу инновационного потенциала как степени готовности к реинжинирингу бизнес-процессов);

– комплексности (изучение трансформационных преобразований в секторах экономики как единой онтологии инновационной деятельности);

– научной обоснованности (использование инструментария экономико-математического моделирования для оценки полученных результатов).

В качестве методов исследования в статье использованы описание, визуализация, дескриптивная статистика, сравнительный анализ, Data Mining и модуль деревья классификации StandardS&RT.

Информационная база исследования сформирована аналитическими и статистическими материалами Росстата [15].

Инструментом анализа выступил программный продукт Statistica.

Достоверность моделей и выводов в статье подтверждается оценкой их статистической адекватности с использованием стандартных оценочных статистических показателей (средняя ошибка, диаграмма рассеяния, стандартная ошибка).

Результаты

Система управления бизнес-процессами на современных российских предприятиях в условиях инновационной экономики представляет собой совокупность средств, методов, ресурсного обеспечения, обеспечивающих управление отдельным бизнес-процессом на всех этапах его жизненного цикла при разработке, внедрении в производство и коммерциализации инноваций. Выделяют 10 составляющих системы управления бизнес-процессами:

– архитектура бизнес-процессов;

– управление бизнес-процессами по ключевым показателям эффективности;

– система стимулирования персонала по повышению эффективности бизнес-процессов на основе индивидуальных ключевых показателей эффективности;

– описание и анализ существующих бизнес-процессов с позиции «как есть»;

– оптимизация бизнес-процессов с позиции «как должно быть»;

– автоматизация бизнес-процессов;

– стандартизация бизнес-процессов;

– система контроля и мониторинга бизнес-процессов;

– система обучения кадров управлению бизнес-процессами;

– создание процессного офиса [16].

На современных российских предприятиях вопрос выстраивания эффективных бизнес-процессов разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций связан с такими узкими местами, как, во-первых, превалирование структурно-функционального управления над процессным управлением; во-вторых, в большей степени управление людьми, нежели управление процессами; в-третьих, ориентация на управление текущими задачами, а не процес-

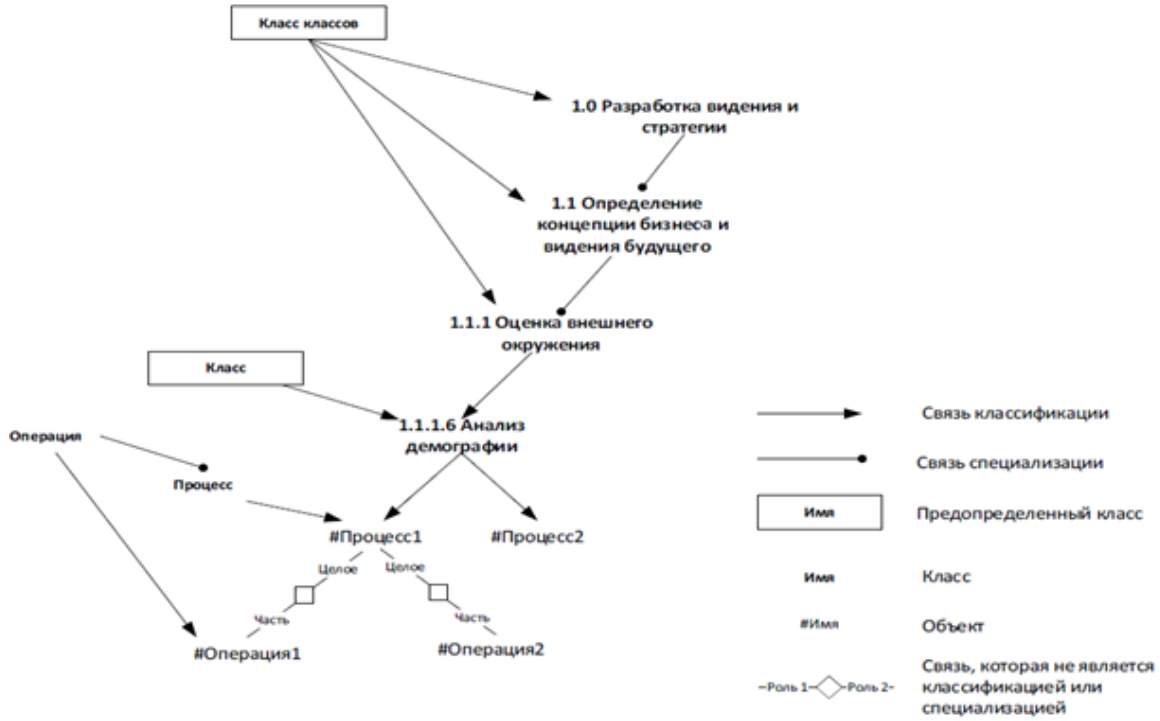

Рис. 1. Онтология реинжиниринга бизнес-процессов [17]

сами в целом, что во многом определяет низкую эффективность системы управления бизнес-процессами в отечественной экономике в целом. Ключевым фактором решения данных вопросов видится реинжиниринг бизнес-процессов разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций, основу которого составляет формирование процессного мышления. Реинжиниринг бизнес-процессов предполагает их перепроектирование на основе разработки стратегии и системного видения трансформации, на основе которых формируется онтология реинжиниринга, позволяющая осуществлять декомпозицию инновационной деятельности на неограниченное число уровней иерархии бизнес-процессов. Пример подобной онтологии представлен на рисунке 1.

Для оценки инновационного потенциала секторов экономики к реинжинирингу бизнес-процессов разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций воспользуемся статистическими данными по видам экономической деятельности, согласно форме федерального статистического наблюдения «4-инновация», которые опубликованы на сайте Росстата [15]. Будем использовать информацию по обрабатывающей промышленности и введем следующие обозначения индикаторов инновационной деятельности, характеризующие инновационный потенциал секторов экономики: X – уровень инновационной активности, %; X1 – уровень инновационной активности (категориальная переменная – высокая, средняя, низкая); X2 – доля инновационных товаров, подвергшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет, %; X3 – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %; X4 – удельный вес инновационных товаров в суммарной отгрузке продукции, %; X5 – интенсивность затрат на инновации, %; X6 – доля инвестиций, направленных на модернизацию, %.

Совокупность показателей инновационной деятельности по секторам экономики представлена в таблице 1.

Для последующего анализа необходимо преобразовать результирующую переменную в категориальную. Для нашего исследования такой переменной будет являться уровень инновационной активности, который детерминирован всеми другими показателями инновационной деятельности, характеризующими инновационный потенциал. Будем использовать следующие допущения: если значение уровня инновационной активности отклоняется более чем на квартиль выше среднего значения, то сектор экономики будет отнесен к высокому уровню инновационной активности (например, производство нефтепродуктов, лекарственных средств, электрооборудования); если на квартиль ниже от среднего значения – то к низкому уровню инновационной активности (например, производство пищевых продуктов, одежды, текстиля и кожи), в остальных случаях – к среднему уровню инновационной активности (например, произ-

Таблица 1

Показатели инновационной деятельности секторов экономики, характеризующие инновационный потенциал [15]

Сектор экономики (обрабатывающие производства)	X	X2	X3	X4	X5	X6
Производство пищевых продуктов	12.0	9.8	16.1	5.7	1.3	13.4
Производство напитков	7.9	0.6	17.0	2.4	0.4	16.1
Производство табачных изделий	13.8	0.1	26.7	0.6	0.9	10.2
Производство текстильных изделий	15.0	0.2	20.1	3.5	1.6	8.4
Производство одежды	10.0	0.0	15.0	0.3	0.4	2.9
Производство кожи и изделий из кожи	14.2	0.0	17.6	2.1	0.2	22.6
Обработка древесины и производство изделий из дерева	7.2	0.2	9.9	1.7	1.7	8.8
Производство бумаги и бумажных изделий	14.7	0.4	18.9	4.3	2.0	30.6
Деятельность полиграфическая	4.1	0.4	5.4	8.1	0.9	5.5
Производство кокса и нефтепродуктов	27.5	16.8	41.0	5.1	1.4	18.4
Производство химических веществ и химических продуктов	26.0	4.6	36.9	5.5	2.4	13.9
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	35.6	2.7	45.5	9.9	2.5	8.3
Производство резиновых и пластмассовых изделий	17.6	2.1	25.0	10.3	1.0	10.1
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	12.3	1.8	16.7	4.0	0.6	13.6
Производство металлургическое	29.0	8.8	37.5	5.0	2.0	24.2
Производство готовых металлических изделий	26.6	7.8	35.3	13.0	4.2	16.8
Производство компьютеров	49.8	5.3	61.9	16.6	5.7	10.9
Производство электрического оборудования	41.1	2.1	51.8	10.1	1.4	10.6
Производство машин и оборудования	40.9	2.4	51.4	10.6	2.4	12.3
Производство автотранспортных средств	36.6	18.0	43.7	19.5	1.3	21.9
Производство прочих транспортных средств и оборудования	22.6	14.8	30.0	18.2	4.7	23.9
Производство мебели	17.4	0.0	22.6	1.1	0.4	3.0
Производство прочих готовых изделий	17.1	0.1	24.3	2.2	0.9	47.8
Ремонт и монтаж машин и оборудования	7.9	1.0	11.5	5.1	0.5	31.7

водство химических веществ, резины и пластмассы, транспортных средств и оборудования). Расчет описательных статистик по трем выделенным группам секторов экономики по уровню инновационной активности позволяет видеть, что в группе с высоким уровнем инновационной активности все показатели, характеризующие инновационный потенциал, выше, чем в остальных группах, за исключением доли инвестиций, направленных на модернизацию, которая была наибольшей в группе со средним уровнем инновационной активности – 15.2% против 19.3%. Описательные статистики показателей инновационного потенциала секторов экономики по группам, выделенным в соответствии с уровнем инновационной активности, представлены в таблицах 2а–2в.

Для разработки алгоритма оценки инновационного потенциала в целях последующего проведения реинжиниринга бизнес-процессов разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций воспользуемся методом добычи данных – Data Mining, модулем – деревья классификации – classification trees. С использованием данного метода и модуля на основе совокупности показателей, характеризующих инновационный потенциал секторов экономики, был построен алгоритм классификации для оценки потенциала инновационной деятельности (рисунок 2).

Согласно данному алгоритму в основе классификации оценочных показателей инновационного потенциала находится показатель X3 – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации: если его значение менее 32.65%, то сектор экономики переходит ко второй терминальной вершине (15 видов экономической деятельности), если превышает указанное значение – то к третьей терминальной вершине дерева классификации (9 видов экономической деятельности). Во второй терминальной вершине дерева классификации также показатель удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, является определяющим и классифицирует сектора экономики на четвертую и пятую терминальные вершины: если значение показателя менее 17.3%, то сектор экономики относится к четвертой терминальной вершине (7 видов экономической деятельности), иначе – к пятой (8 видов экономической деятельности). В основе ветвления третьей терминальной вершины

Таблица 2а

Описательные статистики показателей инновационного потенциала для группы с высоким уровнем инновационной активности секторов экономики (рассчитано авторами)

Показатель	Mean	Minimum	Maximum	Range	Quartile	Std.Dev.
X	37.2	27.5	49.8	22.3	12.1	7.7
X2	8.0	2.1	18.0	15.9	14.4	6.8
X3	47.5	37.5	61.9	24.4	10.8	8.2
X4	11.0	5.0	19.5	14.5	11.5	5.4
X5	2.4	1.3	5.7	4.4	1.1	1.5
X6	15.2	8.3	24.2	15.9	11.3	6.2

Таблица 2б

Описательные статистики показателей инновационного потенциала для группы со средним уровнем инновационной активности секторов экономики (рассчитано авторами)

Показатель	Mean	Minimum	Maximum	Range	Quartile	Std.Dev.
X	21.2	17.1	26.6	9.5	8.6	4.4
X2	4.9	0.0	14.8	14.8	7.7	5.7
X3	29.0	22.6	36.9	14.3	11.0	6.0
X4	8.4	1.1	18.2	17.1	10.8	6.6
X5	2.3	0.4	4.7	4.3	3.3	1.8
X6	19.3	3.0	47.8	44.8	13.8	15.6

Таблица 2в

Описательные статистики показателей инновационного потенциала для группы с низким уровнем инновационной активности секторов экономики (рассчитано авторами)

Показатель	Mean	Minimum	Maximum	Range	Quartile	Std.Dev.
X	10.8	4.1	15.0	10.9	6.3	3.6
X2	1.3	0.0	9.8	9.8	0.9	2.9
X3	15.9	5.4	26.7	21.3	7.4	5.6
X4	3.4	0.3	8.1	7.9	3.3	2.3
X5	1.0	0.2	2.0	1.8	1.2	0.6
X6	14.9	2.9	31.7	28.8	14.2	9.6

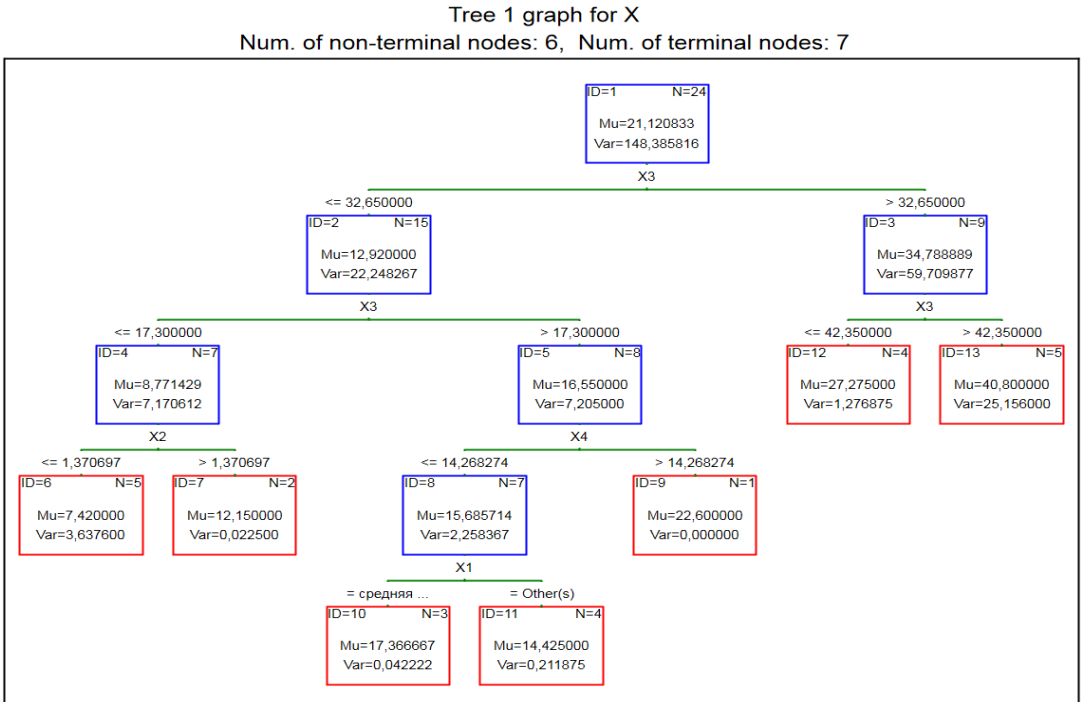

Рис. 2. Алгоритм классификации для оценки потенциала инновационной деятельности (разработано авторами)

также доминирует удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации: если его значение меньше, чем 42.35%, то сектор экономики относится к двенадцатой неделимой вершине (4 вида экономической деятельности), если превосходит указанное значение – то к тринадцатой неделимой вершине (5 видов экономической деятельности).

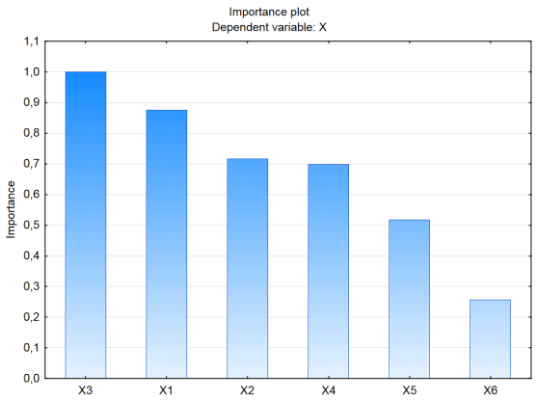

Рис. 3. Вклад показателей в алгоритм классификации (составлено авторами)

Деление четвертой терминальной вершины основано на доле инновационных товаров, подвергшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет: если его значение менее, чем 1.37%, то сектор экономики относится к шестой неделимой вершине (5 видов экономической деятельности), если более, то к седьмой неделимой вершине (2 вида экономической деятельности). Пятая терминальная вершина подвергается делению на основе показателя X4 – удельный вес инновационных товаров в суммарной отгрузке продукции: если его значение менее, чем 14.26%, то сектор экономики относится к восьмой терминальной вершине (7 видов экономической деятельности), которая, в свою очередь, делится на основе показателя уровня инновационной активности на неделимые терминальные вершины 10 (3 вида экономической деятельности) и 11 (4 вида экономической деятельности).

В предложенном алгоритме классификации ранги значимости переменных распределились следующим образом (ранг принимает значение 1–100: чем ближе к 100, тем весомее вклад показателя в алгоритм классификации). Первой по значимости идет переменная X3 – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, с рангом 100; далее следует X1 – уровень инновационной активности (категориальная переменная) с рангом 88; затем X2 – доля инновационных товаров, подвергшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет, с рангом 72; X4 – удельный вес инновационных товаров в суммарной отгрузке продукции с рангом 70; X5 – интенсивность затрат на инновации с рангом 52 и X6 – доля инвестиций, направленных на модернизацию, с рангом 26 (рисунок 3).

Оценка достоверности предложенного алгоритма классификации показала его статистическую адекватность и пригодность для использования в аналитических целях. Стандартная ошибка предсказанных и исходных значений для результирующей переменной является минимальной, что наглядно представлено в таблице 3 и на рисунке 4.

Таким образом, предложенный алгоритм классификации позволяет проводить комплексную оценку инновационного потенциала секторов экономики как первой стадии реинжиниринга бизнес-процессов разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование дает возможность резюмировать следующие научные результаты:

1) системной составляющей реинжиниринга бизнес-процессов инновационной деятельности является процессное мышление, направленное на формирование соответствующей онтологии реинжиниринга, ориентированной на процессное управление;

2) сектора экономики, характеризующиеся высоким уровнем инновационной активности, как одного из условий готовности к реинжинирингу бизнес-процессов, имеют по сравнению с другими группами сравнительно высокие значения совокупности показателей инновационного потенциала, за исключением инвестиций, направляемых на модернизацию, что вызывает тревожность в плане финансового обеспечения модернизационных преобразований бизнес-процессов для данной группы видов экономической деятельности;

3) в алгоритме оценки инновационного потенциала секторов экономики к реинжинирингу бизнес-процессов наибольшее значение имеют такие составляющие, как удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации; уровень инновационной активности и доля инновационных товаров, подвергшихся значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет.

Предложенный алгоритм классификации и оценки инновационного потенциала секторов экономики к реинжинирингу бизнес-процессов может рассматриваться как первый этап готовности к осуществлению модернизационных преобразований в управлении процессами разработки, внедрения в производство и коммерциализации инноваций, поскольку любые трансформации требуют детального анализа имеющегося потенциала системы для разработки эффективных управленческих решений. Описанный алгоритм и методика могут быть применены не только для секторов экономики, но и отдельных инновационно активных предприятий.

Таблица 3

Исходные и предсказанные значения для уровня инновационной активности в алгоритме классификации (рассчитано авторами)

Сектор экономики (обрабатывающие производства)	Observed	Predicted	Standard error	Terminal	X1
Производство пищевых продуктов	12.0	12.2	0.2	7	низкая
Производство напитков	7.9	7.4	1.9	6	низкая
Производство табачных изделий	13.8	14.4	0.5	11	низкая
Производство текстильных изделий	15.0	14.4	0.5	11	низкая
Производство одежды	10.0	7.4	1.9	6	низкая
Производство кожи и изделий из кожи	14.2	14.4	0.5	11	низкая
Обработка древесины и производство изделий из дерева	7.2	7.4	1.9	6	низкая
Производство бумаги и бумажных изделий	14.7	14.4	0.5	11	низкая
Деятельность полиграфическая	4.1	7.4	1.9	6	низкая
Производство кокса и нефтепродуктов	27.5	27.3	1.1	12	высокая
Производство химических веществ и химических продуктов	26.0	27.3	1.1	12	средняя
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	35.6	40.8	5.0	13	высокая
Производство резиновых и пластмассовых изделий	17.6	17.4	0.2	10	средняя
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	12.3	12.2	0.2	7	низкая
Производство металлургическое	29.0	27.3	1.1	12	высокая
Производство готовых металлических изделий	26.6	27.3	1.1	12	средняя
Производство компьютеров	49.8	40.8	5.0	13	высокая
Производство электрического оборудования	41.1	40.8	5.0	13	высокая
Производство машин и оборудования	40.9	40.8	5.0	13	высокая
Производство автотранспортных средств	36.6	40.8	5.0	13	высокая
Производство прочих транспортных средств и оборудования	22.6	22.6	0.0	9	средняя
Производство мебели	17.4	17.4	0.2	10	средняя
Производство прочих готовых изделий	17.1	17.4	0.2	10	средняя
Ремонт и монтаж машин и оборудования	7.9	7.4	1.9	6	низкая

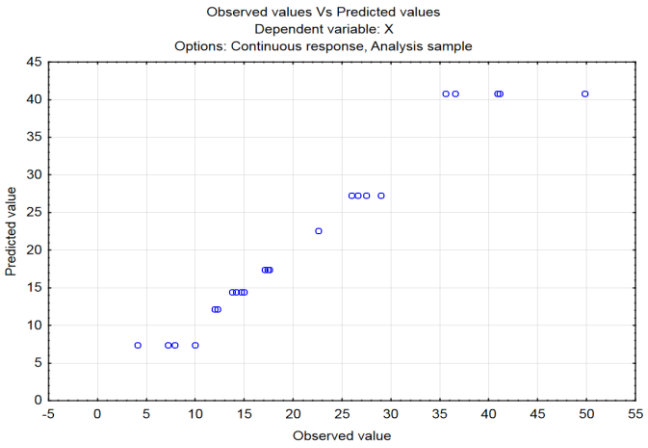

Рис. 4. Диаграмма рассеяния исходных и предсказанных значений уровня инновационной активности в алгоритме классификации (составлено авторами)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00655.

Список литературы

1. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Shinkevich M.V. et al. Improving the efficiency of production process organization in the resource saving system of petrochemical enterprises // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. V. 9. № 4. P. 233–239.

2. Кудрявцева С.С. Трансформация интеллектуальных ресурсов в капитал при формировании нового качества экономического роста: Дис. … канд. экон. н. / Самарский государственный экономический университет. Казань, 2010. 172 с.

3. Shinkevich A.I., Barsegyan N.V., Dyrdonova A.N., Fomin N.Yu. Key directions of automation of petrochemical production // JOP Conference Series: Metrological Support of Innovative Technologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union

of Scientific and Engineering Associations. Krasnoyarsk, Russia, 2020. P. 22016.

4. Корнилов Д.А., Яшин С.Н. Эффективное управление на основе сочетания возможностей планирования и прогнозирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2005. № 1. С. 98–103.

5. Куликова М.Д., Поплавская А.А. Реинжиниринг бизнес-процессов как инструмент повышения эффективности деятельности компании // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 168–171.

6. Никифоров В.А. Реинжиниринг бизнес-процессов в управлении инновационной организацией // Глобальный научный потенциал. 2020. № 8 (113). С. 136–141.

7. Харин А.Г., Дубов А.Э. Реинжиниринг как метод оптимизации бизнес-процессов предприятия // Балтийский экономический журнал. 2020. № 3 (31). С. 87–93.

8. Бондаренко Т.Н., Шпак Г.Б. Реинжиниринг бизнес-процессов в достижении конкурентных преимуществ компании // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 2 (100). С. 55–58.

9. Tolstykh T., Savon D., Safronov A. et al. Methods and models for analysis the effectiveness of industrial enterprises // Proceedings of the 32nd Conference of the International-Business-Information-Management-Association (IBIMA), 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional Expansion to Global Growth, 2018. P. 7710–7722.

10. Научно-технологическое развитие Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 № 390 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://programs.gov.ru/Portal/program/47/passport

11. Цифровая экономика Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf

12. Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/420245722

13. Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://programs.gov.ru/Portal/program/15/passport

14. Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://programs.gov.ru/Portal/program/16/passport

15. Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru

16. Разработка и внедрение систем управления бизнес-процессами [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bpm3.ru

17. Пинаев Д. Построение верхнеуровневой модели деятельности компании на основе принципов системной инженерии. Режим доступа: https://www.businessstudio.ru/articles/article/postroenie_verkhnerouvnevoy_modeli_deyatelnosti_kompanii_glava_1_pinaev/

ALGORITHM FOR EVALUATING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF ECONOMIC SECTORS AS AN ELEMENT OF BUSINESS PROCESS REENGINEERING

A.I. Shinkevich, A.V. Shumkin

Kazan National Research Technological University

The development of an innovative economy focuses on the need to transform existing business processes at enterprises in the sectors of the economy. One of the tools for this transformation is seen as the reengineering of business processes for the creation and commercialization of innovative developments in the Russian and international markets. The purpose of this article is to develop a methodological toolkit for assessing the innovative potential of economic sectors for reengineering business processes in order to increase their competitiveness and efficiency. On the basis of the study, the following conclusions were obtained: 1) the systemic component of reengineering of business processes of innovation is process thinking, aimed at the formation of an appropriate reengineering ontology focused on process management; 2) sectors of the economy characterized by a high level of innovation activity, as one of the conditions for readiness for reengineering of business processes, have, compared to other groups, relatively high values of the aggregate of indicators of innovation potential, with the exception of investments directed at modernization, which causes anxiety in terms of financial ensuring modernization transformations of business processes for this group of economic activities; 3) in the algorithm for assessing the innovative potential of economic sectors for the reengineering of business processes, such components as the proportion of organizations that carry out technological innovations are of the greatest importance; the level of innovative activity and the share of innovative products that have undergone significant technological changes over the past three years.

Keywords: reengineering, business process, innovation potential, algorithm, innovation, economic sector.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316:4
DOI 10.52452/18115942_2021_4_43

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2021 г.

Н.П. Щукина

Щукина Нина Петровна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук Самарского государственного медицинского университета
nina_shukina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2021
Статья принята к публикации 30.10.2021

Основная цель статьи – в соотнесении российских практик трактовки пенитенциарной социологии с фактическим положением дел в данной науке. Делается акцент на особенностях трактовки предмета пенитенциарной социологии в российском дискурсе. Постулируется, что сложившиеся практики конструирования данного предмета актуализируют тему инвентаризации как проводимых исследований, так и опыта преподавания данной дисциплины в российских вузах.

Анализ основан на изучении научных и учебно-методических работ отечественных авторов, в названии которых представлено словосочетание «пенитенциарная социология».

Ключевые слова: пенитенциарная социология, предмет и методы пенитенциарной социологии, понятийный аппарат пенитенциарной социологии, социологические исследования.

Введение

В современном обществе о тюрьме много знают и много говорят. Вместе с тем трудно не согласиться с наличием дефицита научных публикаций о российской тюрьме [1]. По данным Международного центра исследования тюрем, Россия за последние десять лет переместилась со второго на двадцатое место в мире по числу заключенных на 100 тыс. населения, и в 2020 г. общее количество заключенных в стране достигло, по словам главы ФСИН, «минимального значения за всю новейшую историю России»: около 483 тыс. человек [2]. Знаковую роль в изучении современной тюрьмы, включая столь динамичные названные выше процессы, призвана сыграть пенитенциарная социология.

Побудительным мотивом к написанию данной статьи послужило ознакомление с недавно вышедшими в свет работами, авторы которых ведут речь, так сказать, о становлении «нового направления социологии и уголовно-исполнительного права», об «институционализации пенитенциарной социологии» [3; 4]. В этой связи возникает вопрос: на каком же поле работали такие классики данной науки, как Д. Клеммер, Г. Сайкс, труды которых, изданные в 40–50-х гг. XX в., рассматриваются как классика в пенитенциарной социологии?

Цель данной статьи – в соотнесении российских практик трактовки пенитенциарной социологии с фактическим положением дел в данной науке. Подчеркнем, принято считать, что сам термин *пенитенциарная социология* был впервые введен в научный оборот Ю.А. Алферовым, автором первого курса по прикладной социологии исправительно-трудовой системы в современных условиях [5, с. 6], опубликовавшим за буквально несколько лет почти 30 работ по данной тематике, некоторые из которых переведены на английский и немецкий языки.

Методы сбора данных

Сфокусируем далее внимание на работах отечественных авторов, в названии которых представлено словосочетание «пенитенциарная социология». Разумеется, тем самым значительно сужается исследовательское поле. Вне внимания оказываются труды ученых, неоднократно переизданные и востребованные, в том числе в западной науке, например работы по криминологии Я.И. Гилинского. Но в условиях растущего числа работ, так сказать, о «социологии исполнения наказания» и «социологии исполнения уголовного наказания», «пенитенциарной криминологии», «социологии несовершенно-

летних осужденных», когда курс «пенитенциарной социологии» «включен в программу многих вузов по уголовно-правовой специализации» [3, с. 241], выбор такого смещения исследовательского интереса представляется обоснованным.

Результаты и их обсуждение

Легко обнаруживается целый ряд учебно-методических комплексов и подобных работ по соответствующей тематике. Остановимся на анализе данных текстов в соответствии со стоящей перед нами целью. Практически во всех работах, выявленных обозначенным выше образом, акцент сделан на отечественном дискурсе: вне внимания авторов остается то, как и кем изучается институт тюрьмы в других странах. Не упоминаются даже имена пионеров и классиков тюремных исследований в социологии, включая Н.С. Хайнера и Э. Эша [6], Д. Клеммера [7] и Г. Сайкса [8]. При этом в сфере внимания такие российские ученые, как М.Н. Гернет, Д.М. Дриль, С.В. Познышев. В этой связи не резонна ли постановка вопроса о российской пенитенциарной социологии наряду, например, с американской, английской? Думается, нельзя не согласиться с уместностью постановки такого вопроса, поскольку содержание социальной науки зависит от местных социально-политических и иных факторов. Не случаен тот факт, что в одной стране порой могут развиваться две, так сказать, социологии, например франкоязычная и англоязычная, как в Канаде [9]. Точнее говоря, согласно страноведческому принципу, и в пенитенциарной социологии можно выделять такие ее составляющие, как отечественную, немецкую, чешскую, что и делает в одной из своих работ Л. Дирга [10]. При этом ученый не забывает, однако, о пионерах и классиках, о современных ученых, вносящих весомый вклад в развитие данной науки, как, впрочем, и о том, что разговор о чешской пенитенциарной социологии – это лишь рассмотрение особенностей ее развития в конкретной стране.

Возвращаясь к отечественной пенитенциарной социологии, точнее к наследию Ю.А. Алферова, подчеркнем то внимание, которое уделяется ученым созданию «пенитенциарных социологических служб», изданию «Настольной книги пенитенциарного социолога» [11, с. 3], разработке понятийного аппарата данной научной дисциплины [12]. Кстати сказать, Ю.А. Алферов весьма критически оценивает работу социологов в исследуемый им период, замечая, что «социологи занимались чем угодно, но только не социологией в полном смысле слова» [11, с. 13]. Ученый солидаризируется с Л.А. Аверьяновым, объясняя такое положение дел тем, что «по-видимому, не был определен предмет социологии, не было обозначено, чем социология должна заниматься, где область приложения ее сил, какой объект социальной действительности они должна изучать, сделав его своей нишей» [11, с. 13]. Трудно согласиться с такой оценкой, даже в случае отнесения ее только к российской социологии. Ведь еще в 1990 г. в одной из своих статей В.А. Ядов замечает, что «предметная область социологии не есть нечто застывшее и раз навсегда данное, она неминуемо изменяется» [13, с. 3]. Отсюда – дискуссии о предмете социологии с уяснением не того, каков он, так сказать, вообще, а «каков в частности на данном уровне развития мировой и отечественной науки и в данных конкретно-исторических условиях» [13, с. 3]. Иными словами, размышления ученых о предмете социологии – свидетельство развития и усложнения социума, а также углубления профессионализации, сопровождаемой развитием междисциплинарных связей, разнообразием исследовательских практик, ведущих к пересечению границ предметной зоны. Кстати сказать, излагая свою точку зрения, В.А. Ядов активно обращается к позициям как ведущих отечественных, так и западных социологов, включая Э. Гидденса, Р.В. Рывкину, Н. Смелзера.

Говоря об объекте пенитенциарной социологии, Ю.А. Алферов замечает, что это «сложившаяся природа отношений, проявления социально активной позиции личности по отношению к объективной реальности в условиях лишения свободы» [11, с. 15]. В свою очередь, предметом могут быть факторы, причины, следствия, условия, зависимости и т.п. Уделяется внимание и другим понятиям, включая «методы» и «методики». Трудно согласиться, однако, с некоторыми положениями работ Ю.А. Алферова, включая фактическое вписывание им пенитенциарной социологии в проблемное поле социальной психологии. С одной стороны, ученый ведет речь о составляющих социологии, включая социологию управления, преступности, права и т.п., а также социальную психологию, совокупность которых «в части специфической реализации в условиях мест лишения свободы представляет самостоятельную отрасль социологии – пенитенциарную социологию» [11, с. 13]. При этом ученый постулирует, что его «Пенитенциарная социология» «посвящена методам социально-психологических исследований личности правонарушителей в условиях лишения свободы», не претендуя «на исчерпывающий обзор методов и методик, применяе-

мых ныне в социальной психологии» [11, с. 11]. Тем самым предмет рассматриваемой науки сужается до одной из ранее обозначенных ученым составляющих социологии – социальной психологии, повторю, «в части специфической реализации в условиях мест лишения свободы» [11, с. 13]. Но далее вновь говорится о пенитенциарной социологии как «части общей социологии» [11, с. 14]. Более того, в другой работе ученого на нескольких десятках страниц представлен краткий словарь-справочник пенитенциарного социолога с акцентом на вопросах выборки, методов исследования и т.п. [12]. Иными словами, обнаруживается некоторое противоречие в трактовке ученым предмета пенитенциарной социологии.

Понимание предмета пенитенциарной социологии усложняется при обращении к текстам других авторов, посвященных наследию Ю.А. Алферова, в частности. Так, в одном из них читаем, что пенитенциарная социология трактуется Ю.А. Алферовым как «отрасль методологической науки исправительно-трудового права» [14, с. 140].

Вместе с тем нельзя не прислушаться к критике Ю.А. Алферовым «анкетомании», «повального анкетирования осужденных», «преувеличения роли количественных методов» в социологии, «без достаточной научно-методической основы», что «отторгло сотрудников и лиц, содержащихся в ИТУ, – замечает ученый, – от социологических исследований» [15, с. 4]. Отголоски такого отторжения сохранились и сегодня, что находит отражение, например, в философии журнала «Пенитенциарная наука», в материалах научных конференций по вопросам преступности в XXI в. и работах, выходящих в свет по итогам таких мероприятий. Так, в названном выше журнале, посвященном актуальным проблемам назначения и исполнения уголовных наказаний, предупреждения преступности, нет рубрики «Социологические науки», но есть рубрики, посвященные психологическим, педагогическим и юридическим наукам [16]. В монографии же «Преступность в XXI веке», вышедшей в свет в 2020 г., постулируется «фундаментализация исследовательских подходов, базирующихся на осмыслении детерминации связей права с философией, социологией и психологией», нашедшая отражение... в представленном издании» [17, с. 557]. Тем не менее фактически вне внимания этих авторов работы современных социологов и социологов-классиков, работавших и работающих на изучаемом поле. Вспоминается в этой связи предупреждение Ю.А. Алферова о рисках отрыва уголовно-исполнительной политики от социологии [15, с. 4].

Продолжая анализ наследия Ю.А. Алферова в изучаемой области, нельзя не обратить внимания на достаточно критичное отношение ученого к социологам в связи с их повальным увлечением количественными методами. Тем не менее сам ученый фактически отождествляет опросные методы с количественной социологией, постулируя, что «в социологических исследованиях все три вида опроса стандартизированы» [11, с. 21]. Речь идет об анкетировании, интервью и тестировании. Иными словами, в данном случае наблюдается абстрагирование автора от потенциала интервью как метода качественной социологии. Продолжение такого абстрагирования находит отражение и в тезисе ученого о том, что «при любом методе исследования необходимо добиться репрезентативности (представленности) выборки опрашиваемых» [11, с. 22]. В этой связи возникает вопрос о взаимосвязи требований репрезентативности и особенностей методологии качественного исследования.

Примечательно и другое: подчеркивая значимость учета опыта европейских стран в аспекте поднятия престижа сотрудников ИТУ России, ученый подвергает критике отечественных ученых за заимствование идей у западной социологии «в отрыве от российской действительности». При этом фактически за кадром остается накопленный именно в западной социологии богатый – почти столетний – опыт проведения качественных исследований «тюремной жизни», нехватку которых Ю.А. Алферов и обозначил, критикуя отечественных ученых за их «анкетоманию». Разумеется, анализируя сказанное выше, не следует забывать об особенностях развития социальной науки в России 90-х гг. XX в. и сегодня, в ситуации растущей доступности интернет-ресурсов и развития коммуникации отечественных ученых с зарубежными коллегами.

Однако обозначенные выше особенности в трактовке пенитенциарной социологии, ее потенциала характерны для целого ряда работ современных отечественных авторов. Речь идет, прежде всего, об учебных пособиях или учебно-методических комплексах по пенитенциарной социологии, разработанных для студентов юридических вузов и изданных в таких городах, как Владимир [18], Вологда [19, 20], Москва [21], Рязань [22], Санкт-Петербург [23]. Признаком хорошего тона является обращение авторов современных текстов к наследию Ю.А. Алферова. Из зарубежных ученых упоминаются, как правило, такие, как Д. Говард, Э. Ферри, М. Фуко.

Обращает на себя внимание терминология, презентуемая авторами таких работ как ключевые понятия пенитенциарной социологии. В

лучшем случае в перечне этих понятий оказываются присущие социологии в целом [20] или психологии [21], в худшем – далекие от предметного поля пенитенциарной социологии [23]. Так, в одной из работ по пенитенциарной социологии «Словарь терминов» занимает 7 из 27 листов текста, включая в себя исключительно уголовный жаргон: «абвер – оперчасть ИУ», «академик – уголовник, авторитет», «академия – тюрьма или место сбора воров и шулеров», «бабки – деньги», «баки – часы», «пропустить – изнасиловать» и т.п. [23, с. 20–27]. Что касается сути пенитенциарной социологии, то она может определяться и так: «наука, изучающая преступный мир, его историю, традиции, субкультуру, т.е. неформальные нормы поведения, установки, законы, татуировки, жаргон и т.п.» [23, с. 5] – или как наука о «значимых вопросах социальной адаптации осужденных, их субкультуре, стратификации, ресоциализации» [4, с. 49]. Более того, цель такого учебного курса определяется порой, как «познакомить студентов с тюремными традициями и обычаями и выработать у них систему знаний, умений и навыков их применения в работе уголовно-исполнительных органов» [23, с. 6]. Иными словами, предмет пенитенциарной социологии в данном случае трактуется даже уже, чем тюремная субкультура. Более того, такое целеполагание позволяет заключить, что от будущих юристов ожидается использование ими тюремных традиций и обычаев в будущей профессиональной деятельности. В любом случае, что может быть неправильно понято, нередко именно так и понимается.

В некоторых работах пенитенциарная социология отождествляется с социологией исполнения наказаний [18], с чем даже на уровне логики трудно согласиться уже в силу того, что наказание бывает не только уголовным. Примечательно, что и в научных статьях предмет пенитенциарной социологии может ограничиваться тюремной субкультурой [3, с. 241]. Более того, наблюдается не только фактическое отождествление предмета пенитенциарной социологии с тюремной субкультурой, но и ряд неточностей: говорится, например, что понятие социологии «было введено в научный оборот в начале двадцатых годов прошлого столетия, когда вышла двухтомная монография философа П.А. Сорокина «Система социологии» [3, с. 242]. При этом утверждается, что «социологию в 30-х годах прошлого столетия изучал французский философ Огюст Конт», считающийся «основателем социологии» [3, с. 242]. Однако О. Конт, как известно, жил и творил в XIX – не в XX – веке, да и П. Сорокин был социологом. Или автор на одной и той же странице своей статьи говорит о работе Д. Говарда «О положении тюрем в Англии и Валлисе», датированной то 1790 г., то 1780 г., и далее – о том, что Д. Говард «в XX в. утверждал, что тюрьма не должна быть «академией преступлений» [4].

В научных статьях можно прочитать и о том, что «составными частями пенитенциарной социологии» являются социология управления как ее базовая основа, а также такие ее составляющие, как социология преступности, права, молодежи, досуга, наряду с социальной психологией и социальной статистикой [3, с. 242]. И далее – о том, что совокупность этих составляющих в части специфической реализации в местах лишения свободы выделяется в самостоятельную отрасль социологии – пенитенциарную социологию. Фактически данный текст выхвачен, так сказать, в переработанном виде из «Пенитенциарной социологии» Ю.А. Алферова [11, с. 13], без цитирования последнего. Правда, Ю.А. Алферов ведет речь о названных выше дисциплинах как составляющих социологии, которые «в части специфической реализации в условиях мест лишения свободы представляют самостоятельную отрасль социологии – пенитенциарную социологию» [11, с. 13].

Примечательно, что и в монографической литературе наблюдается своего рода противопоставление отечественной и «мировой» науки. Излагая свою точку зрения, автор может противопоставлять ее другой, ибо последняя исходит «из мировой практики понимания пенитенциарной криминологии, где она является частью социологической науки» [24, с. 20]. Не будем задаваться серией вопросов, возникающих при прочтении данного тезиса, сформулируем лишь один: разве отечественная практика не является частью мировой?

Остановимся в силу сказанного выше на вкладе западных ученых в становление и развитие пенитенциарной социологии. Заметим, что ее название разнится от «пенитенциарной социологии» [10] до «социологии тюрем» [25], «социологии тюремной жизни» [26], «социология наказания» [27]. Последняя, правда, включает в себя более широкое проблемное поле. В данных работах общим с российскими текстами по изучаемой тематике является дань должного, отдаваемая наследию И. Бентама, Дж. Говарда, М. Фуко. При этом в работах западных ученых не остаются вне внимания классики рассматриваемой науки, включая, повторим, Д. Клеммера, Г. Сайкса, а также И. Гофмана. Так, одна из наиболее цитируемых и выдержавших несколько изданий работ Г. Сайкса «Общество пленников: исследование тюрьмы строгого режима»

написана в разгар холодной войны [8]. Тюрьма в ней представляется как вещь, «самая близкая к тоталитарной системе». Сайкс обосновывал, что многие психологические эффекты современной тюрьмы более жестокие, чем физические жестокости прошлого; что травмы, полученные заключенными, оставляют пожизненные шрамы и вдохновляют их на солидарность и ожесточенное сопротивление властям как стратегии отказа от тех, кто их отвергал. Кстати сказать, считается, что данная работа послужила толчком к написанию «Надзирать и наказывать» М. Фуко.

Вне внимания отечественных авторов и работы ведущих современных исследователей тюрем, включая сотрудников центра исследования тюрем Кембриджского университета Б. Кру и Д. Беннета, ряд работ которых посвящен голосам самих заключенных, а также их взаимоотношениям с семьями и тюрьмами. Уникален в данном случае их совместный труд, на первом плане в котором – рассказы самих осужденных о тюремной жизни [28]. В каждой из глав, посвященной конкретной подгруппе осужденных, разделенных по возрастному, этническому и иным признакам, представлены как тексты из интервью с ними, так и последующие академические комментарии ведущих ученых или практиков. Примечательно и другое: один из авторов данной работы – сотрудник исследовательского центра тюрем Института криминологии Кембриджского университета, другой, проработавший 15 лет начальником тюрьмы, ныне – редактор журнала тюремной службы Prison Service Journal. Кстати сказать, профессиональная карьера Д. Беннета в данном случае напоминает путь в науку Ю.А. Алферова, бывшего сотрудника, затем начальника тюрьмы, ставшего известным ученым, приглашенным в свое время в США прочитать курс пенитенциарной социологии [5].

Представляется весьма интересной, повторим, работа Л. Дирги о развитии пенитенциарной социологии в Чехии с акцентом на будущем данной науки и особенностях «пенитенциарных социологов», изучающих социальные отношения в тюрьмах [10]. В ситуации, когда в большей части отечественных работ по пенитенциарной социологии доминирует фокусировка внимания на значимости изучения осужденных, нельзя не согласиться с размышлениями Л. Дирги об ошибочности такого приоритета, обратив внимание на не меньшую значимость изучения сотрудников исправительных учреждений, которые не должны «быть забытыми» [10, p. 5]. Кстати сказать, такая постановка вопроса, как пишет Л. Дирга, была представлена в западной науке уже в 1980-х гг. В фокусе внимания ученого – современные подходы к изучению института тюрьмы. При этом ученый сетует относительно превращения социологов в тюрьмах Чехии «в воображаемую «миссис Колумбус», о существовании которой написано, но на самом деле ее не видно» [10, p. 15], как и нет четкого понимания различия профессий социолога и специалиста по социальной работе.

Ведя речь о современных исследованиях тюрьмы, невозможно обойти вниманием работу Д. Пируза и С. Деккера о бандах в тюрьмах США, получившую высокую книжную награду [29]. В результате 5-летнего исследования в двух тюрьмах США с фокусом на 802 интервью с осужденными исследователи нанесли серьезный удар по всевозможным спекуляциям относительно действующих в тюрьмах банд. Новаторский взгляд ученых на исследуемую проблему связан с ее рассмотрением самими членами банд, с которыми связаны, согласно проведенному исследованию, 15% лиц, отбывающих уголовное наказание.

В целом к особенностям работ современных западных коллег, представляющихся значимыми в контексте проанализированных работ отечественных авторов, отнесем глубокое описание проводимых ими полевых исследований, обоснование используемых методов с акцентом на потенциале качественных исследований; описание способов установления контактов с осужденными и сотрудниками тюрем, вовлечения в данный процесс молодых исследователей и роль добровольчества в данном процессе.

Заключение

Резюмируя сказанное выше об инвентаризации отечественной пенитенциарной социологии в обозначенных выше рамках, повторим, что немало сделано на этом поле в 90-х гг. XX в. Ю.А. Алферовым. Его работы и сегодня в числе наиболее цитируемых авторами указанных выше отечественных текстов. Ученый поставил вопрос о значимости серьезных научных исследований современной тюрьмы, на которых должны базироваться программы «перевоспитания осужденных», реформирование уголовно-исполнительной системы в целом. Им написан целый ряд работ, способствующих решению подобного рода задач, в том числе о значимости пенитенциарной социологической службы. Огромное внимание было уделено ученым и подготовке кадров для системы исполнения уголовного наказания.

Что касается сегодняшнего дня, то анализ работ, в названии которых представлено словосочетание «пенитенциарная социология», поз-

воляет вести речь об абстрагировании отечественных авторов от процессов, происходящих в западной науке. Работы как классиков пенитенциарной социологии, так и крупных современных ученых остаются в российском дискурсе «дамой под вуалью». Проблемное поле пенитенциарной социологии фактически не включает – за небольшим исключением – темы взаимотношений осужденных с семьями, с сотрудниками исправительных учреждений, внешней средой. Фактически вне внимания и методы, используемые в пенитенциарной социологии. Речь идет о том, что описание их если дается, то на уровне обращения к психологическим текстам и общей характеристики ключевых методов социологии. Методология качественных исследований и их потенциал в изучении предмета пенитенциарной социологии остается практически вне внимания отечественных авторов.

Создается впечатление, что большая часть работ посвящена именно тому, какой «должна быть» пенитенциарная социология, а не сложившимся практикам развития данной науки, особенностям изучения института тюрьмы. Иными словами, накопленный западными коллегами багаж в исследовании проблемного поля пенитенциарной социологии, включая работы классиков и современных ученых, нуждается не только в учете, но и в актуализации его в аспекте развития отечественной пенитенциарной социологии. Не в меньшем внимании, впрочем, нуждаются и работы классиков отечественной социологии, имена и работы которых далеко не сводимы к обозначенным в проанализированных нами текстах.

На основе сказанного предлагается к обсуждению с уважаемым читателем вопрос о создании профессионально-общественной экспертизы научных и учебных работ по проблемам криминологии, пенитенциарной социологии, в частности. Может ли появиться, например, при Союзе криминалистов и криминологов или Российском обществе социологов такое направление работы по образу и подобию «профессионально-общественной аккредитации образовательных программ», зафиксированной в ФЗ «Об образовании в РФ»?

И последнее: если у уважаемого читателя возникло желание вступить в дискуссию или задать вопросы по обсужденной в статье тематике, то считаю свою задачу выполненной.

Список литературы

1. Аверкиева К. Около тюрьмы [Рецензия на книгу: Омельченко Е.Л., Пэллот Дж. (ред.). (2015). Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных. СПб.: Алетейя, 240 с. (Качественные методы в социальных исследованиях). ISNB 978-5-906792-16-7]// Социологическое обозрение. 2013. Т. 14. № 3. С. 175–189.

2. Литвинова М. В России скоро будет некому сидеть // Коммерсант. 2021. № 33 от 26.02.2021. С. 4. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4704792 (дата обращения: 19.09.2021).

3. Малинин В.Б., Трапаидзе К.З. Новое направление социологии и уголовно-исполнительного права – пенитенциарная социология // Приоритетные направления развития науки и образования. [Ахметшина Э.Н., Баратов Д.Х., Бутузова Л. и др.] / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 241–248.

4. Нятина Н.В., Клименко Н.Н., Черных М.И. К вопросу об институционализации пенитенциарной социологии // Общество, социология, психология, педагогика. 2020. № 10. С. 49–53.

5. Черносвитов Е.В. Специальная социальная медицина: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2004. 704 с.

6. Hayner N.S., Ash E. The prison as a community // American Sociological Rev. 1940. Vol. 5. № 4. P. 577–583.

7. Clemmer D. The prison community. New York: Rinehart, 1958. 341 p.

8. Sykes G.M. The society of captives. A study of a maximum security prison. NJ.: Princeton University Press, 1958. 150 p.

9. Стукало А.А. Международный справочник по современным направлениям в социологии / Под ред. Р. Моэна, А. Уилки. Вестпорт: Гринвуд Пресс, 1994. 837 с. // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 208–211.

10. Dirga L. Sociology behind bars? Penitentiary sociology in the Czech Republic // Czech Sociological Review. URL: https://www.researchgate.net/publication/353989677_Sociology_Behind_Bars_Penitentiary_Sociology_in_the_Czech_Republic (дата обращения: 22.09.2021).

11. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: Общая часть: (методологический аспект): Учебник в 2 ч. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1995. 177 с.

12. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. Особенная часть (предметно-методический аспект): Учеб. для вузов МВД России. В 2 ч. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1995. 182 с.

13. Ядов В.А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3–16.

14. Ананиан Л.Л. 96.03.034. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: Учебник для вузов МВД России. В 2 ч. / Респ. Ин-т повышения квалификации работников МВД РФ. Домодедово: РИПК МВД РФ, 1995. Общая часть: (методол. аспект). 177 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал.1996. № 3. С. 136–141.

15. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных: Монография / Респ. ин-т повышения квалификации работников МВД РФ. Домодедово, 1994. 204 с.

16. Журнал «Пенитенциарная наука». URL: https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=44116361 (дата обращения: 17.09.2021).

17. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия» / Под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. 559 с.

18. Пенитенциарная социология: Учеб-метод. пособие / Федер. служба исполнения наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, каф. гуманит. дисциплин; сост. Л. Филиппова. 2-е изд., испр. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011. 75 с.

19. Желтов А.А. Пенитенциарная социология: Методические рекомендации для слушателей заочной формы обучения по специальности 030501 «Юриспруденция» (уголовно-правовая специализация). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. 83 с.

20. Желтов А.А. Пенитенциарная социология: Курс лекций / Федеральная служба исполнения наказаний, Вологодский ин-т права и экономики. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. 358 с.

21. Бовин Б.Г. (и др.) Социология и психология осужденных в местах лишения свободы / Под общ. ред. О.Г. Ковалева; Федер. служба исполнения наказаний, Науч.-исслед. ин-т. М: НИИ ФСИН России, 2005. 120 с.

22. Казанцев В.Н. Пенитенциарная социология: Уч. пособие. Рязань, 2010.

23. Пенитенциарная социология: Учебно-методический комплекс / Авт.-сост. В.Б. Малинин. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 27 с.

24. Уваров И.А. Введение в пенитенциарную криминологию (Опыт структурного построения): Монография. М.: Илекса, 2007. 224 с.

25. Mathiesen T. The sociology of prisons: Problems for future research // The British Journal of Sociology. Dec. 1966. Vol. 17. № 4. P. 360–379.

26. Drake D.H., Darke S. and Earle R. Prison life, sociology of: recent perspectives from the United Kingdom // In: Wright J. (ed.) International Encyclopaedia of Social and Behavioural Sciences. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015. P. 924–929.

27. Academic Spotlight: The sociology of punishment, criminal justice, and human rights law. URL: https://sites.manchester.ac.uk/humanities-blog/2021/07/29/academic-spotlight-the-sociology-of-punishment-criminal-justice-and-human-rights-law/ (дата обращения: 22.09.2021).

28. The Prisoner / Ed. by B. Crewe, J. Bennett. 1st edition. London: Routledge, 2011. 184 p.

29. Pyrooz D.C., Decker S.H. Competing for control: Gangs and the social order of prisons. Cambridge University, 2019. 310 p.

ON THE QUESTION OF INVENTORY OF PENITENTIARY SOCIOLOGY IN THE RUSSIAN DISCOURSE

N.P. Shchukina

Samara State Medical University

The article focuses on the peculiarities of the interpretation of the subject of penitentiary sociology in Russian discourse. It is postulated that the established practice of designing this subject actualizes the topic of inventory of both ongoing research and the experience of teaching this discipline in Russian universities.

The main goal of the article is to correlate Russian practices of interpreting penitentiary sociology with the actual state of affairs in this science.

The analysis is based on the study of scientific and educational-methodical works of domestic authors, in the title of which the phrase «penitentiary sociology» is presented.

Keywords: penitentiary sociology, subject and methods of penitentiary sociology, conceptual apparatus of penitentiary sociology, sociological research.

УДК 316.4
DOI 10.52452/18115942_2021_4_50

ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОРОВ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНДИВИДОВ

© 2021 г.

Г.Л. Воронин, Д.О. Мамлев

Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
voroninglmail@mail.ru
Мамлев Дмитрий Олегович, аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Marek_15@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2021
Статья принята к публикации 22.10.2021

Рассматриваются вопросы миграционного оттока населения больших городов Приволжского федерального округа в направлении федерального центра Российской Федерации. В течение последних почти 30 лет в России отмечается тенденция центростремительных миграционных перемещений населения, истощая социально-экономическую среду регионов выбытия. Авторы предпринимают попытки выявления ключевых факторов, которые оказывают влияние на индивида при принятии решения о миграции. С этой целью проведён сравнительный анализ трёх исследуемых социальных групп: коренные москвичи, москвичи-мигранты и жители городов Поволжья. Рассматривается блок вопросов, затрагивающих аспекты имеющейся работы у респондентов, ситуации на рынке труда в рассматриваемых регионах с разбивкой по отраслям экономики, самооценки реальной покупательной способности населения, оценки своего текущего и перспективного материального положения населением.

По итогам проведенного сравнительного анализа в заключительной части статьи сформированы ключевые детерминанты, оказывающие влияние на направление и интенсивность миграционных процессов в направлении Поволжье – Москва.

Ключевые слова: миграционный процесс, социально-экономическое благосостояние, мотивы выбора, большой российский город, субъект РФ, Приволжский федеральный округ.

Введение

Миграционный процесс – по своей сути социальный процесс. Индивид или группа индивидов осуществляют перемещение в физическом пространстве из точки А в точку Б. Вполне ожидаемо при фиксации внимания на данном процессе сразу возникает целый ряд вопросов: откуда шло перемещение? Куда осуществлялось перемещение? В чём преимущества точки Б перед точкой А? Посредством чего выполнялось перемещение? И, наверное, один из самых главных вопросов: почему выполнялось данное перемещение индивидов, какова социальная причина этого события? Чтобы найти ответы на данные вопросы, порою необходимо прибегнуть к помощи целого ряда наук: географии, экономики, политологии, истории, социологии, психологии и даже биологии. Тем не менее если идёт речь об осознанном решении индивида о территориальном перемещении в пространстве одной страны или между странами, без прямого воздействия внешних факторов, то поиск ответа на данный вопрос необходимо начинать в первую очередь с социальных наук и уже дальше двигаться с использованием достижений других научных направлений в целях выработки комплексного решения данного вопроса.

Обратимся к конкретной ситуации: XXI век, Россия. После потрясений 90-х годов XX столетия страна продолжает процесс своего развития на так называемых «рельсах» рыночной экономики. Отказ от плановой экономики как в хозяйственной деятельности, так и обществе в целом, возложение надежд преодоления кризиса на «рыночные механизмы» привели к катастрофическому снижению всех показателей развития страны: промышленность, сельское хозяйство, образование, наука, медицина, обострение демографической ситуации, что и спровоцировало миграционные проблемы в постсоветской России.

Особого внимания заслуживают миграционные процессы, протекающие и затрагивающие непосредственно интересы федеральных округов европейской и азиатской частей Российской Федерации. В эпоху, когда эти территории входили в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, государство в большей степени имело влияние на направление и интенсивность миграционных процессов преимущественно за счёт формирования новых промышленных центров, а также строительства крупных инфраструктурных объектов, которые требовали привлечения значительного количества трудовых ресурсов как на этапе создания, так и на этапе дальнейшей эксплуатации. Целевые распределения после окончания учебных заведений, целина, командирование трудовых отрядов, региональные надбавки и многое другое являлись эффективными механизмами управления миграционными процессами в масштабах страны и отдельных регионов.

С распадом СССР наметились кардинальные изменения не только в подходе к управлению национальным хозяйством, но и в вопросах расселения и мобильности населения. С одной стороны, с принятием новой Конституции РФ населению России было даровано больше прав в свободе перемещения, в том числе и за пределы Российской Федерации. Смена политического режима в государстве подразумевала переход на рыночную экономику, что должно было положительно отразиться на мобильности населения. Однако правительство России столкнулось с рядом проблем в области миграции населения: за период с 1992 по 2002 г. произошёл катастрофический отток населения из таких регионов, как Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток. Лидерами во всероссийской статистике по оттоку населения были Магадан и Чукотка. При этом население Москвы выросло за этот же период на 30%. «Болезненные» изменения не обошли стороной и даже такой экономически и промышленно развитый Приволжский федеральный округ [1]. Почему же данная проблема затронула этот регион?

Переход страны от командно-плановой к рыночной экономике болезненно ударил по ряду субъектов России. Если при советской власти средний уровень дохода и заработной платы в регионе оставался примерно на одном уровне, то с переходом на рыночную экономику разница между регионами в заработной плате и доходах выросла в несколько раз. В лидерах оказались субъекты Российской Федерации, где сосредоточена добыча топливно-энергетических ресурсов, располагаются штаб-квартиры топливно-нефтяных и ресурсосбытовых компаний.

В 90-х годах XX столетия многие предприятия были вынуждены выдавать заработную плату в натурной форме, что ухудшало положение населения некоторых регионов, осложнялось определёнными операционными издержками.

И сегодня по-прежнему остаётся актуальной проблема оттока населения, в том числе трудоспособного, из Приволжского федерального округа в направлении федерального центра [2].

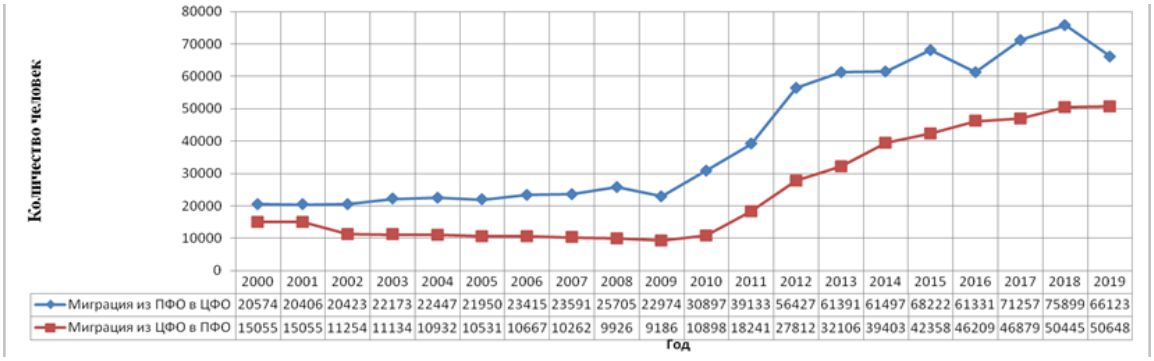
Цель статьи – проанализировать социально-экономические детерминанты миграционных настроений населения городов ПФО при принятии решения о смене региона своего проживания и/или профессиональной деятельности.

Методология

Объектом исследования выступает территориальная мобильность в европейской части России, предметом исследования – социальные факторы, стимулирующие территориальную мобильность населения европейской части России. Под территориальной мобильностью в данном исследовании понимается перемещение индивидов (или группы индивидов) в физическом пространстве в границах одной или нескольких административно-территориальных единиц (далее – АТЕ), направленное на изменение своего социального статуса с целью удовлетворения своих потребностей. Исследование акцентируется на поиске взаимосвязей между протекающими миграционными процессами и показателями социально-экономического развития рассматриваемых АТЕ, что предоставляет возможность анализа «горизонтальной мобильности» на уровне как географического (физического), так и социального пространств. На данном этапе исследования основным методологическим подходом выступает теория социальной мобильности Питирима Сорокина [3].

Учитывая характер рассматриваемого социального процесса, уместно прибегнуть к методологии Г. Зиммеля [4], П. Бурдье [5] и З. Баумана [6]. В трудах данных ученых рассматривается вопрос взаимосвязи социального пространственного расположения индивида и его перемещения в физическом пространстве. Своеобразной «точкой опоры» выбранной методологии является одна из ключевых базовых потребностей человека – возможность свободно перемещаться в пространстве, будь то физическом или социальном.

Дополнительно предлагается взглянуть на рассматриваемую проблему через призму совместного труда Р. Мак-Кензи и Р. Парка «Город», в котором раскрывается идея, согласно которой пространственная миграция индивида

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Миграция из ПФО в ЦФО	20574	20406	20423	22173	22447	21950	23415	23591	25705	22974	30897	39133	56427	61391	61497	68222	61331	71257	75899	66123
Миграция из ЦФО в ПФО	15055	15055	11254	11134	10932	10531	10667	10262	9926	9186	10898	18241	27812	32106	39403	42358	46209	46879	50445	50648

Рис. 1. Динамика размеров миграционных потоков
между городами ПФО и ЦФО (составлено по данным [9])

или группы индивидов выступает в роли катализатора социальной мобильности [7].

Выявление главенствующих факторов миграции населения в пределах заявленных административно-территориальных единиц выполнено в разрезе теории американского социолога и демографа Э. Ли «pull/push factors» в части выявления дифференциала в показателях социально-экономического развития сравниваемых территорий [8].

Описание и результаты исследования

Основная цель исследования – социологическое изучение населения крупных городов Приволжского федерального округа, а также города Москва и Подмосковья с позиций направленности протекающих миграционных процессов в сообщениях города ПФО – федеральный центр.

Источником социологической информации в контексте исследования были определены база данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и результаты ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (далее – РМЭЗ НИУ ВШЭ) [9].

При анализе социально-экономического положения населения рассматриваемых регионов был взят временной отрезок 1994–2019 гг. В работу включены ответы респондентов по индивидуальным вопросникам для взрослых респондентов. Данная информация раскрывает следующие аспекты жизнедеятельности индивидов: материальное благосостояние, удовлетворенность жизнью, работа, структура доходов и расходов. Иными словами, базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют провести статистический и динамический анализ жизни населения страны. В свою очередь, выявленная при анализе вышеперечисленных параметров дифференциация, посредством её интерпретации через призму теории «pull/push factors» Э. Ли [8], позволит сформировать представление об отталкивающих и притягивающих миграционные потоки факторах в рассматриваемых регионах.

В рамках исследования были определены три социальные группы: коренные москвичи (проживающие в г. Москве и ближнем Подмосковье с рождения), москвичи-мигранты (родившиеся в другом регионе России) и проживающие в городах Приволжского федерального округа. Выборка по каждой группе составила 27 595, 15 592 и 150 501 человек, соответственно [9]. После формирования данных групп требовалось провести сравнения между ними по различным показателям, отражающим позицию респондентов по вопросам, затрагивающим различные аспекты жизнедеятельности. Для чего это необходимо?

Согласно официальной статистике, на протяжении как минимум последних 20 лет имеет место тенденция миграции населения из городов Приволжского федерального округа в центральные районы страны. По данным Росстата, в 2018 г. размеры миграционных потоков из городов Приволжского федерального округа в направлении Центрального федерального округа были в 3 раза крупнее, чем в 2008 г. [10]. При этом на всём протяжении рассматриваемого временного отрезка в среднем сохраняется пропорция – на каждого прибывшего в Поволжье из Центрального федерального округа приходится 2 человека в обратном направлении. Динамика миграционного оттока и прироста населения Приволжского федерального округа в связи с Центральным федеральным округом представлена на рис. 1.

Установлено, что средний прирост миграционных потоков из городов ПФО отмечен на

уровне 7% к показателям предыдущего года. Как итог, за десятилетний период, с 2009 г. фиксируется миграция из Приволжского федерального округа в направлении федерального центра в количестве 815.8 тыс. человек. За рассматриваемый период в обратном направлении объём мигрантов составил 497.3 тыс. человек.

Сложившаяся ситуация характеризуется как «вытягивание» Московской агломерацией трудоспособного населения из городов Приволжского федерального округа. Подобная ситуация нашла своё отражение в трудах представителя Чикагской школы социологии Л. Вирта [11]. И данный процесс несёт в себе немало проблем как для стороны выбытия, так и для стороны прибытия миграционных потоков.

Для городов ПФО, в первую очередь, становятся актуальными проблемы социально-экономического и демографического характера. Сокращается объём высококлассных специалистов на предприятиях регионов, что, в свою очередь, негативно отражается на показателях эффективности деятельности предприятий и отраслей регионов в целом. Как итог, замедляется развитие социальной, инженерной и экономической инфраструктуры регионов, делая её ещё менее привлекательной для жизни. Имеет место и сокращение численности населения АТЕ. Не менее актуальной становится проблема культурного истощения региона за счёт сокращения числа культурных носителей и разрушения цепочек поколенной передачи культурных ценностей.

Для принимающей же стороны регулярно прибывающие миграционные потоки создают дополнительную нагрузку на инженерную и социально-экономическую инфраструктуру мегаполиса, ставя местные администрации в роли «постоянно догоняющей».

Учитывая, что в Москву и ближнее Подмосковье стекаются миграционные потоки не только с разных концов России, но и из ближнего и дальнего зарубежья, отдельного внимания заслуживает вопрос поддержания социальной экологии города (термин введён Робертом Парком при проработке проблем городских кризисов и равновесия в городской среде [12]). В условиях масштабной глобализации и формирования мегаполисов и глобальных городов данные населенные пункты становятся местом социальной поляризации и разрушения культурной идентичности [13]. Большая плотность населения крупных городов и мегаполисов усиливает дифференциацию общества [14; 15]. В условиях постоянного взаимодействия в широком социальном и сравнительном узком физическом пространстве порождается социальное дистанцирование, чувство одиночества и эгоцентричности [12]. Размеры города пропорционально соответствуют объёму даруемых жителям индивидуальной и социальной свобод в духовном и моральном смысле и, как следствие, росту доли взаимного безразличия и замкнутости, что накладывает свой отпечаток на мышление и психологию жителей больших городов. Жители больших городов имеют частый физический контакт с другими жителями из-за большей плотности населения, чем в сельской местности или в малых городах, но морально они чувствуют себя одинокими, так как контакты носят характер разового взаимодействия без установления регулярных социальных и психологических связей [4].

Одним из методов борьбы с обозначенными выше проблемами является управление миграционными процессами. Для эффективного управления протекающими миграционными процессами необходимо изучить и понять мотивы передвижений индивидов.

Согласно исследованиям европейских социологов, среди ряда ключевых факторов, стимулирующих миграционные процессы населения, находится финансово-экономическая составляющая. В последние годы вес данного фактора имеет тенденцию к увеличению при принятии решения индивидом о миграции в более развитые регионы страны [16, 17]. Увязывая пространственную мобильность с социальной, исследователи отметили, что отдельные представители домохозяйств (или целые домохозяйства), неудовлетворённые своей жизнью в данном месте проживания, передислоцируются в другой, более комфортный и приемлемый для них регион с целью повышения материального положения, реализации возрастающих потребностей.

Руководствуясь данной информацией, в рамках настоящего исследования посредством базы данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выполняется сравнительных анализ показателей удовлетворенности различными сферами своей жизни трёх групп («коренные москвичи», «москвичи-мигранты» и «жители городов ПФО») с целью выявления дифференцированных показателей, которые и можно рассматривать как потенциальные детерминанты для принятия решения индивидами о миграции.

Первая группа вопросов посвящена работе респондентов. На рисунке 2 представлена динамика изменения уровня удовлетворенности своей работой среди трех рассматриваемых групп в 2002–2019 гг.

В данном вопросе под общей удовлетворённостью своей работой подразумевается совокупная оценка респондентом имеющейся ра-

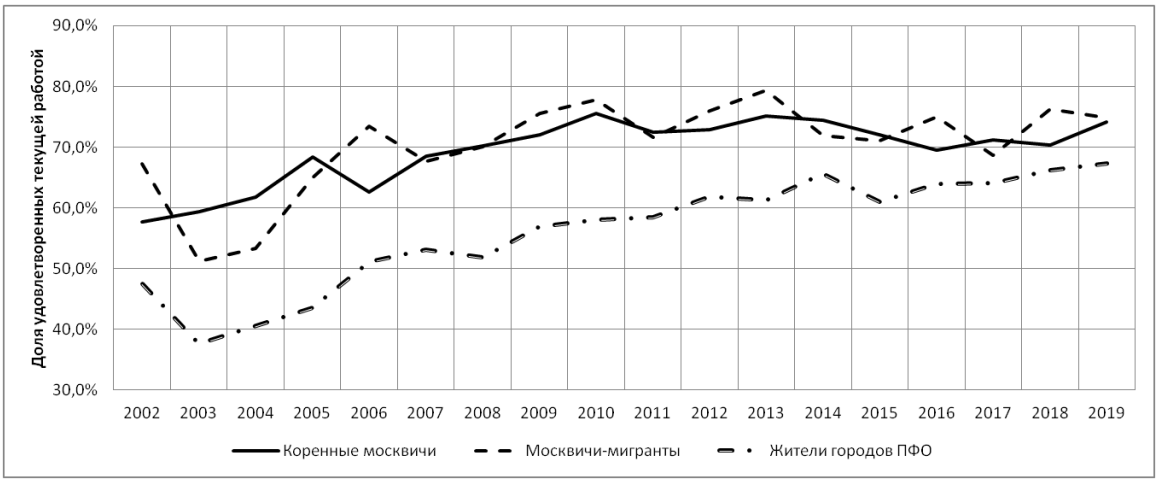

Рис. 2. Уровень удовлетворенности (полностью и частично удовлетворенных) своей работой среди рассматриваемых социальных групп (составлено по данным [9])

боты, выставленная на основании оценок по следующим показателям: условия труда, размер ежемесячной заработной платы, возможности для карьерного роста, продолжительность рабочего дня, график работы, соответствие работы имеющейся квалификации, наличие свободного времени.

Как показывает анализ, в 2007–2019 гг. удовлетворенность работой среди приезжих и коренных москвичей колеблется в диапазоне 70–80%, при этом статистически значимых различий в оценках коренных москвичей и приезжих не зафиксировано. Среди жителей ПФО количество удовлетворенных своей работой с 40% в 2004 г. выросло к 2009 г. до 56%, что в первую очередь связано со стабилизацией национальной экономики после потрясений 90-х годов двадцатого столетия и началом реализации государственных инициатив, позволивших улучшить ситуацию и обеспечить занятость в ключевых отраслях экономики России. Одним из последствий экономического кризиса 2008 г. стало снижение темпов роста удовлетворенности своей работой, в том числе в регионах ПФО, по причине нарушения нормальной работы основной массы предприятий и организаций. Начиная с 2009 года, как в Московском регионе, так и в городах ПФО возобновился ежегодный рост доли удовлетворённых своей работой. При этом динамика изменения данной переменной в разрезе коренных и приезжих москвичей принимала как положительные, так и отрицательные значения, в отличие от малого, но стабильного прироста доли удовлетворённых своей работой в Поволжье, за исключением кризиса 2014 – 2015 г. В целом в 2002 – 2019 гг. доля удовлетворенных своей работой жителей ПФО была ниже этого показателя среди москвичей (коренных и приезжих) на 13%.

Схожая картина наблюдается и по показателю удовлетворенности условиями труда. С 2003 по 2014 г. статистически значимые различия в уровне удовлетворенности заработной платой между коренными и приезжими москвичами с одной стороны и респондентами из городов ПФО с другой находятся в диапазоне 10–15%. В 2015–2017 гг. уровень удовлетворенности заработной платой по ПФО опустился с 37 до 33%. У москвичей в 2015 г. произошло снижение с 50 до 40%. В целом наибольшую удовлетворенность демонстрировали именно приезжие москвичи, притом в городах Поволжья в это время отмечается уверенный рост числа удовлетворенных своими карьерными возможностями с 26 до 51%. Среди приезжих и коренных москвичей, после фиксированных значений на уровне 55–60% в период с 2006 по 2015 г., отмечено снижение уровня удовлетворенности своими карьерными возможностями до 35–50%. Стоит отметить, что в 2009 и 2019 г. демонстрируется сравнительно стабильная удовлетворительная оценка соответствия своей работы имеющейся квалификации среди приезжих москвичей (70% и 72%, соответственно) и жителей ПФО (60% и 68%, соответственно), тогда как москвичи заявляют о снижении удовлетворенности соответствием работы уровню квалификации с 72 до 66%. Всё это происходит на фоне экономического кризиса 2008 г., когда наметилась тенденция снижения доли работающих по своей специальности (в ПФО среднее количество трудящихся по специальности в течение последних 7 лет на 3–5% больше, чем среди коренных и приезжих москвичей).

При рассмотрении указанных выше показателей с разбивкой по отраслям и секторам экономики были выявлены следующие закономерности: в ключевых областях экономики и промышленности (гражданское машиностроение,

военно-промышленный комплекс, нефтегазовая промышленность, тяжелая промышленность, строительство, транспорт и связь, сельское хозяйство и легкая и пищевая промышленность) регионами ПФО демонстрируются более низкие результаты удовлетворенности работой, условиями и оплатой труда. В среднем доля удовлетворенных в Поволжье на 14–18% меньше, чем среди москвичей. Москвичи-мигранты демонстрируют наибольшую удовлетворенность в ВПК, во всех видах тяжелой промышленности, нефтегазовой отрасли (наивысший результат), транспорта и связи, сельского хозяйства, образования, бытового обслуживания, ЖКХ, энергетической промышленности и туризма.

Особо выделяется разрыв между москвичами-мигрантами и респондентами ПФО по сферам «финансы» и «образование», которые не так ярко выражены в показателе «удовлетворенность работой».

В высокодоходных, а также в высокотехнологичных видах промышленности за 10-летний период отмечен спад уровня удовлетворенности соответствием имеющейся работы своей квалификации. Выявляется зависимость между значением уровня удовлетворенности соответствием имеющейся работы квалификации и уровнем удовлетворенности оплатой труда, условиями труда и работой в целом среди москвичей-мигрантов. Иными словами, уместен вывод, что, по мнению самих мигрантов, они не могут наиболее полно и эффективно применить свои знания и навыки на предприятиях и в организациях Приволжского федерального округа.

Более привлекательными сферами деятельности в Поволжье, чем в Москве, являются работа в сфере недвижимости, юриспруденции, химической промышленности, природоохранной деятельности, сфере общественного питания, в средствах массовой информации.

По аналогии с данными Росстата, наблюдается рост чистого дохода в среднем в месяц на основном месте работы для всех трех групп. У москвичей отмечается доход примерно в 2 раза больше, чем у жителей ПФО. У москвичей-мигрантов в течение всего рассматриваемого периода (1998–2019 гг.), за исключением кризисного 2009 г., отмечен больший средний доход, чем среди коренных москвичей. С 1994 по 2006 г. в ПФО фиксировались куда более частые задержки по выплате заработной платы, чем в Московском регионе. С 2011 г. в ПФО случаи задержки своевременной выплаты заработной платы реже, чем в Москве (2.5% против 4.2%, соответственно). Среднее время задержки выплаты заработной платы с 2011 г. сократилось до 1.5–2.5 месяцев. После 2016 г. в Москве констатируется задержка выплаты не более чем на 1–2 месяца, против двух с половиной месяцев в ПФО.

Среди трех групп москвичи-мигранты чаще имеют вторую работу (в 7% случаев), против 2.5% и 4% среди коренных москвичей и жителей ПФО. Данный факт объясняется необходимостью покрывать значительные расходы на аренду жилья с учётом средних расценок по Московскому региону. На второй работе за период с 2006 по 2018 г. (за исключением кризисного 2014 г.) приезжие москвичи получали больше, чем коренные москвичи, на 5–10 тыс. рублей. В городах Поволжья с 2014 г. динамика изменения размера заработка на второй работе не меняется.

Особо хочется подчеркнуть, что среди коренных и москвичей-мигрантов отмечается сравнительно большая уверенность в том, что при внезапном увольнении они смогут найти работу не хуже имеющейся (см. рис. 3). В среднем с 2007 г. данный показатель для москвичей колеблется в диапазоне 55–65%, в ПФО с 2000 г. уверенность в данном факте выражают лишь 30–40% из числа опрошенных. Как видно из диаграммы на рис. 3, москвичи-мигранты, как и в вопросах удовлетворенности работой, чуть в большем количестве уверены в положительном исходе, чем коренные москвичи. При этом на основании ответов респондентов установлено: в среднем текущую работу коренные москвичи искали около недели, москвичи-мигранты в среднем чуть быстрее – до 6 дней. У респондентов в городах Поволжья на поиск работы в среднем ушло 3–4 недели. Данная информация даёт право предположить, что вопрос трудоустройства в городах ПФО является весьма актуальным и существенно тревожит население трудоспособного возраста.

Тем не менее в целом в России с 1994 г. наблюдается тенденция снижения количества желающих сменить работу. Если в 1994–1996 гг. около 40–50% респондентов хотели сменить место своей работы, то в период с 2005 по 2019 г. данный показатель колеблется в диапазоне 15–30%.

Если же вести речь об условиях смены текущей работы, то желаемый размер заработной платы на потенциальном рабочем месте должен быть: в Поволжье с разбивкой по годам в среднем выше текущего дохода на 40–50%, среди коренных москвичей – на 25–35%, среди москвичей-мигрантов – на 30–40%. Возникает предположение, что столь значительное увеличение размера дохода возможно, в первую очередь, за счёт изменения своего социального статуса. В условиях ограниченности предложений на рынке труда в регионе проживания (в данном случае регионе ПФО) одним из эффективных механизмов изменения социального статуса выступает территориальная мобильность. Разность

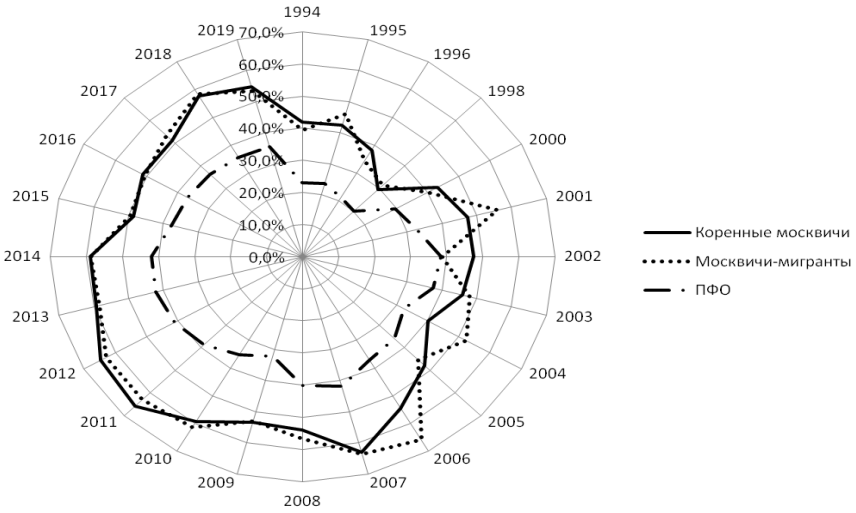

Рис. 3. Доля уверенных, что в случае незапланированного увольнения с текущего места работы они смогут найти работу не хуже имеющейся (составлено по данным [8])

между имеющимся и желаемым размером среднемесячной заработной платы населения можно рассматривать как один из индикаторов прогнозирования динамики миграционного оттока населения АТЕ.

Другая группа вопросов РМЭЗ НИУ ВШЭ помогла сформировать представление о степени удовлетворённости уровнем и качеством своей жизни респондентами, а также относительно объективно провести оценку их текущих возможностей.

Первоначально были проанализированы ответы респондентов на вопрос: «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние 12 месяцев»? По всем трем группам отмечены сравнительно одинаковые показатели. Основная доля опрошенных на протяжении 20 последних лет отмечает, что значительных изменений не было (за исключением снижения этого показателя во время кризисов 2008 и 2015 г.). По трём группам схож процент ответивших, что материальное положение улучшилось, – в среднем 10–25%. Но на фоне этого как коренные, так и приезжие москвичи куда чаще отвечали, что их материальное положение за последний год ухудшилось, в сравнении с индивидами из ПФО. Особо данные разрывы в результатах наблюдались после экономических кризисов 2008 и 2015 г. Так, после кризиса 2014–2015 гг. доля москвичей, считающих, что их материальное положение ухудшилось, была в среднем на 10–20% больше, чем среди опрошенных в городах Приволжского округа.

На вопросах, затрагивающих прогнозирование своей материальной обеспеченности, отмечена тенденция упования жителей ПФО, что в ближайший год их материальное положение не изменится: из года в год около 50–60% респондентов уверены, что их материальное положение не изменится. В Москве и ближнем Подмосковье больше уверенных по сравнению с ПФО, что их материальное положение не изменится. При этом уверенных, что положение улучшится, в среднем в два раза больше, чем тех, кто считает, что материальное положение ухудшится. Сопоставление динамики изменения настроений относительно прогноза на будущий год по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ коррелирует с данными Росстата [9]: в те годы, когда отмечался рост доли респондентов, дающих негативный прогноз на грядущий год в части своего материального положения, отмечалось увеличение числа покидающих регионы Приволжского федерального округа и увеличение миграционного прироста в Москве и Московской области. Выявлена корреляционная зависимость Пирсона на уровне 0.7, при $p<0.01$, между прогнозами на будущий год в вопросах своего материального положения и коэффициентом миграционной привлекательности[1] субъекта Российской Федерации [18]. Выявлена корреляционная зависимость на уровне 0.69, при $p<0.01$, между коэффициентом миграционной привлекательности регионов ПФО и результатами ответов респондентов из Поволжья на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» Ответы респондентов из Московской агломерации (как коренных, так и приезжих) не имеют корреляционной зависимости между ответами на предложенный вопрос и коэффициентом миграционной привлекательности. Фактически среди мигрировавших и коренных москвичей отмечено большее число индивидов, удовлетворенных своей жизнью, чем среди опрошенных в ПФО. В период с 1994 г. в среднем уровень удовлетворенности жизнью среди москвичей на 10–15% больше, чем среди волжан. При этом по всем трем группам отмечается тенденция роста

доли удовлетворенных своей жизнью начиная с 1996 г. с 10% до 50–60%.

Подытоживая приведённые данные, уместно отметить, что для регионов Приволжского федерального округа справедливо утверждение, что коэффициент миграционной привлекательности региона напрямую зависит от уровня удовлетворенности его жителей своей жизнью в целом и материальным положением. В Московском регионе степень удовлетворённости жителей (коренных и приезжих) своим материальным положением и жизнью в целом не имеет прямого влияния на коэффициент миграционной привлекательности региона: с высокой долей вероятности можно заключить, что насколько бы тяжёлой ни была жизненная ситуация для коренных москвичей, миграция не рассматривалась бы ими как метод выправления ситуации; коренные москвичи, прочувствовав на собственном опыте разницу в условиях жизни между Москвой и периферийными регионами, скорее всего, миграцию из Москвы рассматривали бы в последнюю очередь. В Поволжье при наступлении стадии отчаяния индивида в вопросах обеспечения своего дальнейшего существования территориальная миграция в более развитые регионы рассматривается как один из механизмов улучшения своей жизни.

В поисках детерминант, оказывающих влияние на принятие решения о миграции, была изучена обеспокоенность опрошенных возможностью обеспечивать себя всем необходимым в течение ближайших 12 месяцев. Для опрошенных коренных и приезжих москвичей данный вопрос менее актуален, чем для опрошенных в ПФО. Вероятность утраты возможности обеспечивать себя всем необходимым в течение грядущих 12 месяцев в Москве не беспокоит примерно 30–45% из числа опрошенных (с небольшими просадками в 2015 г.), в ПФО данный вопрос не беспокоит 10–20% населения на протяжении 1994–2019 гг. В целом данный вопрос стабильно от года к году беспокоит около 70% индивидов Поволжья. При этом в момент проведения опроса по всем трём группам около четверти респондентов устраивало их материальное положение.

Можно предположить, что у проживающих и трудящихся в Приволжском федеральном округе в большей степени вызывает обеспокоенность своим благополучием в ближнесрочной перспективе в основном дефицит достойных, по мнению индивидов, рабочих мест.

Дополнительно в рамках исследования была проанализирована позиция отдельных социальных групп населения по рассмотренным выше вопросам.

Например, среди тех опрошенных, которые имели статус занятости «в декретном отпуске», наиболее положительные изменения своего материального положения за последний год отмечены у москвичей-мигрантов. От года к году около трети опрошенных отмечали, что их материальное положение улучшилось. Коренные москвичи и жители ПФО в среднем на 7–10% менее положительно оценивают последний 2019 г. Другая треть считает, что материальное положение ухудшилось. Московские предприниматели (как коренные, так и приезжие) в среднем более положительно оценивают прошедший 2018 г. Количество положительно оценивших последний год в части материального благополучия среди москвичей колеблется в диапазоне 40–43% от числа опрошенных, против 17–30% в ПФО. Среди работающих не на предприятиях и не в организациях чуть больше четверти москвичей-мигрантов отметили улучшение своего материального положения в течение последнего года. Схожие показатели продемонстрировали и коренные москвичи. В ПФО количество таковых в 2–3 раза меньше, особенно после кризиса 2015 г. Схожая картина наблюдается и в прогнозировании своего материального положения на ближайший год.

В оценке удовлетворённости своей жизнью в настоящее время преимущественно на 10–15 опрошенных на сотню человек больше число удовлетворенных в столичном регионе, чем в Поволжье. Однако уровень удовлетворенности своей жизнью в ПФО на протяжении последних 6 лет не отстаёт от значений столичного региона. Чуть большая удовлетворенность отмечается среди не работающих по состоянию здоровья в Поволжье.

В настоящее время жители Поволжья среди большинства социальных групп имеют наименьшую удовлетворенность своим материальным положением, что особо проявилось после кризиса 2015 г. Москвичи-мигранты имеют в рассматриваемом периоде не меньшую материальную удовлетворенность, а в отдельные года даже наибольшую. При этом примечательны следующие две позиции:

– домохозяйки ПФО больше удовлетворены своим материальным положением, чем московские домохозяйки, проживающие в Москве с момента рождения;

– предприниматели, родившиеся в г. Москве, демонстрируют более высокие показатели удовлетворенности материальным положением на фоне своих коллег из других рассматриваемых регионов.

Вопрос о возможности обеспечения себя всем необходимым в течение будущих 12 меся-

цев более актуален для социальных групп в ПФО. Имеющие статус занятости «предприниматель», «работающий на предприятии и в организации», «в декретном отпуске», «пенсионер», «не работающий по состоянию здоровья», «студент» в Поволжье в среднем на 10–20 человек на сотню опрошенных чаще, чем в Москве, выражали обеспокоенность обеспечением себя всем необходимым в течение грядущего года.

На основании приведённых выше социальных фактов сформировано предположение, что к числу тех, кто удовлетворён своими доходами и жизнью в городах Поволжья, относятся немассовые немногочисленные социальные группы либо же те, кто полноценно не может реализовать своей трудовой потенциал (инвалиды, пенсионеры, школьники и учащиеся ПТУ). При этом около половины и чуть больше половины опрошенных в Московском регионе (коренные москвичи/москвичи-мигранты, 50/55% соответственно) относят себя к высшему уровню с позиции положения в обществе; в ПФО только 43–48% от числа опрошенных. Чуть меньше половины опрошенных в ПФО относят себя к среднему уровню, в Москве – около 45%. За двадцатилетнюю историю наблюдений в ПФО в среднем на 3–9% выросло число относящих себя к низшему экономическому классу, чем среди коренных москвичей.

Развивая тему различия в уровнях дохода и самоощущения жителей исследуемых регионов, уместно отметить, что ввиду разницы в размерах доходов между столичным регионом и регионами в ПФО, на основании ответов респондентов установлено, что в среднем лишь 15–17 человек из 100 жителей Поволжья имеют возможность откладывать средства на крупные покупки (автомобиль, загородная недвижимость, дорогостоящая цифровая техника), и данное значение не меняется на протяжении последних 17 лет. До 30 человек из 100 коренных москвичей имеют возможность откладывать на крупные покупки; среди москвичей-мигрантов – 20–25 человек из 100 из-за трат на съём жилья.

При рассмотрении покупательной способности отмечено, что жители ПФО в меньшем количестве могут позволить себе отдых за границей (в среднем на 15–25 человек меньше на 100 респондентов) и в Российской Федерации (в среднем на 15–25 человек меньше на 100 респондентов).

Среди ответов на вопрос: «Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании оплачивать учёбу ребёнка в вузе?» – диагностированы сравнительно одинаковые результаты. Имеет место незначительное отставание ПФО от Москвы на 3–5% с увеличением разрыва в послекризисный период в 2009–2011 гг.

Немаловажным фактором, стимулирующим развитие миграционных процессов, является комфортность среды обитания. Все три изучаемые группы в 2019 г. отметили повышение уровня общей безопасности в районе их проживания в сравнении с 2009 г. Темпы роста прямо пропорциональны динамике изменения коэффициента миграционной привлекательности субъектов ПФО.

Важно обратить внимание на ряд следующих показателей:

– с 2009 по 2019 г. среди москвичей (мигрантов и коренных) снизилась доля неудовлетворенных состоянием своего жилища с 20% до 10%. В ПФО данных параметр остался неизменен – 8.5%;

– за этот же период в 2 раза повысился уровень удовлетворенности коренных и приезжих москвичей состоянием дорог в населенном пункте. В ПФО уровень удовлетворенности ниже значений столичного региона в 2 раза;

– с 2009 по 2019 г. среди коренных и приезжих москвичей повысилась оценка качества воздуха с 17 до 26%. В ПФО значения остались неизменными – 34%;

– в 2009 г. в Москве и в регионах ПФО отмечался низкий уровень удовлетворенности качеством воды в водоемах (46 из 100 опрошенных в Москве и 35 из 100 в ПФО считали неудовлетворительным качество воды в водоёмах).

Как видно, несмотря на преимущественное направление миграционных процессов из Поволжья в столичный регион, по ряду показателю регионы ПФО демонстрируют более высокие уровни удовлетворенности населения окружающей средой.

Установлено, что при принятии решения о миграции население ПФО в меньшей степени руководствуется развитостью социальной инфраструктуры домашнего и целевого регионов, нежели перспективой более широкого списка предложений на рынке труда столичного региона, которые потенциально влекут за собой изменение социального статуса и, как результат, реальное увеличение доходов и покупательной способности.

Заключение

Проведенный анализ данных ежегодного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения РМЭЗ НИУ ВШЭ позволил изучить динамику изменения уровня жизни проживающих в городах Приволжского федерального округа, а также коренных и приезжих жителей города Москвы и ближнего Подмосковья. Через призму теории Э. Ли «pull/push factors» проведено рассмотрение блока вопросов, затрагивающих аспекты имеющейся работы, ситуации на рынке труда с

разбивкой по отраслям экономики, оценку реальной покупательной способности населения, оценку населением своего текущего и перспективного материального положения в рассматриваемых регионах и АТЕ.

Выявлены следующие детерминанты, оказывающие влияние на миграционные процессы из городов Приволжского федерального округа в направлении федерального центра (расположены в порядке уменьшения степени влияния):

– напряженная ситуация на рынке труда, выражающаяся в дефиците рабочих мест, что, в свою очередь, влияло на воспроизводство средств к существованию;

– ограниченное предложение на рынке труда востребованной достойной работы;

– недостаточные доходы, не позволяющие регулярно и в полном объёме удовлетворять желания и потребности;

– общий уровень преступности и безопасности граждан;

– неудовлетворенность условиями окружающей среды.

Полученная социологическая информация может быть полезна при выработке мероприятий, направленных на реорганизацию схем миграционных потоков на макроуровне в европейской части России. Тем не менее данная тема требует дальнейшей проработки как в части формирования экономических механизмов регулирования миграционных процессов, так и в части изучения не только самих субъектов, входящих в состав Приволжского федерального округа, но и отдельных крупных городов в границах данных субъектов.

Примечание

1. Коэффициент миграционной привлекательности представляет собой отношение коэффициента миграционного прибытия населения к коэффициенту миграционного убытия. Данный коэффициент демонстрирует степень закрепления прибывающих миграционных потоков на фоне выбывающих из АТЕ. Чем выше данное значение, тем больше мигрировавших закрепляются в данном регионе по отношению к числу выбывших. Если значение выше единицы, то рассматриваемый регион является привлекательным для мигрантов; значение меньше единицы говорит о непривлекательности данного региона с миграционной точки зрения [18, 19].

Список литературы

1. Heleniak T. International comparisons of population mobility in Russia // International Journal of Population Research. 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/258383578_International_Comparisons_of_Population_Mobility_in_Russia (дата обращения: 12.11.2019).

2. Мамлев Д.О. Безработица как фактор оттока населения из Приволжского федерального округа в центральные регионы страны // Сборник докладов и сообщений научной конференции «Ориентиры развития правового государства и гражданского общества». Н. Новгород, 2020. С. 23–24.

3. Сорокин П.А. Человек. Социализация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 23–34.

5. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: SocioLogos, 1993. 336 с.

6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.

7. Park R., Burgess E., McKenzie R. The city. Chicago, 1925.

8. Lee E. A theory of migration // Demography. 1966. № 3 (1). P. 47–57.

9. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). URL: http://www.hse.ru/rlms (дата обращения: 27.02.2021).

10. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://www.showdata.gks.ru/finder/ (дата обращения: 22.02.2021).

11. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Избранные работы по социологии. М., 2005. 100 с.

12. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12. URL: https://sociologica.hse.ru/2002-2-3/28145116.html (дата обращения: 02.06.2021).

13. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис. 2005. № 4. С. 1–11.

14. Castells M. The urban question: a Marxist approach. L., 1977.

15. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-problemy-sovremennoy-sotsiologicheskoy-urbanistiki (дата обращения: 27.04.2021).

16. Clark W.A.V. Spatial mobility and social outcomes / W.A.V. Clark, M. van Ham, R.J. Coulter // Journal of Housing and the Built Environment. 2014. No. 4. P. 699–727.

17. Строев П.В., Кан М.И. Пространственная мобильность населения: экономический и социальный аспекты // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-mobilnost-naseleniya-ekonomicheskiy-i-sotsialnyy-aspekty (дата обращения: 28.04.2021).

18. Прохоров П.Э., Эпштейн Н.Д. Статистический анализ миграционной ситуации и факторов, влияющих на демографическую экспансию России // Статистика и экономика. 2016. № 6. С. 9–18.

19. Василенко П.В. Методика оценки миграционной привлекательности территории // Географический вестник. 2014. № 3 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-migratsionnoy-privlekatelnosti-territorii (дата обращения: 04.04.2021).

THE STUDY OF FACTORS OF MIGRATION PROCESSES IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT THROUGH THE PRISM OF THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF INDIVIDUALS

***G.L. Voronin*[1,2], *D.O. Mamlev*[3]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[3]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article describes the problem of migration outflow of the population of large cities of the Volga Federal District in the direction of the federal center of the Russian Federation. Over the past almost 30 years, Russia has been experiencing a trend of centripetal migration movements of the population, depleting the socio-economic environment of the regions of departure. In the article, the author attempts to identify the key factors that influence an individual when making a decision about migration.

For this purpose, the author conducts a comparative analysis of the three social groups studied: native Muscovites, migrant Muscovites, and residents of Volga cities. Within the framework of this work, a set of questions is considered that affect the aspects of the respondents ' existing work, the situation on the labor market in the regions under consideration, broken down by economic sectors, the assessment of the real purchasing power of the population, the assessment of their current and future financial situation among the population.

Based on the results of the comparative analysis, in the final part of the article, the key determinants that influence the direction and intensity of migration processes in the direction "Volga region – Moscow" are formed.

Keywords: migration process, socio-economic well-being, motives of choice, big Russian city, Federal subjects of Russia, Volga Federal District.

УДК 316.012
DOI 10.52452/18115942_2021_4_61

МЕТОДЫ ВЕБ-АНАЛИТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

© 2021 г. ***Р.В. Голубин, А.П. Коротышев, П.П. Рыхтик***

Голубин Роман Викторович, к.и.н.; доц.; заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
golubin@unn.ru
Коротышев Александр Павлович, к.и.н.; доц.; доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
aleks_korotyshev@mail.ru
Рыхтик Павел Павлович, старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
rykhtikpavel@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2021
Статья принята к публикации 27.10.2021

Рассматриваются возможности применения методов веб-аналитики в анализе социально-политической тематики. Авторы отмечают, что классические и современные работы, посвященные проблемам прогнозирования общественного развития, зачастую ссылаются на «неопределенность», что заметно снижает прогнозные возможности гуманитарных наук. В качестве новых методов, призванных отчасти преодолеть проблему неопределенности, предлагается анализ: динамики пользовательских запросов в поисковых сервисах, публикационной активности интернет-СМИ, динамики распространения информации в социальных сетях, а также корреляционный анализ различных показателей интернет-активности. Для сбора эмпирического материала применяются онлайн-сервисы WordStat, Google Trends, «Медиалогия», IQbuzz.

Ключевые слова: веб-аналитика, социально-политический анализ, WordStat, Google Trends, «Медиалогия», IQBuzz.

Постмодернистская релятивизация и прогнозные возможности гуманитарного знания

Классические критерии научности были сформированы на заре становления научного мировоззрения. В дальнейшем они неоднократно совершенствовались и дополнялись критериями фальсифицируемости, верифицируемости, когерентности, эвристичности и др. Однако современный научный подход предполагает определенную релятивизацию знания. В естественных науках данный феномен, восходя к принципу неопределенности Гейзенберга, породил многочисленные достижения квантовой механики.

В общественных науках последствия релятивизации, к сожалению, не были столь плодотворны. В науку прочно вошел термин «неопределенность», а также дискурсивно синонимичные ей «турбулентность», «хаос», «глобальный риск», «аномалия», «глобальная неопределенность», «глобальная непредсказуемость», «кризисность». Этими терминами характеризуют современный социум и классики общественных наук, и современные исследователи, концентрирующиеся на цифровизации, виртуализации, сетевизации общества.

Так, У. Бек ввел понятие «общества риска», главной чертой которого определил способность накапливать «политический потенциал катастроф» [1, с. 34]. Н. Луман говорил, что риск есть неизбежное следствие принятия решений по поводу будущего [2, с. 138]. Э. Гидденс наделял современное общество способностью порождать риски антропогенного характера, определяя их не только как угрозу, но и как окно возможностей для институциональных изменений [3, с. 108–110].

Наивысшей точкой развития концепции глобальной неопределенности стали работы французского исследователя Ж. Бодрийяра [4], обосновавшего концепт «симулякра». Этот термин в контексте массовой коммуникации подразумевает, что любая информация является лишь инсценировкой, и подлинный смысл любого события неизбежно утрачивается. А значит, спорны (и одновременно объективно истинны) любые творимые человечеством смыслы, если в их истинности удаётся убедить достаточно большое число людей.

Не удивительно, что влияние постмодернистских теорий прослеживается и в отечественной науке. Современное российское общество переживает настоящую социальную эро-

зию, разделено множеством границ, пролегающих в имущественной, идеологической, социальной и других сферах. Его ментальное пространство выступает подходящей базой для появления и распространения постмодернизма.

О.Н. Яницкий еще в 2004 г. отмечал, что «российское общество подошло к некоторому качественному рубежу, когда норма и патология не только все более взаимопроникают, но и меняются местами» [5]. С.А. Кравченко утверждал, что в современном обществе идёт «производство институциональной неопределенности, увеличение фрагментарности, хаоса» [6, с. 35]. Из тезиса о «кризисности» и «неопределенности» исходят и многие публикации 2019–2020 гг., напрямую связывая неопределенность с цифровизацией общества [7–9].

Подобная постмодернистская релятивизация знания в итоге ставит под вопрос прогностические возможности гуманитарных наук. Лица, принимающие политические или управленческие решения (как и рядовые граждане), обращаются к гуманитарному знанию в первую очередь за прогнозами. Сталкиваясь же со ссылками на некую «неопределенность», они бывают в лучшем случае разочарованы, а в худшем испытывают относительно гуманитарных наук нарастающий скептицизм.

С одной стороны, это провоцирует прогрессирующее недоверие к гуманитариям, которым нечего предложить обществу, кроме «неопределенности». С другой – это породило в науке моду на методы, способные повысить частоту срабатывания выявленной в ходе исследования закономерности, тем самым формально увеличив степень достоверности полученных выводов. Как следствие, все чаще в гуманитарной науке зазвучали тезисы о необходимости обширной эмпирической базы, формализации, цифрового моделирования. Математическое обоснование результата зачастую становится обязательным условием принятия в научном мире.

Упомянутый комплекс проблем современного гуманитарного знания содержит весьма примечательный парадокс. Именно цифровая среда, упоминаемая многими исследователями в качестве фактора неопределенности, предоставляет исследователю прикладной инструментарий и обширную базу для мониторинга и исследования «непредсказуемого» общества. Речь идет о наборе программных инструментов, используемых главным образом в маркетинговых исследованиях и объединенных прикладной дисциплиной «веб-аналитика». Сегодня они все активнее применяются для анализа социально-политической тематики [10–13]. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим три таких инструмента, их возможности и ограничения.

Анализ пользовательских запросов поисковых сервисов как инструмент оценки общественного интереса

Будучи изначально маркетинговым инструментом, первое, что может предоставить исследователю веб-аналитика, – это сведения об уровне общественного интереса к какой-либо социально-политической тематике.

Подобный тезис, хотя и кажется банальным, в контексте актуальной теории массовой коммуникации имеет очень большое значение. Ключевая особенность «новых медиа» в том, что они ставят под сомнение фундаментальную характеристику социально-политической коммуникации – неравнозначность ее субъектов. По классической теории Г. Лассуэлла, отправитель и получатель сообщений находятся в тесном взаимодействии. Они могут открыто друг для друга реагировать на всю получаемую и осмысляемую ими информацию, что ставит обоих в положение не только взаимосвязи, но и взаимозависимости [14].

Теории политической коммуникации второй половины XX в. утверждали, что государство как отправитель сообщений через СМИ дистанцируется от общества – получателя этих сообщений. Общественная реакция на получаемую информацию если и доводится до отправителя, то происходит это, во-первых, с определенной задержкой во времени, а во-вторых, требует использования дополнительных аналитических средств или технологий.

Тезис о том, что деятельность средств массовой информации неотделима от системы государственного управления, выдвинул еще в 1963 г. К. Дойч в своем труде «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» [15]. Он также говорил о постепенном исключении из социально-политической коммуникации низших слоев населения и связанных с этим угрозах. Этот подход был существенно дополнен теорией «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман [16], согласно которой люди склонны скрывать собственные взгляды, противоречащие доминирующим, транслируемым СМИ установкам. Соответственно, чем более распространенной кажется людям доминирующая точка зрения, тем меньше они склонны с нею спорить. Дж. Цаллер в работе «Происхождение и природа общественного мнения» писал о готовности аудитории принимать новую информацию как истинную в том случае, если она соответствует «стереотипам», усвоенным в общественном мнении к началу процесса коммуникации [17].

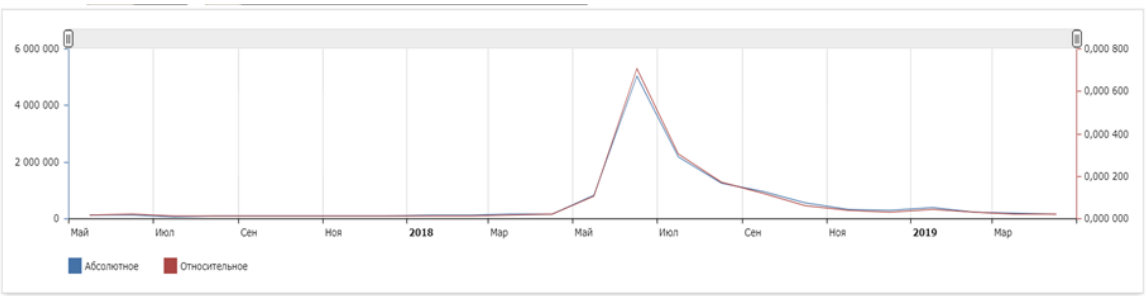

Рис. 1. Пользовательские запросы «пенсионный возраст» в поисковом сервисе «Яндекс» с мая 2017 по март 2019 г. (данные онлайн-сервиса WordStat)

Неравнозначность субъектов политической коммуникации нарастает, общество в процессе коммуникации с государством теряет черты субъектности, становясь объектом манипуляции со стороны СМИ.

Такого рода теории в современных условиях ставятся под сомнение самим существованием «новых медиа». С точки зрения философского подхода, последние характеризуются как «виртуальное пространство бытия современного человека» [18], они занимают важное место в формировании идентичности человека и оказывают серьезное влияние на психологию его социально-политического поведения.

Именно посредством «новых медиа» постиндустриальное общество способно высказывать мнения, поднимать актуальные для себя проблемы, быть, в широком смысле, «услышанным». Не случайно сторонники системного, синергетического подхода говорят о «новых медиа» как о сложной самоорганизующейся системе [19], лишающей политический процесс строгой иерархии [20]. В результате, исключительная «объектность», управляемость современного общества в системе коммуникации с государством становится спорным концептом.

Наиболее очевидным проявлением активной коммуникационной роли общества является наличие общественного интереса к социально-политической тематике. Этот интерес, понимаемый как наличие у общества знания о некоей проблеме и желания узнать о ней больше, вполне поддается эмпирической оценке.

Онлайн-сервисы WordStat [21] и Google Trends [22] предоставляют статистику выдачи в поисковых сервисах («Яндекс» и Google) для заданного пользователем слова или словосочетания. Отслеживая число поисковых запросов в их динамике, можно судить об уровне общественного интереса к той или иной тематике в информационном пространстве Рунета.

В качестве примера приведем общественное восприятие такого значимого и резонансного события, как пенсионная реформа. Анализ данной тематики средствами сервиса WordStat показал, что наиболее популярным поисковым запросом в ее рамках является запрос «пенсионный возраст». Приведем статистику его использования пользователями (рис. 1).

Совершенно очевидно, что запросы, связанные с пенсионной тематикой, имеют в используемых в России поисковых системах устойчивый уровень популярности. С июля 2017 г. по апрель 2018 г. запрос «пенсионный возраст» вводился в поисковую систему «Яндекс» в среднем около 80–140 тысяч раз ежемесячно. Апрель 2018 г. (когда стало известно о начале реализации пенсионной реформы) показал взрывной рост популярности тематики. К июню 2018 г. число запросов достигло пика в 5038111, то есть стандартное число запросов было превышено в 30–60 раз. Этот интерес продержался недолго: с июля по ноябрь 2018 г. число запросов постепенно снижалось. Однако после преодоления пика запросов их количество так и не вернулось на свой стандартный «дореформенный» уровень. К весне 2019 г. (когда все решения по пенсионной реформе были приняты, а общественная дискуссия свернута), число запросов не вернулось к показателям рубежа 2017–2018 гг. С мая по октябрь 2018 г. оно составляло от 148189 до 226595, проявив в конце года тенденцию к повышению. В феврале 2021 г., когда с момента начала обсуждения реформы прошло чуть менее 3 лет, число запросов составило 260720.

Сходную динамику по данному запросу показывает и сервис Google Trends. График, представленный на рисунке 2, оперируя относительными числами, демонстрирует, что пик популярности запроса «пенсионный возраст» пришелся на 10–16 июня 2018 г. До этого популярность запроса не превышала 2% от максимальной, а после октября 2018 г. стала выше, колеблясь вплоть до февраля 2021 г., в пределах 3–4%.

Таким образом, взлет и последующее падение интереса к пенсионной реформе маскирует куда более важный эффект. После того как массовый интерес к важной социально-политической проблеме спадает, небольшая часть общества все же продолжает следить за ней. Общество не забывает о проблеме навсегда,

Рис. 2. Пользовательские запросы «пенсионный возраст» в поисковом сервисе Google с января 2017 по февраль 2021 г. (данные онлайн-сервиса Google Trends)

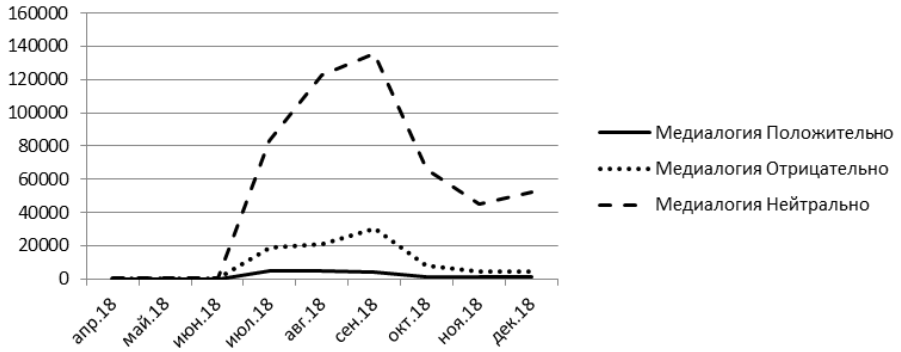

Рис. 3. Публикации по тегу «пенсионная реформа» в отечественных СМИ с декабря 2017 по декабрь 2018 г. с учетом тональности (данные сервиса «Медиалогия»)

напротив, число неравнодушных (а в случае непопулярных инициатив – недовольных) только растет, накапливая потенциал общественных трансформаций.

Здесь наглядно проявляется субъектность общества. Оно способно «запоминать» тему, которую сочло для себя актуальной. А при наличии свободного доступа к «новым медиа» оно способно ее актуализировать, вызывая отклик в медиапространстве.

Пользовательские запросы поисковых сервисов и публикационная активность интернет-СМИ: корреляция и анализ

Медиамониторинг «новых медиа» российского сегмента сети Интернет – второй важный инструмент веб-аналитики, рассматриваемый в этой статье. Он направлен на понимание тенденций в распространении информации в информационном поле с последующим анализом контента публикаций, а также особенностей (времени и периодичности) их появления в сети.

Инструментально медиамониторинг «новых медиа» представлен сервисами анализа интернет-СМИ, которые играют в развитии и поддержании общественного интереса двойственную роль. С одной стороны, они задают тон общественного обсуждения, вбрасывают в информационную среду новые тезисы и идеи. С другой – на современном конкурентном рынке СМИ вынуждены следовать за предпочтениями аудитории, поднимать те темы, которые востребованы в обществе, в большей степени с целью собственной монетизации, нежели для доведения объективной информации до общества.

Сегодня на российском рынке существует несколько крупных интернет-инструментов мониторинга электронных медиа («Интегрум», «Паблик.ру», «Медиалогия»), а также сервисы, специализирующиеся на анализе постов в социальных сетях (Youscan, IQbuzz, BrandAnalytics). Для демонстрации их возможностей обратимся к сервису «Медиалогия» и уже рассматривавшейся тематике пенсионной реформы [23].

График на рисунке 3 показывает, что тег «пенсионная реформа» появился в интерфейсе «Медиалогии» в декабре 2017 г., до этого данная тематика не считалась командой сервиса достаточно популярной.

СМИ, в отличие от пользователей, не имели до лета 2018 г. какого-либо устойчивого уровня интереса к пенсионной тематике. В период с декабря 2017 по май 2018 г. «Медиалогия» фиксировала от 1 до 16 соответствующих публикаций. В июне 2018 г. их стало 603 (49 положительных, 39 отрицательных, 515 нейтральных). Затем их количество нарастало, достигнув к сентябрю 2018 г. пика в 170963 (4295 положительных, 30720 отрицательных, 135948 нейтральных). Спад интереса СМИ к пенсионной тематике происходил быстрее – к концу года количество публикаций снизилось почти в три раза, составив в декабре 2018 г. 58128 (1272 положительных, 4354 отрицательных, 52502 нейтральных).

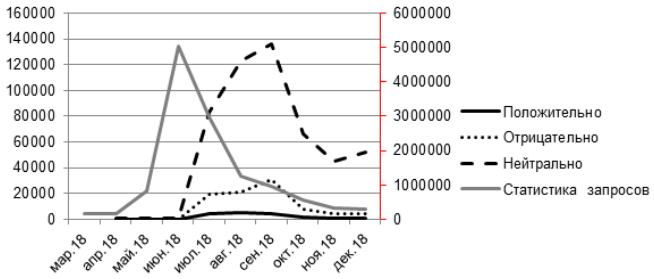

Рис. 4. Соотнесение данных сервисов WordStat и «Медиалогия» с рис. 1 и 3

Вполне очевидно, что сервис может предоставить весьма востребованные эмпирические данные, касающиеся характера освещения в СМИ значимых событий. Но в действительности интересный инструмент можно получить, объединив возможности двух сервисов, визуализирующих с одной стороны популярность поисковых запросов, а с другой – репрезентативность темы в СМИ.

На рисунке 4, наложив график пользовательских запросов WordStat на график публикаций интернет-СМИ «Медиалогии», мы получим следующую картину.

Этот сводный график наглядно демонстрирует, что пользовательские запросы начинают свой ускоряющийся рост в середине апреля 2018 г., на два месяца раньше, чем медиапубликации. К тому времени, как СМИ в середине июня начали масштабно освещать пенсионную тематику, общественный интерес к ней уже пошел на спад. В сентябре 2018 г., когда публикации СМИ достигли своего пика, популярность пенсионной тематики уже снизилась почти в 5 раз в сравнении с максимальной.

Можно с уверенностью утверждать, что в случае с пенсионной реформой общественный интерес предшествовал публикациям в СМИ, а, следовательно, последние лишь откликались на общественный запрос. В случае целенаправленной актуализации СМИ некоей тематики картина была бы обратной: пик интернет-публикаций предшествовал бы пику поисковых запросов.

Сводный график наглядно демонстрирует, что общество может приобретать черты субъектности в отношении СМИ, которые становятся объектом влияния общественного интереса, вынуждены ему подчиняться, дабы не потерять свою аудиторию, а с ней и возможности для монетизации. По крайней мере это справедливо, когда вопрос касается действительно актуальной, но не «симулятивно актуальной» для общества темы. Иными словами, данный метод позволяет отличать объективный общественный интерес от информационных вбросов и попыток манипуляции со стороны СМИ.

Впрочем, следует принимать в расчет, что в информационном пространстве Рунета, помимо СМИ и пользователей, достаточно активно действуют «боты» – постеры, имитирующие деятельность реальных пользователей. Этим может заниматься живой человек, используя технологии мультиаккаунта и выступая с их помощью от лица десятков виртуальных пользователей, а также программные алгоритмы, реализующие автоматизированный постинг в сети.

Эти явления тоже становятся объектом научного анализа. В 2019 г. специалисты Нью-Йоркского университета провели масштабное исследование, целью которого было выявление и классификация политических ботов, действовавших в российском «Твиттере» в 2015–2017 гг. [24]. Коллектив использовал самообучающийся алгоритм, определяющий в качестве ботов учетные записи, использующие автоматически сгенерированный контент. Это позволило эффективно отсеять постеров-людей (в том числе поддерживающих политические силы на коммерческой основе) и официальные аккаунты.

Авторам иследования удалось выявить десятки тысяч постов политической тематики, которые были сгенерированы автоматически. Представление об активности автоматического постинга дает следующий график (рис. 5).

Один из выводов исследователей Нью-Йоркского университета представляется нам особенно интересным. Собраные ими данные показали, что, несмотря на наращивание активности как провластного, так и оппозиционного постинга, пользователи не проявляют к ней повышенного интереса. Число провластных и оппозиционных постов в 2015–2017 гг. неоднократно колебалось, в то время как число подписчиков оставалось в целом стабильным (рис. 6). Устойчивый рост числа подписчиков происходил только у нейтральных ботов, созданных, по всей видимости, с коммерческими целями.

Более подробную классификацию российских ботов провел научный коллектив из университета Сан-Антонио [25]. Они опирались на алгоритмы программы Botometer [26], используя как автоматический сбор данных, так и их экспертный отбор. Кроме того, они имели возможность опираться на опубликованную администрацией «Твиттера» базу российских ботов, насчитывающую 3800 аккаунтов и более 10 млн твитов. Был рассчитан параметр «твит в час»,

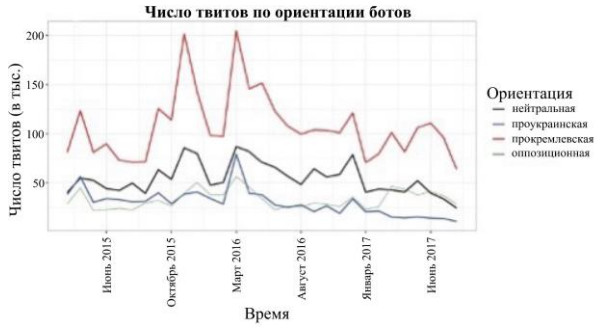

Рис. 5. Число твитов с учетом политической ориентации ботов
(Источник: For Whom the Bot Tolls: A Neural Networks Approach to Measuring Political Orientation of Twitter Bots in Russia (с переводом легенды и значений))

Рис. 6. Число подписчиков с учетом политической ориентации ботов
(Источник: For Whom the Bot Tolls: A Neural Networks Approach to Measuring Political Orientation of Twitter Bots in Russia (с переводом легенды и значений))

по которому, в частности, и оценивалась активность политических ботов. Для наиболее активных аккаунтов этот показатель достигал 1896–1899, т.е. на один твит уходило около 2 секунд, что однозначно указывает на автоматизированный постинг [25].

Исследования зарубежных коллег демонстрируют, что технологии автоматизированного постинга активно используются сегодня различными политическими силами. Применительно к теории политической коммуникации данный феномен примечателен тем, что власть, взаимодействуя с обществом, вынуждена имитировать общественную активность, тем самым признавая ее важную роль.

Социальные медиа и диффузный механизм распространения информации

Общественная дискуссия по острым социально-политическим проблемам в современном обществе проходит в первую очередь посредством социальных сетей и, шире, социальных медиа.

С одной стороны, это делает картину общественного мнения более разнообразной и детализированной, затрудняет применение экспертных методов, факторного анализа и case studies. С другой – открывает новые возможности для цифрового моделирования и цифровой формализации знания. Сегодня для создания полноценной научной картины общественного восприятия необходим комплексный анализ всех популярных социальных сервисов, обработка больших массивов эмпирических данных, построение самообучающихся, кибернетических моделей распространения информации.

Зарубежные ученые добились заметных успехов в моделировании общественной реакции на значимые информационные поводы и процессы формирования общественного мнения в целом.

Еще в 2011 г. была опубликована статья «Социальный консенсус через влияние идейных меньшинств» [27], в которой на основе цифрового моделирования обосновывается модель «диффузии инноваций» в социально-идеологической сфере. Оставляя в стороне развитый математический аппарат статьи, можно резюмировать, что диффузные модели (традиционно применявшиеся в маркетинговых исследованиях) предполагают, что возникновение новых идей и принятие их обществом носит нелинейный характер. Этот процесс развивается в сетевой среде, где каждый человек, будучи одно-

временно и объектом, и субъектом коммуникации, обменивается информацией с другими, сверяет с ними свою позицию. Чем больше подтверждений новых идей человек находит вокруг себя, тем он более склонен поддерживать и распространять их.

Эта среда диктует диффузный механизм распространения новой информации: сначала должно сформироваться ядро – около 3% сторонников новых идей, готовых их активно поддерживать и распространять. Пытаясь донести эти тезисы до других членов общества, активисты часто сталкиваются с непониманием (так как люди, в массе, склонны поддерживать большинство). При активной поддержке сторонников новые идеи распространяются очень медленно, но когда число их сторонников в обществе достигает 10%, темпы распространения резко возрастают. С этого момента принятие новых идей происходит значительно проще и быстрее, и скорость общественных трансформаций возрастает многократно [27].

К настоящему времени эти исследования значительно продвинулись. В 2020 г. коллективы иностранных авторов использовали для моделирования информационных потоков автоматические сервисы анализа и прогнозирования.

Такой инструментарий описан, например, в статье «Многомасштабное моделирование онлайн-медиа с помощью SocialCube» [28], подготовленной крупным междисциплинарным коллективом авторов. Речь идет по сути о цифровом моделировании процесса распространения информации в социальных сетях. Разработанный коллективом алгоритм осуществляет автоматизированный сбор эмпирических данных в онлайн-режиме. Работая непосредственно с данными соцсетей, он преобразует их в базы данных MySQL и JSON-файлы, пригодные для машинной обработки и экспертного анализа.

Самообучающийся алгоритм анализирует и хранит в памяти ранее изученные механизмы распространения информации, классифицирует их особенности, с точки зрения активных субъектов ввода данных, реакции пользователей, путей распространения информации. Эти данные сводятся в отдельные модули и используются для более точной оценки новых кейсов.

Прогнозные возможности алгоритма позволяют строить имитационные модели информационных потоков, выстраивая оптимальные стратегии продвижения целевых тезисов в социальных сетях. Здесь уместно отметить, что все эти исследования финансируются управлением перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США.

К сожалению, такой технологический уровень остается недоступным для большинства отечественных исследователей. Тем не менее теоретическими достижениями иностранных коллег можно воспользоваться, применяя для сбора эмпирических данных средства веб-аналитики.

Для этого могут с успехом применяться сервисы анализа социальных медиа, например IQbuzz [29]. Технологический инструментарий данного сервиса позволяет фиксировать целый ряд важных показателей активности социальных медиа применительно к конкретной тематике. Эти показатели включают число уникальных сообщений, число уникальных постеров, тональность сообщений, общий охват и вовлеченность интернет-аудитории и многое другое, вплоть до информации о конкретных постерах и СМИ.

На основе этих данных, даже не располагая цифровым самообучающимся алгоритмом, можно делать вполне обоснованные выводы об информационных потоках в сети.

В качестве примера приведем анализ распространения информации о замедлении Роскомнадзором трафика для «Твиттера» 10 марта 2021 г. Анализ медиаактивности проводился в период с 8 по 20 марта 2021 г. и позволил отследить:

1. Уровень общественного интереса к проблеме. Упомянутая тематика затрагивалась в 2498 сообщениях, в среднем 192.1 сообщения в день. При этом вовлеченность пользователей была не слишком высокой: 1209 уникальных пользователей, каждый из которых написал в среднем 2 сообщения.

Тем не менее уникальных постеров было много, и они представляли активную интернет-аудиторию, поэтому общий охват их сообщений (то есть сколько пользователей могло их посмотреть) достиг 75557632;

2. Конкретные каналы передачи информации. СМИ играли, в общем, заметную роль в распространении данной тематики, но основными распространителями стали пользователи. На СМИ приходится 11.4% упоминаний, на записи в соцсетях – 10.3%, посты – 6.2% и на отдельные комментарии – 71.8%;

3. Отслеживание информационного ядра и периферии. В нашем примере вся опубликованная информация исходила из 76 уникальных источников. Наибольшую информационную активность проявили блоги «Хабр», телеканал «Дождь», новости РБК, радио «Эхо Москвы», LIFE.ru.

С опорой на эти данные можно констатировать, что новости о замедлении «Твиттера» распространялись оппозиционно настроенными СМИ (провластные СМИ не вступали с ними в

дискуссию). Им удалось привлечь общественный интерес не слишком многочисленных, но активных пользователей, которые обеспечили широкий охват аудитории.

Представляется, что сервис IQbuzz позволил собрать достаточно данных, демонстрирующих работу диффузного механизма распространения новой информации: от 76 СМИ к 1209 пользователям и 75557632 потенциальным просмотрам. Однако поскольку самообучающимся алгоритмом мы не располагаем, этот механизм потребует дальнейшего изучения на различных кейсах.

Веб-аналитика в исследовании «непредсказуемого общества риска»

Подводя итог, уместно вспомнить о тезисе, явно сближающем позиции трех упомянутых в начале статьи классиков социологии. Речь идет о понимании общественного развития как фазового процесса, в котором медленное накопление количественных изменений ведет к отложенному во времени качественному сдвигу. У. Бек писал об «эффекте бумеранга» в распространении рисков» [1, с. 45]; Н. Луман ввел понятие «порог катастрофы» [2, с. 160]; а Э. Гидденс называл современное общество неуправляемым «джаггернаутом», имеющим тенденцию к саморазрушению в любой непредсказуемый момент [3, с. 108]. Соответственно, все три подхода говорят о способности рисков накапливаться, приближая общество к порогу если не катастрофы, то глобальных изменений. Это дало Э. Гидденсу основание говорить о принципиальной непредсказуемости будущего [3, с. 123].

Однако представляется, что средства веб-аналитики позволили нам зафиксировать и формализовать данный эффект, что создает возможность для его дальнейшего исследования, мониторинга и прогнозирования различных угроз, порождаемых «обществом риска»:

– мониторинг поисковых запросов поможет отслеживать общественное восприятие значимых социально-политических событий, формирование общественного интереса и накопление недовольства;

– сервисы медиамониторинга позволят оценивать публикации СМИ, их динамику и тональность;

– анализ социальных медиа даст возможность фиксировать реакцию отдельных общественных групп на значимые события, их оценку ситуации в стране;

– сопоставительный анализ данных различных сервисов предоставит инструмент, позволяющий отделить реальную заинтересованность общества от попыток актуализации отдельных проблем через СМИ.

Этот обширный массив эмпирических данных вполне может стать основой для системы мониторинга накопления в обществе «потенциала катастроф». Такого рода технологический инструментарий, несомненно, будет полезен современному исследователю, а также применим в сфере государственного управления.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельникова и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

2. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.

4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.

5. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.

6. Кравченко С.А. Социология в 2 т. Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения: Учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во «Юрайт», 2019. 636 с.

7. Арутюнян К.С. Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 438–447.

8. Боровинская В.С. К вопросу о последствиях инсценирования политической реальности в интернете // Социодинамика. 2020. № 10. С. 11–20.

9. Дагбаева С.Б. Самоидентификация современной молодежи в транзитном обществе // Педагогическое обозрение. 2019. № 1 (37). С. 143–150.

10. Редькина Н.С. Направления развития инструментов веб-аналитики // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2017. № 5. С. 5–10.

11. Федорченко С.Н. Big Data и методологические возможности ресурса Google Trends для политологического исследования // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 4. С. 48–55.

12. Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотековедческих исследованиях // Библиосфера. 2018. № 4. С. 3–9.

13. Миловидов В.Д. Капитализация фейка: настроения инвесторов и семантика интернет-запросов // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 6 (45). С. 162–184.

14. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. New York: The Free Press, 1966.

15. Deutsch K.W. The nerves of government: models of political communication and control. New York: The Free Press of Glencoe, 1963. 316 p.

16. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем / Общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.

17. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. А.А. Петровой; Фонд «Обществ. мнение». М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004 (ППП Тип. Наука). 558 с.

18. Устюжанина Д.А. Двойственная природа новых медиа в онлайн-пространстве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 2. С. 204–218.

19. Евдокимов В.А. Новые медиа как система // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 2 (36). С. 60–66.

20. Шестова Т.Л., Кузьмин В.А. Новые медиа в современном политическом процессе. // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 218–226.

21. Электронный онлайн-сервис WordStat [Электронный ресурс]. URL: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 04.03.2021).

22. Электронный онлайн-сервис Google Trends [Электронный ресурс]. URL: https://trends.google.ru/ (дата обращения: 04.03.2021).

23. Система мониторинга и анализа СМИ «Медиалогия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.mlg.ru/ (дата обращения: 23.02.2021).

24. Stukal D., Sanovich S., Tucker J.A., Bonneau R. For whom the bot tolls: A neural networks approach to measuring political orientation of Twitter bots in Russia // SAGE Open. 2019 [Электронный ресурс] URL: https://www.sagepub.com (дата обращения: 28.01.2021).

25. Alsmadia I., O'Brienb M. How many bots in Russian troll tweets? // Information Processing & Management. An International Journal. Volume 57, Issue 6, November 2020. Official web-site [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0306457320307986?dgcid=rss_sd_all (дата обращения: 28.01.2021).

26. URL: https://botometer.osome.iu.edu/ (дата обращения: 20.05.2021).

27. Xie J., Sreenivasan S., Korniss G. et al. Social consensus through the influence of committed minorities // Physical Review E. July 2011. 84. 011130.

28. Abdelzaher T., Han J., Hao Y. et al. Multiscale online media simulation with SocialCube // Comput. Math. Organ. Theory. 2020. 26. 145–174. URL: https://doi.org/10.1007/s10588-019-09303-7 (дата обращения: 09.04.2021).

29. Электронный онлайн-сервис IQbuzz [Электронный ресурс]. URL: https://new.iqbuzz.ru/ (дата обращения: 25.02.2021).

WEB ANALYTICS METHODS AS A TOOL FOR ANALYSIS AND FORECASTING OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES

R.V. Golubin, A.P. Korotyshev, P.P. Rykhtik

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper considers the possibilities of web-analytics methods application in socio-political analysis. The authors note that both classical and modern works devoted to the problems of social development forecasting, often refer to «uncertainty», which significantly reduces the humanities predictive capabilities

As a new methods, designed to partially overcome the problem of «uncertainty», it is proposed to analyze: the dynamics of user's web searches, the Internet media publication activity, the dynamics of information dissemination in social networks, as well as the correlation analysis of various Internet activity indicators. The empirical material for the analysis was collected by online services: WordStat, Google Trends, Medialogy and IQBuzz.

Keywords: web analytics, socio-political analisis, WordStat, Google Trends, Medialogy, IQBuzz.

УДК 316.3; 316.4
DOI 10.52452/18115942_2021_4_70

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И СООБЩЕСТВА: ФАСИЛИТАТОРЫ, СТРАТЕГИИ И ФАКТОРЫ УСПЕХА

© 2021 г.

Л.С. Деточенко

Деточенко Людмила Станиславовна, к.филос.н.; доц.; заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
detochenko@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 02.06.2021
Статья принята к публикации 27.10.2021

Проблема инклюзии детей с инвалидностью в социум актуальна как с практической, так и с теоретической точки зрения. Между тем высокий уровень интереса к вопросам включения детей с инвалидностью в систему дошкольных и школьных образовательных учреждений диссонирует с низким уровнем внимания исследователей к вопросам включения в местные сообщества. В статье на основе анализа 38 нарративов родителей детей-инвалидов выделены факторы, способствующие включению в местное сообщество: благоприятный социально-психологический микроклимат в семье; разветвлённая сеть семейных социальных контактов; вовлеченность в работу общественных организаций и религиозных общин; выбор инклюзивных форм развития и образования ребенка; грамотный подбор санаториев, реабилитационных центров и больниц, позволяющих осуществлять социальную реабилитацию, наличие чувства солидарности у местного сообщества, посещение спортивных и досуговых центров и клубов; «привлекательность» и возраст ребенка. Обобщение опыта включения в референтные группы позволяет выделить несколько стратегий: включение посредством сиблинговых контактов, установление дружественных контактов с родителями сверстников, организация событий и досуга детей, самоорганизация и участие в ранее созданной общественной организации, создание ситуации публичности или успешности для ребенка.

Ключевые слова: инклюзия, местное сообщество, дети с инвалидностью, стратегии включения, социальная интеграциия.

Постановка исследовательской проблемы

Вопросы вовлеченности и участия являются центральными в практике работы с лицами, имеющими инвалидность, и защиты их прав. Формирование условий, способствующих «полному включению и вовлечению», в том числе в местное сообщество, препятствующих «изоляции и сегрегации», относится к базовым обязанностям государств, ратифицировавших Конвенцию о правах инвалидов [1]. Включение детей с особыми потребностями в местное сообщество – одно из ключевых направлений системы ранней интервенции, основная цель и ориентир профессионального сообщества помогающих профессий, которые осуществляют деятельность в данной сфере.

Необходимость проведения исследований, направленных на изучение национальной специфики инклюзии, а также факторов, которые могут препятствовать или способствовать вовлечению лиц с инвалидностью в местное сообщество и различные сферы жизни общества, закреплена во Всемирной программе действий в отношении инвалидов [2].

Между тем в научном дискурсе по проблеме «включения детей с инвалидностью» прослеживается явная диспропорция аспектов рассмотрения данного вопроса. Огромное внимание авторов к барьерам и положительным факторам включения детей с инвалидностью в работу государственных сервисов (доступ и включение в систему образования [3]; доступ к социальным службам и сервисам системы защиты и обслуживания [4]; физическая доступность пространств жизни и сообществ [5]) сочетается с необоснованно низким вниманием исследователей к вопросам инклюзии детей-инвалидов в неформальные сообщества.

Цель данного исследования – представить результаты изучения факторов, фасилитаторов и стратегий включения в неформальные местные сообщества. Теоретико-методологическая база исследования опирается на основные концепты социальной парадигмы инвалидности. Выявление значимых факторов учитывает экологический подход (М. Селигман, Р. Дарлинг [6]), конструктивизм признает взгляд на инвалидность как на социальный конструкт (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц, Е. Ярская-Смирнова [7–9]).

Методы исследования

Основным методом исследования в нашей работе стало нарративное интервью. Мини-

мальная выборка предполагала охват родителей, воспитывающих детей, относящихся к различным нозологическим группам (нарушение зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата, интеллекта (задержка психического развития, интеллектуальная недостаточность, расстройства аутистического спектра), общие заболевания) и проживающих как в городе, так и в сельской местности. Возрастной диапазон воспитываемых детей от 3 до 17 лет. Размер выборки учитывал принцип насыщения в пределах исследования в каждой социальной ситуации. Всего было получено 38 нарративов. Данная статья представляет результаты одного из аспектов исследования – изучения факторов и стратегий включения детей-инвалидов в местное сообщество.

Исследование включало два этапа: процесс сбора информации и анализ полученных текстов. Сбор информации проходил с ноября 2020 г. по февраль 2021 г. и включал введение в нарратив (формирование основного посыла/«нарративного импульса»), нарративное повествование, нарративный расспрос, нарративный итог. Среднее время нарратива составило 40 минут. Основным посылом нарративов выступила просьба рассказать об опыте воспитания особого ребенка, о всех значимых событиях жизни семьи, связанных с процессом социализации. В процессе нарративного повествования соблюдалась пассивная роль интервьюера (активное и эмпатичное слушание). Композиция, контекстуальные рамки, рациональные и эмоциональные оттенки, стиль изложения, выразительные языковые средства повествования определялись респондентом самостоятельно. В период нарративного расспроса интервьюер восстанавливал прерванные линии рассказа, малопонятные места, получал разъяснения относительно фактических и логических несоответствий. Нарративный итог представляет собой оценку и объяснение ключевых событий рассказа и завершал нарратив.

Результаты исследования

Факторы и фасилитаторы

Анализ полученных данных показал, что уровень вовлеченности детей-инвалидов в сообщество и социальные контакты значительно различаются.

Среди факторов, способствующих включению, можно назвать: благоприятный социально-психологический микроклимат в семье, позволяющий использовать ресурс близких и дальних родственников; разветвлённую сеть семейных социальных контактов (друзья, знакомые, соседи, сослуживцы); вовлеченность в работу общественных организаций; сопричастность религиозной общине/религиозному сообществу; выбор инклюзивных форм развития и образования ребенка; грамотный подбор санаториев, реабилитационных центров и больниц, позволяющих осуществлять не только медицинскую, но и социальную реабилитацию; наличие чувства солидарности у местного сообщества; посещение спортивных и досуговых центров и клубов; «привлекательность» и возраст ребенка.

Солидарность. Ощущение солидарности, эмоционального единства, поддержки и готовности к взаимопомощи, несмотря на отсутствие «гомогенного» единства с другими членами социума (Э. Дюркгейм [10]), как важный фактор включенности отмечали многие респонденты. Солидарность является базовой основой чувства поддержки, связи, социального участия, которые необходимы как самим инвалидам, так и их семьям. *«Когда ребенок стал подрастать, все мои друзья стали ее друзьями. Я при ней оказалась. К ней приезжали фотографы, которые любили ее фотографировать. От нее энергия «бьет ключом». Мы года три назад вышли из КДЦ «Здоровья». Пока мы прогулялись по Пушкинской, к ней подходили люди и говорили: «О, это* [имя ребенка]*, мы на нее в «ВК» подписаны, мы видели ее по телевидению»* (Интервью 6, женщина, 51 год, дочь, 8 лет, синдром Дауна, житель станицы).

Чувство солидарности является важным ресурсом жизнестойкости, социальной адаптации и включения для семей и детей с ограниченными возможностями здоровья. Контексты описания солидарности различные: от описания общности с жителями локального территориального сообщества (район, поселение, дом) до общности с членами общественных сообществ. «*Когда мы выходим гулять, его уже все знают. Все здороваются с ним*» (Интервью 31, женщина, 43 года, сын, 11 лет, ограничения по зрению, житель малого города).

Семьи и инвалиды, которые отмечали чувство солидарности, проживали как в городских, так и в сельских поселениях. Однако следует отметить, что в городских сообществах чувство солидарности, скорее, зависит от места проживания и наличия «двора», образ которого часто встречается в нарративах. При этом дворовое сообщество, которое *«знает», «привыкает», «понимает, что он сделал не со зла»,* порой контрастирует с готовностью включения местного сообщества населенного пункта. Иногда «свой двор», «знающие и понимающие соседи» становятся причиной сохранения именно данного места жительства, отказа от мобильности,

которая могла бы облегчить профессиональную карьеру одного из родителей, создать условия для получения более качественной медицинской помощи.

Субъектами поддержки могут выступать как близкие люди (родственники, близкое окружение), так и соседи, коллеги, а порой и незнакомые люди, с которыми сталкивались родители в транспорте или на улице. Чувство солидарности важно, потому что оно создает чувство поддержки, связи и дружбы и связано с социальным участием. Следует отметить, что анализ конструкций нарративов позволяет говорить о чувстве солидарности и как о результате тесного межличностного взаимодействия, и как о чувстве, предвосхищающем его (в данном случае оно выступает как фактор развития социального взаимодействия, а его проявление выступает доказательством отсутствия «вежливой стигмы», искажающей и препятствующей социальным контактам).

Благоприятный социально-психологический микроклимат в семье, поддержка родственников. Копинг-стратегии адаптации и атмосфера семьи имеют важное значение в социализации ребенка с инвалидностью [11–13]. Важнейшим фактором включения ребенка в местное сообщество является социально-психологический микроклимат в семье. Анализ нарративов показал, что, столкнувшись со сложностями, связанными с инвалидностью ребенка, не все семьи успешно проходят период адаптации. Из 38 нарративов 36 представляли собой нарративы матерей. В 4 из них женщины повествовали о разводе как результате сложностей, связанных с воспитанием особого ребенка. Еще у 8 респондентов присутствовали темы семейных конфликтов, как следствия особого статуса семьи.

Среди нарративов всего 2 представляли нарративы отцов, активно участвующих в воспитании детей с инвалидностью. Семьи интервьюеров мужского пола полные, в тематическом анализе отсутствует тема конфликта. Следует отметить, что малая представленность нарративов отцов вполне объяснима, поскольку основная нагрузка по воспитанию и уходу за ребенком в таких семьях ложится чаще всего на мать. Отец же, даже при сохранении семьи, чаще всего берет на себя функцию финансового обеспечения. Интересно, что у всех отцов уход осуществляется за сыновьями с ограничениями опорно-двигательного аппарата. В нарративах ярко выделяется тема помощи матери, испытывающей высокую психологическую и физическую нагрузку.

Поддержка семьи, благотворное влияние на физическую, психологическую, материальную нагрузку многопоколенной семьи, семьи, сохранившей тесные контакты с ближайшими родственниками, предполагающие не только эмоциональную связь, но и повседневное участие в воспитании ребенка, – основная тема нарративов.

«В Екатеринбурге реабилитацию проходить удобно. Там мои родители. Они приготовят покушать, обогреют, обласкают, погуляют. Дети это воспринимают не как лечение, а как поездку к бабушке и дедушке. Это как каникулы – новое место, новые люди» (Интервью 7, женщина, 49 лет, сын 7 лет, дочь 4 года, синдром Ушера, житель крупного города). По сути, говоря о включении в сообщество, мы должны говорить о поэтапном процессе включения и признания сначала семьи, далее родственников и близких, а позже – расширении спектра сообществ и групп, готовых к реальному включению.

Социальные контакты семьи. Выделяя социальные контакты семьи как фактор, способствующий включению ребенка, мы имеем в виду, в первую очередь, социальные контакты, которые выходят за рамки родственных отношений. Это социальные связи с сослуживцами, соседями, знакомыми и друзьями. О роли семьи в социализации ребенка с инвалидностью сказано многое, однако об изучении потенциала семьи в «помощи ребенку справиться с ситуацией взаимодействия в новой среде» [14, с. 7], иными словами – с задачами включения его в более широкие социальные контакты, говорят меньше. Между тем, чтобы семья помогла не только адаптироваться ребенку к социуму, но и стать его частью, необходимо, чтобы сама семья адаптировалась к новым социальным контекстам, сохранила открытость во взаимодействии с местным сообществом. *«Главное – не надо закрываться. Это неправильная позиция. Сейчас все есть. Времена изменились. Если хочешь, чтобы ребенок нормально развивался, не надо закрываться»* (Интервью 24, женщина, 31 год, сын, 12 лет, ДЦП, житель малого города).

Уровень социальных взаимодействий зависит и от личной позиции членов семьи, и от типа копинг-стратегии адаптации, и от местного сообщества. *«Город дает свои преимущества. Но если ты живешь в городе, ты можешь чувствовать себя одиноким среди толпы, можешь даже не знать своих соседей. Мы все здесь друг друга знаем. Дети все вместе по улице бегают. В мире живем, а это тоже немало значит»* (Интервью 29, женщина, 37 лет, дочь, 14 лет, ограничение по слуху, житель сельской местности).

Следует отметить, что в нарративах городских жителей реже встречаются рассказы о тесных межличностных отношениях с соседями или знакомыми. Скорее встречается даже сожаление об отсутствии таких контактов. Однако нельзя сказать, что город исключает такие социальные контакты, здесь требуются дополнительные стратегии и усилия для их установления и поддержания, о которых мы скажем далее. Возраст детей и характер нозологии тоже не имеет значения, хотя сложности в установлении и поддержании социальных контактов определяются поведенческими нарушениями детей.

Санатории и реабилитационные центры, больницы. Медицинская поддержка и реабилитация требуют большого количества времени, становятся своеобразным особым пространством. Посещение одних реабилитационных центров, уход за детьми с одним или схожим диагнозом может стать основанием для ощущения солидарности. «Наши дети» – распространенная фраза, передающая ощущение солидарности. В нарративах респондентов реабилитация или клинические мероприятия воспринимаются не только как медицинская, но и как социальная реабилитация. *«Лежим один-два раза в год в центре для детей-инвалидов. Ребенок там занимается с преподавателями. Ему очень нравится. Нравится, потому что там очень много детей, нравится ему там общаться, играть с ними, он там любимчик у всех»* (Интервью 2, женщина, 36 лет, сын, 13 лет, аутизм, ЗПР, житель крупного города).

Посещение образовательных учреждений. Посещение детских садов, школ, системы дополнительного образования является мощным фактором включения. Последнее десятилетие инклюзивные процессы в российском образовании набирают обороты [15, 16]. Данные исследования позволяют говорить о высокой роли личности педагога, его мотивации к включению ребенка в группу сверстников и образовательный процесс, а не о инклюзии как норме образования. Несмотря на наличие сложностей интеграции, важность и необходимость включения ребенка в образовательные учреждения отметили большинство респондентов. Даже неудачные попытки посещения детских садов, школ не останавливали некоторых родителей, а успешные результаты поиска «своей школы», «своего класса», «понимающего педагога» давали высокие результаты в оценке итогового уровня включенности: *«Все-таки ходим в обыкновенную школу, хотя и оформлены на домашнем посещении, но уроки посещаем. Чтобы он с детками общался, чтобы видел, как дети себя ведут на уроках». «От общества уходить неверно. Дочь ходила в инклюзивный детский сад, и это дало нам очень большой толчок к развитию, к наработке навыков. Да, она не всегда берет самое лучшее, но тем не менее. Сейчас мы ходим в обычный класс, да, мы не успеваем. Мы ходим с тьютором. Но это очень важно для ее общения»* (Интервью 12, женщина, 40 лет, дочь, 14 лет, атипичный аутизм, житель малого города).

Социальные услуги, помощь специалистов помогающих профессий. Результаты анализа нарративов позволяют говорить о высокой роли специалистов помогающих профессий (логопедов, дефектологов) не только в коррекции, развитии, но и в целом в воспитании и включении ребенка. Характер оказываемого воздействия может быть различным и зависит от таких факторов, как транслируемая модель (парадигма), присущая конкретному специалисту; умения и значимости доверия и понимания во взаимодействии специалист – семья; способности преодолеть установку на доминирование во взаимодействии. Имеет значение и предыдущий опыт общения со специалистами родителей ребенка. Однако важность специалистов помогающих профессий в формировании установок и моделей включения однозначна. Лингвистический анализ позволяет выделить словесные конструкты специалиста новой инклюзивной культуры: «*свой врач», «подходящий нам специалист», «реабилитолог, понимающий нас», «учитель небезучастный», «нормальный подход*». Именно специалист, аккумулирующий опыт включения других семей, владеющий большей информацией о субъектах, предоставляющих услуги в конкретном населенном пункте, возможностях отдельных социальных пространств для включения, может служить действенным источником подсказок и ориентиров интеграции.

Программы специализированных досуговых центров, НКО, фондов, общественных организаций. Несмотря на то что в поиске респондентов мы осознанно не опирались на помощь общественных организаций, в нарративах родителей повсеместно упоминаются общественные организации, специализированные досуговые центры как фасилитаторы социальных коммуникаций и пространства, создающие свое сообщество с высокой готовностью включения.

«Она никогда ни с кем не хотела общаться из новых людей, даже если на нее обращали внимание. Вот реально, она была диким ребенком. Я поняла, что тут что-то надо менять, нашла быстренько общественную организацию. Там, где была возможность больше находиться в толпе, где посещали шумные мероприятия» (Интервью 1, женщина, 42 года, дочь, 8 лет, синдром Ларсена, житель малого города).

В условиях дискретного существования «очагов» помощи, сильно различающихся по территориальному расположению и профилю деятельности, ориентации на возрастные группы [17] («*Страшно стало, когда нам сказали, что все, мы все программы прошли. Организация нам ничего дать уже не могла. Слишком «нормальные» для организации, но ненормативные для всего общества*» (Интервью 6, женщина, 51 год, дочь, 8 лет, синдром Дауна, житель станицы)), усиливается самоорганизация родителей. В поиске психологической и социальной поддержки они самостоятельно создают формальные организации и неформальные сообщества родителей с детьми, имеющими инвалидность. Помимо благотворного влияния на самих родителей, объединения служат мощным ресурсом включения, поскольку встречи родителей осуществляются совместно с детьми, которые получают замечательную возможность общаться, играть, развиваться. Анализ нарративов позволяет не согласиться с мнением, что наличие таких форм самоорганизации «не всегда приводит к повышению уровня инклюзии» [18].

Спорт. В нарративах мы не раз встречали упоминание спорта как позитивного фактора инклюзии. Адаптивные виды спорта, которыми имеют возможность (правда, далеко не повсеместно) заниматься дети с ограниченными возможностями здоровья, способствуют не только формированию «ряда социально значимых качеств – целеустремленности, ответственности, решительности, уверенности в своих силах, умению работать в команде», но и выстраиванию взаимоотношений с другими спортсменами. Профессиональное увлечение спортом может способствовать дальнейшему включению в профессиональную среду. *«Честно сказать, не придавала серьезного значения увлечению. Спасибо тренеру, ведь было желание его забрать. А сейчас учится на адаптивной физической культуре. У него в этом и увлечение, и учеба, и жизнь среди людей»* (Интервью 15, женщина 47 лет, сын, 17 лет, ограничения по зрению, житель малого города). Но даже на любительском уровне спорт дает возможность наладить социальный контакт, столь необходимый для реального включения. *«Рано стал увлекаться спортом. Сначала во дворе – турники. Потом стал ходить во Дворец спорта, на легкую атлетику, в качалку. Он и сейчас продолжает, несмотря на то, что зрение окончательно ушло. И его ребята поддерживают, уважают. Он физически хорошо развит очень»* (Интервью 8, женщина, 49 лет, сын, 17 лет, ограничения по зрению, синдром Ушера, житель малого города).

Отдельно заслуживает внимания нарратив, в котором упоминается увлечение футболом. Молодой человек с нарушением функций опорно-двигательного аппарата является не просто болельщиком, а официально входит в фан-клуб команды. Именно атмосфере фан-зоны родители приписывают важное значение в личностном росте молодого человека, его установке на расширение социальных контактов как важнейший ресурс «нормализации жизни» [19].

Вера, религиозность и община. Вопросы практик и технологий, ценностных оснований социального служения Русской православной церкви привлекают внимание как воцерковленных, так и светских исследователей [20]. Роль веры в принятии своего собственного бытия в мире, психологической, материальной и иной поддержки неоспорима. Полученные нарративы раскрывают еще один, мало артикулируемый социальный эффект приходских общин: формирование сообщества, готового недекларативно не только «служить ближнему», но и «принять» его. Для верующих семей религиозная община становится новым полем социальных контактов. *«Пока я на службе стою, она во дворе. Со всеми общается, всех здесь знает. Наш выход в мир»* (Интервью 26, женщина, 35 лет, дочь, 6 лет, ДЦП, житель малого города).

При этом следует отметить, что внутри прихода формируется своя система межличностных отношений. Включенность в одно сообщество прихода не обязательно предполагает безусловное принятие в другом сообществе, ведь основа прихода – миряне, носители повседневных стигм и представлений, лишь смягчённых религиозным законом. *«Вот если мы ходим в наши храмы, около дома, то там уже территория отвоевана, ее знают, ее не трогают. Но если мы в поездке, то как только она присаживается на скамеечку, то на нее набрасываются люди и начинают говорить: «Ну что ж ты тут такая молодая расселась. Уступай бабушкам место». ... Это ужасно! И я вижу, как она страдает»* (Интервью 9, женщина, 38 лет, дочь 17 лет, экстрофия мочевого пузыря, житель крупного города).

«Привлекательность» ребенка. Многие нарративы содержат тему привлекательных черт ребенка, которые, по мнению родителей, являются дополнительным фактором успешности выстраивания социальных контактов или включения ребенка в сообщества различного типа. Внешняя привлекательность ребенка как фактор, способствующий установлению социальных контактов, отмечается во многих нарра-

тивах. При этом привлекательность трактуется не только как общепризнанный эталон внешности, но и порой является критерием близости внешности к «нормативному», «общепризнанному» и «типичному» стандарту. *«С социальными контактами у нее все отлично. Она хорошенькая. Она со всеми разговаривает… Она со всеми дружит. Нас на улице останавливают. Особенно тогда, когда она начинает смотреть и улыбаться. У нее улыбка особенная»* (Интервью 28, женщина, 35 лет, дочь 6 лет, ДЦП, житель малого города). Иногда, характеризуя особенную привлекательность ребенка, родители отмечают ее как качество раннего возраста, выражая скрытое опасение изменения внешности ребенка в более старшем возрасте. Особенно характерна такая ситуация для родителей девочек-инвалидов. Тема «привлекательности» ребенка и использование внешнего образа как фактора, благоприятно влияющего на установление контакта, скорее характерны для респондентов женского пола.

Стратегии вовлечения

Осознание необходимости вовлечения детей в общение, в том числе с референтными группами, стимулирует семьи выбрать собственные стратегии вовлечения, варьирующиеся в зависимости от ресурсов семьи, индивидуальных характеристик ребенка и характера его заболевания.

Организация досуга и знакомств через сиблингов. Отношения сиблингов могут носить различный характер (от полного отчуждения до тесного контакта с глубокой эмоциональной привязанностью) [21], который тесным образом связан с общим социально-психологическим микроклиматом в семье. В семье, где родители поощряют совместное времяпровождение детей, именно нормативные братья и сестры выступают эффективным фасилитатором расширения коммуникативного пространства особого ребенка.

Последствия для здоровых сиблингов такой стратегии противоречивы – от перспективы «более адаптивного взросления, обогащения ребенка представлением о биопсихосоциальном разнообразии мира, формировании выраженных толерантных установок и социальной мотивации» [22, с. 116] до «парентизации ребенка», нарушения баланса между близостью и дистанцией в отношениях с больным братом/сестрой, родителями, чаще ощущение страха и чувства вины.

Анализ нарративов позволяет говорить о существовании осознанной и неосознанной стратегии организации знакомства и досуга с другими детьми посредством сиблингов. В осознанной стратегии родители понимают, что совместный досуг может разнообразить круг социальных контактов и способствовать включенности особого ребенка в сообщество ровесников. *«Что до друзей. Нет. Их не много. Да они ему и не нужны. У него игры намного сложнее. Ему не хватает просто бегать по улице. Его игры понимает только брат. Вот с ним общение и строится. Этого вполне хватает. Ну, иногда к ним соседские примыкают. Но они, скорее, не с ним в этом момент играют, а с братом»* (Интервью 19, женщина, 40 лет, сын, 10 лет, РАС, житель крупного города).

В неосознанной стратегии включение происходит спонтанно в ситуации, когда нагруженный обязанностью «присмотреть» за братом или сестрой сиблинг пытается совместить присмотр с общением со сверстниками.

Дружба семьями. Одна из интереснейших стратегий, инициатором которой являются в основном матери, – дружба семьями. Желание дружить с одной из девочек в классе у ребенка с инвалидностью стимулировало мать к знакомству с мамой девочки, совместной организации досуговой деятельности, поощрению встреч, а в дальнейшем и к формированию дружественных отношений между семьями. Выбор «подходящей» семьи основан на многих критериях, но главный – способность установить прочный контакт между детьми: *«У* [имя девочки] *есть какой-то иммунитет к нашему поведению. Он меня всегда восхищал. Я взглядом искала в окне их прогулку с мамой поначалу, а потом как-то с мамой сдружились, стали созваниваться. Вроде и мы общаемся, и для них есть возможность встретиться»* (Интервью 14, женщина, 37 лет, сын, 10 лет, РАС, житель малого города).

Организация досуговых мероприятий для детей. Предпосылкой включения является совместная деятельность. Под коллективной деятельностью мы понимаем деятельность нескольких субъектов, объединенных общей задачей, для выполнения которой необходимо реальное взаимодействие. Вполне осознавая важность содействия и необходимость организации некоторого объединяющего события, помощь в формировании совместной и интересной задачи, многие родители поднимали тему личной организации игр, праздников, поездок и походов для своего ребенка с ограниченными возможностями здоровья и нормативных детей, потенциально подходящих для общения и контакта (одноклассники, соседи, родственники и

т.д.). *«Я приглашала в дом детей, у нас был полный дом детей. Ему это нравилось. Дети, когда их много, стремятся разделиться на группы. Так что лучше приглашать по 2–3 человека. Вот тогда им становится интересно, почему мой не идет на контакт. Они его инициируют, и общение складывается»* (Интервью 17, женщина, 37 лет, сын, 10 лет, РАС, житель крупного города); *«Чтобы он общался, мне приходилось во дворе с детворой играть. Тяжело, что я без папы, не знаю мальчуковых игр»* (Интервью 20, женщина, 34 года, сын, 6 лет, ДЦП, житель малого города).

Самоорганизация и активное участие в ранее созданных общественных объединениях тоже являются эффективными стратегиями для включения собственного ребенка в сообщество, позволяют ребенку получить доступ к достаточно устойчивым и разнообразным социальным контактам, в отличие от реабилитационных учреждений, в которых общение со сверстниками ограничено сроком реабилитации. Формирование собственного сообщества позволяет эффективно преодолевать неравномерность географии общественных организаций, помощь которых важна для семей и самих детей-инвалидов. Часто тема формирования собственной общественной организации является результатом отсутствия сообщества детей данного возраста, освоения всех программ реабилитации общественных организаций, находящихся в физическом доступе, при сохранении потребности в поддержании социальных контактов детей. *«На сегодняшний день у нас своя организация. Дети неговорящие, но они общаются. Дети, конечно, перелеченные. Они приходят к общему решению и вместе что-то делают. Играют они, в основном, в больницу. Хотя они у нас и дефилисты. Музыку включить – и они начинают ходить, дефилировать»* (Интервью 36, женщина, 49 лет, дочь, 7 лет, синдром Дауна, житель малого города).

Создание ситуации публичности, успешности. Относительно не распространенная стратегия, которая встретилась нами в четырех нарративах. Несмотря на переход к социальной модели инвалидности, которая стремится преодолеть медицинский подход не только в определении инвалидности, но и в организации повседневной жизни, взгляд на лицо с инвалидностью как на человека, который находится в трудной жизненной ситуации, обусловленной его тяжелой болезнью, освобождающей его от системы обязанностей, определяющей его низкий вклад в общество (Т. Парсонс, «роль больного» [23]), продолжает повсеместно транслироваться как профессиональным сообществом, так и семьей. Стратегия успешности, выявленная нами в нарративах респондентов, – важный знак действительного перехода к социальной модели, разрушающей стигму бедного, несостоятельного и обделенного судьбой и обществом человека. Это прекрасный пример самоорганизации семьи в формировании нового образа инвалидности – образа человека, который *«способен добиться успеха», «много видевшего интересного в жизни», «не забитого и отставшего от своих сверстников», «с богатым жизненным багажом».* Дети респондентов – участники региональной школы звезд «Ералаш», приглашенные участники шоу Максима Галкина «Лучше всех», звезды блога, медалисты школы. Безусловно, такая стратегия позволяет изменить эталонный образ социализации детей с инвалидностью, закрепившийся в сознании общества (А.И. Ковалева [24]). Однако для нас важно иное значение эффекта «успешного опыта ребенка» – включение его в сообщество сверстников.

«Ее приглашали к Максиму Галкину. Когда пришло детское телевидение в классе. Стали снимать. Стали подходить девочки и спрашивать, обсуждать. Сейчас мы съездили на «Модный приговор». Так появляются темы для разговора. Она кивает. Она пытается это эмоционально воспринять. Я видела, как она играет с детьми. Она не совсем понимает смысл. Ее стали замечать. Это уже хорошо» (Интервью 6, женщина, 51 год, дочь, 8 лет, синдром Дауна, житель станицы).

Дискуссия и обсуждения

Представленные в статье положительные факторы, фасилитаторы и стратегии включения, выявленные нами в нарративах родителей особых детей, не исключают наличия в социализации и воспитании ребенка с ограниченными возможностями здоровья негативного опыта включения, анализа барьеров включения, описания стигматизирующих практик. Однако сама цель нашей статьи была направлена на выявление, систематизацию и описание положительных практик включения в неструктурированные сообщества. Практическим результатом такого исследования может стать трансляция позитивного опыта и расширение возможности создания дружественных сред, позволяющих особым детям эффективно функционировать в сообществе, активно взаимодействовать и расширять социальные контакты, которые можно рассматривать как важнейший процесс гармонизации социализационных траекторий детей с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Официальный текст Конвенции о правах ребенка на русском языке. Статья 19 // «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=9959&fld=134&dst=100000001,0&rnd=019568982921947398#0876211997132 3119 (дата обращения: 15.04.2021).

2. Всемирная программа действий в отношении инвалидов. Принята резолюцией 37/52 Генеральной ассамблеей от 3 декабря 1982 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog3.shtml (дата обращения: 15.04.2021).

3. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / Независимый экономический анализ / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008. 224 с.

4. Зайцев Д.В., Склярова Т.В. Развитие практик инклюзивной культуры в работе социальных служб: социологический анализ проблем и перспектив // Бюллетень науки и практики. 2019. № 11. С. 343–351.

5. Наберушкина Э.К. Мобильное гражданство детей-инвалидов в социальном пространстве города // Материалы Международной молодежной научной школы-конференции «Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик». СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018. С. 166–169.

6. Селигман М., Дарлинг Р. Обычные семьи, особые дети. М.: Теревинф, 2007. 76 с.

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 303 с.

8. Шюц А. Избранные статьи. М.: РОССПЭН, 1971.

9. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45.

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

11. Di Marino E., Tremblay S., Khetani M., Anaby D. The effect of child, family and envi ronmental factors on the participation of young children with disabilities // Disability and Health Journal. 2017. Vol. 11 (Jan). P. 36–42.

12. Heyman M., Hauser-Cram P. The influence of the family environment on adaptive functioning in the classroom: A longitudinal study of children with developmental disabilities // Research in Developmental Disabilities. 2019. Vol. 86 (March). P. 20–30.

13. Taylor Dyches T., Smith T.B., Korth B.B. et al. Positive parenting of children with developmental disabilities: A meta-analysis // Research in Developmental Disabilities. 2012. Vol. 33. № 6 (November–December). P. 2213–2220.

14. Клочкова Е.В. Факторы, влияющие на включение ребенка-инвалида в жизнь общества: индивидуальный и коллективный опыт на пути инклюзии // Аутизм и нарушения. 2010. Т. 8. № 3 (30). С. 1–18.

15. Гутерман Л.А., Куликовская И.Э., Толстова А. Социальная готовность участников образовательного процесса к реализации инклюзивного образования // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 5. С. 23–33.

16. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Зайцев Д.В., Наберушкина Э.К. Политика в сфере высшего образования инвалидов // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 1. С. 91–111.

17. Склярова Т.В. Стратегии и практики инклюзии детей-инвалидов: социологический анализ эффективности // Материалы Международной модульной научно-практической конференции «Инклюзия для всех – 2020: Социальная инклюзия в современном социокультурном пространстве». Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2020. С. 29–30.

18. Клепикова А.А. Семьи с детьми с особенностями интеллектуального развития в России: стратегии родительского активизма // Материалы Международной научно-практической конференции «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация». Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский научный центр», 2018. С. 810–814.

19. Нирье Б. Принцип нормализации и службы по уходу за людьми с интеллектуальными нарушениями. Текст: электронный // Сотрудничество: [сайт]. URL: https://kccp.ru/library/view/120 (дата обращения: 5.10.2020).

20. Петрова И.Э. Клиент социальной работы или получатель социальных услуг: взгляд конфессиональный и светский // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 92–108.

21. Деточенко Л.С. Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 87–102.

22. Судьин С.А. Психическая болезнь как проблема социализации в межсиблинговом взаимодействии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 111–147.

23. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.

24. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. № 1. С. 109.

INVOLVEMENT OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN SOCIAL RELATIONS AND COMMUNITIES: FACILITATORS, STRATEGIES, AND SUCCESS FACTORS

L.S. Detochenko

Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don

The problem of inclusion of children with disabilities in society is relevant both from a practical and theoretical point of view. Meanwhile, the high level of interest in the inclusion of children with disabilities in the system of preschool and school educational institutions is at odds with the low level of attention of researchers to the issues of inclusion in local communities. Based on the analysis of 38 narratives of parents of disabled children, the article identifies the factors that contribute to inclusion in the local community: a favorable socio-psychological microclimate in the family; an extensive network of family social contacts; involvement in the work of public organizations and religious communities; the choice of inclusive forms of development and education of the child; competent selection of sanatoriums, rehabilitation centers and hospitals that allow for social rehabilitation, the presence of a sense of solidarity in the local community, visiting sports and leisure centers and clubs; "attractiveness" and the age of the child. Summarizing the experience of inclusion in reference groups allows us to identify several strategies: inclusion through sibling contacts, establishing friendly contacts with parents of peers, organizing events and leisure activities for children, organizing or membership in a public organization or community, creating a situation of publicity or success for the child.

Keywords: inclusion, local community, children with disabilities, inclusion strategies, social integration.

УДК 316.3; 316.4
DOI 10.52452/18115942_2021_4_79

ВОЗМОЖНОСТИ ГЕЙМИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ

© 2021 г.

И.С. Карпикова, В.В. Артамонова

Карпикова Ирина Серафимовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, Иркутск
ikarpikova@mail.ru
Артамонова Виктория Владимировна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, Иркутск
viktoria.v.artamonova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.08.2021
Статья принята к публикации 21.10.2021

Представлены результаты авторского социологического исследования практик управления трудовой мотивацией сотрудников в организациях, использующих геймификацию как инструмент нематериального стимулирования. Анализ основан на результатах анкетирования 800 респондентов (400 человек – сотрудники частных (негосударственных) организаций IT-отрасли и 400 человек – сотрудники государственных организаций сферы образования). В рамках исследования были рассмотрены следующие вопросы: оценка действующей геймифицированной системы нематериального стимулирования; элементы геймификации, используемые в организациях различных сфер профессиональной деятельности и форм собственности; элементы геймификации, способствующие повышению трудовой мотивации сотрудников; недостатки геймифицированных систем трудовой мотивации. Дана качественная интерпретация результатов в зависимости от сферы профессиональной деятельности организации и формы собственности.

Ключевые слова: геймификация, трудовая мотивация, нематериальное стимулирование, элементы геймификации, геймифицированный проект.

Введение

До 2010 г. термин «геймификация» почти не использовался научным сообществом и в бизнес-среде. Это обусловлено тем, что только к 2010 г. был накоплен позитивный опыт реализации проектов по геймификации, а эффективные проекты, связанные с внедрением игровых элементов, привлекли внимание исследователей и практиков к данному инструменту. Термин «геймификация» означает «процесс использования элементов игрового дизайна в неигровых контекстах» [1, с. 491].

В настоящее время геймификация все больше расширяет сферы своего действия. Мобильные, облачные, социальные и локальные сервисы способствовали росту использования данной концепции. Одним из прикладных направлений использования геймификации является управление трудом через внедрение игровых элементов в работу организации для улучшения ее бизнес-процессов.

Геймификация как бизнес-инструмент во все большей степени привлекает внимание руководителей организаций, так как представляет собой метод нефинансовой мотивации сотрудников. Сценарии геймификации отличаются гибкостью и адаптивностью к конкретным задачам, стоящим перед организацией, в сферах повышения производительности труда, командообразования, развития корпоративной культуры, стимулирования инновационной деятельности.

По мере роста исследовательской разработанности вопросов геймификации в последние годы стали появляться зарубежные и российские научные работы, посвященные применению геймификации в качестве метода реализации нематериального стимулирования персонала [2–9]. Проведенный анализ указанных работ позволяет сделать выводы о том, что в подавляющем большинстве из них тезисы о положительном влиянии элементов геймификации на трудовую мотивацию сотрудников носят описательный характер и не подкреплены соответствующей эмпирической базой. Кроме того, представленные рекомендации по внедрению и применению геймифицированных систем либо их элементов в процессы управления персоналом являются общими, не учитывающими специфики деятельности различных профессиональных групп. Соответственно, целью данной работы является систематизация и характеристика элементов геймификации, используемых для трудовой мотивации сотрудников в организациях различных сфер профессиональной деятельности и форм собственности, основанная на

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете систему нематериального стимулирования в Вашей организации?»,
% от числа опрошенных

Варианты ответов	IT	Образование
Нематериального стимулирования практически нет, никто не скажет «спасибо» за труд	15.3	23.0
Нематериальное стимулирование есть, но недостаточно продуманное	31.3	37.3
Меня вполне устраивает действующая система нематериального стимулирования	41.5	32.8
Нематериальное стимулирование никому не нужно, важна только заработная плата	11.0	6.0
Другое	0.9	0.9
Всего	100.0	100.0

эмпирических данных. Изучение геймификации в рамках проведенного социологического исследования позволит расширить понимание механизмов и места геймификации в трудовой мотивации персонала.

Методы

Социологическое исследование было реализовано с помощью количественного подхода методом анкетирования. На основе проведенного пилотного исследования были определены критерии к формированию выборочной совокупности: сфера профессиональной деятельности и форма собственности организации.

Сферы профессиональной деятельности представлены такими областями, как «информационные технологии» и «образование и наука». Именно в этих сферах профессиональной деятельности геймификация активно используется в управлении персоналом, а также сотрудники данных сфер профессиональной деятельности отметили влияние геймификации на их трудовую мотивацию.

По форме собственности негосударственные организации представлены сферой профессиональной деятельности «информационные технологии» (далее по тексту – IT), государственные организации – «образование и наука». Такое распределение сфер профессиональной деятельности по формам собственности обусловлено тем, что организации IT-отрасли чаще представлены негосударственными (коммерческими) учреждениями, а организации образования и науки – государственными учреждениями.

Всего в анкетировании приняло участие 800 респондентов (400 человек – сотрудники частных (негосударственных) организаций IT-отрасли и 400 человек – сотрудники государственных организаций сферы образования). Отбор респондентов осуществлялся именно среди сотрудников, в организациях которых используются геймифицированные системы нематериального стимулирования с целью трудовой мотивации.

Среди респондентов, работающих в IT-отрасли, 57.7% составили представители мужского пола и 42.3% – женского пола. Такая структура выборки по генеральному признаку отражает ситуацию занятости в данной сфере, так как данная область профессиональной деятельности на современном этапе своего развития представлена в большей степени специалистами мужского пола. Однако стоит отметить, что данная отрасль становится привлекательной и для специалистов-женщин. Среди респондентов, работающих в сфере образования, наоборот, существенно больше представителей женского пола (77.7%), что также отражает общую гендерную ситуацию в данной области профессиональной деятельности. Большая часть респондентов имеет высшее образование (77.0% респондентов в IT-сфере и 83.7% в сфере образования).

Результаты и их обсуждение

Исследование практик геймификации в организациях различных сфер профессиональной деятельности и форм собственности включало в себя изучение мнения сотрудников организаций, применяющих в своей деятельности элементы геймификации. С точки зрения трудовой мотивации, геймифицированные системы наиболее продуктивны в сфере нематериальной мотивации, поэтому представляет интерес отношение опрошенных сотрудников к функционированию системы нематериального стимулирования в их трудовых организациях (табл. 1).

Почти половина опрошенных в IT-сфере положительно оценили действующую систему нематериального стимулирования (41.5%), как и треть опрошенных из сферы образования (32.8%). Однако треть сотрудников из обеих сфер профессиональной деятельности отмечают, что нематериальное стимулирование в их организациях недостаточно продумано. Данная оценка может явиться косвенным подтверждением неэффективности и непродуманности геймифицированных проектов трудовой мотивации, поскольку респонденты являются сотрудниками

организаций, применяющих в управлении персоналом элементы геймификации.

Среди опрошенных, выбравших вариант ответа «другое», наиболее часто встречались следующие высказывания в отношении системы нематериального стимулирования: *«есть обратная связь с руководством, это стимулирует и помогает работать над ошибками», «высокая заработная плата лучше»*.

Несмотря на то что респонденты отметили недоработанность реализуемых систем нематериального стимулирования по месту работы, подавляющее большинство опрошенных оценивают наличие таких систем положительно и отмечают, что методы нематериального стимулирования способствуют повышению эффективности их работы (68.7% сотрудников IT-сферы и 71.0% сотрудников сферы образования).

Несмотря на то что элементы геймификации используются в организациях, где работают респонденты, только 43.0% опрошенных сотрудников IT-отрасли и 30.7% сотрудников сферы образования знают данный термин, примерно треть опрошенных из обеих сфер профессиональной деятельности «что-то слышали об этом термине». Хотя многие элементы в системах нематериального стимулирования заимствованы из геймификации, сотрудники зачастую не понимают этого в силу отсутствия, по их мнению, необходимости разбираться в вопросах трудовой мотивации. Кроме того, нередко компании используют лишь отдельные элементы (например, баллы или рейтинг), не разрабатывая геймифицированный проект со своим продуманным сценарием с учетом особенностей развития конкретной организации.

Под геймифицированным проектом мы понимаем работу по составлению плана, включающую все стадии создания и выполнения проекта: разработка общей концепции, выбор стратегических решений, проработка деталей (технические, административные, организационные, вопросы групповой динамики), выполнение работ, создание прототипа и запуск проекта.

На практике разработка геймифицированных проектов обычно начинается с подбора элементов. Чаще всего при проектировании геймифицированных систем используют три элемента – баллы, бейджи, уровни из-за простоты их внедрения. На самом деле инструментов геймификации намного больше. Зарубежные эксперты в области геймификации К. Вербах и Д. Хантер [10] приводят список из 30 самых распространенных инструментов. Компания SCVNGR создала проект «Playdeck», включающий список из 47 игровых механик.

Нами в рамках исследования были отобраны и проанализированы элементы геймификации, наиболее часто встречающиеся в практике российских организаций. С этой целью был произведен разбор бизнес-кейсов из практики внедрения геймифицированных систем с целью мотивации персонала и сформирован перечень из 15 элементов для изучения в рамках опроса. Стоит отметить, что при анализе элементов геймификации практически все они встречаются в той или иной степени как в негосударственных, так и в государственных организациях.

На основе данных анкетирования были выделены элементы геймификации, которые чаще всего применяются в организациях респондентов с целью трудовой мотивации сотрудников, и те элементы, которые могли бы их мотивировать.

Для негосударственных организаций IT-отрасли наиболее распространенными и часто используемыми элементами геймификации являются форум, чат внутри организации (56.2%), материальные призы, награды (45.5%), нематериальные призы, награды (38.0%).

Форум, чат внутри компании является условным элементом геймификации трудовой мотивации. Основная функция данного элемента геймификации – информационная, функцию вовлеченности сотрудников в рабочий процесс он выполняет лишь опосредованно через информирование их о событиях компании или решение через чат каких-либо организационных вопросов с привлечением сотрудников к их решению. Дополнительную мотивирующую функцию чат выполняет в том случае, если его используют, чтобы отметить работу отдельных сотрудников. Например, организация ООО «Технологии защиты» создала корпоративную социально-мотивационную сеть «Пряники», сочетающую в себе функционал корпоративной социальной сети и конструктор мотивационных инструментов для создания программ признания, вовлечения, развития корпоративной культуры. Своим клиентам организация предлагает готовый онлайн-сервис с набором игровых механик, а также помощь в составлении сценария и балансировке игры.

Материальные и нематериальные призы и награды используются в IT-отрасли из-за ее специфики и финансовых возможностей. Отличия между двумя видами призов заключаются в том, что материальные призы и награды можно приобрести за деньги. Например, доставка пиццы в офис, книги, билеты в театр и т. д. Нематериальные призы и награды – это то, что нельзя купить за деньги, они существуют в виде преференции, привилегии, статуса, который сотрудник может использовать только внутри организации, и вне корпоративной среды он не действует.

В сфере образования чаще всего используются такие элементы геймификации, как баллы, очки (54.8%), форум, чат внутри организации (46.0%),

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что является более эффективным методом в нематериальном стимулировании персонала, на Ваш взгляд, – доска почета или доска позора?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	IT	Образование
Наиболее эффективным методом стимулирования является доска почета и доска позора одновременно, в совокупности	18.3	11.3
Наиболее эффективным методом стимулирования является только доска почета	45.0	48.7
Наиболее эффективным методом стимулирования является только доска позора	0.0	0.0
Ни один из представленных методов стимулирования не является эффективным	36.7	40.0
Всего	100.0	100.0

иллюстрация своих достижений коллегам (через социальные сети, внутренний личный кабинет, локальную корпоративную сеть) (38.4%), материальные призы, награды (38.0%).

В государственных образовательных учреждениях нередко можно встретить практику использования ключевых показателей эффективности деятельности (количество учебно-методических пособий, количество публикаций), согласно которой каждый показатель оценивается в определенном количестве баллов. При суммировании баллов по итогам учебного года формируется общий рейтинг сотрудников, по результатам которого начисляются стимулирующие выплаты [11, 12].

С целью изучения отношения опрошенных к такому элементу геймификации, как иллюстрация своих достижений коллегам, в анкету был включен блок вопросов, ориентированный на самые простые, возникшие исторически первыми элементы геймификации, такие как доска почета и позора, которые с момента своего возникновения выполняли информирующую функцию. Данный блок вопросов был включен в анкету с целью понимания, насколько сотрудникам нравится делиться своими показателями работы с коллегами.

Почти половина опрошенных обеих сфер профессиональной деятельности отметили доску почета как наиболее эффективный метод нематериального стимулирования. Примечательно, что доску позора не выбрал никто из опрошенных (табл. 2).

Данное поведение сотрудников можно объяснить через поведенческий подход в психологии [13]. В бихевиоризме есть термин «отрицательное подкрепление» – когда нужно совершить определенные действия, чтобы не случилось что-то плохое. С помощью данного механизма можно добиться целевого поведения. Однако стоит учитывать, что практически всегда сотрудники будут пытаться избежать наказания каким-нибудь наименее энергозатратным для них способом. Кроме того, впоследствии у сотрудников может развиться беспокойство по отношению к геймифицированной системе и пассивное недовольство подобными методами.

Достаточно большой процент опрошенных указали на неэффективность предложенных методов – доски почета и доски позора. Полученные отрицательные оценки можно объяснить тем, что в настоящее время в организациях можно встретить доски почета и позора как единично используемые элементы, смысловое содержание которых исторических изменений практически не претерпело. Поэтому в современных условиях использование данных методов стимулирования усовершенствовано и применяется в виде таких механик геймификации, как рейтинги или таблицы лидеров, что вызывает необходимость выяснить отношение респондентов к подобным модифицированным элементам геймификации и их участию в данных геймифицированных практиках.

На вопрос: «Повлияет ли как-то на Вашу работу ситуация, если Вы займете лидирующее место в общедоступном рейтинге среди сотрудников?» – 52.7% опрошенных IT-сферы и 53.3% опрошенных сферы образования ответили, что это «никак не повлияет на их работу». Корреляционные связи данных ответов со стажем работы, уровнем доходов опрошенных, их возрастом выявлены не были. Однако стоит отметить, что чем выше возраст сотрудников из государственной сферы образования, тем в большей степени данная ситуация мотивирует их работать так же или лучше, чтобы сохранить преимущество перед коллегами ($r = 0.167$, $p = 0.04$).

Противоположные ответы были получены на вопрос: «Повлияет ли как-то на Вашу работу ситуация, если Вы займете низкое место в общедоступном рейтинге среди сотрудников?» Более половины опрошенных обеих отраслей профессиональной деятельности отметили, что постараются сделать все возможное, чтобы улучшить свою позицию и исключить возможность данной ситуации в будущем. Некоторые опрошенные (13.3% респондентов IT-сферы и

16.6% – сферы образования) выразили желание уволиться, так как данная ситуация унизит их перед коллегами.

Мнения опрошенных разделились и в отношении таких видов публичной визуализации своих достижений профессиональной деятельности, как баллы, очки, награды, статусы и т. д. Так, почти треть опрошенных (25.7% сотрудников IT-сферы и 33.0% – сферы образования) отметили, что хотели бы, чтобы доступ к этим данным был только у них, другая треть опрошенных хотели бы поделиться своими достижениями с коллегами (29.3% сотрудников IT-сферы и 29.7% – сферы образования).

Можно предположить, что наибольший дискомфорт должны испытывать те сотрудники, кого можно увидеть на нижних позициях рейтинга. Однако хуже всего себя чувствуют в таких системах те, кто находится в середине рейтинга или чуть выше. Увольняются в первую очередь те, кто показывает высокие результаты, но занимает в рейтинге позиции ниже, чем они ожидали. При этом наибольшее предпочтение респонденты все-таки отдают визуальной личной статистике работы, нежели иллюстрации своих достижений коллегам. При визуализации профессиональных достижений сотрудников, доступной всему коллективу, стоит учитывать социально-психологические особенности сотрудников, так как неосторожное использование данной механики геймификации может способствовать снижению трудовой мотивации сотрудников и даже их увольнению.

Более половины опрошенных сотрудников сферы образования (55.3%) положительно оценили балльно-рейтинговую систему, отметив, что она мотивирует их. Однако стоит отметить, что геймифицированная система, влияющая на заработную плату (увеличение или снижение по итогам выполнения или невыполнения ключевых показателей), может потерять свою мотивационную функцию, а показатели системы перестанут способствовать вовлечению сотрудников в рабочий процесс, так как сотрудники будут делать то, что от них требуется, лишь с целью сохранения уровня оплаты труда и выполнения условий эффективного контракта.

Некоторые из опрошенных в сфере образования высказали свое мнение в отношении принципа добровольности в более категоричной форме: «*Сначала обеспечиваются базовые потребности человека, то есть достойная зарплата. А потом уже можно устраивать игры да конкурсы. Утрированно: какие игры, когда есть нечего?*»; «*У работников и так уже нет времени даже на выполнение своих обязанностей, и лишняя нагрузка в моем случае рассматривается негативно*».

Действительно, важнейшей характеристикой геймифицированного проекта является добровольность участия в нем. Известный разработчик игр Дж. Макгонигал [14] делает акцент на том, что игры по своей природе должны быть добровольными, равно как и геймификация. Когда руководство компании настаивает на использовании приемов геймификации, игра превращается в обязательство. В государственных организациях сферы образования балльно-рейтинговые системы часто не учитывают принципа добровольности, являясь неотъемлемой частью трудовых отношений.

В организациях IT-отрасли балльно-рейтинговая система мотивации сотрудников используется не столь часто, как в сфере образования (52.7% опрошенных отметили, что данный механизм в их организациях не используется), однако более половины опрошенных отметили, что данный элемент геймификации мог бы мотивировать их.

В ходе исследования выявилась недооцененность сотрудниками обеих отраслей профессиональной деятельности ряда элементов геймификации.

1. Командообразующие, групповые соревнования, групповые квесты.

Как правило, данная механика используется в совокупности с другими элементами. Например, помогает усилить эффект от рейтингов или виртуальной валюты, при этом позволяя решать определенные вспомогательные задачи геймифицированного проекта.

2. Показатель прогресса, «прогресс-бар» – «полоса прогресса», отображающая информацию о том, насколько решена текущая задача, достигнута цель.

3. Визуальная личная статистика работы, отображаемая через внутренний личный кабинет, локальную корпоративную сеть в виде общей статистики, диаграмм, таблиц конкретного сотрудника.

4. Иллюстрация своих достижений коллегам через социальные сети, внутренний личный кабинет, локальную корпоративную сеть.

Показатели прогресса и визуальная личная статистика работы являются взаимодополняющими механиками, основная цель которых – информирующая обратная связь о динамике работы отдельно взятого сотрудника. Такие показатели могут быть как публично демонстрируемыми, так и предполагать отображение статистики исключительно для каждого сотрудника в отдельности. Более половины опрошенных (56.7% сотрудников IT-сферы и 55.7% – сферы образования) хотели бы видеть собственные достижения и достижения коллег в профессио-

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, инструменты геймификации влияют на эффективность работы организации?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	IT	Образование
Влияют негативно на работу, т. к. климат в организации накаляется и сотрудники начинают больше ссориться между собой	7.7	11.3
Способствуют высокой эффективности работы организации, т. к. каждый стремится лучше работать, улучшить свои показатели, быть примером для другого	37.0	39.7
Инструменты будут неэффективны через некоторое время, поскольку станут привычными для сотрудников и перестанут их мотивировать	36.3	29.3
Затрудняюсь ответить	15.7	17.3
Другое	3.3	2.4
Всего	100.0	100.0

нальной среде в виде рейтинга, опубликованного на корпоративном сайте организации или в специальной автоматизированной системе.

Среди элементов геймификации, которые могли бы мотивировать опрошенных меньше всего, самые низкие оценки респонденты присвоили такой механике, как виртуальный персонаж (персонаж, который несет в себе смысл геймификации, является выразителем игровых действий и сопровождает игру на всех ее этапах). Виртуальный персонаж крайне редко используется российскими организациями в практике геймификации, поэтому его функции могли быть непонятны респондентам. Однако в корпоративной геймификации данный элемент может выполнять важную роль. Во-первых, культурно-объединяющая, тотемная роль, то есть это некий персонаж, который несет в себе «дух игры», является выразителем игры и сопровождает ее на всех этапах. Во-вторых, защитная роль, когда общение в геймифицированной системе происходит не через конкретного сотрудника организации, принимающего от других сотрудников позитивные и негативные комментарии, а от имени виртуального обезличенного персонажа.

Таким образом, несмотря на противоречивые оценки и определенную критику использования концепции геймификации с целью мотивации персонала в ряде научных работ, настоящее социологическое исследование показало, что респонденты в целом положительно относятся к действующим в их организациях геймифицированным системам и их отдельным элементам, отмечая мотивирующий эффект лично для себя.

В целом 69.0% опрошенных сотрудников IT-отрасли (r = 0.232, p = 0.000) и 70.0% сотрудников сферы образования (r = 0.248, p = 0.000) считают, что геймификация рабочего процесса служит действенным методом мотивации персонала и способствует повышению эффективности работы сотрудников. При этом чем выше общий уровень удовлетворенности работой, тем положительнее сотрудники относятся к геймификации в их организациях.

На вопрос: «Как Вы относитесь к системе геймификации в Вашей организации?» – положительно действующую систему оценили 56.3% опрошенных IT-отрасли и 50.0% – сферы образования. Почти треть опрошенных обеих отраслей профессиональной деятельности воздержались от оценок существующей системы. Как нам кажется, в силу выявленных в ходе социологического исследования недостатков действующих геймифицированных систем дать объективную оценку для опрошенных представляется затруднительным. С целью уточнения отношения сотрудников к геймификации был задан вопрос о том, как действующие инструменты геймификации влияют на эффективность работы организации (табл. 3).

Более трети сотрудников обеих отраслей профессиональной деятельности положительно оценили действующую в их организациях систему геймификации, отметив, что она способствует высокой эффективности деятельности организации, так как каждый стремится лучше работать, улучшить свои показатели, быть примером для другого (37.0% сотрудников в IT-сфере и 39.7% – в сфере образования).

В то же время почти такое же количество опрошенных указали, что элементы геймификации со временем будут неэффективны и перестанут мотивировать сотрудников, так как станут привычными. Полученные данные можно дополнить точкой зрения Т.В. Ким [15, 16], который в своих работах указывает на «негативные последствия долговременного использования геймификации в формировании профессиональных деформаций: ошибки внедрения приводят к тому, что геймификация становится препятствием для осмысления работником своего профессионального и трудового опыта в целях профессионального и личностного развития».

По нашему мнению, если используются отдельно элементы геймификации (без сценария,

игровой метафоры, как это часто можно увидеть в государственных организациях), они, действительно, могут стать частью трудовой деятельности, например, как балльно-рейтинговая система в государственных образовательных учреждениях. Если продумывается сложная геймификация, то ее реализацию лучше планировать на определенный промежуток времени, чтобы эффект от ее новизны способствовал необходимому результату. Однако чаще всего организации используют легкие или смешанные геймифицированные системы.

Необходимо отметить, что достаточно большое количество опрошенных затруднились с ответом на вопрос об эффективности применения геймификации для организаций (15.7% сотрудников IT-сферы и 17.3% – сферы образования). Скорее всего, это связано с тем, что сотрудникам бывает сложно оценить эффективность реализуемых организацией мер мотивации, и в этом случае они могут оценить субъективно только свои ощущения, свое отношение к системе, нежели давать оценки по поводу влияния элементов на эффективность работы организации в целом.

Среди недостатков использования геймификации с целью мотивации персонала сотрудники обеих отраслей профессиональной деятельности отметили на первом месте проявление возможной сильной конкуренции между работниками (27.7% сотрудников IT-сферы и 30.7% – сферы образования). Усилия организаций, направленные на повышение уровеня внутренней конкуренции, чаще всего становятся причиной активного саботажа сотрудниками результатов работы других членов коллектива. В этом случае геймификация не будет способствовать достижению поставленных организацией целей. На втором по значимости месте опрошенные отметили сложности в реализации проекта (26.7% сотрудников IT-сферы и 27.7% – сферы образования), так как достаточно много организаций не справляются с грамотным применением элементов геймификации.

Заключение

По результатам проведенного эмпирического исследования трудовой мотивации работников с использованием геймифицированных систем нематериального стимулирования можно сделать некоторые выводы.

1. Большинство опрошенных сотрудников государственного и негосударственного секторов (69.0% опрошенных IT-отрасли и 70.0% – сферы образования) отнеслись положительно к геймификации рабочего процесса в их организациях, отметив, что данный метод мотивации персонала способствует повышению эффективности их работы.

Геймификация используется как в негосударственных, так и государственных организациях, механизм ее внедрения и функционирования имеет свои особенности. В негосударственных организациях чаще всего используются такие элементы геймификации, как форум, чат внутри организации (56.2%), материальные призы, награды (45.5%), нематериальные призы, награды (38.0%); в государственных: баллы, очки (54.8%), форум, чат внутри организации (46.0%), иллюстрация своих достижений коллегам (через социальные сети, внутренний личный кабинет, локальную корпоративную сеть) (38.4%), материальные призы, награды (38.0%).

Балльно-рейтинговая система относится к наиболее часто используемым элементам геймификации в образовательных организациях и является одним из высокооцененных элементов геймификации, который мог бы способствовать повышению трудовой мотивации.

2. Важнейшей характеристикой геймифицированного проекта является добровольность участия в нем. В государственных организациях сферы образования геймификация носит чаще всего принудительный характер (особенно в части балльно-рейтинговой системы), связанный с условиями трудовых отношений между сотрудником и образовательной организацией.

В негосударственных организациях IT-отрасли геймификация носит, как правило, добровольный характер, организации имеют технические возможности для реализации геймифицированных проектов, и опрошенные положительно относятся к действующим в их организациях системам. Если сравнивать организации различных форм собственности, то потенциал геймификации в большей степени используется в негосударственном секторе, нежели в государственном.

3. Эффективность геймифицированной системы будет выше в тех организациях, в которых сотрудники удовлетворены материальной составляющей труда. В силу неудовлетворенности мотива материального благополучия респондентами образовательных организаций высказывались негативные оценки в отношении действующей системы нематериального стимулирования. В этом контексте геймификация не выполняет свою мотивирующую функцию, хотя большинство опрошенных положительно отнеслись как к самой геймифицированной системе, так и к отдельным ее элементам, которые могут их мотивировать и мотивируют на практике.

4. Как показало исследование, не все опрошенные предпочитают делиться своими профессиональными достижениями публично: треть опрошенных обеих сфер профессиональной деятельности отметили, что хотели бы, чтобы доступ к этим данным был только у них, другая треть опрошенных хотели бы поделиться своими достижениями с коллегами. Необходимо отметить психологические различия в иллюстрации своих достижений: если сотрудник занимает лидирующее место в общедоступном рейтинге, это никак не отразится на его трудовой мотивации, но если он занимает низкое место в общедоступном рейтинге, то в этом случае более половины опрошенных обеих отраслей профессиональной деятельности отметили, что постараются сделать все возможное, чтобы улучшить свою позицию и исключить возможность данной ситуации в будущем.

При визуализации динамики трудовой деятельности сотрудников стоит учитывать особенности коллектива и либо использовать визуальную личную статистику, либо предусматривать возможность иллюстрации достижений коллегам.

В целом можно утверждать, что геймификация является эффективным инструментом трудовой мотивации, но только при комплексном подходе к ее проектированию и внедрению, а также понимании психологических основ используемого метода и соблюдении принципа добровольности. В ситуации игнорирования теоретико-методических основ геймификация может стать манипулятивной техникой, способствующей снижению, а не повышению трудовой мотивации сотрудников. Применение геймификации представляет собой индивидуальный кейс для каждой организации, требует понимания потребностей сотрудников и их мотивов, выработки прозрачных показателей эффективности, реализации принципа конфиденциальности там, где это необходимо.

Список литературы

1. Jipa G., Marin I. Enterprise gamification in business to consumer (B2C) engagement model // Management Challenges for Sustainable Development. Bucharest, Romania, 2014. P. 489–496.

2. Андреева В.А., Шарапова Н.В. Теоретические аспекты управления нематериальной мотивацией персонала // Вектор экономики. 2019. № 2. С. 1–10.

3. Николина М.А., Федоренкова О.О., Мельничук Ю.А. Геймификация как один из эффективных методов нематериального стимулирования персонала // Новое поколение. 2016. № 10. С. 413–419.

4. Солопанова О.Н. Развитие персонала и программная поддержка процессов нематериальной мотивации сотрудников компании // Материалы 52-й научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов. Минск, 2016. С. 18–20.

5. Стяжкин М.С., Меньшикова Е.В. Геймификация как один из методов повышения эффективности работы персонала // Межрегиональный сборник научных трудов. Томск, 2016. С. 86–90.

6. Kamasheva A.V., Valeev E.R., Yagudin R.Kh., Maksimova K.R. Usage of gamification theory for increase motivation of employees // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 1. P. 77–80.

7. Sailer M., Hense J., Mandl H., Klevers M. Psychological perspectives on motivation through gamification // IxD&A. 2013. Vol. 19. P. 28–37.

8. Richter G., Raban D.R., Rafaeli S. Studying gamification: the effect of rewards and incentives on motivation // Gamification in Education and Business. Cham: Springer, 2015. P. 21–46.

9. Mekler E.D., Brühlmann F., Tuch A.N., Opwis K. Towards understanding the effects of individual gamification elements on intrinsic motivation and performance // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 71. P. 525–534.

10. Werbach K., Hunter D. For the win: How game thinking can revolutionize your business. United States: Wharton Digital Press, 2012. 148 p.

11. Масалова Ю.А. Качество человеческих ресурсов как объект управления в системе высшего образования // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 1. С. 107–114.

12. Нагуслаев Н.Т. Построение системы ключевых показателей KPI на примере работы преподавателя // Global and Regional Research. 2020. Т. 2. № 2. С. 311–314.

13. Демидова Е.В. Модель взаимосвязи мотивационной системы личности и организационной культуры // Baikal Research Journal. 2021. № 2. URL: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=24546 (дата обращения: 16.08.2021).

14. McGonigal J. Reality is broken: Why games make us better and how they can change the world. New York: Penguin books, 2011. 416 p.

15. Kim T.W. Gamification ethics: Exploitation and manipulation // Conference Proceeding, Seoul, Korea, 2015. URL: http://repository.cmu.edu/tepper/1545/ (дата обращения: 16.08.2021).

16. Kim T.W. Gamification of labor and the charge of exploitation // Journal of Business Ethics. 2018. Vol. 152. P. 27–39.

GAMIFICATION POSSIBILITIES IN THE SPHERE OF WORK MOTIVATION OF EMPLOYEES

I.S. Karpikova, V.V. Artamonova

Baikal State University, Irkutsk

The paper presents the results of the author's sociological study of labor motivation management practices in organizations that use gamification as a tool of non-material incentives. The analysis is based on the results of questioning 800 respondents (400 employees of private (non-state) IT companies and 400 employees of state educational institutions). The research examined the following issues: the evaluation of the existing gamified system of non-material incentives; elements of gamification used in organizations of different professional spheres and forms of ownership; gamification elements that contribute to higher labor motivation of employees; drawbacks of gamified systems of labor motivation. The qualitative interpretation of the results depending on the sphere of professional activity of the organization and form of ownership is given.

Keywords: gamification, labor motivation, non-material incentives, elements of gamification, gamified project.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2021_4_88

КОРОНАВИРУС И ТУРИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОТРАСЛИ

© 2021 г.

В.А. Аксенов, Е.М. Кирюхина, А.М. Якушева

Аксенов Виктор Алексеевич, к.и.н.; доцент кафедры сервиса и туризма
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
aksv5@rambler.ru
Кирюхина Елена Михайловна, д-р культурологии; профессор кафедры иностранных языков
Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии
elenakiruhina@gmail.com
Якушева Алла Матвеевна, к.э.н.; доцент кафедры финансов и правового регулирования
финансовых рынков Нижегородского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
alla007@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2021
Статья принята к публикации 18.10.2021

Анализируется ситуация в сфере туризма и путешествий в Великобритании в период кризиса 2020–2021 гг., вызванного пандемией коронавируса (COVID-19). Обращается особое внимание на политику кабинета министров в области социальной поддержки отрасли и решения конкретных проблем бизнеса и работников. Особо выделяется взаимодействие кабинета министров с различными профессиональными ассоциациями, местными сообществами. Делается попытка оценить эффективность мер и подходов к управлению индустрией гостеприимства. Авторы приходят к выводу, что благодаря использованию таких мер, как услуга HMRC «Time to Pay», схема сохранения вакансий CJRS, социальная субсидия, социальный грант, были получены положительные социальные результаты в сфере индустрии гостеприимства в виде сохранения занятости большого количества работников и начала туристического сезона лета 2021 г.

Ключевые слова: социальное управление; социальная защита отрасли; индустрия туризма, путешествий, гостеприимства; locdown; туристический кластер; услуга HMRC «Time to Pay»; схема сохранения вакансий CJRS; социальная субсидия; социальный грант.

Введение

Коронавирус привел к появлению новых проблем в сфере государственного управления обществом. Потребовалось обратить внимание на социальную защиту не только отдельных категорий населения, но и целых отраслей, оказавшихся на грани полного прекращения хозяйственной деятельности. Общество ожидало этого от развитых социальных государств. Однако подтверждать свои амбиции в социальной сфере пришлось в условиях экономического кризиса. Проблемы были настолько масштабны, что в ряде государств правительства вынуждены были пойти на введение чрезвычайного положения («локдаун»). В США и ЕС прибегли к эмиссии денежных средств для раздачи их населению («вертолетные деньги»), поддержке целых отраслей, которые оказались на грани остановки.

Особенно зависимыми в новой ситуации оказались страны, экономика которых была «завязана» на туризм, индустрию путешествий и гостеприимства. В числе таких стран нами была выделена Великобритания. Культурно-познавательный, образовательный, деловой центр, она является и своеобразным авиационным и морским «хабом». Ситуация на первом этапе эпидемии в Великобритании была одной из самых сложных в Европе. Вирус не только быстро распространялся, но и сопровождался высокой смертностью заболевших (см. табл. 1). Было объявлено чрезвычайное положение («локдаун»). Страна закрылась для въезда, ограничили внутренний туризм. Однако к лету 2020 г. в правительстве заговорили о стабилизации ситуации, сняли ряд ограничительных мер, предприятия индустрии начали туристический сезон. За счет чего удалось добиться таких результатов, не может не вызывать интереса. Тем не менее в российской и русскоязычной литературе мы обнаружили анализ опыта поддержки сферы туризма в Германии [3], Франции, Австралии, Канаде, Японии [4], ряде других стран [5], но Великобритании среди них нет. Анализ в этих статьях не носит достаточно глубокого характера, не опирается на статистику[1]. Некоторым исключением можно считать статью А.С. Жупаровой и А.А. Нусюпаевой [6], в которой дается сравнительный анализ развития «креативных» индустрий в Китае и Велико-

Таблица 1

Динамика заболеваемости коронавирусной инфекцией на первом этапе развития пандемии в Великобритании и ряде стран ЕС (составлено авторами) [1, 2]

2020 год. Даты: вирус+ тестов	Март 01,11		Март 15, 17, 24		Апрель 05, 07, 16, 20		Май 04, 11, 27; июнь 09, 18	
Даты: смерти от вируса	заражены	умерли 01, 12	заражены	умерли 17, 18	заражены	умерли 07, 21	заражены	умерли 04, 27
Италия	*566–2313*	28–189	3590–3526–5249	*345–475*	505–3039–3786–2256	604–534	1221–744–584–283–331	236–156
Германия	*51–451*	0–0	1210–1985–3930	7–4	140–4289–2945–1881	206–171	488–697–324–397–1213	0–59
Франция	30–510	0–0	36–1032–2249	0–0	519–3491–12578–2447	1416–528	2447–314–172–553–586	528–82
Великобритания	33–412	0–2	443–770–2382	*17–35*	*601–5486–5343–4866*	1105–1124	*4866–3589–1809–1159–1020*	1124–273
Испания	39–582	1–1	1407–1806–4749	191–90	694–5267–7304–1536	784–430	1536–3086–?–249–585	430–52

британии. Она подводит к выводу об особой важности сферы туризма, путешествий и гостеприимства для политики правительства, но несколько устарела. Все данные касаются периода до 2020 г. и требуют корректировки.

Все вышеизложенное определило тему нашего исследования. Цель его – выявить основные закономерности взаимосвязи динамики нового типа ситуаций, в которых оказалось человечество (пандемия), с эффективной политикой правительств в отношении управления, социальной поддержки целых отраслей экономики.

Методология

Чтобы понять и оценить степень успешности адаптации государства к изменившимся условиям, нами был проведен вертикальный и горизонтальный анализ ряда показателей, характеризующих развитие ситуации в Великобритании с началом пандемии коронавируса в мире. На основе официальных данных были представлены те меры, которые принимало правительство. Мы сравнивали их с мнением СМИ, экспертными оценками отраслевых профильных организаций, ассоциаций. Вместе с этим мы воспользовались рядом подходов к оценке глобальных и национальных аспектов влияния пандемии коронавируса на развитие индустрии туризма и гостеприимства, сформулированных Н.А. Зайцевой в журнале «Международная экономика» [5]. На наш взгляд, все это позволило достаточно обоснованно сделать вывод о влиянии на социально-экономические процессы конкретных мероприятий в области управления и социальной поддержки конкретной отрасли, проведенных правительством Великобритании.

Основное содержание

В 2018 г. туризм составил 7.2% ВВП Великобритании. Он быстро рос, внося около 106 млрд фунтов стерлингов в британскую экономику и поддерживая 3.8 млн рабочих мест. Только в июле 2019 г. иностранные туристы потратили в стране 2.9 млрд фунтов. Больше всего страну посещали жители США − в 2018 г. их было 3877000 человек, на втором месте шла Франция [7]. Статистика въездного туризма в 2018 г. зафиксировала 37.9 млн визитов в Великобританию из других стран. За год было совершено 118.6 млн внутренних поездок. Ожидалось, что к 2025 г. туристическая индустрия Великобритании принесет более 257 млрд фунтов, что составило бы около 10% ВВП Великобритании [8]. Инвестиции в эту сферу шли не только из бизнеса. Государство планировало инвестиции в рамках программы развития креативных индустрий, куда включались искусство, наследие и ремесла, а также архитектура, дизайн, фотография [9].

Однако ситуация с коронавирусом серьезно повлияла на эти планы. В Великобритании, как

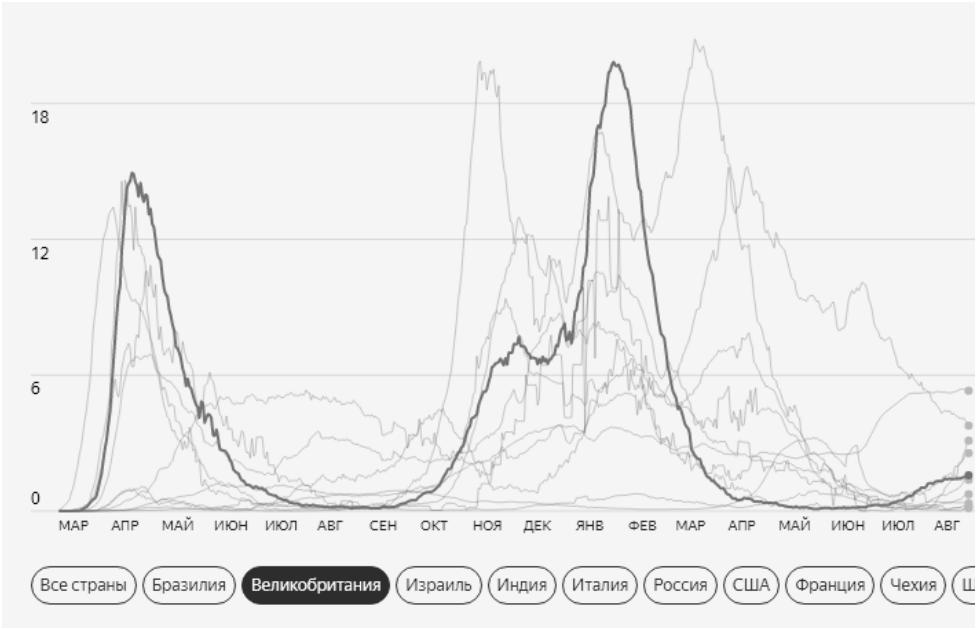

Рис. Динамика заболеваемости вирусом в Великобритании. 03.2020–08.2021 г.
По данным Университета Джонса Хопкинса [1]

и во многих странах с тяжелой эпидемиологической ситуацией, в 2020 г. были введены правительственные ограничения, запрещающие въездной туризм, а затем и внутренний. 17 марта 2020 г. Министерство иностранных дел и Министерство по делам Содружества посоветовали воздержаться от всех несущественных зарубежных поездок. 23 марта было объявлено о закрытии туристических туров по всей стране. В июне 2020 г. ограничения были ослаблены. С открытием небольших магазинов, возобновлением некоторых транспортных маршрутов положение в туристическом бизнесе стало восстанавливаться, однако в ноябре 2020 – январе 2021 г. эпидемиологическая обстановка в стране ухудшилась, и правительство вынуждено было вновь вводить «локдаун» (см. рис.).

Рассмотрим, как менялись показатели.

Пассажиропоток. По официальным данным о посещении Великобритании иностранными туристами, во втором квартале 2020 г. иностранные туристы совершили на 96% меньше посещений и потратили на 97% меньше средств, чем во втором квартале 2019 г. [9]. Данные Управления гражданской авиации показывают, что международный пассажиропоток в аэропортах Великобритании в апреле 2020 г. упал до 1.9% от общего объема февраля месяца, восстановившись до пика в 36.7% в августе, прежде чем снова упасть в ответ на введенные вновь ограничения. Внутренние авиапассажирские перевозки следовали аналогичной динамике. При этом по обоим типам пассажирских трафиков отсутствовала сезонность, которая явно была видна в 2019 г. для международного пассажиропотока [10]. Данные Министерства внутренних дел из расширенной информации о пассажирах, предоставленной авиакомпаниями, говорят, что число прибывших из других стран снизилось с 6.8 млн человек в феврале 2020 г. до 112 тысяч в апреле. Причем из въехавших в апреле 56.5% составляли британские граждане, число которых увеличилось на 5.6% по сравнению с февралем 2020 г. В июне 2020 г. доля британских граждан в процентном отношении ко всем прибывшим в Великобритании упала до минимума в 33.6%, затем снова выросла до 57.0% в августе из-за ослабления национальных ограничений [11]. Таким образом, ежемесячное (февраль – апрель 2020 г.) прибытие авиапассажиров в Великобританию упало на 98.3%. Если учесть возврат британских граждан, то можно говорить о полной остановке международного туристического потока до августа.

Через туннель под Ла-Маншем в 2020 г., по данным оператора EuroTunnel (сайт GetLink), трафик также менялся [12]. В апреле проехали всего 19 862 легковых автомобиля по сравнению с 227 393 автомобилями за тот же месяц 2019 г. (в статистику EuroTunnel входят автомобили, мотоциклы, транспортные средства с прицепами, караваны, автофургоны и туристические автобусы). Снижение составило 91.3%. После частичного ослабления ограничений в Великобритании и во Франции пассажиропоток вырос в августе до 267 942 человек, хотя и на 28.2% меньше, чем за тот же месяц 2019 г. Более сильное восстановление, вероятно, было связано с тем, что автомобили, составляющие значительную часть трафика в Евротоннеле,

позволяли легче держать дистанцию между пассажирами. К тому же европейцы (особенно французы) поездки под Ла-Маншем воспринимали не как трансграничные.

Изменения в заполняемости отелей в Англии. Совет по туризму Англии (VisitEngland) проводит ежемесячный опрос занятости в сфере гостиничного бизнеса [13]. Занятость в каждом английском регионе резко сократилась в начале пандемии, при этом заполняемость номеров, например, в Уэст-Мидлендсе составляла всего 17% от свободных номеров в апреле 2020 г. по сравнению с 71% в 2019 г. Восстановление в разных регионах происходило разными темпами. В Лондоне наблюдался самый слабый подъем заполняемости номеров в отелях по сравнению с любым другим регионом Англии. В июле 2020 г., например, было занято только 20% номеров по сравнению с 90% в том же месяце предыдущего года. В 2019 г. в Лондоне была самая высокая заполняемость номеров за каждый месяц, кроме августа. Таким образом, потеря международного туризма наиболее остро ощущалась в столице.

На юго-западе Англии заполняемость номеров увеличилась с 19% в апреле 2020 г. до 72% в августе. Это указывает на то, что в этом регионе уровень был близок к «нормальному» летнему сезону. Вероятно, это было результатом относительного увеличения внутреннего туризма, центром которого считается юго-запад. В других регионах после марта 2020 г. уровень заполняемости не превысил 58%. Среди всех других регионов Англии произошло заметное снижение заполняемости номеров примерно на 10%. В регионах, где многоуровневые ограничения были введены в октябре 2020 г., она продолжала снижаться в ответ на ограничения и в ноябре. Но и на юго-западе с сентября по ноябрь 2020 г. сезонная заполняемость номеров упала на 37%, хотя в те же месяцы 2019 года снижение составляло только 11% [14]. Это не могло не сказаться на бизнесе в индустрии.

Воздействие пандемии на динамику бизнеса в индустрии путешествий и туризма. Оборот в индустрии путешествий и туризма упал до самого низкого уровня в мае 2020 г. – 26.0% от февраля (по промышленности 73.6%). Летом во всех подотраслях, за исключением выставок и конференций, были приняты меры по смягчению ограничений, и оборот в сфере обслуживания, продажи продуктов питания и напитков в августе 2020 г. составил 90.0% от уровня февраля [15]. Для поддержки была введена схема «Ешьте вне дома» («Eat Out to Help Out»). Выставки и конференции показали иную картину сезонности. В предыдущие годы, как правило, самый высокий оборот был осенью и весной. Осенью в этой подотрасли действительно наблюдалось некоторое восстановление – в ноябре до 35.7% от уровня февраля, рост в 18.1% был и в августе. Это единственная подотрасль, в которой не было снижения товарооборота в ответ на locdown в ноябре.

Оборот в индустрии путешествий и туризма в мае 2020 г. упал на 26% по сравнению с февралем [13]. Доля торгующих компаний в большинстве отраслей индустрии в июле и августе 2020 г. увеличилась с 43% в начале июля до 98% в конце августа, а затем снизилась до 85% в октябре и 51% в ноябре в ответ на национальный локдаун. К середине января 2021 г. эта доля еще больше снизилась, и лишь 37% гостиничного бизнеса занимались торговлей [16]; на наш взгляд, сказались новые правительственные ограничения и сезонность. Британский консорциум предприятий розничной торговли оценил потери бизнеса в масштабах страны за три цикла локдауна в 30 млрд фунтов стерлингов [17].

Влияние пандемии на рынок труда в отрасли. Рассмотрим данные Обследования рабочей силы (LFS), которые основаны на мнениях респондентов о бизнесе, в котором они работают (поэтому их достоверность условна). Количество людей, заявивших о своей основной работе в индустрии путешествий и туризма, в течение третьего квартала (с июля по сентябрь) 2020 г. было на 10.8% ниже, чем в том же квартале 2019 г. За тот же период занятость в других отраслях выросла на 0.1%. При разбивке изменений в занятости в период с 2019 по 2020 г. в отчете LFS данные по отрасли путешествий и индустрии туризма вычитаются из общего роста занятости за первые три квартала 2020 г. Снижение занятости в индустрии перевесило рост в других отраслях во втором и третьем квартале 2020 года [16]. Подотрасль услуг пассажирского транспорта, в том числе аренда легковых автомобилей, имела наибольшие отрицательные показатели в индустрии путешествий и туризма в первых двух кварталах 2020 г. по сравнению с аналогичными кварталами 2019 г. На наш взгляд, это связано с сокращением использования пассажирами автомобильного и железнодорожного транспорта во второй половине 2019 г. В третьем квартале 2020 г. на услуги продуктов питания и напитков пришлось минус 0.5% из 0.7% падения во всей отрасли по сравнению с тем же кварталом 2019 г. Падение общей занятости между третьим кварталом (июль − сентябрь) 2019 г. и третьим кварталом 2020 г. шло в зависимости от возраста, режима работы и отрасли (путешествия, туризм и т.д.). В инду-

стрии путешествий и туризма количество людей в возрасте от 25 до 34 лет, работающих полный рабочий день, сократилось больше всего, за ними следуют люди в возрасте от 16 до 24 лет, работающие неполный рабочий день. За тот же период количество человек, занятых полный рабочий день, в других отраслях увеличилось во всех возрастных группах, кроме самой молодой, в то время как в других отраслях во всех возрастных группах наблюдалось сокращение неполной занятости. Помимо более значительного сокращения занятости по сравнению с другими отраслями, в индустрии путешествий и туризма больше людей находилось в полном или частичном отпуске [18]. Даже когда ограничения были ослаблены летом 2020 г., процент сотрудников, находящихся в отпуске, в большинстве сфер деятельности в индустрии путешествий и туризма был выше, чем в других отраслях, а затем снова вырос в ноябре в ответ на дальнейшие меры изоляции.

В Великобритании были приняты, на наш взгляд, серьезные *меры поддержки и восстановления индустрии путешествий и туризма,* как на государственном, так и на частном уровне. Наиболее важной, с точки зрения затрат, была *поддержка занятости*. Схема сохранения вакансий в связи с коронавирусом CJRS (часто называемая схемой увольнения) была направлена на то, чтобы работники оставались привязанными к своим работодателям, а государство платило им зарплату. Аналогичную поддержку получили и самозанятые для поддержания их дохода (схема SEIS) [19]. Предприятия розничной торговли, гостиничного бизнеса, досуга в Англии получили право не платить так называемые «бизнес-ставки» в 2020/21 гг. [20]. Те, кто работал в небольших отелях, получали гранты в размере 25 000 фунтов [21]. Малые предприятия получали денежные субсидии в размере 10 000 фунтов стерлингов. Правительство разрешило отсрочку платежей по налогам, включая НДС и подоходный налог с самооценкой, до 2021 г. Услуга HMRC Time to Pay позволила предприятиям и самозанятым лицам откладывать налоговые платежи на согласованный период. НДС на гостиничный бизнес, проживание и обслуживание временно был снижен с 20% до 5%. Временное сокращение продлилось с 15 июля 2020 г. по 12 января 2021 г. Программа «Eat Out to Help Out» предлагала скидку 50% до 10 фунтов стерлингов на человека для тех, кто ест в ресторанах, пабах и кафе с понедельника по среду в августе 2020 г.

Малые туристические предприятия могли получить гранты в размере до 5000 фунтов стерлингов, чтобы адаптировать свой бизнес после пандемии коронавируса [22].

Пакет «стартового туризма» в размере 10 млн фунтов был направлен на поддержку сообществ, зависящих от туризма. *Национальным учреждениям и организациям культуры, а также объектам культурного наследия были предоставлены субсидии, возвратное финансирование и капитальные вложения* [23]. В период с апреля по июнь было выделено 1.3 млн фунтов стерлингов для организаций по управлению дестинациями (DMO), находящимися под угрозой закрытия [24]. Были подготовлены комплексные планы восстановления туризма, поощрения инноваций и инвестиций в туристический сектор [25].

Важно, что эти меры были приняты кабинетом министров после консультаций с различными отраслевыми органами, типа VisitBritain (Британский совет по туризму). Рекомендации, призванные помочь отрасли возобновить работу предприятий, включали рекомендации, касающиеся безопасного открытия.

В июле 2020 г. специальный комитет Департамента культуры, СМИ и спорта опубликовал отчет о влиянии COVID-19 на секторы индустрии путешествий и туризма. Выяснилось, что, хотя схемы государственной поддержки помогли предприятиям в этом секторе, преимущества для некоторых частей туристической индустрии «были затруднены из-за отсутствия гибкости», некоторые сезонные рабочие не имели права на схему сохранения рабочих мест в связи с коронавирусом, что оказывало особое влияние на индустрию [26]. В отчете рекомендовалось создать Центр туристических данных (впервые предложенный в рамках Сделки по туристическому сектору 2019 г.) для оценки намерений посетителей на 2021 г., что позволит отрасли осуществлять перспективное планирование. В сентябре различные органы индустрии путешествий туризма, в том числе АВТА − Туристическая ассоциация, сформировали коалицию «За спасение будущего», чтобы лоббировать в правительстве принятие в бюджете «мер… целевой поддержки, в которой нуждается индустрия» [27].

Результаты

Взаимодействие общественных организаций, бизнеса и государства в рамках программы борьбы с эпидемией дало положительные результаты. Соединенное Королевство стало лидером в Европе по вакцинации населения. Вакцинацию прошли (хотя бы однократно) в апреле 2021 г. более 95% жителей страны в возрасте старше 50 лет, в группе 45+ – 89.7%, и перешли к вакцинации лиц моложе 40 лет. Первую дозу препарата, защищающего от COVID-19, полу-

чили 32 млн человек, обе дозы – 7.6 млн человек [28]. Это привело уже в марте 2021 г. к системному снижению заболеваемости и смертности [29].

На пресс-конференции 5 апреля 2021 г. премьер-министр Борис Джонсон объявил о снятии ограничений для большинства сфер бизнеса. С 12 апреля открылись все магазины, торгующие товарами не первой необходимости, спортивные залы и парикмахерские, а предприятиям общепита разрешено полноценно обслуживать посетителей в формате летних террас. Был отменен комендантский час (22:00) для заведений общепита. Магазинам разрешено работать с 7.00 до 22.00 [17]. Местным управам разослано письмо с призывом «сделать все возможное», чтобы рестораны, бары, кафе и пабы смогли как можно скорее вернуться к нормальной работе. Любые точки общепита, оплатившие лицензию стоимостью не более 100 фунтов стерлингов, получают право выставлять столики и кресла у дверей и полноценно обслуживать клиентов. Заведениям, приобретшим такие лицензии прошлым летом, разрешения продляются автоматически, без дополнительного заявления и без взимания платы. Лицензии на организацию летних площадок будут действительны до 30 сентября 2022 г. вне зависимости от того, получены они в 2021 или в 2020 г. [30]. Несмотря на значительные потери из-за запрета на традиционные формы торговли, многие торговые предприятия в последнюю неделю перед возвращением к работе потратили значительные суммы на улучшение вентиляции в торговых залах, закупку антисептиков и переформатирование проходов и кассовых зон под требования социального дистанцирования. Ретейлеры надеялись, что вложения им вернутся. И уже в апреле 2021 г. питейные заведения Англии рассказали о рекордной выручке после снятия запрета на работу [31]. Были определены сроки возвращения студентов университетов Англии к очному обучению [32]. Был решен вопрос об открытии авиасообщения со странами, формирующими основной туристический поток. С июня 2021 г. сняли ограничения на въезд и выезд туристов в страну.

Выводы

Можно отметить, что Великобритания смогла избежать самых негативных сценариев развития кризиса на современном этапе. Благодаря политике кабинета министров по взаимодействию с различными профессиональными ассоциациями, местными сообществами сохранилось единство в обществе. Такой жесткой критики, как в ряде других стран ЕС, не было. Меры социальной поддержки отрасли были адресными. Особо можно выделить разнообразие решений конкретных проблем бизнеса и работников.

Достаточно высокая эффективность этих мер видна при оценке ситуации в условиях новой волны пандемии в конце августа 2021 г. (см. рис.). В Европе после летнего туристического сезона резко растет заболеваемость. Новый штамм вируса (дельта-ковид), пришедший из-за пределов Европы, впервые появился в Великобритании. В июле Германия, Австрия закрыли границы для британских туристов, частично это сделала Дания, задумалась об этом и Франция [33]. Европейский центр по профилактике и контролю заболеваний (ECDC) настоятельно рекомендует срочно ввести дополнительные ограничения [34].

Сегодня в Великобритании введен чрезвычайный режим и правительство предпринимает меры для предотвращения распространения коронавируса. Их можно увидеть, например, на официальном сайте посольства России в Великобритании [35]. Тем не менее, по данным на 22 августа 2021 г., в Великобритании за последние 7 дней отмечено в среднем 31417 зараженных (22.08 – 31976); 49 человек умерли. Процент летальных исходов составляет около 2% от общего числа заболевших [2, 36].

В Великобритании, несмотря на значительно более быстрый темп распространения инфекции по сравнению с Францией, Германией, Италией, повторные заражения после прививок AstraZeneca, смертность от заболевания можно признать не сильно выделяющейся (см. табл. 2). Сказалась, видимо, модель вакцинации, которую использовало правительство. Наиболее уязвимые категории населения (свыше 60 лет) были привиты в первую очередь и практически полностью. На 28.08.2021 общий уровень вакцинации составил около 80% [38]. Но надо отметить и дисциплину, ответственность предприятий индустрии туризма, которые обеспокоены перспективой досрочного завершения сезона.

В этих условиях обсуждение перспектив британской сферы туризма после завершения пандемии коронавируса можно воспринимать просто как дискуссии в поиске лучших путей и методов выхода из кризиса. Так, главный исполнительный директор Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) Глория Гевара полагает, что нынешние меры необходимо незамедлительно заменить на «быстрые, всеобъемлющие и эффективные, с точки зрения затрат, программы тестирования и отслеживания в пунктах отправления по всей стране», чтобы туристам не нужно было проводить две

Таблица 2

Динамика заболеваемости коронавирусной инфекцией по миру (составлено авторами по данным ВОЗ на 22.08.2021) [37]

Страна	За сутки заболели	В сред. за 7 дней	Привито, %	Умерли за сутки	За 7 дней	Смертность, %	Заболеваемость на 100 тыс.
США	+59 521	147550	60.7	+460	1 071	7	45
Россия	+20 564	20 893	29	+762	792	2.6	14
Франция	+22 637	23 004	72.1	-	92	1.7	35
Великобритания	+31 886	31 551	70.1	+104	100	2	46
Италия	+7 466	6 240	68.5	+45	45	2.9	10
Германия	+6 600	6 507	63.5	+31	62	4	8

недели на самоизоляции. «Разрушительная», как она говорит, политика Великобритании, предписывающая туристам из стран с большим количеством заражений коронавирусом пройти карантин, усилила давление на отрасль. Список стран, на которые распространяются карантинные меры, пересматривается закрыто, на еженедельной основе. Согласно прогнозу WTTC, расходы туристов, совершающих международные поездки, могут рухнуть на 78%, или 22 млрд фунтов, в текущем году. При этом самый негативный сценарий предусматривает, что отрасль может потерять 3 млн рабочих мест. Гевара предупреждает, что дефицит деловых и туристических поездок особенно существенно отразится на Лондоне. Лондон может потерять статус мирового центра туризма и бизнеса из-за принятых в стране карантинных мер [39].

О критическом настроении туриндустрии сообщила газета The Sun. Заявление властей «отдыхать дома» до осени, постоянное изменение списков доступных направлений, а также ещё ряд других мероприятий вынудили туризм готовиться к массовым акциям протеста против неупорядоченных действий британского правительства. Туристический сектор Великобритании готовится потребовать от правительства освободить вакцинированных местных жителей от обязательного карантина по возвращении в страну, а также оказать финансовую поддержку «выживающему» турсектору. По данным издания, в акции примут участие сотрудники и руководители туристических компаний, пилоты, бортпроводники, представители аэропортов и другие работники туристической отрасли и связанных с ней секторов экономики. Британская ассоциация туристических агентств (ABTA) объявила, что до сих пор 195 тысяч сотрудников туристической отрасли потеряли доход или находятся под угрозой потери работы из-за пандемии. Эстель Жиро, генеральный директор туристического оператора, владельца и управляющего сети курортов Club Med UK и North Europe, отметила: «Как сектор путешествий и туризма, мы призываем правительство быть прозрачным и последовательным в отношении системы «светофоров», созданной как руководство по зарубежным поездкам». Генеральный директор Manchester Airport Group Ч. Корниш (Манчестерский аэропорт, обслуживает большое количество регулярных рейсов во все стороны мира от 85 авиакомпаний) заявил: «Сектор, который больше всего пострадал от пандемии, – это авиация. Но правительство либо не осознает экономическую ценность авиационной отрасли, либо не доверяет своей системе перезагрузки полетов». Он напоминает, что авиакомпания Ryanair подала в суд на британское правительство за отказ открыть границы страны [40].

Все это говорит не только о наличии проблем в отрасли и обсуждении их в обществе, но и о достаточно решительной политике правительства. Оперативные меры принимаются быстро в силу меняющейся ситуации в стране и в мире. Выйдя из ЕС, Великобритания все же вынуждена принимать во внимание поведение и Союза, и входящих в него стран. Система «светофоров» и другие меры, принятые в ЕС, требуют гибкой и быстрой реакции на практически ежедневные изменения ситуации с пандемией. И здесь Великобритания ограничена мерами, принимаемыми ЕС. Дискуссии вряд ли возможны, а разъяснения не всегда успевают и не всех устраивают.

Опыту работы с заинтересованными лицами и обществом британского правительства можно поучиться российскому. Неумение убедить в необходимости вакцинации, в условиях несформированности коллективного иммунитета (29% привитых) открытие Турции и Египта после спада первых волн пандемии, свободное передвижение между регионами с разным уровнем заболеваемости [41, с. 133; 42, с. 46] – все это вряд ли говорит об эффективном управле-

нии индустрией. На наш взгляд, в дальнейшем представлял бы интерес более детальный анализ использования таких мер, как услуга HMRC «Time to Pay»; схема сохранения вакансий CJRS; социальные субсидии; социальные гранты. Интерес представляет и механизм сохранения занятости большого количества работников в отрасли к началу туристического сезона лета 2021 г.

Примечание

1. Надо иметь в виду, что достоверность данных статистики – это предмет специальной статьи. Расхождения данных из различных, даже официальных источников (правительства, ВОЗ, т.п.) связаны с разными методиками сбора, обработки информации, поэтому конкретные цифры носят условный характер. В ряде случаев они использовались нами только для иллюстрации выявленных тенденций, показа общей динамики и сравнений.

Список литературы

1. URL: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=0Ze&utm_source=cbregion&state=679d59b6206 (дата обращения: 3.04.2021).

2. Коронавирус в Великобритании. URL: https://coronavirus.data.gov.uk/details/deaths (дата обращения: 24.06.2021).

3. Нуйкин Е.Е. Опыт Германии в борьбе с COVID-19 // СКИФ. 2021. № 2 (54). С. 132–137.

4. Жолумбетов Е.М. Анализ мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в сфере туризма в условиях пандемии коронавируса (COVID-19): международный и казахстанский опыт // Chronos. 1921. Т. 6. № 2 (52). С. 29–32.

5. Зайцева Н.А. Влияние пандемии коронавируса на развитие индустрии туризма и гостеприимства: глобальный и национальный аспекты // Международная экономика. 2021. № 2. С. 98–113.

6. Жупарова А.С., Нусюпаева А.А. Сравнительный анализ развития креативных индустрий в Китае и Великобритании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 2 (35). С. 46–53.

7. Travel and tourism in the United Kingdom – Statistics & Facts. URL: https://www.statista.com/topics/3269/travel-and-tourism-in-the-united-kingdom-uk/ (дата обращения: 02.04.2021).

8. Top Tourism Statistic UK. URL: https://www.condorferries.co.uk/uk-tourism-statistics (дата обращения: 02.04.2021).

9. Overseas travel and tourism, provisional: April to June 2020. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/leisureandtourism/bulletins/overseastravelandtourism/apriltojune2020#visits-to-the-uk-in-april-to-june-2020 (дата обращения: 04.04. 2021).

10. UK airport data. URL: https://www.caa.co.uk/Data-and-analysis/UK-aviation-market/Airports/Datasets/UK-Airport-data/ (дата обращения: 04.04.2021).

11. Official Statistics. Statistics relating to passenger arrivals since the COVID-19 outbreak, November 2020. URL: https://www.gov.uk/government/statistics/statistics-relating-to-passenger-arrivals-since-the-covid-19-outbreak-november-2020 (дата обращения: 04.04.2021).

12. Coronavirus and the impact on the UK travel and tourism industry. URL: https://www.ons.gov.uk/businessindustryandtrade/tourismindustry/articles/coronavirusandtheimpactontheuktravelandtourismindustry/2021-02-15 (дата обращения: 04.04.2021).

13. Business impacts of coronavirus survey. URL: https://www.ons.gov.uk/businessindustryandtrade/business/businessservices/bulletins/businessinsightsandimpactontheukeconomy/28january2021 (дата обращения: 04.04.2021).

14. Occupancy in hospitality businesses. URL: https://www.visitbritain.org/accommodation-occupancy-latest-results (дата обращения: 04.04.2021).

15. Impact of the Eat Out to Help Out scheme on consumer behaviour. URL: https://www.ons.gov.uk/economy/inflationandpriceindices/articles/pricesecono micanalysisquarterly/october2020 (дата обращения: 04.04.2021).

16. Coronavirus and the effects on UK labour market statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/articles/coronavirusandtheeffectsonuklabourmarketstatistics/2020-05-06 (дата обращения: 04.04.2021).

17. Бизнес в Англии вышел из локдауна // Сайт MK-LONDON.CO.UK. URL: https://mk-london.co.uk/news/u489/2021/04/12/24520 (дата обращения: 24.06.2021).

18. Coronavirus job retention scheme. URL: https://www.gov.uk/government/collections/coronavirus-job-retention-scheme (дата обращения: 04.04.2021).

19. Support of the Tourism Industry after the Covid-19 Lockdoun. URL: www.parliament.uk/commons-library|intranet.parliament.uk/commons-library|papers@parliament.uk|@commonslibrary (дата обращения: 4.04.2021).

20. Information on business rate relief schemes in Wales, Scotland and Northern Ireland are available in section 4 of Library briefing paper. Coronavirus business support schemes: statistics. URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8938/ (дата обращения: 04.04.2021).

21. With a rateable value over £15,000 and below £51,000. Support of the Tourism Industry after the Covid-19 Lockdoun. URL: www.parliament.uk/commons-library|intranet.parliament.uk/commons-library|papers@parliament.uk|@commonslibrary (дата обращения: 04.04.2021).

22. Government announces £10 million for small businesses to kickstart tourism, July 2020. MHCLG Press Release. URL: https://www.gov.uk/government/news/government-announces-10-million-for-small-businesses-to-kickstart-tourism (дата обращения: 04.04.2021).

23. £1.57 billion investment to protect Britain's world-class cultural, arts and heritage institutions, 5 July 2020. DCMS Press Release. URL: https://www.gov.uk/government/news/157-billion-investment-to-protect-britains-world-class-cultural-arts-and-heritage-institutions (дата обращения: 04.04.2021).

24. Tourism Minister launches £1.3 million fund to support Destination Management Organisations, 7 April

2-20. DCMS Press Release. URL: https://www.gov.uk/government/news/tourism-minister-launches-13-million-fund-to-support-destination-management-organisations (дата обращения: 04.04.2021).

25. OECD. Tourism Policy Responses to the coronavirus (COVID-19), 2 June 2020. URL: https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/tourism-policy-responses-to-the-coronavirus-covid-19-6466aa20/ (дата обращения: 04.04.2021).

26. House of Commons Digital, Culture, Media and Sport Committee, Impact of COVID-19 on DCMS sectors: First Report, HC 291, 23 July 2020, pg. 45. URL: https://committees.parliament.uk/publications/2022/documents/19516/default/ (дата обращения: 04.04.2021).

27. ABTA – the Travel Association, Travel bodies come together to amplify asks to Government through Save Future Travel Coalition, 3 September 2020. URL: https://www.abta.com/news/travel-bodies-come-together-amplify-asks-government-through-save-future-travel-coalition (дата обращения: 04.04.2021).

28. Британия досрочно выполнила план вакцинации жителей старше 50 лет // Сайт «Российская газета». URL: https://rg.ru/2021/04/13/britaniia-dosrochno-vypolnila-plan-vakcinacii-zhitelej-starshe-50-let.html (дата обращения 3.04.2021).

29. Коронавирус перестал быть главной причиной смертности в Англии // Сайт MK-LONDON.CO.UK. URL: https://www.mk-london.co.uk/news/u489/2021/04/22/24536 (дата обращения: 22.04.2021).

30. В Англии правительство продлило лицензию на работу уличных точек общепита // Сайт MK-LONDON.CO.UK. URL: https://www.mk-london.co.uk/news/u489/2021/04/10/24518 (дата обращения 3.04.2021).

31. Питейные заведения Англии рассказали о рекордной выручке после снятия запрета на работу // Сайт MK-LONDON.CO.UK. URL: https://www.mk-london.co.uk/news/u489/2021/04/14/24526 (дата обращения: 3.04.2021).

32. Названы сроки возвращения студентов университетов Англии к очному обучению // Сайт MK-LONDON.CO.UK. URL: https://www.mk-london.co.uk/news/u489/2021/04/13/24525 (дата обращения: 3.04.2021).

33. Турпром. Новости. URL: https://tourprom.ru/nwes50693. (дата обращения: 3.04.2021).

34. Для туризма прозвучал тревожный сигнал: ситуация в Европе стремительно ухудшается, власти ЕС требуют закрытия // Турпром. Новости. URL: tourprom.ru/nwes51722 (дата обращения: 3.04.2021).

35. Посольство России в Великобритании. URL: https://www.rus.rusemb.org.uk/covid/27 (дата обращения: 3.04.2021).

36. Статистика коронавируса на 22.08.2021. КОРОНАВИРУС СЕГОДНЯ. URL: https://koronavirus-today.ru/koronavirus-v-velikobritaniya-statistika-karta-rasprostraneniya/ (дата обращения: 3.04.2021).

37. О главном в России без политики. Статистика коронавируса GOGOV. URL: https://gogov.ru/covid-19/world (дата обращения: 3.04.2021).

38. Коронавирус в Великобритании. URL: https://coronavirus.data.gov.uk/ (дата обращения: 24.06.2021).

39. Великобритания может лишиться 22 млрд фунтов из-за коллапса туристической отрасли // Интерфакс. Туризм. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/73156/ (дата обращения: 3.04.2021).

40. Туризм готовится к массовым акциям протеста против действий правительства // Сайт ТУРПРОМ. URL: https://www.tourprom.ru/news/50900/ (дата обращения: 24.06.2021).

41. Горяинов К.С., Пасько О.В., Суворова И.Н. Факторы и перспективы развития гостиничного бизнеса Москвы в период распространения COVID-19 // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 133–144.

42. Канаев А.С., Исламова М.М. Влияние пандемии COVID-19 на сферу туризма в России // Вектор экономики. 2021. № 2 (56). С. 46.

CORONOVIRUS AND THE UK TOURISM INDUSTRY: EXPERIENCE OF SOCIAL SUPPORT FOR THE INDUSTRY

***V.A. Aksenov*[1], *E.M. Kiryukhina*[2], *A.M. Yakusheva*[3]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]Nizhny Novgorod State Agricultural Academy
[3] Nizhny Novgorod Institute of Management
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the situation in the field of tourism and travel in the UK during the crisis of 2020–2021, caused by the coronovirus pandemic (COVID-19). Special attention is paid to the policy of the Cabinet of Ministers in the field of social support of the industry and solving specific problems of business and employees. The interaction of the Cabinet of Ministers with various professional associations and local communities is particularly highlighted. An attempt is made to evaluate the effectiveness of measures and approaches to the management of the hospitality industry. The authors conclude that through the use of measures such as the HMRC «Time To Pay» service, the CJRS job retention scheme, the social subsidy, and the social grant, positive social results have been achieved in the hospitality industry in the form of maintaining the employment of a large number of employees and the start of the summer 2021 tourist season.

Keywords: social management; social protection industry; tourism, travel, hospitality industry; «locdown»; tourism cluster; HMRC «Time To Pay» service; CJRS job retention scheme; social subsidy; social grant.

УДК 316.485.6
DOI 10.52452/18115942_2021_4_97

ШКОЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ МЕДИАЦИИ И ПРИМИРЕНИЯ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2021 г.

А.В. Мигунова

Мигунова Арина Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
migunova_arina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.06.2021
Статья принята к публикации 19.10.2021

Участие в урегулировании конфликтных ситуаций, возникающих в образовательной среде, – одна из задач современной российской школы. В ней стали не только применять, но и обучать школьников инновационным технологиям, построенным на идеях сотрудничества и ответственного поведения в конфликте, которые призваны содействовать как предупреждению, так и разрешению споров. Исследуется организационная, правовая, образовательная, практическая, научная и информационно-просветительская деятельность по созданию, распространению и функционированию школьных служб медиации и примирения в России, что позволяет сделать заключение о текущем состоянии развития данных образований. Выводы о перспективах развития медиативной и восстановительной практик в общеобразовательных школах формулируются на основе анализа планируемых мероприятий ближайшего будущего, включенных в документы федерального уровня.

Ключевые слова: конфликт, школьный конфликт, медиация, школьная медиация, восстановительное правосудие, школьная служба медиации, школьная служба примирения.

Введение

24 сентября 2020 г. состоялось Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации, на котором было оглашено, что «в стране создано в общей сложности более 25 тысяч служб школьной медиации и примирения, большинство из которых работают в образовательных организациях. В этих службах задействовано более 75 тысяч специалистов» [1].

Организационно-правовое начало формированию подобных служб в России положила утвержденная в 2012 г. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [2] и обеспечивающие ее воплощение Планы мероприятий по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей от 2012 и 2015 г., соответственно [3; 4]. Поддержали становление служб принятые в 2014 г. Концепция развития до 2017 г. (реализация была продлена сначала до 2020 г., а затем 2025 г. – *А.М.*) сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации [5], и Методические рекомендации 2013, 2015, 2017, 2020 г. по созданию и развитию школьных служб медиации/примирения в образовательных организациях [6–9], а в 2015 и 2019 г. – Межведомственные планы комплексных мероприятий по реализации Концепции развития сети служб медиации [10; 11].

Пока еще не продолжительная, но весьма стремительная история внедрения служб медиации/примирения в организациях, работающих с детьми, в том числе в образовательных организациях, становится предметом исследовательского интереса специалистов разного профиля. Подвергается анализу интеграция медиативной и восстановительной практик в работу организаций социального обслуживания семьи и детей, дошкольных, общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций, органов опеки и попечительства, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, специальных учебно-воспитательных организаций и воспитательных колоний.

Существенный круг исследований посвящен школьным службам медиации и примирения (далее – ШСМ и ШСП, соответственно) в общеобразовательных организациях. Именно здесь медиативная и восстановительная практики, пожалуй, чаще всего приобретают воплощение. Это касается не только сравнения распространения этих технологий в организациях, работающих с детьми, но и в целом в различных сферах применения медиации и восстановительного правосудия, таких как коммерческая, семейная, трудовая, судебная, уголовно-исполнительная.

В данном случае мы разделяем позицию О.П. Вечериной и И.Б. Путаловой, которые, анализируя прошлое, настоящее и будущее российского института медиации, отмечают «существенно разное развитие двух направлений медиации – обычной и школьной». Они выделяют три периода развития структуры института медиации: латентный, эйфории и стагнации – и делают вывод, что «текущее состояние института медиации, при том, что он до сих пор не вышел из «начального» уровня развития, можно охарактеризовать как многолетнюю стагнацию», а также обсуждают возможные риски «предполагаемой радикальной реформы» данного института. И если развитие ШСМ/ШСП находится не на этапе стагнации, хотя деятельность этих служб «пока трудно назвать эффективной» [12], тем не менее нельзя не учитывать указанных авторами проблем, которыми сопровождается внедрение медиации, а также тех, что обусловлены особенностями той области, в которой они функционируют.

Внедрение медиативной и восстановительной практик работы прежде всего со школьниками (хотя участниками внутришкольного конфликта могут быть не только ученик – ученик, но и учитель – ученик, учитель – учитель, учитель – администрация, учитель – родитель, родитель – родитель, родитель – администрация) призвано содействовать профилактике конфликтов и противоправных действий в их среде, снижению количества и остроты конфликтов, разрешению споров, а также формированию ориентированного на сотрудничество и взаимопонимание поведения, ответственной позиции в урегулировании конфликтных ситуаций.

В статье концентрируется внимание на данном типе образовательных организаций, реализующих подобные инновационные технологии. На основе анализа нормативных правовых и программных документов, методических разработок и научных публикаций, а также информационных источников, представленных в сети Интернет по исследуемой теме, предпринята попытка осуществить оценку текущего состояния и перспектив развития ШСМ/ШСП.

Методология

Разъясним используемую в работе ключевую терминологию, а именно: медиация, восстановительное правосудие, школьная служба медиации, школьная служба примирения.

В Методических рекомендациях 2020 г. [9] предлагаются две модели реализации процедур для урегулирования конфликтных и проблемных ситуаций в образовании: медиативная и восстановительная. Этим моделям соответствуют два типа служб, создаваемых в образовательных организациях:

1) медиативной модели – службы школьной медиации;

2) восстановительной модели – школьные службы примирения.

Медиативная модель предполагает использование медиации (точнее, школьной медиации) и медиативного подхода.

«Медиация – это способ разрешения споров мирным путем на основе выработки сторонами спора взаимоприемлемого решения при содействии нейтрального и независимого лица – медиатора» [9].

Помимо классической медиации, лежащей в основе школьной медиации, с применением ее принципов, правил, процедуры и инструментов, рекомендуется и медиативный подход, базирующийся на принципах медиации, который был разработан АНО «Научно-методический центр медиации и права» (г. Москва) «как способ осмысленного, осознаваемого позитивного взаимодействия в любых ситуациях повседневной, профессиональной и бытовой жизни, позволяющий предупреждать возникновение и эскалацию конфликтов, урегулирование разногласий там, где использование процедуры медиации нецелесообразно и/или не представляется возможным» [13].

Восстановительная модель базируется на идее восстановительного правосудия (как альтернативе карательной), которая направлена «не на наказание виновного путем изоляции его от общества, а на восстановление материального, эмоционально-психологического (морального) и иного ущерба, нанесенного жертве, сообществу и обществу, на осознание и заглаживание вины, восстановление отношений, содействие реабилитации и ресоциализации правонарушителя» [9].

В рамках восстановительной модели Методическими рекомендациями предлагается использовать технологии, которые относят к восстановительным, а именно: восстановительную медиацию, семейные групповые конференции (в русскоязычной научной литературе также употребляются «семейный совет», «семейная конференция») и круги сообществ (в русскоязычной научной литературе также используются «круг сообщества», «круги сообщества»).

Для решения поставленных в статье вопросов мы не будем углубляться в дискуссию теоретико-концептуального плана о том, как соотносятся медиация и школьная медиация, медиация и восстановительная медиация (см., например, [14]), и стоит ли считать семейные групповые конференции и круги сообществ исключительно восстановительными технологиями.

Кроме того, мы понимаем, что исторически в России возникли и оформились два ядра – два центра, транслирующих и развивающих, соответственно, идеи медиации и восстановительного правосудия на территории нашей страны, чьи разработки были положены в основу общероссийской концепции внедрения ШСМ/ШСП в школах: автономная некоммерческая организация «Научно-методический центр медиации и права» (г. Москва) [15], основатель которой Ц.А. Шамликашвили, и межрегиональная общественная организация «Общественный центр «Судебно-правовая реформа» (г. Москва) [16], президентом которой является Р.Р. Максудов.

Воспользуемся возможностью консолидации их идей, поэтому ШСМ и ШСП будут употребляться в статье через косую черту как знак видения обеих возможностей и, наконец, их взаимодополнения. Так, реально использование в одной школьной службе разных технологий из числа названных (допустим, медиации и кругов сообществ). Важно знание потенциала и ограничений технологий (например, применимость их при разрешении межличностных или групповых конфликтов только между непосредственно конфликтующими или с привлечением социального окружения; да и не только конфликтов, но проблемных ситуаций в целом, как в случае с семейными групповыми конференциями и кругами сообществ), наличие их в арсенале средств, которыми владеют специалисты школы, или готовность и возможность развивать сотрудничество с другими специалистами и организациями (в том числе некоммерческими) для их применения.

Результаты и обсуждение

Для характеристики текущего состояния развития ШСМ/ШСП мы обратились к анализу организационной, правовой, образовательной, практической, научной и информационно-просветительской деятельности по созданию, распространению и функционированию ШСМ и ШСП. Это позволило зафиксировать следующие результаты.

1. *Складываются региональные практики развития ШСМ/ШСП.*

Приведем примеры, демонстрирующие особенности той или иной практики. Во многом эти практики зависят от имеющихся (аккумулированных) в том или ином регионе ресурсов и выбранной стратегии действий по развитию ШСМ/ШСП.

В Московской области развивается региональная сетевая модель служб школьной медиации. Научно-методическое сопровождение реализации данной модели осуществляет Научно-методический центр педагогической рискологии Института педагогической рискологии Академии социального управления (АСОУ).

Представить характеристики данной модели, существующие внутри нее связи и взаимодействия позволяют работы Г.П. Зерновой и Л.В. Ножичкиной [17–19].

В Санкт-Петербурге ГБОУ СОШ № 323 Невского района присвоен статус региональной инновационной площадки по теме «Разработка модели школьной службы медиации». Для развития службы медиации в данной образовательной организации осуществляется социальное партнерство ГБОУ СОШ № 323 Невского района, Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, межрегионального некоммерческого партнерства «Лига медиаторов», информационно-методического центра Невского района, центров психолого-педагогического сопровождения Кировского и Василеостровского районов, общеобразовательных учреждений города. В научной публикации Л.А. Флоренковой [20] подробно описан опыт социального партнерства школы, особенно с Лигой медиаторов, по развитию ШСМ в этой образовательной организации.

В Липецкой области существенную роль в развитии ШСП играют судейское сообщество Липецкой области и Институт развития образования Липецкой области. Опыт участия судейского сообщества Липецкой области во внедрении ШСП можно продемонстрировать, в частности, на продвижении данной идеи судейским сообществом г. Ельца. В 2014 г. именно оно было инициатором семинара по теме развития ШСП в г. Ельце. «Целью такого семинара была выработка единой политики в области организации ШСП и определение основных совместных мероприятий, способствующих развитию подобных служб» [21]. Судьи Елецкого городского суда проводили встречи с родителями обучающихся на родительских собраниях, занимались подготовкой тематических ролевых игр для участников ШСП Липецкой области. Научно-методическое сопровождение внедрения ШСП в Липецкой области осуществляется Институтом развития образования Липецкой области, опыт которого представлен в работе Л.А. Черных и О.А. Драгановой [22].

Интересен и опыт г. Саратова, где с инициативой сотрудничества Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области обратился к факультету психологии СГУ им. Н.Г. Чернышевского. В результате появилось предложение об оказании помощи школам в создании на их базах центров примирения.

Был создан проект, получивший название «Школьные службы примирения (медиации)», целью которого было обучение навыкам медиативного подхода по схеме: «преподаватель – студент – школьник» [23]. То есть профессорско-преподавательский состав СГУ им. Н.Г. Чернышевского осуществлял обучение студентов-психологов медиативному подходу, с тем чтобы они затем передали полученные знания и умения волонтерам-школьникам.

Перспективность идеи использования студенческого волонтерского движения в создании и работе ШСМ/ШСП поддерживают представители и других вузов РФ.

Используется и такой подход, когда на уровне регионов, городов и собственно школ принимаются планы мероприятий («дорожные карты») по созданию и развитию ШСМ/ШСП. Например, в Рязанской области существует подобный план мероприятий [24], в г. Ярославле принята «дорожная карта» [25], в школах Красноярского края есть подобные «дорожные карты» [26]. Они прописывают организационно-содержательное, нормативно-правовое, финансово-экономическое, материально-техническое, кадровое, информационное обеспечение организации деятельности ШСМ/ШСП, а также мониторинг практик данных служб.

2. *Разработан алгоритм организации ШСМ/ШСП.*

На федеральном уровне подготовлены Методические рекомендации по созданию и развитию ШСМ/ШСП в образовательных организациях. Для ШСМ это осуществил Федеральный институт медиации [27], для ШСП – Всероссийская ассоциация восстановительной медиации [28]. Существуют и региональные разработки. Одна из таких выполнена ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» в рамках регионального инновационного проекта «Развитие кадрового потенциала школьных служб медиации» (г. Ярославль, 2015) [29].

3. *Разработана документация, обеспечивающая функционирование ШСМ/ШСП.* Она весьма разнообразна и включает, в частности:

– приказ о создании ШСМ/ШСП в образовательной организации;

– положение о ШСМ/ШСП;

– журнал учета обращений в ШСМ/ШСП;

– карту случая;

– бланк медиативного соглашения;

– план работы ШСМ/ШСП на учебный год;

– бланк отчета о деятельности ШСМ/ШСП.

Выпущены сборники, содержащие образцы подобных документов. Среди таковых – сборник методических материалов «Документация для школьной службы медиации» [30] и «Пакет материалов для создания ШСП 2021» [31].

4. *Реализуются программы подготовки участников ШСМ/ШСП (из числа как сотрудников школ, так и медиаторов-сверстников, реже – родителей обучающихся).*

Среди тех, кто активно развивает и проводит программы подготовки сотрудников ШСМ, можно назвать уже упомянутый ранее Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, который занимается разработкой комплекса организационно-педагогических и научно-методических условий развития ШСМ в региональной системе образования.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского тоже два года подряд (2019, 2020 г.) проводит обучение по программе дополнительного профессионального образования «Медиация в сфере образования (школьная медиация)» в рамках федерального проекта «Новые возможности для каждого» Национального проекта «Образование».

Выпущены и методические пособия, касающиеся подготовки медиаторов-сверстников. Среди них – «Дети-волонтеры в школьной службе примирения: методы и формы привлечения, организации, обучения, мотивации и поддержки (из опыта Волгоградской области)» [32].

5. *Транслируется практика работы ШСМ/ШСП.*

Опыт работы ШСП в регионах представлен в журнале «Вестник восстановительной юстиции», который содержит соответствующий раздел – «Службы примирения в регионах». Центром «Судебно-правовая реформа» публикуются сборники материалов, содержащие опыт работы школьных служб примирения в России (см., например, [33]).

Издаются и практические руководства, содержащие опыт работы ШСМ того или иного региона. В Краснодарском крае выпущено учебно-методическое пособие, включающее результаты анализа работы краевой площадки передового педагогического опыта ГБОУ ИРО Краснодарского края по теме «Служба школьной медиации в образовательной организации» МБОУ гимназии № 40 г. Краснодара, а также практического опыта школьных медиаторов других образовательных организаций края [34].

6. *Выявляются лучшие практики в области применения медиативных и восстановительных технологий в школе, демонстрируются достижения участников ШСМ/ШСП.*

Организуются фестивали и конкурсы в области применения медиативных и восстановительных технологий в школах. Они носят городской, региональный, межрегиональный характер.

В Московской области проводится региональный фестиваль служб школьной медиации Московской области «Мы вместе!» (организатор – Научно-методический центр педагогической рискологии Института педагогической рискологии АСОУ). Он позволяет юным медиаторам соревноваться за звание лучших.

Среди региональных можно назвать областной фестиваль служб медиации образовательных организаций «Азбука медиации» в Воронежской области, проводится подобное мероприятие и в Иркутской области. Есть и городские фестивали, как, например, в г. Красноярске.

Центр «Судебно-правовая реформа» и Всероссийская ассоциация восстановительной медиации совместно проводят Межрегиональный конкурс для участников ШСП «Мастерство юных медиаторов (медиаторов-ровесников)», в том числе публикуя сборники, содержащие конкурсные работы [35].

7. *Образуются ассоциации ШСМ/ШСП.*

На базе Института развития образования Липецкой области создана Ассоциация служб примирения образовательных организаций Липецкой области, куда входят кураторы школьных служб примирения города и области, медиаторы АНО «Служба урегулирования конфликтов». В Иркутской области действует Ассоциация служб школьной и социальной медиации Иркутской области.

8. *Организуются научно-практические площадки для обсуждения вопросов внедрения ШСМ/ШСП.*

Проведено немало конференций в области школьной медиации, осмысливающих накопленный опыт внедрения в образовательных организациях ШСМ/ШСП. Они носят статус и международных, и всероссийских, и межрегиональных. Сборники материалов по их итогам часто представлены в открытом доступе. Среди них:

– I Международная научно-практическая конференция «Медиация в современном образовательном пространстве» (организатор – ФГБНУ «Психологический институт Российской Академии Образования», Москва, 2018) [36];

– Международная научно-практическая конференция «Потенциал служб школьной медиации в концепции устойчивого развития общеобразовательной организации» (организаторы – ГБОУ ВО МО «Академия социального управления» совместно с академической площадкой МБОУ «Лицей №3» им. Главного маршала авиации А.Е. Голованова, г. Дзержинский, Московская область, 2018);

– Всероссийская научно-практическая конференция «Школьная медиация: теория, практика, перспективы развития» (организатор – КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области», Киров, 2018) [37];

– Межрегиональная конференция педагогов-психологов и работников служб примирения «Восстановительный подход и медиативные технологии в образовании: опыт, проблемы, перспективы» (организатор – ГАУ ДПО Липецкой области «Институт развития образования», Липецк, 2020).

Организованы разнообразные региональные семинары/вебинары, круглые столы, мастер-классы и форумы в области школьной медиации.

Среди регулярных можно назвать форум служб школьной медиации Московской области. В 2020 г. прошел уже IV Межрегиональный форум служб школьной медиации «Школьная медиация: вчера, сегодня, завтра» (организатор – Научно-методический центр педагогической рискологии Института педагогической рискологии АСОУ), материалы которого доступны в видеоформате [38].

Наконец, одним из самых значимых мероприятий последнего времени можно назвать Первое Всероссийское совещание школьных служб примирения и медиации, состоявшееся 24 сентября 2020 г. в онлайн-формате. Его организаторами выступили:

– Министерство просвещения Российской Федерации;

– ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей»;

– ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА).

Сборник материалов по итогам данного совещания размещен на специализированной странице на сайте ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей» (подведомственное учреждение Министерства просвещения РФ) [1]. Данная страница призвана обеспечить информационно-методическую поддержку специалистов ШСМ/ШСП.

Охарактеризовав текущее состояние ШСМ/ШСП, перейдем к обсуждению перспектив их развития. Они во многом определяются Межведомственным планом комплексных мероприятий по реализации «Концепции развития сети служб медиации … до 2025 года», утвержденным Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав 25 сентября 2019 г., и предложениями Итоговой резолюции Всероссийского совещания школьных служб примирения и медиации и носят нормативно-правовой, организационный, образовательный, методический и информационный характер.

Анализ данных документов позволяет сделать вывод, что включенные в них мероприятия имеют целью систематизацию и унификацию, актуализацию, масштабирование, организационное совершенствование (с акцентом на эксперти-

зе и координации действий как на федеральном, так и региональном уровнях и оценке эффективности) и повышение доступности опыта внедрения медиативной и восстановительной практик в системе школьного образования.

Предполагается сведение в систему, например, сведений об организациях, осуществляющих подготовку и переподготовку специалистов в области медиации и восстановительных технологий для системы образования.

Приведение к единообразию выражается в предложении разработать единую специальную комплексную типовую дополнительную профессиональную программу повышения квалификации по подготовке специалистов в области медиации и восстановительных технологий для системы образования.

Обновлять планируется, в частности, методические рекомендации по развитию сети служб медиации и примирения в образовательных организациях и форму мониторинга деятельности служб школьной медиации.

Масштабирование, например, находит отражение, на наш взгляд, в рекомендации провести Всероссийский конкурс на лучший реализованный проект практической деятельности ШСМ/ШСП.

Возможность экспертизы и координации действий как на федеральном, так и региональном уровнях дает создание экспертного совета при Департаменте государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства просвещения РФ по развитию служб медиации и примирения в образовательных организациях и координационных рабочих групп в регионах по вопросам применения процедуры медиации в отношении несовершеннолетних.

Выявлять эффективность применения восстановительных программ и медиации в школах призваны регулярный мониторинг деятельности служб медиации в субъектах РФ, а также выезды в субъекты РФ с целью оценки внедрения системой образования этих технологий в практику предупреждения конфликтов среди участников образовательных отношений.

Повышению доступности как для участников ШСМ/ШСП, так и для обучающихся и их родителей информации о медиативной и восстановительной практиках и опыте их внедрения в системе школьного образования будет способствовать наличие разрабатываемого единого информационного ресурса о них в сети Интернет.

Заключение

Текущее состояние школьных служб медиации и примирения характеризует наличие складывающихся региональных практик развития ШСМ/ШСП, разработанных алгоритма их организации и документации, обеспечивающей функционирование ШСМ/ШСП, программ подготовки участников ШСМ/ШСП. Транслируется практика работы ШСМ/ШСП, выявляются лучшие из них, демонстрируются достижения. Образуются ассоциации ШСМ/ШСП. Организуются научно-практические площадки для обсуждения вопросов внедрения ШСМ/ШСП.

Перспективы развития медиативной и восстановительной практик в общеобразовательных школах, задаваемые федеральными властями, отражают стремление систематизировать и унифицировать, актуализировать, масштабировать, организационно совершенствовать и повышать доступность накопленного опыта.

Список литературы

1. Всероссийское совещание служб примирения и медиации // Официальный сайт Центра защиты прав и интересов детей. URL: https://fcprc.ru/mediatsiya_page/ (дата обращения: 12.12.2020).

2. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: https://base.garant.ru/70183566/ (дата обращения: 15.12.2020).

3. Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1916-р «О плане первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142628/ (дата обращения: 12.12.2020).

4. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2015 г. № 167-р «Об утверждении плана мероприятий на 2015–2017 гг. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70763474/ (дата обращения: 12.12.2020).

5. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/420211300 (дата обращения: 12.12.2020).

6. Рекомендации по организации служб школьной медиации в образовательных организациях (утв. Министерством образования и науки РФ от 18 ноября 2013 г. № ВК-54/07вн). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70447852/ (дата обращения: 12.12.2020).

7. Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 декабря 2015 г. № 07-4317 «О направлении методических рекомендаций». URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-18122015-n-07-4317-o-napravlenii/ (дата обращения: 12.12.2020).

8. Письмо Министерства образования и науки РФ от 26 декабря 2017 г. № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71777356/ (дата обращения: 12.12.2020).

9. Письмо Минпросвещения России от 28.04.2020 № ДГ-375/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»). URL: https://docs.cntd.ru/document/564920705 (дата обращения: 12.12.2020).

10. Межведомственный план комплексных мероприятий по реализации Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации (Утвержден Поручением Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации О.Ю. Голодец 8 мая 2015 г. № ОГ-П4-3106). URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2015/10/29/plan_razvitiya_sluzhb_mediatsii_v_rf.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

11. Межведомственный план комплексных мероприятий по реализации Концепции развития сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации, до 2025 года (Утвержден Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав 25 сентября 2019 г.). URL: http://fedim.ru/services-of-mediation/mezhvedomstvennyj-plan-kompleksnyh-meropriyatij-po-realizatsii-kontseptsii/ (дата обращения: 12.12.2020).

12. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Структура российского института медиации: настоящее, прошлое, будущее // Юридические исследования. 2020. № 9. С. 47–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34287 (дата обращения: 10.06.2021).

13. Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 2. С. 26–33. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21774779 (дата обращения: 10.06.2021).

14. Карнозова Л.М. Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы) // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7. С. 18–28. URL: http://igpran.ru/public/articles/Karnozova.Vosst.pravosudie.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

15. Официальный сайт АНО «Научно-методический центр медиации и права». URL: https://mediacia.com (дата обращения: 14.12.2020).

16. Официальный сайт МОО «Общественный центр «Судебно-правовая реформа». URL: http://sprc.ru (дата обращения: 14.12.2020).

17. Зернова Г.П., Ножичкина Л.В. Перспективы развития сетевой региональной модели служб школьной медиации // История и педагогика естествознания. 2018. № 1. С. 16–20. URL: https://istoriaipedagogika.ru/media/1-2018/perspektivy-razvitiya-setevoj-regionalnoj-modeli.pdf (дата обращения: 13.12.2020).

18. Ножичкина Л.В. Реализация сетевой модели служб школьной медиации Московской области, или Как медиация завоевывает сердца подмосковных педагогов. URL: http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/konf/12-12-2017/14-12-17-pedsov-Nozhichkina.pdf (дата обращения: 13.12.2020).

19. Ножичкина Л.В. Как медиация завоевывает сердца подмосковных педагогов // Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2018. № 1. С. 89–96. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35077950 (дата обращения: 13.12.2020).

20. Флоренкова Л.А. Использование возможностей социального партнерства как ресурса для успешного внедрения служб медиации в общеобразовательных организациях // Академический вестник. Вестник Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. 2017. № 2 (36). С. 45–50. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30634460& (дата обращения: 13.12.2020).

21. Соседова М.В. Опыт работы судейского сообщества Елецкого городского суда в области развития школьных служб примирения // Роль юридического сообщества и педагогических вузов в развитии медиации и школьных служб примирения (на примере Липецкой области): Материалы научно-практической конференции (29 ноября 2016 г.) / Под ред. канд. юр. наук, доцента Е.В. Калининой, ст. преподавателя Н.А. Шатуриной. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 90–95. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29920072&pff=1 (дата обращения: 13.12.2020).

22. Черных Л.А., Драганова О.А. О научно-методическом сопровождении служб примирения образовательных организаций Липецкой области // Роль юридического сообщества и педагогических вузов в развитии медиации и школьных служб примирения (на примере Липецкой области): Материалы научно-практической конференции (29 ноября 2016 г.) / Под ред. канд. юр. наук, доцента Е.В. Калининой, ст. преподавателя Н.А. Шатуриной. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 96–100. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29920073 (дата обращения: 13.12.2020).

23. Романова Н. Модель подготовки волонтеров школьной службы примирения (медиации). URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/10/Romanova_3_2017.pdf (дата обращения: 13.12.2020).

24. Распоряжение Правительства Рязанской области от 10 августа 2017 года № 355-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по развитию служб школьной медиации в Рязанской области». URL: http://docs.cntd.ru/document/450297168 (дата обращения: 13.12.2020).

25. Приказ Департамента образования мэрии города Ярославля «Об утверждении плана мероприятий («дорожная карта») по развитию школьных служб медиации в муниципальных образовательных организациях города Ярославля до 2020 года». URL:

http://gc-pmss.ru/files/pdf2017/polozhenie_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 13.12.2020).

26. Дорожная карта по развитию службы медиации в МБОУ «СОШ 14» как одной из дополнительных мер профилактики асоциального поведения несовершеннолетних. URL: https://mou14.3dn.ru/2017/mediacia/utverzhdaju.pdf (дата обращения: 13.12.2020).

27. Методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях. URL: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2019/11/2.1.Metodicheskie-Rekomendatsii_Sluzhby-SHM.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

28. Методические рекомендации по созданию и развитию служб примирения в образовательных организациях. URL: http://www.8-926-145-87-01.ru/wp-content/uploads/2018/01/merged-1-1.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

29. Методические рекомендации по организации деятельности школьных служб медиации: Учебно-методическое пособие / Авторы-составители: С.Б. Чернецова, М.А. Юферова, О.А. Коряковцева и др.; под ред. М.А. Юферовой. Ярославль: Изд-во ИРО, 2018. URL: https://school66.edu.yar.ru/rip_doc/gotoviy_produkt.pdf (дата обращения: 12.12.2020).

30. Сборник методических материалов для специалистов службы сопровождения образовательного учреждения «Документация для школьной службы медиации». Выпуск 30. СПб., 2016. URL: http://www.kirov.spb.ru/SC/ppms/images/docs/Infomaciya_dlya_OU/mediacia/2016-2017/dokum_dla_sluzhby_mediacii.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

31. Пакет материалов для создания ШСП 2021. URL: https://disk.yandex.ru/d/CCZTFD4jIyxayw?fbclid=IwAR07ldq8BWMgECa3vOdZc-5HAesdpPP8yLqmmtMGaFtz22jqhmoou3VRHzw (дата обращения: 10.06.2021).

32. Дети-волонтеры в школьной службе примирения: методы и формы привлечения, организации, обучения, мотивации и поддержки (из опыта Волгоградской области). URL: http://www.iro.yar.ru/fileadmin/iro/k_opip/2018/Posobie-Deti-volontery.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

33. Опыт работы школьных служб примирения в России: Сборник материалов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. 148 с.

34. Рыженко С.К., Маркова Л.М. Служба школьной медиации: практическое руководство: Учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2017. 47 с. URL: http://iro23.ru/sites/default/files/posobie_po_mediacii.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

35. Конкурс «Мастерство юных медиаторов». URL: https://www.8-926-145-87-01.ru/клуб/конкурс-мастерство-юных-медиаторов (дата обращения: 14.12.2020).

36. Медиация в современном образовательном пространстве: Электронный сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под ред. Т.А. Поповой, И.И. Маниной. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2018. URL: https://www.pirao.ru/upload/iblock/38c/Mediatsiya-v-obrazovatelnom-prostranstve.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

37. Школьная медиация: теория, практика, перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция (Киров, 29 ноября 2018 года): Сборник материалов / Сост. М.С. Давыдова; авторский коллектив; КОГОАУ ДПО «ИРО Кировской области». Киров: ООО «Типография «Старая Вятка»», 2018. 99 с. (Серия «Медиация»). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36993715 (дата обращения: 14.12.2020).

38. IV Межрегиональный форум служб школьной медиации «Школьная медиация: вчера, сегодня, завтра». URL: https://asou-mo.ru/news/29-10-2020-iv-mezhregionalnyi-forum-sluzhb-shkolnoi-mediatsii-shkolnaia-mediatsiia-vchera-segodnia-zavtra (дата обращения: 14.12.2020).

SCHOOL MEDIATION AND RECONCILIATION SERVICES: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

A.V. Migunova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Participating in the resolution of conflict situations that arise in the educational environment is one of the tasks of the modern Russian school. It began not only to apply, but also to teach students innovative technologies built on the ideas of cooperation and responsible behavior in conflict, which are designed to promote both the prevention and resolution of disputes. The article examines the organizational, legal, educational, practical, scientific and informational activities for the creation, distribution and functioning of school mediation and reconciliation services in Russia. This allows us to make a conclusion about the current state of development of these formations. Conclusions about the prospects for the development of mediation and restorative practices in general education schools are formulated on the basis of an analysis of the planned activities of the near future included in the documents of the federal level.

Keywords: conflict, school conflict, mediation, school mediation, restorative justice, school mediation service, school reconciliation service.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2021_4_105

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОПРОСА

© 2021 г.

Т.Ю. Петрова, Т.Н. Захаркина

Петрова Татьяна Юрьевна, к.соц.н.;, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
innov@inbox.ru
Захаркина Татьяна Николаевна, к.соц.н.;, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zakharkina.tn@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.10.2021
Статья принята к публикации 30.10.2021

Статья посвящена изучению предпосылок актуализации вопросов академического родительства и академического материнства. Проведен анализ научно-исследовательских публикаций, базирующихся на концепции баланса семьи и работы, которая является центральной для исследования академического родительства. Описаны карьерные траектории и особенности положения в академической среде с позиции гендерной принадлежности. Систематизированы поведенческие стратегии матерей, реализующих академическую деятельность, в рамках внутреннего и внешнего контекстуальных полей, где первое определяется внутренними установками и планами женщины, а второе – вариативными параметрами внешней среды. Определен конфликт критериев профессионального роста в академической среде и особенностей материнства, а также представлены некоторые практики преодоления карьерной стагнации матерей с детьми. Описаны особенности академической деятельности в условиях пандемии с точки зрения гендерного аспекта.

Ключевые слова: академическое родительство, академическое материнство, баланс семьи и работы, стратегии поведения работающих матерей, академическая карьера, распределение семейных обязанностей.

Постановка научной проблемы

В научном пространстве проблема совмещения профессиональных и семейных обязанностей достаточно давно является предметом повышенного интереса, но сохраняет свою актуальность как из-за демографической проблемы снижения рождаемости, так и в связи с усилением значимости женщин в экономике. Прежде всего, вопросы баланса семьи и работы рассматриваются с позиции матери, ввиду ее большей включенности в процессы воспитания, ведения быта наряду с работой. Наличие у мужчин несовершеннолетних детей (даже дошкольного возраста) не делает их уязвимой категорией на рынке труда, в то время как именно женщины, имеющие несовершеннолетних детей, особенно дошкольного возраста, являются менее предпочтительным и «затратным» профессиональным кадром. Как правило, они частично утрачивают профессиональные навыки, находясь в отпуске по уходу за ребенком, не имеют возможности трудиться сверхурочно, ездить в командировки, чаще находятся на больничном по причине болезней детей [1]. В этом контексте женщине приходится платить «штраф за материнство», который может выражаться в меньшей заработной плате, в ограничении карьерных перспектив/доступа к высокооплачиваемой работе, в несправедливом отношении руководства. С. Арженовский и Д. Артамонова на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения показали, что разница в заработной плате между женщинами с детьми и без составляет 8.1% в пользу последних, то есть заработная плата мамы с ребенком до 18 лет ощутимо ниже, чем у женщин без детей [2]. В американской социологии уже более 10 лет используется термин «материнская стена», обозначающий дискриминацию и ограничения, с которыми сталкиваются работающие матери. Наряду с этим уровень экономической активности российских женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей до 18 лет, постепенно растет (рис. 1). Это может быть обусловлено как вынужденными мотивами, так и добровольным желанием женщины в самореализации, в том числе посредством профессиональной идентичности.

Методология

О балансе семьи и работы сегодня существует большое количество научных статей, которые условно можно классифицировать на три блока:

1) первый блок посвящен описанию особенностей положения матерей на рынке труда;

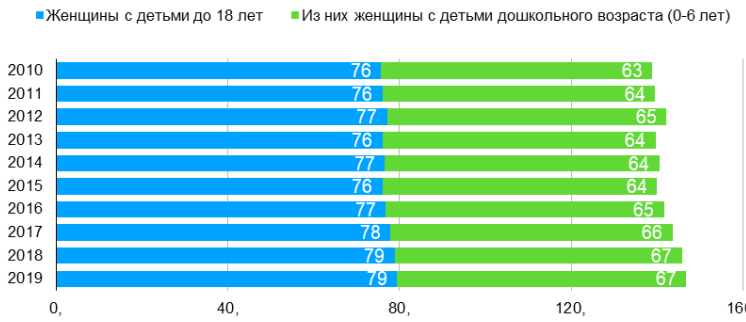

Рис. 1. Уровень занятости женщин, имеющих детей, в возрасте 20–49 лет, % [3]

2) второй блок направлен на описание стратегий совмещения трудовых и семейных обязанностей матерями;

3) третий блок освещает ряд вопросов, возникающих с возобновлением матерью трудовой деятельности, а именно: декомпозиция заработков, родительский стресс, чувство вины работающих матерей, взаимоотношения с ребенком, особенности семейных отношений.

В этом контексте необходимо заметить, что в российском научном поле очень мало публикаций, иллюстрирующих проблемы работающих матерей, занятых в конкретных сферах экономики. Например, есть работы, посвященные проблемам матерей, занятых в секторе индивидуального предпринимательства [4]. Федеральные статистические издания представляют информацию о численности занятых по видам экономической деятельности, однако дифференциация осуществляется исключительно по гендерному признаку без учета семейного положения и наличия детей. В этой связи определить долю занятых родителей несовершеннолетних детей (матерей и отцов) в академической среде не представляется возможным.

Сегодня вопросы академического родительства изучены крайне мало. Под академическим родительством мы понимаем биологические и социальные связи между детьми и родителями, которые (оба родителя или хотя бы один) заняты в академической сфере (входят в профессорско-преподавательский состав высшего учебного заведения). Конкретизировать данный термин можно посредством «академического отцовства» или «академического материнства», указывая на принадлежность того или иного родителя к академической сфере деятельности.

Одной из важных особенностей академического родительства является более высокая «цена времени», которое академическая мать тратит на материнство по сравнению с неработающими женщинами. А.О. Тындик пишет, что эти потери связаны не только с потерями заработков в связи с уходом за детьми, но и с предшествующими инвестициями в свое образование [5]. Рождение детей у такой женщины вступает в конкуренцию с другими событиями жизненного цикла, в первую очередь профессиональными. В результате родительство сдвигается к более поздним срокам, снижается (часто и до нуля) общее результирующее количество детей у женщины.

Баланс семейной жизни и работы является центральным вопросом в рамках темы академического родительства. В этой связи актуализируется вопрос академического материнства, где проводится сравнительный анализ академического и родительского труда преподавателей высшей школы по следующим критериям: характер труда; значимость результатов для общества; регламентация труда; статус субъекта труда, продолжительность рабочего времени и режима работы, напряженность труда; характер степени вовлеченности в трудовую деятельность; отсроченность результата во времени [6]. Авторами делается вывод о схожести этих видов деятельности, однако остается не уточнена шкала и способы измерения вышеперечисленных параметров. Интересно, что в период 2011–2013 гг. доля женщин в возрасте до 49 лет, занимающихся научной деятельностью, незначительно выросла (2%). Какова из них доля женщин, имеющих детей разных возрастных категорий, неизвестно. Описывается, что доля женщин указанной возрастной категории, имеющих наиболее весомые публикации (Web of Science, Scopus), и женщин, занятых в научных исследовательских грантовых проектах, выше по сравнению с мужчинами, возраст которых не называется (26% и 12.9%; 24.6% и 9.7% соответственно). Средний возраст женщин составляет 41–45 лет. Примечательно, что исследование проводилось в Уральском федеральном университете, где условия трудовой деятельности могут быть более привлекательны, чем в иных высших учебных заведениях, особенно не федерального значения.

Заметим, что на начальном этапе академической карьеры численность мужчин-аспирантов в возрасте до 24 лет превышает численность

женщин, в то время как численность мужчин, поступивших в аспирантуру после 30 лет, по сравнению с женщинами снижается. Данный факт может быть обусловлен такой мотивационной составляющей у мужчин, как отсрочка от армии. Однако стремление окончить аспирантуру в возрасте до 30 лет у мужчин сильнее, чем у женщин, что может объясняться их разными карьерными предпочтениями: карьерная траектория мужчины более амбициозна и направлена на профессиональное признание, высокий и стабильный заработок, в то время как карьерная траектория женщины в этом возрастном периоде достаточно часто сопряжена с созданием семьи и рождением детей [7]. Действительно, начало академической карьеры в настоящее время связано с длительным периодом нестабильности, прекарной занятостью, при этом совпадает с репродуктивным периодом женщины.

Многие исследователи отмечают, что в последние годы меняются требования, предъявляемые университетами к современным преподавателям и исследователям со стороны. Отмечается, например, постоянно растущее публикационное давление, ориентация на соответствие определенным индексам, регулярное прохождение конкурсов для продления краткосрочных контрактов, увеличение отчетности, ужесточение временных рамок и снижение академической свободы, ненормированное использование средств связи, переориентация «медленной» науки на «быструю» (уменьшение временны́х сроков, предоставляемых на написание научных работ), распространение трудовой занятости на выходные дни и отпуска.

С другой стороны, исследования в социологии родительства показывают, что в последние годы в обществе развивается идеология так называемого интенсивного материнства. Согласно ей, мать должна уделять ребенку много времени, быть всегда ему доступна, должна стараться учиться материнству, используя экспертное знание. В идеале она должна стараться удовлетворять все потребности ребенка, в том числе тратя на это очень много денег. Таким образом, мать всесторонне отвечает за детей в любой ситуации: за их успехи в школе, безопасность, всестороннее развитие способностей, физическое благополучие. О.Г. Исупова считает, что это связано с появлением идеологии «ребенок как проект», когда ребенка «рожают для чего-то». Мы предполагаем, что академические матери стараются максимально соответствовать этому образу.

Таким образом, академические матери более, чем матери, работающие в других сферах, подвергаются давлению со стороны общества. Их профессиональная деятельность и образ материнства находятся на совершенно разных концах шкалы, претендуя на абсолютное заполнение жизни женщины. Каким же образом они справляются с данной ситуацией?

Сегодня в рамках исследуемой темы определяются поведенческие стратегии матерей в нескольких контекстуальных полях [8]. На основании исследований мы систематизировали поведенческие практики работающих матерей и условно разделили контекстуальные поля на внутреннее и внешнее (рис. 2, 3).

Другими словами, контекстуальное поле характеризуется определенным параметром, на основании которого формируются практики, определяющие ту или иную поведенческую стратегию. Внутреннее контекстуальное поле определяется внутренними установками и планами женщины, а внешнее – вариативными параметрами внешней среды.

Каждая поведенческая стратегия формируется посредством практик, связанных со следующими параметрами: приоритезации, управления репродуктивными планами, управления временем, контроля рисков, обращения за помощью, управления продуктивностью. В рамках каждого параметра определяются жизненные практики, которые, в свою очередь, и формируют те или иные поведенческие стратегии матерей, занятых в академической среде. Например, в рамках параметра, связанного с управлением временем, могут реализовываться такие жизненные практики, как оптимизация аудиторной нагрузки; отказ от научно-исследовательской деятельности, управленческих должностей, административных обязанностей; ведение личного и рабочего тайм-менеджмента, вариативность выбора работы в выходные/праздничные дни, ограничения рабочей коммуникации дома.

В рамках параметра, связанного с управлением продуктивностью, могут осуществляться практики организации рабочего пространства в высшем учебном заведении и вне его, практика своевременного выполнения поставленных задач (без откладывания «на потом»). В контексте параметра «контроль рисков» определяются практики сохранения рабочей нагрузки и обязанностей по реализации грантов в декретном отпуске, а также ранний выход из отпуска по уходу за ребенком. Учитывая репродуктивные планы женщин академической сферы, выделяют практики рождения детей в период обучения в аспирантуре, во время написания диссертации и практики снижения карьерных амбиций до достижения ребенком определенного возраста. В рамках параметра, связанного с обращением

Рис. 2. Поведенческие стратегии матерей, занятых в академической сфере, в рамках внутреннего контекстуального поля

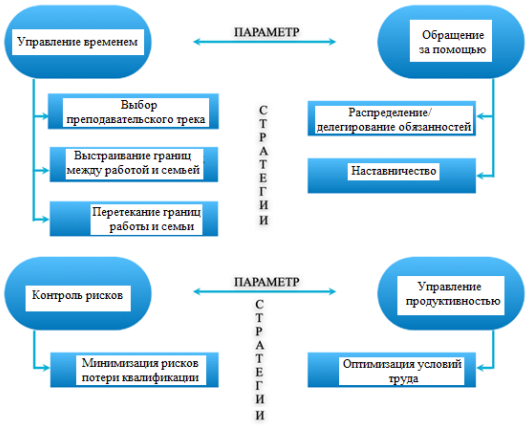

Рис. 3. Поведенческие стратегии матерей, занятых в академической сфере, в рамках внешнего контекстуального поля

за помощью, определяются следующие жизненные практики: перераспределение нагрузки на коллег для снижения объема работы; использование услуг няни, домработницы, помощи старшего поколения; распределение домашних обязанностей с супругом/партнером; обсуждение с коллегами академических и семейных вопросов.

Контекст приоритезации предполагает реализацию практики максимальной погруженности в воспитание детей и вопросы семьи и максимальную погруженность в научную деятельность, выраженную в написании диссертации, статей, участии в конференциях и научных мероприятиях, стажировках [8].

Сегодня происходит смещение критерия профессионального академического роста с работы со студентами на публикационную и научно-исследовательскую/грантовую активность. Как правило, с появлением детей именно научная активность женщины снижается практически до нуля, так как является наиболее трудоемкой и затратной по времени и ресурсам, что идет вразрез с новыми жизненными обстоятельствами. В свою очередь, преподавательская деятельность позволяет более комфортно и «безболезненно» осуществлять реализацию баланса семейного и рабочего времени: «...исключительно преподавательский трек предстает более «безопасным» для матерей, но в то же время «рискованным», с точки зрения финансовой составляющей и карьерных перспектив» [8]. Таким образом, рождение ребенка может существенным образом снизить карьерные перспективы развития женщины в академической среде.

В 2012 г. Н. Кокер и Д. Дроздевски, представляющие университеты Нового Южного Уэльса, перечислили следующие стратегии выживания в академической среде:

– достижение постоянной позиции, прежде чем заводить детей, или не заводить их вообще;

– вписывание детей в академический календарь;

– работа с неполной занятостью;

– увеличение доли сотрудничества в исследованиях;

– скрывать необходимость заботы о детях;

– меньше спать;

– приносить в жертву личную жизнь;

– переходить во второй эшелон (низкопрестижные должности в обучении и науке) с минимальной долей возможности вернуться в первый эшелон [9].

Данные стратегии далеко не гармонично коррелируют с контекстом родительства. В условиях реализации неолиберальной культуры в высших учебных заведениях, в рамках которой проводится постоянная ревизия всех видов деятельности сотрудников (преподавательская, методическая, исследовательская, научная,

Рис. 4. «Протекающий трубопровод»: доля женщин в сфере образования и науки, 2013 г., %

публикационная и т.д.), контекст родительства приобретает особое (и как мы видим, негативно окрашенное) значение для карьерных возможностей женщины в науке. Отчасти это может являться одной из причин отсутствия гендерного паритета среди ученых. Несмотря на то что доля женщин, представленных в сфере высшего образования, превосходит долю мужчин и составляет 53%, ситуация складывается противоположным образом на уровне докторской степени, где доля мужчин составляет 57% (рис. 4) [10].

С появлением ребенка женщина на некоторое время может выпасть из академической сферы, в то время как мужчина с рождением ребенка в его семье может практически беспрепятственно продолжать реализацию и преподавательской, и научной деятельности. В первую очередь, это связано с распределением обязанностей в семье, а именно – в большинстве семей основной уход за ребенком (особенно на первом году жизни) осуществляет мама (46.3% семей), в меньшей степени, когда присмотр за ребенком осуществляют оба родителя (22.3%) [11]. Если в целом обратить внимание на современное распределение обязанностей в семье между мужчиной и женщиной, то по-прежнему большинство из них выполняется женщиной: 49% занимаются уборкой квартиры (22.3% – муж и жена вместе, 11.0% – дети), 37.7% – мытьём посуды (25.6% – муж и жена вместе, 16.0% – дети), 59.6% – стиркой, 47.5% – приготовлением пищи (26.1% – муж и жена вместе). На долю супруга приходится денежное обеспечение семьи (30.9%) и в части семей покупка продуктов и крупные покупки (по 11.9%). В исследовании единственными акторами, реализующими семейные и бытовые обязанности, являются только супруги, и передача описанных обязательств «третьей стороне» (например, обязанности по уборке – клининговой компании, обязанности по присмотру за ребенком – няне/родственникам и т.д.) не рассматривается. Возможно, это связано с тем, что исследование проводилось в 2014 г., когда вспомогательные сервисы и услуги были не так широко распространены и развиты, чего нельзя сказать о нынешней их актуализации (развитии и использовании). Описывая идеальную картину распределения семейных обязанностей, авторы отмечают, что супруги желают видеть больше именно совместной деятельности в выполнении домашних обязательств и воспитании детей. Интересным является тот факт, что перераспределение нагрузки в этом случае представляется за счет совместной деятельности, снижения нагрузки женщин, но при этом не увеличивая нагрузку мужчин [11]. Таким образом, материнство для женщины академической сферы деятельности может не только снизить перспективы карьерного роста, но и послужить причиной их полного отсутствия. Подобная картина характерна не только для российской действительности. В этой связи представляется интересной практика преодоления карьерной стагнации женщин с детьми. Примером таковой является фонд имени Кристин Нюслайн-Фольхарт[1] [12], целью которого является мотивация женщин, имеющих детей, на продолжение реализации научной карьеры посредством стипендиальных выплат на оплату бытовой помощи, няни, покупку бытовой техники. Соискателями стипендии могут стать аспирантки естественных и медицинских наук, занимающиеся экспериментальными исследованиями в период написания диссертации, и женщины-ученые, работающие над проектами по программе Post-Doctorand (временная работа над проектами университета или исследовательского института для тех, кто только что защитил кандидатскую диссертацию). Фонд основан в 2004 г., однако статистические данные о количестве, целевом использовании выплаченных стипендий, а также социально-демографические характеристики стипендиаток за время его существования не представлены, но на сайте

есть информация, что в 2021 г. стипендией было поддержано 13 женщин из нескольких стран.

Выводы

В целом, можно сказать, что академическая работа, в которой карьерный рост зависит от количества и качества научных публикаций, а также активного участия в исследовательских проектах, мало совместима с уходом за детьми.

Все проблемы, связанные с академическим материнством, стали особенно заметны весной 2020 г. в связи с локдауном. Уже первые дни, проведенные в карантине, развеяли распространённую иллюзию, что при домашнем режиме прибавляется свободного времени. О появлении дополнительных возможностей и свободного времени можно было говорить только у бездетных академических работников или у тех академических родителей, чьи дети были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно заниматься и выполнять часть повседневной домашней работы. Академические родители с детьми младшего возраста однозначно отмечали, что они стали работать больше, а качество их работы снизилось. Особенно сильно это коснулось академических матерей. По данным Кэролайн Китченер [13], количество статей исследовательниц очень сильно сократилось, а у мужчин продуктивность в карантине повысилась на 50% (например, в журнале Comparative Political Studies). А. Минелло в своей работе, посвященной проблемам женщин-ученых в период пандемии, пишет, что «данные о публикациях за следующие пару лет покажут, что родители в академических кругах были в неблагоприятном положении по сравнению с не-родителями в 2020 г.» [14]. Она предполагает, что в долгосрочной перспективе эти изменения в производительности повлияют на карьеру, поскольку в академическом сообществе в открытом конкурсе будут участвовать как родители, так и неродители, без учета несбалансированного подхода к выполнению семейных обязанностей.

Работа дома на полный рабочий день требует от всех хорошего баланса между работой и личной жизнью, точнее, занятостью по уходу и воспитанию детей и выполнением повседневных дел, связанных с поддержанием нашей жизнедеятельности. Но для родителей в академической сфере, особенно для матерей, поддержание этого баланса становится в принципе невозможным. Это связано с рядом причин.

Во-первых, произошло резкое возрастание количества домашней работы, поскольку все члены семьи стали постоянно находиться дома. Во-вторых, вся работа, которая делегировалась ранее профессионалам, легла опять же матерей, в первую очередь нагрузка, связанная с обучением детей. В-третьих, многозадачность, адаптация всех членов семьи к новым условиям жизни и новым практикам удаленной работы, высокий уровень тревожности в связи с пандемией – все это стало дополнительной психологической нагрузкой на женщину, которая несет ответственность за «погоду в доме». В итоге большая часть академических матерей столкнулись с невозможностью соблюдения даже того хрупкого баланса работы и жизни, который существовал до локдауна. Многие академические матери отмечали рост тревожных состояний, связанных со своей низкой эффективностью как работника и острым беспокойством, вызванным предыдущим перезаключением контракта.

Особенно пострадала та часть академической работы, которая требует творчества и новых идей. Все академические родители, вовлеченные в уход за детьми, отмечали, что у них практически никогда нет нескольких часов подряд, чтобы сосредоточиться. Они разбивали все, что нужно сделать, на мелкие задачи или работали в то время, когда спят дети. Общее количество времени, которые они могли потратить на свою работу, уменьшалось, к тому же именно академические родители, в первую очередь матери, столкнулись с проблемой нарушения режима дня и общей нехваткой сна, что, конечно же, сказалось на их продуктивности и творческой активности.

Таким образом, зарубежные исследователи подчеркивают, что в ближайшие годы нас ждет усиление гендерного неравенства в академической сфере, и предлагают для академических матерей посчитать период изоляции отпуском по уходу, что обязательно должно быть учтено при их последующей оценке, например в открытом конкурсе.

Примечания

1. Кристин Нюслайн-Фольхарт – немецкий биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1995 года за открытия генетического контроля эмбрионального развития. Профессор и директор Института биологии развития в составе Общества Макса Планка.

Список литературы

1. Соболевская О.В. Почему женщинам трудно совмещать карьеру и работу? // Научно-образовательный портал IQ. URL: https://iq.hse.ru/news/203389414.html (дата обращения: 20.09.2021).

2. Арженовский С., Артамонова Д. Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. 2007. № 3 (7). С. 66–79.

3. Федеральная служба государственной статистики Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2020. С. 20 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2EfrJGVJ/Rab_sila_2020.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

4. Кургина Т.В., Маренич М.Н. Отличительные черты выплат пособий по беременности и родам и по уходу за ребенком у женщин – индивидуальных предпринимателей // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 49–50. С. 95–99.

5. Тындик А.О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 10 (3). С. 361–376.

6. Багирова А.П., Сурина С.В. Преподаватели высшей школы как объект исследования проблем академического материнства: первые результаты анализа // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: Материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7 – 8 декабря 2016 г. / Отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 38–39.

7. Киселева М. Количество аспирантов сокращается и без вмешательства чиновников // Сайт Indicator.Ru. URL: https://indicator.ru/engineering-science/aspirantura.htm (дата обращения: 20.09.2021).

8. Таракановская К.С. Материнство и университет: стратегии баланса жизни и работы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 382–405. URL: https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1935 (дата обращения: 20.09.2021).

9. Klocker N. and Drozdzewski D. Commentary: Career progress relative to opportunity: how many papers is a baby “worth” // Environment and Planning A. 2012. **44.** P. 1271–1277. URL: https://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=7784&context=scipapers (дата обращения: 20.09.2021).

10. Хьюэр С. Сокращается ли гендерное неравенство в области науки и техники [Электронный ресурс]. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/usr15_is_the_gender_gap_narrowing_in_science_and_engineering_ru.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

11. Кучмаева О.В. Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность // Культурное наследие России. 2016. №2. С. 66–72.

12. Christiane Nüsslein-Volhard-Stiftung [Электронный ресурс]. URL: https://cnv-stiftung.de/startseite (дата обращения: 21.10.2021).

13. Kitchener C. Women academics seem to be submitting fewer papers during coronavirus. ‘Never seen anything like it,’ says one editor. Men are submitting up to 50 percent more than they usually would [Электронный ресурс]. URL: https://www.thelily.com/women-academics-seem-to-be-submitting-fewer-papers-during-coronavirus-never-seen-anything-like-itsays-one-editor/?fbclid=IwAR2Z4vPRHZgiCQ1HcC1yfA7RF6TuAhfLUWMBAksozYYZLfz2NnotvaD6Q (дата обращения: 20.09.2021).

14. Minello A. The pandemic and the female academic [Электронный ресурс]. URL: https://www.nature.com/articles/d41586-020-01135-9 (дата обращение: 29.09.2021).

ACADEMIC PARENTING: BACKGROUND

T.Yu. Petrova, T.N. Zakharkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to study of the prerequisites for updating the issues of academic parenting and academic motherhood. The analysis of research publications based on the concept of family and work balance which is central to the study of academic parenting. The authors describe career trajectories and features of the position in the academic environment in terms of gender. The behavioral strategies of mothers who implement academic activities are systematized within the framework of internal and external contextual fields. The first is determined by the woman's internal attitudes and plans and the second – by the variable parameters of the external environment. The conflict of criteria for professional growth in the academic environment and the characteristics of motherhood is determined.Some practices of overcoming the career stagnation of mothers with children are presented. The features of academic activity in a pandemic are described.

Keywords: academic parenting, academic motherhood, family and work balance, behavioral strategies of working mothers, academic career, distribution of family responsibilities.

УДК 316.334.2
DOI 10.52452/18115942_2021_4_112

БЕЗУСЛОВНЫЙ БАЗОВЫЙ ДОХОД КАК МОТИВАТОР РАБОТНИКОВ ПЕРИФЕРИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

© 2021 г.

Р.С. Чуков, С.А. Золотов

Чуков Роман Сергеевич, к.полит.н; научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук, Москва
roman@chukov.org
Золотов Сергей Александрович, аспирант
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
szolotov96@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.07.2021
Статья принята к публикации 18.10.2021

Рассматривается роль безусловного базового дохода (ББД) как потенциального мотиватора работников пищевой промышленности. Исследование основывается на анализе данных опроса, проведенного в период с февраля 2020 г. по февраль 2021 г. на шести предприятиях пищевой промышленности Нижегородской области и Республики Татарстан. Выявлено, что у большинства респондентов уровень заработной платы ниже среднего по региону и у них преобладает неудовлетворенность этим уровнем. Установлено, что респонденты на пяти предприятиях не могут повысить заработок за счет увеличения количества отработанных часов, так как уже трудятся в рамках 12-часовых смен. Сделан вывод о наличии запроса на дополнительную социальную поддержку со стороны государства, подтверждаемый ответами респондентов. В качестве такой формы предложен ББД. Проанализированы два непосредственных способа влияния ББД на трудовое поведение: решение остаться в трудовой сфере или покинуть ее и изменение желаемой продолжительности рабочего времени. Определено, что при введении ББД на уровне МРОТ большинство работников продолжат работать. Намерены прекратить трудиться около четверти работников предприятий с самыми низкими заработками и расположенных в сельской местности, где оплачиваемая работа сочетается с трудом в подсобном хозяйстве. Установлено, что при выплате ББД большинство респондентов хотели бы уменьшить время своего труда: работающие в режиме 12-часовой смены – до 7–8 часов, в режиме 8-часовой смены – до 6–7 часов и менее. Отмечено, что сокращение рабочего времени под влиянием ББД приведет к повышению трудовой мотивации работников пищевой промышленности.

Ключевые слова: пищевая промышленность, периферия цифровой экономики, безусловный базовый доход, мотивация работников.

Введение

Цифровизация как тренд современной экономики осуществляется неодинаковыми темпами в различных регионах и секторах [1, 2]. В результате неравномерности темпов цифровой трансформации сложились ее ядро и периферия. В ядре достижения цифровизации реализованы наиболее последовательно, периферия характеризуется определенным отставанием. Отмеченное различие проецируется на трудовую мотивацию работников.

На предприятиях ядра (например, в IT-компаниях) условия труда носят благоприятный характер, высок уровень заработной платы. Сотрудники, как правило, имеют высшее или среднее специальное образование. Здесь преобладают такие мотиваторы трудовой деятельности, как интерес к содержанию работы, возможность профессионального роста. Доминирует добровольный тип отношения к труду. Следует отметить, что мотивационные установки, распространенные на предприятиях ядра цифровизации, в значительной степени перекликаются с мотивацией работников передовых предприятий советского периода [3].

На периферии цифровой экономики распространены неблагоприятные условия труда, уровень зарплаты обычно ниже среднего по региону. Основным мотивом трудового поведения является повышение уровня заработной платы, ради чего сотрудники готовы идти на переработки. Преобладает вынужденный тип отношения к труду. Трудовое поведение подвержено мотивационному кризису, который выражается в пассивно-ожидательной позиции работников [4].

Не приходится рассчитывать, что темпы цифровизации будут выравниваться. При таких условиях можно прогнозировать воспроизводство деления экономики на ядро и периферию. Это не означает, однако, неизбежности неэффективной мотивации работников периферии. Другое дело, что решение проблемы выходит за рамки возможностей отдельных предприятий.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню среднемесячной заработной платы, %

Предприятие	Менее 12000 руб.	12000 – менее 17000 руб.	17000 – менее 22000 руб.	22000 – менее 27000 руб.	27000 – менее 32000 руб.	32000 – 37000 руб.	Более 37000 руб.
№ 1	2	8	17	33	31	8	1
№2	0	2	14	26	33	20	5
№ 3	0	0	3	36	55	6	0
№ 4	0	0	0	4	31	38	27
№ 5	5	14	15	28	34	3	1
№ 6	2	47	21	24	3	3	0

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

Гипотеза исследования заключается в том, что у занятых в периферии цифровой экономики сформировался запрос на материальную поддержку в форме безусловного базового дохода, способствующего повышению их трудовой мотивации.

По проблеме ББД существуют многочисленные публикации зарубежных и отечественных авторов [5–8]. ББД можно определить как универсальный денежный трансферт, не подлежащий налогообложению, выплачиваемый государством всем членам общества с учетом возможностей его бюджета и специальных государственных фондов с целью обеспечения всеобщих базовых условий для человеческого развития [9]. Преобладает представление о том, что ББД, в идеале, должен быть не ниже прожиточного минимума.

В соответствии с его универсальностью потенциальными получателями ББД являются и работники периферии цифровой экономики, что делает правомерным выдвижение сформулированной гипотезы исследования.

Для проверки гипотезы исследования с февраля 2020 г. по февраль 2021 г. был проведен анкетный опрос на 6 производственных предприятиях периферии цифровой экономики. В их число были включены предприятия пищевой промышленности двух российских регионов (Нижегородской области и Республики Татарстан)[1].

Выбор этой отрасли для проведения анкетного опроса был обусловлен тем, что в пищевой промышленности по-прежнему широко применяется ручной труд, для выполнения которого, как правило, не требуется высшего образования. Здесь сохраняются неблагоприятные условия труда (контрастный температурный режим, тяжелый физический труд). Уровень средней заработной платы работников обычно ниже среднего по региону.

Особую значимость данному объекту исследования придает тот факт, что в число 17 Целей устойчивого развития, принятых ООН в 2015 году, входит и цель сокращения потерь при производстве продуктов питания [16]. Очевидно, что достижение цели предполагает, наряду с прочим, эффективную мотивацию занятых в этой сфере.

В рамках проведенного исследования было учтено, что даже на одном и том же предприятии доступ различных групп работников к цифровым технологиям может существенно различаться. Для работников руководящего звена их использование – повседневная норма, а рабочие соприкасаются с такими технологиями в меньшей степени. В социологической литературе справедливо отмечается, что социально-экономическое положение рабочих как социальной группы в целом хуже, чем у средней и высшей социальных групп, играет роль и возрастной фактор среди работающих [10]. Соответственно, в качестве респондентов выступали рабочие данных предприятий. Сплошным опросом были охвачены в общей сложности 889 человек.

Результаты исследования

Поскольку в рыночной экономике фактором, определяющим уровень индивидуального благосостояния, выступает денежный доход, респондентам был задан вопрос о размерах заработной платы (табл. 1; здесь и далее предприятия из Нижнего Новгорода и области идут под номерами с первого по четвертый, из Татарстана – с пятого по шестой).

Как следует из приведенных данных, на нижегородском предприятии №1 зарплату на уровне средней по региону (36175 руб. в 2020 г.) и выше имеют в лучшем случае 9% респондентов (предполагая, что все заработки в интервале от 32000 до 37000 рублей превосходят указанную величину). Значит, как минимум 91% рабочих данного предприятия зарабатывают меньше. Рассуждая подобным образом, можно найти процентную долю зарабатывающих меньше, чем в среднем по региону, для остальных нижегородских предприятий: 75% на предприятии № 2, 94% на предприятии № 3, 35%

Таблица 2

Доля респондентов, удовлетворенных уровнем дохода и жилищными условиями, %

Удовлетворены:	Предприятие					
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
доходом	9	6	4	12	7	0
жильем	25	27	38	35	11	5

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

Таблица 3

Преобладающая продолжительность рабочей смены на исследуемых предприятиях, час

Предприятие					
№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6
12	12	12	12	7	12

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

на предприятии № 4. Сравнительно высокие заработки на последнем предприятии объясняются крайне тяжелыми условиями труда производственных рабочих, и без материальной компенсации за эти условия найти желающих работать было бы проблематично.

Средняя заработная плата в Татарстане в 2020 г. превышала 38000 руб. Соответственно, заработки ниже этого уровня были у 99% респондентов предприятия № 5 и у 100% опрошенных на предприятии № 6.

Хотя зарплата – главный элемент доходов наемных работников, но в числе опрошенных были имеющие детей, то есть получатели социальных пособий. Поэтому респондентам был задан вопрос об удовлетворенности уровнем дохода в целом (табл. 2).

Очевидно, что в силу возрастания потребностей неудовлетворенность величиной дохода могут ощущать люди с разным его уровнем. В связи с этим значимо сопоставление оценок уровня дохода и обеспеченности таким благом, как жилье. Последнее для основной части нынешнего поколения рабочих – наследство от прежнего, советского поколения. Если оценка удовлетворенности жилищными условиями окажется выше, чем в отношении уровня дохода, то это – свидетельство недостаточности дохода для приобретения товаров текущего потребления (данные об удовлетворенности жилищными условиями приведены также в табл. 2).

Итак, на всех обследованных предприятиях доля респондентов, удовлетворенных уровнем получаемого дохода, крайне незначительна. Лишь в одном случае (предприятие № 4) она на 2 п.п. превышает 10%. Несомненно, респонденты не заблуждаются в отношении реальной величины собственных доходов, в большинстве своем оценивая ее как неудовлетворительную.

Доля удовлетворенных жилищными условиями заметно выше, лишь для предприятия № 6 она оказалась меньше 10%. Ее относительное превосходство над долей позитивных ответов в случае размера дохода находится в интервале от 4 п.п. до 34 п.п. Респонденты-рабочие соизмеряют свои доходы не с требующимися для приобретения жилья – одного из самых дорогостоящих благ, а с необходимыми для покупки повседневных товаров. Следовательно, повышение зарплаты остается главным мотиватором трудовой деятельности для работников периферии цифровой экономики. Этот вывод согласуется с результатами исследования мотивации рабочей молодежи Урала [11].

В условиях рыночной экономики распространено представление: «Чтобы лучше жить, надо больше работать». Не вступая в дискуссию о правомерности этого представления, отметим, что на предприятиях, где проводился опрос, заработки, действительно, поставлены в прямую зависимость от объема отработанного времени. Вызывает интерес: в какой степени работники используют возможность заработать больше за счет увеличения продолжительности времени своей работы? Данный фактор значим и потому, что, например, в США продолжительная работа – свидетельство лояльности работников, рассчитывающих на повышение заработка в обмен на нее [12]. И хотя решающий голос в установлении режимов труда, включая величину смен, принадлежит работодателям, последние не могут не считаться с отношением работников к этому аспекту условий труда.

О том, насколько работниками задействован такой способ увеличения заработка, можно судить по продолжительности рабочей смены, так как это – основной элемент системы периодов трудовой активности [13]. Данные о ее преобладающей величине на исследуемых предприятиях приведены в табл. 3.

Из приведенных в таблице 3 данных следует, что 12-часовые смены стали обычным явлением для большинства респондентов. Рабочие в этом смысле делают все возможное, чтобы повысить свой заработок. Больше того, режим работы «две смены по 12 часов – два дня отдыха» («два через два») оставляет возможность дополнительной работы в целях увеличения дохода. Не-

Таблица 4

Актуальность проблемы недостаточного уровня поддержки со стороны государства, %

Предприятие	Крайне актуальна	Актуальна	Неактуальна
№ 1	33	33	34
№ 2	34	48	18
№ 3	21	47	32
№ 4	27	35	38
№ 5	29	56	15
№ 6	10	62	28

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

Таблица 5

Распределение ответов о готовности продолжить работу при введении ББД на уровне МРОТ, %

Предприятия	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
№ 1	78	7	15
№ 2	41	24	35
№ 3	75	5	20
№ 4	96	2	2
№ 5	46	22	32
№ 6	12	26	62

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

смотря на все это, достичь приемлемого для них уровня заработной платы большинству респондентов не удается.

При таких условиях правомерно предположить, что работники с низкими доходами будут рассчитывать на дополнительную (к уже имеющимся ее видам) материальную поддержку со стороны государства. Для проверки предположения респондентам был задан вопрос об актуальности проблемы низкой поддержки со стороны государства. Полученные результаты приведены в таблице 4.

Полученные данные свидетельствуют о том, что для большинства респондентов проблема недостаточного уровня поддержки со стороны государства носит актуальный характер. Это неудивительно, принимая во внимание сравнительно низкий уровень заработной платы при продолжительном рабочем времени.

Чем больше детей в семьях опрошенных работников, тем выше запрос на социальную поддержку населения. Так, на предприятиях № 2 и № 5 на семью работника в среднем приходится более двух детей, и нехватка поддержки со стороны государства ощущается острее, чем на остальных. Работники предприятия № 4, значительная часть которых имеет заработную плату на уровне средней по региону и выше, проявили меньшую заинтересованность в дополнительной поддержке со стороны государства.

Итак, в силу особенностей своего социально-экономического положения у работников периферии цифровой экономики сформирован запрос на расширение государственной поддержки. Это – не проявления социального иждивенчества, так как респонденты напряженно трудятся, чтобы повысить свой заработок. И все же только за счет собственных усилий им не обеспечить повышения благосостояния до приемлемого уровня. Реализация идеи ББД, несомненно, способствовала бы решению этой проблемы, поэтому можно сделать вывод о наличии запроса на ББД у этой категории работников.

Респондентам не задавался вопрос об отношении к введению ББД, так как ответы представлялись очевидными. Большее значение имеет выяснение того, как может отразиться выплата ББД на трудовом поведении. Встречаются опасения, что введение ББД на уровне минимального размера оплаты труда приведет к прекращению трудовой деятельности значительной группой работников [14]. Есть исследование, показывающее, что эта мера не привела бы к массовому отказу от работы [15], но оно не учитывало специфики периферии цифровой экономики. Поэтому респондентам был задан вопрос: «Если бы государство безвозмездно выплачивало Вам и каждому члену Вашей семьи по 12130 рублей в месяц, Вы бы продолжили работать?» В вопросе была указана величина минимального размера оплаты труда (МРОТ), исходя из того предположения, что она соответствует прожиточному минимуму. Распределение ответов представлено в таблице 5.

После реализации проекта ББД на уровне прожиточного минимума на предприятиях № 1, № 3 и № 4 готовы продолжить работу абсолютное большинство респондентов, на предприятиях № 2 и № 5 – относительное, и только на предприятии № 6 готовых прекратить работу больше, чем желающих ее продолжить.

Таблица 6

Распределение ответов о желаемой продолжительности рабочей смены после введения ББД на уровне минимального размера оплаты труда, %

Предприятие	Менее 5 часов	5–6 часов	6–7 часов	7–8 часов	Более 8 часов
№1	2	2	3	63	28
№2	7	6	10	59	18
№3	4	7	17	60	12
№4	8	4	4	38	46
№5	23	13	16	23	35
№6	1	2	2	56	39

Источник: составлено авторами на основе данных анкетного опроса.

Прослеживается прямая зависимость между уровнем зарплаты респондентов и долей позитивных ответов на поставленный вопрос. Так, на предприятии № 4, лидирующем по уровню заработков среди остальных, желающих трудиться после введения ББД – подавляющее большинство. Наоборот, предприятие № 6, последнее в списке по уровню зарплат, демонстрирует минимальную долю желающих трудиться в новых условиях.

Подобный эффект ББД объясняется, на наш взгляд, следующим. У большинства работников предприятия № 4 потенциальный ББД не способен компенсировать основную часть заработка, который был бы утрачен при прекращении работы. Следовательно, при выходе из состава рабочей силы привычный уровень потребления оказался бы под угрозой. На предприятии № 6 для почти половины респондентов ББД на уровне прожиточного минимума был бы близок по величине к размеру зарплаты, так что выплата ББД позволяет отказаться от этой низкооплачиваемой работы практически безболезненно. Вместе с тем даже в этих условиях лишь четверть работников оставили бы работу, что в определенной степени свидетельствует о самостоятельной ценности труда для преобладающей части работников этого предприятия, несмотря на специфику занятости на периферии цифровой экономики.

Что касается предприятий № 2 и № 5, то надо принять во внимание, что они расположены в сельской местности, где в обеспечении благосостояния семей работников существенную роль играет подсобное хозяйство. В этом случае слабее проявляется связь между величиной заработка и влиянием ББД на решение о продолжении работы.

Таким образом, введение ББД в размере минимального размера оплаты труда способно побудить к прекращению работы не больше 26% работников с самыми низкими заработками и работников, для которых работа на предприятии – не единственный источник обеспечения потребностей. Подобный заметный эффект не охватывает все анализируемые предприятия периферии цифровой экономики. Там, где ситуация с зарплатой по меркам этого сектора лучше, где не приходится рассчитывать на значительные объемы обеспечения за счет подсобных хозяйств, уход из состава рабочей силы маловероятен, большинство респондентов продолжат работу.

Мотивирующий эффект ББД может состоять не только в решении продолжить оплачиваемую работу или отказаться от нее, но и в изменении желаемой продолжительности рабочего времени. Для выяснения этого аспекта респондентам задавался вопрос: «Если бы государство безвозмездно выплачивало Вам и каждому члену Вашей семьи по 12130 рублей в месяц, то сколько времени в смену Вы хотели бы работать?» Распределение ответов приведено в таблице 6.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что на предприятиях с 12-часовой сменой (№ 1–4, № 6) лишь меньшинство работников хотели бы иметь продолжительность смены, превышающую 8 часов. Другими словами, работа на протяжении 12 часов в день имеет преимущественно вынужденный характер. Она обусловлена преобладанием почасовой оплаты труда и ориентацией производственного планирования на 12-часовой рабочий день.

В этой группе предприятий обращает на себя внимание высокая доля желающих работать более 8 часов в день на предприятии № 4. Налицо опасение данных респондентов потерять относительно высокие заработки, не компенсируемые или недостаточно компенсируемые ББД предполагаемой величины.

Значительна доля желающих работать более 7–8 часов и на предприятии № 6. Хотя в рамках этого предприятия наблюдается самый большой процент готовых оставить работу после введения ББД, но среди тех, кто хотел бы продолжить работу, очевидно, преобладают работники, стремящиеся увеличить свой суммарный доход без какой-либо потери в размерах заработка.

Вместе с тем доминирующим эффектом по всем предприятиям этой группы стало бы уменьшение желаемой продолжительности рабочего времени. Основная доля респондентов останавливается на продолжительности смены в 7–8 часов, что предполагает существенное сокращение рабочего времени по сравнению с

существующим уровнем. Больше того, на предприятиях № 2 и № 3 доля предпочитающих смены продолжительностью менее 7–8 часов превышает 20%.

Специфическая картина характерна для предприятия № 5, где установлена 8-часовая смена. С одной стороны, чуть более трети его работников готовы были бы трудиться больше времени. Представляется, что эта реакция объяснима низким уровнем благосостояния, когда работники хотели бы повысить суммарный доход не только за счет ББД, но и посредством увеличения заработка. Скорее всего, желание работать больше ответивших подобным образом не зависит от перспективы введения ББД. С другой стороны, именно на этом предприятии 52% респондентов после введения ББД намерены работать менее 7–8 часов в день.

Разница в ответах респондентов, работающих по 12 часов в день и по 8 часов, объясняется, на наш взгляд, различием в исходной продолжительности рабочего времени. Для работающих по 12 часов в день переход к 8-часовым сменам представляется существенным улучшением социально-экономического положения и таковым является по сравнению с нынешней ситуацией. У работающих же по 8 часов уровень притязаний, естественно, оказывается выше: для них 8 часов исходный пункт, отталкиваясь от которого хотелось бы уменьшить рабочее время.

Полученные результаты подтверждают идею, что использование ББД способствовало бы выбору работниками желаемой продолжительности рабочего времени [17]. Согласно результатам опроса, большинство работников желали бы ее сократить.

Сокращение рабочего времени способно модифицировать мотивацию работников за счет более заинтересованного и ответственного отношения к трудовым функциям, улучшения самочувствия, повышения работоспособности, оптимизации баланса между временем труда и нерабочим временем, преодоления гендерного неравенства [18]. Все потенциальные мотивирующие эффекты ББД, несомненно, распространятся и на периферию цифровой экономики.

Данный вывод согласуется с признанием актуальности государственной политики, нацеленной на сокращение рабочего времени [19]. ББД способен стать одним из действенных инструментов такой политики.

Заключение

Как показало исследование, у подавляющего большинства работников предприятий периферии цифровой экономики уровень заработной платы ниже среднего по региону, в котором расположены эти предприятия. Низкий уровень заработной платы адекватно оценивается респондентами, большинство из которых не удовлетворены размерами оплаты труда. Эта неудовлетворенность отражает проблемы с приобретением товаров повседневного спроса. При таких условиях доминирующим мотивом трудовой деятельности выступает увеличение заработка.

Преобладание 12-часовых рабочих смен означает, что работники максимально используют возможность повысить заработок за счет продолжительного времени труда. Это, однако, не решает проблему доведения заработной платы до удовлетворяющего их уровня.

Невозможность обеспечить желаемое благосостояние только за счет собственных усилий формирует у респондентов запрос на увеличение помощи со стороны государства. Одной из ее форм может стать ББД.

Введение ББД способно повлиять как на выбор между продолжением работы и отказом от нее, так и на желательную продолжительность рабочего времени.

При выплате ББД, равного МРОТ, продолжило бы работать абсолютное большинство работников тех предприятий, где заработная плата относительно выше. На предприятиях, расположенных в сельской местности, таких работников было бы относительное большинство. На предприятии с самой низкой зарплатой потенциальная численность прекративших работать превышает численность желающих ее продолжить (при абсолютном преобладании неопределившихся с позицией по этому вопросу). Налицо прямая зависимость между величиной заработка и долей желающих работать после введения ББД.

Что касается динамики желаемого количества часов труда, то использование ББД – преимущественно фактор его уменьшения. В таком качестве ББД обладает комплексным позитивным влиянием на трудовую мотивацию работников периферии цифровой экономики.

Проделанное исследование не включает прямого сопоставления мотивирующего влияния ББД, с одной стороны, на работников ядра цифровой экономики, с другой – ее периферии. Осуществление такого сопоставления позволит точнее охарактеризовать специфику этого влияния в отмеченных секторах.

В дальнейшем целесообразно рассмотреть мотивирующее влияние ББД с учетом социально-демографических характеристик работников (гендерных, возрастных и семейных).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-010-00271 А «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России».

Примечание

1. Исследование проводилось на 6 предприятиях, 4 из которых находятся в Нижнем Новгороде и Нижегородской области, 2 в Республике Татарстан. Все производственные базы исследования относятся к пищевой промышленности. Численность рабочего персонала находится в диапазоне от 100 до 250 на каждом предприятии.

Предприятие № 1 специализируется на производстве кондитерской продукции и хлеба, располагается в Дзержинске. Большую часть персонала составляют женщины старше 35 лет со среднеспециальным образованием и наличием от 1 до 2 детей. Большая часть операций осуществляется вручную. Производственное оборудование зарубежное (немецкое, итальянское, бельгийское). Численность производственного персонала приблизительно 100 человек.

Предприятие № 2 располагается в поселке Чернышиха и специализируется на производстве изделий мясной продукции, имеется собственная бойня. На нем задействованы рабочие со школьным и среднеспециальным образованием, высок процент занятых иммигрантов из Узбекистана и ДНР. Преобладают семьи работников со значительным количеством детей, которых необходимо обеспечивать. Работа осуществляется на оборудовании немецкого производства.

Предприятие № 3 находится в Нижнем Новгороде. Функционирует с 2012 г. и специализируется на производстве овощей, фруктов, консервов, соусов для салатов и блюд итальянской кухни. Преобладает среднеспециальное образование. Персонал составляют преимущественно русские женщины, приехавшие в Нижний Новгород из небольших городов и поселков Нижегородской области. Присутствует значительный процент ручных операций в условиях повышенной влажности. Оборудование немецкого производства.

Предприятие № 4 находится в Нижнем Новгороде. Работает с 2016 г. и занимается обработкой рыбы, а также производством консервов, закусок к пиву и пресервов из сельди. Преобладают нижегородки из Канавинского района с одним и более ребенком в семье. Наибольший процент сотрудников со среднеспециальным образованием. Условия труда характеризуются высокой влажностью и низкими температурами, а также тяжелым физическим трудом. Оборудование немецкого производства.

Предприятие № 5 расположено в Татарстане. Специализируется на производстве изделий из мяса птицы. Персонал сформирован из сельских работников – татар, в семьях которых, как правило, три и более детей. У работников среднеспециальное образование. Оборудование немецкого производства.

Предприятие № 6 находится в Казани. Осуществляет производство хлебобулочной продукции. Преобладают работники со среднеспециальным образованием, национальный состав смешанный. Оборудование преимущественно российского производства.

Список литературы

1. Дубинина М.Г. Неравномерность развития цифровой экономики в федеральных округах Российской Федерации // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 3. С. 369–399.

2. Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153.

3. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 486 с.

4. Вельмисова Д.В. Значение ценностно-мотивационных смыслов в формировании конфликтологической компетентности работников // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 38–45.

5. Parijs P. van, Vanderborght Y. Basic income. A radical proposal for a free society and a sane economy. Harvard University Press, 2017. 384 p.

6. Standing G. Basic income: And how we can make it happen. Pelican Books, 2017. 374 p.

7. Назарбаева Е.А. Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века // Экономическая социология. 2018. № 5. С. 139–145.

8. Прохоренко Ю.И., Красномовец З.А. Безусловный базовый доход: практика и историческая перспектива // Ученые заметки ТОГУ. 2019. Т. 10. № 1. С. 222–223.

9. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15. № 3 (213). С. 8–26.

10. Степанов В.Г., Колесник Е.А. Социальный конфликт и напряженность в обществе в условиях реализации проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. № 1. С. 115–130.

11. Бочаров В.Ю. Модели трудового поведения рабочей молодежи Урала // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. С. 22–46.

12. Ворожко Т. До 120 часов в неделю. Как на самом деле работают в США (от 9 сентября 2019 г.). URL: https://life.nv.ua/blogs/do-120-godin-na-tizhden-yak-naspravdi-pracyuyut-v-ssha-50041378.html (дата обращения: 15.10.2021).

13. Золотов А.В., Бузмакова М.В., Былинская А.А. и др. Сокращение рабочего дня как основание современного экономического развития. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 198 с.

14. Петухова Л. Почему Россия не готова к введению базового дохода // Forbs. 2018. 14 ноября. URL: https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369153-

pochemu-rossiya-ne-gotova-k-vvedeniyu-bazovogo-dohoda (дата обращения: 13.05.2021).

15. Золотов С.А. Потенциальное влияние безусловного основного дохода на суммарные затраты рабочего времени в России // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 2 (60). С. 107–112.

16. Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН). URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 04.09.2021).

17. Skidelsky R., Skidelsky E. How much is enough? Money and the good life. Penguin Books, 2013. 243 p.

18. Coote A., Franklin J., Simms A. 21 hours. Why a shorter working week can help us to flourish in the 21st century. The New Economics Foundation, 2010. 38 p.

19. Skidelsky R. How to achieve shorter working hours. London: PEF, 2019. 60 p. URL: https://progressiveeconomyforum.com/wpcontent/uploads/2019/08/PEF_Skidelsky_How_to_achieve_shorter_working_hours.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

UNCONDITIONAL BASIC INCOME AS A MOTIVATOR FOR WORKERS IN THE PERIPHERY OF DIGITAL ECONOMY

***R.S. Chukov*[1], *S.A. Zolotov*[2]**

[1]Institute of Economics Russian Academy of Sciences
[2]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In the given work the role of unconditional basic income (UBI) as a potential motivator of food industry workers is considered. The research is based on the data analysis of the opinion survey conducted during the period from February 2020 to February 2021 at the 6 food industry enterprises in Nizhny Novgorod Region and Republic of Tatarstan.

It is revealed that the majority of respondents have salary lower than the average one in the region and their dissatisfaction of this prevails. It is stated that the respondents of 5 out of these 6 enterprises can not rise their salary by enlarging the number of working hours as they are already working in the framework of 12 hours working shift. The conclusion about the existence of appeal for additional social support from the State proved by the respondents answers is made. UBI is offered as such a form. Two direct UBI effects on working behavior: influence on the decision to stay in the working sphere or to leave it and the change of the wished length of the working time. It is defined that with the introduction of UBI equal to the Minimal Salary the majority of workers will continue working.

About one quarter of workers from the enterprises with the lowest salaries and situated in the countryside where the paid work is combined with the work in subsistence farm intend to stop working. It is stated that the majority of respondents would like to shorten their working time with the introduction of UBI: workers having 12 hours working shift to 7-8 hours, those having 8 hours shift to 6–7 hours and less.

It is noted that the reduction of working time under the influence of universal basic income will lead to the increase of working motivation of food industry workers.

Keywords: food industry, digital economy periphery, unconditional basic income, workers motivation.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2021_4_120

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА В РЕГИОНАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ В УСЛОВИЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО МЕНЕДЖЕРИАЛИЗМА

© 2021 г.

С.Г. Ермолаева

Ермолаева Светлана Георгиевна, старший преподаватель
кафедры управления персоналом и психологии
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
svetlana.ermolaeva@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2021
Статья принята к публикации 19.10.2021

Академический менеджериализм утвердился в российских университетах в качестве новой модели образовательного менеджмента. Как и в университетах других стран, «новый образовательный менеджмент» создал для академического сообщества новые условия его развития. Однако разные российские вузы имеют различные условия для адаптации сотрудников к новым условиям. В фокусе внимания автора оказались негативные и позитивные последствия внедрения принципов академического менеджериализма в региональных вузах России. Главный исследовательский вопрос – показать проблемы и перспективы развития академического сообщества в региональных университетах в условиях внедрения новой модели образовательного менеджмента.

Эмпирическую базу статьи составляют результаты полуформализованного интервью с научными сотрудниками и педагогами университетов г. Екатеринбурга (2020–2021, *n*=20). Среди информантов – представители УрФУ, РГППУ, УрГЭУ, УрГУПС. Выборка была образована вузами разных типов (по статусу и масштабам деятельности), занимающими различные позиции в национальных рейтингах университетов, реализующими разные конкурентные стратегии на региональном и национальном рынках высшего образования. Автором также использован метод вторичного анализа данных исследований, посвященных университетскому управлению и академическому сообществу в современных российских университетах. Это позволило провести сравнительный анализ условий развития человеческого капитала академического сообщества в ведущих и региональных университетах, выделить специфические проблемы и перспективы «академиков» в провинциальных вузах.

Статья раскрывает особенности академического менеджериализма в региональных вузах России. Среди них 1) имитационность управленческих стратегий, т. е. подражание опыту ведущих российских и зарубежных вузов без учета специфики региона, статуса вуза; 2) отсутствие достаточных ресурсов для эффективной реализации принципов академического менеджериализма; 3) неоднозначное восприятие данной модели университетского управления представителями академического сообщества. Аргументируется вывод, что такие деструкции снижают качество человеческого капитала «академиков», уменьшают и без того слабую ресурсную базу региональных университетов и истощают позитивный потенциал модели академического менеджериализма.

Ключевые слова: университетское управление, академический менеджериализм, академическое сообщество, «академики», конкуренция в высшем образовании.

Введение

Модель университетского управления, названная академическим менеджериализмом, была имплементирована в российские университеты позже, чем в высшее образование США и Европы [1]. Ее ключевые элементы и характеристики стали с очевидностью проявляться к середине 2010-х гг. Как и в университетах других стран, новая модель образовательного менеджмента создала для российского академического сообщества новые условия развития его человеческого капитала [2]. К ним относится, во-первых, внедрение конкурсных процедур избрания на должность на основании показателей, коррелирующих с приоритетами стратегии развития университета [3]; во-вторых, использование системы формализованной отчетности и методик оценки эффективности педагогического и научного труда; в-третьих, активное развитие механизмов конкуренции за ресурсы, обеспечивающие академическое развитие преподавателей и научных сотрудников университета; в-четвертых, приведение целей профессионального развития в соответствие с приоритетами кадровой политики университета и административной повестки. В определенном смысле произошел переворот в академическом мире,

когда цели, способы и результаты развития своего человеческого капитала стало задавать не академическое сообщество, а «администраторы».

Проблема заключается в том, что разные российские вузы имеют различные условия для адаптации сотрудников к новым условиям. Диапазон барьеров варьируется от непонимания ключевых идей новой модели университетского управления до банального дефицита финансовых ресурсов. Между тем государственная образовательная политика задает единую модель управления в российских университетах и единые стандарты для академического развития преподавателей и научных сотрудников. Предметом анализа в статье являются негативные и позитивные последствия внедрения принципов академического менеджериализма в региональных вузах России. Цель статьи – показать проблемы и перспективы развития академического сообщества в региональных университетах в условиях внедрения новой модели образовательного менеджмента. Задачами исследования являются: 1) характеристика особенностей академического менеджериализма в региональных вузах России; 2) рассмотрение особенностей восприятия «академиками» региональных университетов принципов, на которых строится модель академического менеджериализма; 3) идентификация негативных последствий модели академического менеджериализма для развития академического сообщества региональных университетов России.

Эмпирическая база и методы

Исследование влияния академического менеджериализма на развитие человеческого капитала академических сотрудников университетов оказалось сензитивной темой. Для ее изучения нерелевантны количественные методики, связанные с массовым анкетированием или анализом статистических данных. В связи с этим автор выбрал качественную методическую стратегию исследования, базирующуюся на трех методах – интервью, обобщение данных ранее проведенных исследований по тематике (их вторичный анализ) и включенное наблюдение.

Главную информационную базу исследования составили результаты полуформализованного интервью с научными сотрудниками и педагогами университетов г. Екатеринбурга (2020–2021, n=20). Из текстов интервью были выделены высказывания, касающиеся их отношения к принципам академического менеджериализма. Далее высказывания группировались в зависимости от полюса оценки данной модели образовательного менеджмента (позитивной или негативной).

Для вторичного анализа были отобраны исследования, посвященные университетскому управлению и академическому сообществу в современных российских университетах, проведенные ранее как в ведущих, так и региональных университетах России. Данные были структурированы по тем же критериям, что и результаты полуформализованного интервью. Это позволило провести сравнительный анализ условий развития человеческого капитала академического сообщества в ведущих и региональных университетах, выделить специфические проблемы и перспективы «академиков» в провинциальных вузах.

Включенное наблюдение автор осуществлял как сотрудник одного из региональных университетов России, имеющий многолетний стаж педагогической занятости. Это позволило ему сравнивать условия и возможности академического развития, которые имелись на разных этапах реформирования российского высшего образования (с 2000-х годов по настоящее время).

Результаты и обсуждение

Академический менеджериализм – новая модель университетского управления

Распространение в российском высшем образовании идеологии академического капитализма сопровождалось формированием новой модели образовательного менеджмента, которая получила название академического менеджериализма. Под влиянием принципов «нового государственного менеджмента» и предпринимательской модели университета вузовское управление стало приобретать в своей институциональной, организационной, ценностно-нормативной основе характеристики и того, и другого, образуя в российских условиях гибридную форму управления.

Одним из процессов утверждения новой модели управления стало формирование в структуре университетского сообщества группы профессиональных менеджеров, главной задачей которых является администрирование вуза и сферы академического труда с позиций экономической эффективности, результативности и рациональной логики. В контексте идеологии академического капитализма менеджериализм базируется на стремлении к максимизации прибыли университетов и укреплению их конкурентоспособности. Рассматривая вузы как специфический вид корпорации, развивающийся в рыночной среде и в то же время в высшей степени подконтрольный государству, профессиональный вузовский менеджмент соединяет в своих практиках подходы к выстраиванию и

реализации бизнес-модели университета и подходы к бюрократическому структурированию управления им.

Феномен академического менеджериализма попал в фокус внимания зарубежных исследователей намного раньше, нежели в России. Так Р. Дим, активно изучая эволюцию британских университетов с середины 2000-х гг., зафиксировала универсальные черты новой модели управления университетами и назвала ее «новым менеджериализмом» [4]. Р. Дим полагала, что суть этой модели заключается в принятии университетами как субъектами общественного сектора организационных форм и управленческих технологий, сложившихся в бизнесе и предпринимательстве [5].

Понимая, что эволюция российской высшей школы идет тем же самым путем, что и в Европе и США, отечественные исследователи в начале 2010-х гг. стали концептуализировать феномен академического менеджериализма применительно к российскому контексту. Между тем в своей основе академический капитализм в российских вузах сохранил все названные ранее зарубежными исследователями универсальные черты. Так, по мнению Е.А. Капогузова, менеджериализм с позиций концепции «нового государственного менеджмента» понимается как перенос в общественную сферу методов, заимствованных из частного сектора [6, с. 48]. И.В. Павлюткин писал, что «новый менеджериализм» в высшей школе – это система идеологии и практик управления, формирующихся и реализующихся в категориях эффективности, выгоды, издержек и т. д. [7]. Его главными инструментами являются трансляция в вузы и оптимальное использование в них техник, ценностей и практик частного сектора. И это происходит несмотря на то, что российские вузы связаны с производством общественных услуг и финансируются государством [7].

Как уже отмечалось, в современных российских университетах происходит гибридизация управления, поскольку в нем сочетаются паттерны бюрократического, коллегиального, предпринимательского и менеджериального управления. Поскольку они реализуются на поведенческом уровне в деятельности конкретных групп сотрудников, постольку диверсификация академической профессии и университетского управления приводит к возникновению предпосылок трансформации отношений между ними.

Обобщение теоретических и эмпирических исследований данной проблемы позволило выделить несколько негативных последствий внедрения академического менеджериализма для функционирования университетского сообщества. Первое заключается в противопоставлении двух дискурсов – так называемого академического и менеджериального [8; 9]. В нем отражаются различия смыслов и ценностных концептов представителей общности университетских менеджеров и «академиков». Очень остро и болезненно последние воспринимают унифицирование организации образовательного и научного процесса в вузе, игнорирование уникальных традиций вузовских научных школ и профессионального опыта ведущих преподавателей и ученых, которые не вписываются в «прокрустово ложе» предпринимательского университета, бюрократический бумажный прессинг и иные характеристики академического менеджериализма [10–12]. Нередко возникающие антагонистические конфликты резко снижают уровень внутривузовского доверия и солидарности между всеми основными вузовскими общностями – научно-педагогической, студенческой и управленческой. В результате возникают оппортунистические и имитационные стратегии поведения [13].

Второе следствие внедрения академического менеджериализма фиксируется в ухудшении социально-психологического самочувствия научно-педагогического сообщества. Многие исследователи описывают такие эффекты, как стресс, страхи, ощущения выученной беспомощности, негативизм, выгорание, присущие научно-педагогическим работникам российских университетов [14]. Основной источник беспокойства академических профессионалов – это ощущение незащищенности своей позиции в университете, отсутствие карьерных перспектив, возрастающая конкуренция за рабочие места, прекаризация труда и нестабильность собственного экономического положения [9, с. 11]. Ряд исследователей аргументируют усиление таких процессов, как флексибилизация, прекаризация труда персонала вузов [15–17].

Третье негативное последствие внедрения академического капитализма проявляется в формировании целого спектра скрытых, латентных конфликтов в университетской среде. О нарастании конфликтогенной напряженности пишут многие зарубежные исследователи [18–20]. Ту же тенденцию отмечают и российские ученые [21, 22]. Все они сходятся во мнении о том, что возникновение острых ценностных, нормативных, организационных, институциональных конфликтов сопровождает становление новой модели университетского управления и управления высшей школой.

Негативные последствия академического менеджериализма создают предпосылки возникновения в вузовской среде процессов ее

фрагментации. Ее можно рассматривать отчасти и как стихийный процесс, складывающийся под влиянием изменений общества, культуры, образования, высшей школы. Но в то же время у фрагментации университетского сообщества есть все признаки процесса, который связан с подходами и методами нового университетского менеджмента. В таких условиях закономерно изменяются базовые условия формирования академического сообщества, развития его человеческого капитала.

Особенности академического менеджериализма в региональных вузах России

Характерные черты академического менеджериализма хорошо описаны в научной литературе. Рассмотрим особенности этой модели университетского управления в региональных вузах России, которые мешают развитию человеческого капитала их сотрудников. Среди таких особенностей наши информанты отметили *имитационность управленческих стратегий*, то есть подражание опыту ведущих российских и зарубежных вузов без учета специфики региона, статуса вуза. Приведем отрывок из интервью: *«У меня складывается мнение, что руководство университетов слепо заимствует и тиражирует подходы к управлению научными командами и педагогами. То для них образцом служит какой-то американский или европейский университет, то в лучшем случае российский вуз Москвы. Это, с одной стороны, хорошо – лучшие образцы всегда нужны для развития. Но они забывают, что у региональных университетов другие задачи, миссия, ориентиры. Нельзя стратегии всех университетов подвести под один шаблон»* (А.П., профессор, зав. кафедрой).

Осуществление реформ в российском высшем образовании априори требует «переформатирования» научно-педагогического сообщества. Это – одна из задач «нового университетского менеджмента». Однако вокруг ее достижения формируется еще один «узел» противоречий. Социокультурная инерция научно-педагогического сообщества региональных вузов достаточно сильная, университетское управление решает задачу качественного развития научно-педагогического сообщества по принципу: «нет незаменимых людей, есть просто незаменённые». В результате производится замещение собственных «неэффективных» работников «эффективными» чужими. Повсеместное сокращение сроков контракта, запуск механизмов открытого конкурса, активное приглашение зарубежных специалистов из категории высококвалифицированных кадров служат удобными способами решения этой задачи. Таким образом быстро и результативно обеспечиваются необходимые показатели нового качества научно-педагогического сообщества. Насколько эффективна подобная мера, свидетельствует отрывок из интервью: *«Слово "эффективность" означает, что сформулирован результат. Какой результат вы хотите получить? Если просто увеличение количества статей, то без контракта с зарубежным ученым вы не получите совместных статей. Если результатом является формирование устойчивой научной школы, то эти контракты должны включать требования к результату и быть более длительными. Сейчас просто возникает некий рост активности в каком-то направлении. Но как только у нас закончатся деньги, эта активность как возникла, так и исчезнет. Еще можем потерять молодежь: вслед за этим зарубежным ученым наиболее талантливые ребята просто уедут и все. … Зачем вы приглашаете нобелевского лауреата?! Ну как?! Надо показать нашему какому-нибудь центру компетенций плановый результат: у этого нобелевского лауреата Хирш такой-то. Все это очень оперативные цели и задачи, не стратегического характера»* (С.К., проректор).

На развитие собственных сотрудников у российских региональных университетов мало времени, финансовых ресурсов (они в достаточно большом объеме уходят на дорогостоящих зарубежных специалистов). Поэтому из университетов уходят не только сотрудники из категории тех, кто «не хочет и не может», но и преподаватели с позитивным потенциалом, просто не желающие быть в положении «университетских рабов» и в ситуации подвешенности и страха.

Восприятие модели академического менеджериализма «академиками» в региональных вузах России

Результаты проведенных интервью показали, что в региональных университетах «академики» амбивалентно воспринимают модель академического менеджериализма. По мнению одного из информантов, академическое сообщество можно разделить на три группы – тех, кто позитивно, нейтрально и негативно относится к практикам академического менеджериализма: *«И зависит это от возраста сотрудника, его близости к управленческим структурам, выгод и преференций, которые он получает или, наоборот, лишается из-за нового подхода к управлению университетом»* (Е.Г., доцент).

По мнению опрошенных, старшее поколение более критично относится к новой управленче-

ской культуре и к самим «администраторам». Интервью показали, что причина не в консервативности данной когорты, а более глубоких противоречиях. Прежде всего, «академический менеджериализм» во многом аннулировал ренту старшего поколения «академиков» за счет регалий, должности, ученой степени: *«К старшему поколению у нас в университете, конечно, по-прежнему относятся уважительно. Но это не будет основанием для автоматического продления контракта или выплаты премии, стимулирующей надбавки. Профессорам нужно работать даже больше, чем молодым, чтобы доказать свое право работать в университете»* (Г.З., профессор).

Другой причиной критики «нового университетского менеджмента» является нарушение принципов справедливости. Представители старшего поколения академического сообщества считают, что сами «администраторы» не вносят существенного вклада в развитие университета, но в то же время они решают, каковы будут критерии оценки человеческого капитала сотрудников, кого они включат в кадровый резерв, кому выделят средства на курсы повышения квалификации, научную командировку.

К группе «академиков», критично воспринимающей новое университетское управление, относятся и преподаватели, которые «не вписались» в новую стратегию развития университетов. У них низкая мотивация и недостаточно ресурсов, которые необходимы для достижения результатов в образовательной и научной активности. Это группа малоресурсных академических сотрудников.

По мнению информантов, молодое поколение университетских сотрудников, которые не знают традиций и принципов управления в «старых» университетах, толерантно относятся к управленческим нововведениям. Они воспринимают новые условия работы и профессионального развития как данность. Один из информантов отметил: *«Я думаю, что причина такого позитивного или нейтрального отношения в том, что для университетской молодежи сегодня создаются лучшие условия, чем для старшего поколения. Университеты и фонды объявляют специальные грантовые конкурсы для них. В некоторых вузах действуют специальные программы адаптации для молодых преподавателей и ученых. Да и неформально университетское управление чаще дает "зеленый свет" молодежи. У нее больше возможностей для развития себя в личностном и профессиональном плане»* (О.Н., доцент).

По данным интервью мы выделили еще одну группу «академиков», которые позитивно относятся к новой модели управления. Это сотрудники, которые одновременно выполняют функции преподавателей (либо ученых) и администраторов. В силу должностных обязанностей они поддерживают новые стандарты профессионального развития и разными способами стимулируют подчиненных на их выполнение.

Позитивное и негативное влияние академического менеджериализма на развитие человеческого капитала академического сообщества в региональных университетах

С одной стороны, информанты отметили следующие позитивные последствия внедрения модели академического менеджериализма.

1. Стала более справедливой и объективной система вознаграждения за педагогический и научный труд: если сотрудник много пишет, исследует, получает гранты, имеет достижения, то он хорошо зарабатывает, к нему проявляют больше внимания и уважения.

2. Новое университетское управление иногда инициирует и финансирует интересные проекты, ориентированные на сотрудничество с внешними партнерами, зарубежными коллегами. Такие проекты стимулируют профессиональный рост ППС, поскольку только сильные коллективы и сильные сотрудники университета могут привлечь внешних партнеров.

3. Академический менеджериализм связан с реализацией стратегий развития университета. А для стратегии всегда выделяются финансовые средства, в том числе и на академическое развитие сотрудников (курсы изучения английского языка, академического письма, формирования цифровых компетенций, узких профессиональных компетенций).

С другой стороны, академическое сообщество неоднозначно воспринимает такие принципы, как конкуренция, прозрачность и подотчетность, формализованные критерии эффективности академического труда. Обобщение материалов интервью позволило выделить следующие негативные последствия внедрения академического менеджериализма.

1. «Новые университетские менеджеры» не намерены инвестировать в человеческий капитал сотрудников. Скорее всего, они выделяют минимальные ресурсы и «снимают сливки», которые приносит академический труд за счет имеющихся личных ресурсов. Приведем отрывок из интервью: *«Для того чтобы получить финансирование под мероприятия, которые важны для развития профессиональных компетенций, профессиональных связей, создания научных команд, преподавателям и научным сотрудникам нужно выдержать жесткую конкуренцию меж-*

ду собой. Им нужно активно доказывать, что такие инвестиции принесут быстрые и конкретные результаты, которые на самом деле в академической среде носят высоковероятностный характер» (Е.Г., профессор).

2. Различия ценностей, моделей корпоративного поведения, целей профессиональной деятельности порождают между «академиками» и «администраторами» недоверие. Недоверие же порождает разорванность социальных связей, оппортунистические стратегии поведения преподавателей, имитационность. Все это служит негативным контекстом академического развития сотрудников университета, снижает их мотивацию к обучению и совершенствованию.

3. Из-за конкуренции, сверхстимулирования индивидуальной успешности появился феномен фрагментации научного и педагогического сообщества: *«На мой взгляд, сегодня между нами усиливаются различия, происходит вертикальная и горизонтальная дифференциация и поляризация. Я наблюдаю высокий уровень разобщенности в коллективе, ткань отношений рвется. И руководители ничего не делают для того, чтобы эту ткань сохранить. А мы тоже спокойно от этой солидарности избавляемся. А ведь эта солидарность – и есть суть и особенность университетской культуры. Связи сохраняются на личностном уровне. А на групповом, коллективном они отсутствуют»* (К.Л., доцент).

Для развития человеческого капитала университетского сообщества фрагментация опасна тем, что разрушает важнейшие нематериальные источники и ресурсы развития, а также деформирует паттерны профессионального поведения и обмена. Органические связи и отношения внутри академического сообщества могут отчасти компенсировать ресурсные ограничения современного университета. Академический менеджериализм в российских региональных университетах, к сожалению, плохо учитывает этот фактор. Такие деструкции снижают качество человеческого капитала «академиков», уменьшают и без того слабую ресурсную базу региональных университетов и истощают позитивный потенциал модели академического менеджериализма.

Заключение

Академический менеджериализм в российских региональных университетах имеет как позитивные, так и негативные последствия для развития человеческого капитала научных и педагогических сотрудников. К позитивным можно отнести четкие и прозрачные критерии и процедуры оценки эффективности и результативности академического труда, четкие цели академического развития, согласованные со стратегиями развития университетов, внедрение принципов конкуренции.

К негативным последствиям академического менеджериализма могут быть отнесены чрезмерно формализованные и деперсонализированные подходы к организации развития сотрудников, появление имитационности заботы об «академиках», поддержка имитационной публикационной активности, нездоровой конкуренции. Некомпетентные университетские менеджеры нередко имеют профессиональный бэкграунд в виде работы в бизнесе или органах власти. Они часто используют такие подходы к управлению, которые фрагментируют, раскалывают академическое сообщество, лишая его важнейших социальных и культурных стимулов и ресурсов к профессиональному и личностному развитию.

Проведенное исследование показало амбивалентный характер влияния новой модели университетского управления на развитие и накопление человеческого капитала в университетах. Полученные результаты открывают перспективы для разработки более осторожных и вариативных подходов к управлению научными и педагогическими коллективами с учетом стратегий, миссии, ресурсности региональных университетов России.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37–47.

2. Sivak E., Yudkevich M.M. The academic profession in Russia’s two capitals: The impact of 20 years of transition // European Educational Research Journal. 2017. Vol. 16. № 5. P. 626–644.

3. Lovakov A., Yudkevich M.M., Alipova O. Inbreds and non-inbreds among Russian academics: Short-term similarity and long-term differences in productivity // Higher Education Quarterly. 2019. Vol. 73. № 4. P. 445–455.

4. Deem R. Globalisation, new managerialism, academic capitalism and entrepreneurialism in universities: is the local dimension stillimportant? // Comparative Education. 2001. Vol. 37. № 1. P. 7–20.

5. Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44–56.

6. Капогузов Е.А. Новый государственный менеджмент: теоретическая основа и проблема импорта в России // Национальные приоритеты России. 2012. № 2. С. 47–53.

7. Павлюткин И.В. Конструирование университета как организации // Экономическая социология. 2011. № 1. С. 104–123.

8. Абрамов Р.Н. Менеджериализация и трудовые порядки университетской жизни: российский и международный контексты // Социологический ежегодник 2015–2016: Сб. науч. тр. Сер. «Теория и история социологии». М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 140–155.

9. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Баланс работы и личной жизни и источники стресса научно-педагогических работников российских исследовательских университетов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 8–26.

10. Беляева М.А. Почему научно-исследовательская работа преподавателя вуза – это «хромая лошадь» современной науки? // Образование и наука. 2015. № 3. С. 130–143.

11. Курбатова М.В., Донова И.В., Каган Е.С. Оценка изменений положения преподавателей российских вузов // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 3. С. 90–116.

12. Соловьева Т.О., Соловьев Д.Н. К вопросу о реализации принципа академической свободы в современном университетском образовании // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 110–114.

13. Курбатова М.В., Каган Е.С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136.

14. Филатова Е.В. Жизненный баланс преподавателя университета // Идея и идеалы. 2012. Т. 2. № 3. С. 116–123.

15. Федорова А.Э., Коропец О.А., Тонких Н.В. Нарративный анализ негативных факторов в трудовой сфере // Социодинамика. 2017. № 9. С. 102–112.

16. Слободская А.В. Прекариатизация научных сотрудников и педагогических работников высшего образования: формирование академического прекариата // Манускрипт. 2018. № 7. С. 106–110.

17. Долженко Р.А., Лобова С.В. Взаимосвязь прекаризации занятости и трудовой мобильности научно-педагогических работников региональных вузов: постановка проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 83–96.

18. Olssen M. Neoliberal competition in higher education today: Research, accountability and impact // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37 (1). P. 129–148.

19. Giroux D., Karmis D., Rouillard C. Between the managerial and the democratic university: Governance structure and academic freedom as sites of political struggle // Studies in Social Justice. 2015. Vol. 9 (2). P. 142–158.

20. Stensaker B. Organizational identity as a concept for understanding university dynamics // Higher Education. 2015. Vol. 69. P. 103–115.

21. Другова Е.А. Природа конфликта администраторов и научно-педагогических работников в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 72–82.

22. Яницкий О.Н. Гражданское общество и академическое сообщество. 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/publ.html ?id=1817 (дата обращения: 24.06.2021).

DEVELOPMENT OF THE UNIVERSITY COMMUNITY IN REGIONAL UNIVERSITIES IN THE CONDITIONS OF ACADEMIC MANAGERIALISM

S.G. Ermolaeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

Academic managerialism has established in Russian universities as a new model of educational management. As in universities in other countries, the «new educational management» has created new conditions for the develop of academic community. However, different Russian universities have different conditions for adapting employees to new conditions. The author focuses on the negative and positive consequences of the implementation of the academic managerialism principles in regional universities of Russia. The main research question is to show the problems and prospects for the development of the academic community in regional universities in the context of a new model of educational management.

The empirical basis of the paper is the results of a semi-formalized interview with researchers and teachers of Yekaterinburg universities (2020–2021, *n*=20). The sample was formed by the representatives of universities of different types (by status and scale of activity), occupying different positions in national university rankings, implementing different competitive strategies in the regional and national higher education markets. The author also used the method of secondary analysis of research data on university management and the academic community in modern Russian universities. This made it possible to conduct a comparative analysis of the conditions for the development of the human capital of the academic community in leading and regional universities, to identify specific problems and prospects of «academics» in provincial universities.

The paper reveals the features of academic managerialism in regional universities of Russia. Among them are: 1) imitation of management strategies, i.e. imitation of the experience of leading Russian and foreign universities without taking into account the specifics of the region, the status of the university; 2) lack of sufficient resources for the effective implementation of the academic managerialism principles; 3) ambiguous perception of this model of university management by representatives of the academic community. The conclusion is argued that such destructions reduce the quality of the human capital of «academics» and reduce the already weak resource base of regional universities and deplete the positive potential of the academic managerialism model.

Keywords: university management, academic managerialism, academic community, «academics», competition in higher education.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2021_4_127

МОТИВАЦИОННАЯ СРЕДА ВОЕННОГО ВУЗА: СУЩНОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

© 2021 г.

Т.А. Терешонок

Терешонок Татьяна Андреевна, м.н.с. Научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Москва
tanyusha.tereshonok@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.08.2021
Статья принята к публикации 25.10.2021

Мотивационная среда военного вуза редко становилась предметом сосредоточения интересов ученых в социологической науке, в связи с чем в настоящей статье приведен ее детальный теоретический разбор посредством анализа понятий «среда военного вуза» и «мотивация» и их дальнейшего симбиоза. На основе обзора научных работ выделяется два подхода к изучению среды вуза. В рамках первого подхода среда рассматривается как объективная данность и совокупность условий. Второй подход подразумевает, что среда вуза существует только там, где есть взаимодействие обучающихся субъектов образовательного процесса, которые на него воздействуют. Доказывается, что при исследовании среды военного вуза в рамках социологии управления необходимо учитывать внутренние характеристики человека, через которые преломляются внешние социальные воздействия.

Большое внимание уделяется рассмотрению мотивации с точки зрения деятельностного и системного подходов. Отмечено, что мотивы не сводятся к потребностям, а являются сложными психосоциальными образованиями. Вместе с тем автор подробно останавливается на структуре мотивов курсантов в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности. Особое внимание обращается на тесную связь мотивации и социализации курсантов.

Представлена авторская трактовка понятия «мотивационная среда военного вуза» как совокупности факторов, вызывающих активность и направленность действий курсанта в определенной ситуации, побуждающих к успешной социализации. Подчеркивается, что факторы могут быть как внутренними, так и внешними.

Ключевые слова: курсант, военнослужащий, военный вуз, мотивация, мотив, мотивационная среда, мотивационная среда военного вуза, структура мотивации, социализация, военная социология.

Введение

Исследование мотивационной среды военного вуза имеет большое значение для диагностики эффективности подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности. Устойчивый осознанный интерес и стремление к постоянному развитию в рамках института военной службы являются одним из базовых условий формирования специалиста, способного решать нестандартные задачи в условиях неопределенности, критически мыслить и нести профессиональную ответственность.

В настоящее время о подготовке курсанта к военно-профессиональной деятельности судят в основном по формальным критериям. Дипломные работы могут получить хорошие оценки, экзамены быть сданы на «отлично», но никто не сможет в точности предсказать, как себя офицер покажет в дальнейшей службе. Именно поэтому важно изучать качественные характеристики будущих офицеров, в частности их мотивацию.

Методика

Применительно к нашей работе мотивационная среда военного вуза требует анализа наиболее общих понятий «среда военного вуза» и «мотивация», являющихся ее основой, и дальнейшего их теоретического симбиоза. Многочисленные научные труды, посвящённые исследованию данных понятий, обусловливают множественность мнений об их сущности, в связи с чем мы полагаем, что самый верный путь получения представления о мотивационной среде военного вуза заключается в анализе и интеграции целого ряда подходов с точки зрения различных наук. Данные выводы диктуют необходимость использования метода теоретического анализа.

Исследование среды военного вуза в различных науках

Подготовка курсанта к военно-профессиональной деятельности происходит в рамках

специально организованного социального пространства. Применительно к нашей теме основной сферой его выражения будет выступать военный вуз. Среда военного вуза в различных науках, в зависимости от ее целей и задач, интересующих процессов, определяется по-разному.

В педагогике среда военного вуза зачастую называется образовательной. По мнению С.К. Бондыревой, главная цель образовательной среды заключается в формировании специфического образа жизни участника образовательного процесса, опосредовании его общего развития, а также типизации личности обучающегося по образу заданного средой идеала [1]. А.П. Надточий и В.Ю. Луньков определяют образовательную среду как совокупность условий, которые необходимы личности для успешного развития [2]. В исследованиях И.А. Баевой [3], Н.А. Владимировой, А.Ш. Шигаповой, Т.В. Ожигановой [4], В.А. Ясвина [5], И.Н. Пожарковой, Е.Е. Носковой, Е.Ю. Трояк [6], А.Р. Текеевой [7] образовательная среда рассматривается как фактор, условие и средство образовательного процесса, осуществляется анализ ее современного состояния, а также доказывается большая роль среды в формировании образа жизни человека и развитии личности.

Ученые-педагоги (Е.П. Белозерцев, И.Б. Щербакова [8]) активно используют термин «культурно-образовательная среда». В трудах С.Л. Фроловой данное понятие обозначает социально организованное педагогизированное социальное пространство, где осуществляются различного рода действия и взаимодействия обучающегося с другими участниками образовательного процесса, при этом идет активный процесс принятия общезначимых и ментально значимых ценностей и формирование личности согласно целям и задачам конкретного образовательного института [9, с. 109].

Изучая среду учебного заведения, *социологи* придерживаются достаточно широкого термина «социальная среда», а военные социологи – «военно-социальная среда», которая имеет свою структуру, где присутствуют социальные позиции и их деятельностные проекции на условия конкретной деятельности в соответствии с целями и задачами института военной службы. Согласно взглядам Ю.В. Сычева, сущность социальной среды заключается в объективном социальном окружении человека, которое предполагает с одной стороны симбиоз различного рода условий (социально-экономических, политико-идеологических и бытовых), с другой стороны круг людей, имеющих прямое отношение к этим условиям [10, с. 9].

Военный социолог В.Л. Примаков видит содержание военно-социальной среды во всем социальном пространстве, всей совокупности элементов и аспектов военно-социальных отношений, в которые включен военнослужащий, где он принимает на себя и (или) развивает уже имеющееся социальные качества. Исследователь утверждает, что социальная среда подготовки к военно-профессиональной деятельности включает в себя многие сферы взаимодействия военнослужащего: служебная (построение офицерской карьеры, совершенство военно-профессионального мастерства), общественно-политическая (отношение к власти, общественная позиция), социально-бытовая (комфортные условия досуга и отдыха) [11].

В социологии через призму социализации среда военного вуза исследуется и как «социализирующая среда», которую Н.П. Поплевкин определяет как комплекс факторов, влияющих на сознание военнослужащего, при этом он отмечает, что факторы оказывают влияние на военнослужащих не напрямую, а опосредованно, через осознание и принятие ими собственных целей и предпочитаемых методов их достижения [12].

В экономике, менеджменте и науках по управлению человеческими ресурсами употребляется относительно новое понятие «мотивационная среда», которая крайне редко рассматривалась в контексте вуза, в связи с чем обратимся к теоретическим определениям мотивационной среды в организациях в целом. В.В. Простяков и Е.В. Скворцова под мотивационной средой понимают «социально-психологическую атмосферу в организации, которая стимулирует сотрудников к активной деятельности по решению профессиональных задач» [13]. С.А. Волков, О.В. Конакова [14], Е.А. Медник [15, с. 92] определяют интересующее нас понятие как комплекс специально сформированных организацией условий, определяющих вектор развития и трудозатраты сотрудников, прилагаемые ими для достижения результатов трудовой деятельности.

Анализ взглядов на исследование среды в организации, в частности среды в военном вузе, позволяет говорить о том, что авторы изучают различные стороны и вопросы данной проблемы. Мы пришли к выводу, что существуют две модели устойчивого мнения о среде конкретной организации (в нашем случае военного вуза), отличие которых основывается на различии взглядов на нее в ее формировании с точки зрения участия личности и агентов воздействия. Ученые не пришли к единому мнению.

Сторонниками первой модели, изучающими среду организации как объективную данность (А.И. Артюхина [16], Н.М. Борытко [17], С.А. Волков, А.Н. Машнюк, О.В. Конакова [14],

В.В. Простяков [13], О.Б. Рубцова [18], Е.А. Медник [15]), ее сущность, не выделяя частности, определяется как совокупность служебных, социальных, культурных, общественно-политических, бытовых специальным образом созданных специфических условий в конкретной организации, которые должны обеспечивать развитие и типизацию личности в векторе определенного образа, идеала данной организации.

В рамках второй модели, в научных исследовательских трудах В.В. Рубцова, Т.Г. Ивошиной [19], В.Л. Примакова [11], Н.П. Поплевкина [12], В.А. Ясвина [5], С.Л. Фроловой [9] среда сама по себе есть взаимодействие, форма сотрудничества, коммуникативного взаимодействия личности и агентов, которые на нее воздействуют. Данную среду нельзя оценивать без участия конкретной личности в ее формировании.

В социологической науке применительно к мотивационной среде мы не можем придерживаться первого подхода и отрицать роль личности в ее формировании, так как он не предусматривает значимости личностных факторов (социально-демографические характеристики, ценности, мотивы выбора профессии офицера). Многие курсанты поступают в военные вузы из «гражданской» среды, и с выхода приказа о зачислении на первый курс какая-либо мотивационная среда уже сформирована, хотя и произошло это стихийно. Однако стоит понимать, что мотивационная среда не является застывшей, статичной, а выступает развивающейся, поддающейся трансформации под влиянием факторов, которые в идеале должны обеспечить типичный, повторяющийся характер мотивационных процедур.

Исследовательские подходы к определению понятий «мотив» и «мотивация»

Термин «мотивация» прочно вошел в арсенал научных понятий философов, психологов, социологов, экономистов и управленцев и стал предметом сосредоточения интересов многих зарубежных и отечественных исследователей уже в начале XX века, когда было разработано большое число теорий и концепций мотивации, на которые опираются многие современные исследователи.

Что касается интересующей нас военно-профессиональной мотивации, то наиболее широкое ее определение представлено в трудах А.В. Петкина, О.П. Пузикова, Е.А. Цариева, которые определяют военно-профессиональную мотивацию как «совокупность побуждающих инструментов, влияющих на возникновение интереса индивида к освоению военной науки» [20].

Категория «мотивация как внутренняя составляющая человека» наиболее полно разобрана в рамках психологической науки, где исследование проблемы мотивации в основном производится согласно распространённому методологическому подходу – деятельностному, базирующемуся на взглядах А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой [21]. Так, современные российские ученые в области психологии объясняют деятельность человека через его мотивы, осуществляя поиск «внутри человека» побудителей и причин определённого поведения.

В психологии мотивации дискуссионным является вопрос соотношения потребности и мотива. В западных научных школах психологии мотив определяется как «психогенная потребность» (Х. Мюррей), «квазипотребность» (К. Левин) и просто потребность (Д. Мак-Клелланд, Дж. Аткинсон) [22]. Этой точке зрения возражает С.П. Манукян, который отрицает объединение понятий «мотив» и «потребность», поскольку потребности побуждают к деятельности не напрямую, а посредством других психологических образований [23].

Большинство социологов (Е.Н. Карлова, В.Н. Машинин, А.Ю. Григоров, В.В. Дрозд [24]) солидарны с точкой зрения С.П. Манукяна, утверждая, что одни только потребности не предоставляют эпистемических ресурсов социологическому мышлению о мотивации. Они, не отождествляя, но тесно связывая мотив с потребностью, определяют его как психосоциальное образование, сопряженное со стремлением удовлетворить определённые группы потребностей, побуждающее к сознательным действиям и поступкам. Сущность мотивации названные исследователи понимают как «осмысление индивидом ситуации, выбор и оценку различных моделей поведения, их предполагаемых результатов и на этой основе мотивов» [24].

«Социологический словарь» трактует мотив, во-первых, как «побудительную причину (повод) к какому-либо действию», во-вторых, как «осознанное побуждение к деятельности субъекта (личности, социальной группы, общности), связанное со стремлением удовлетворить определённые группы потребностей» [25]. В «Энциклопедическом социологическом словаре» под мотивом подразумевается предметное содержание потребности, которая для своего удовлетворения требует приложения усилий со стороны человека [26, с. 425].

Весьма развернутое определение мотива военно-профессиональной деятельности представлено современным исследователем В.Н. Лымаревым. Данное понятие он трактует, с одной стороны, как качества личности, побуждающие к осознанному выполнению военно-профессионального долга, и внедрение в деятельность военнослужащего значимых для института военной службы ценностей. С другой стороны, мотив, по его мнению, это еще и «целенаправленный педагогический процесс, обеспечивающий воздействие на сознание и личностный опыт курсанта для понимания основ будущей военно-профессиональной деятельности, ценностного отношения к ней и ее результатам» [27].

Чтобы подробнее разобраться в сущности понятия «мотив», обратимся к взглядам ученых на механизм его возникновения. Данный вопрос подробно в своих трудах рассматривает М.В. Демин, по мнению которого мотив формируется поэтапно. Первый этап предусматривает формирование представлений о потребностях и интересах, а также имеющихся средствах и возможностях для их удовлетворения. Второй уровень предполагает осуществление важного процесса интеграции факторов первого уровня, в итоге чего, собственно, и формируется мотив [28].

О.А. Уржа утверждает, что внутреннюю мотивацию человека определяет интерес, который возникает как осознание некоей потребности, а потребности, в свою очередь, детерминированы условиями среды, в которых находится субъект. Существенными факторами здесь являются статус человека, его социальное окружение, в котором сформированы определенные жизненные установки [29].

По мнению С.А. Макаровой, перед тем как потребность даст толчок к определенному действию субъекта, она должна «определиться» (получить определённость в отношении отвечающих ей внешних объектов), «наполниться содержанием». В противном случае формируется специфическое «состояние мотивационной установки» [30].

Множество трактовок сущности понятия «мотив» свидетельствует о содержании в нем сложного, но очень значимого для личности психосоциального образования, влияющего на различные стороны и аспекты деятельности. И это различие в дальнейшем становится причиной разведения методологических подходов и методических приемов исследования мотивации. Однако все науки имеют общую канву размышлений, сводящуюся к одному положению: мотив – всеобщая и фундаментальная часть структуры отдельно взятой личности, дающая толчок к определенному действию; а мотивация – это комплекс движущих сил – побудителей человека к имеющей определённую цель деятельности.

Мотивация как часть системы управления

В современной научной литературе по менеджменту понятие «мотивация» исследуется, с одной стороны, как внутреннее состояние человека, находящееся под постоянным воздействием различного рода факторов. Например, Э.А. Уткин считает, что мотивация — это выбор человеком собственного поведения, на который оказывает влияние комплекс внешних и внутренних факторов [31]. Весьма похожее определение и у В.П. Пугачева, который под мотивацией понимает «сложный социально-психологический процесс, детерминирующий поведение человека также под воздействием множества факторов влияния: внешних, со стороны социальной среды, и внутренних, продиктованных системой ценностей и моральных установок субъекта мотивации» [32, с. 113–166].

С другой стороны, мотивация рассматривается как процесс стимулирования работы людей в направлении эффективного исполнения трудовых обязанностей, нацеленный на удовлетворение собственных потребностей сотрудников и достижение общих целей организации (М. Альберт, Ф. Хедоури, В.И. Подлесных) [33]. Вместе с М. Месконом [34] М. Альберт, Ф. Хедоури в теориях мотивации выделяют две группы: содержательные и процессуальные [35].

Содержательные основываются на идентификации внутренних источников побуждения, заставляющих людей действовать конкретным образом. Подробное описание данных теорий представлено в работах А. Маслоу [36], Д. Макклелланда [37], Ф. Херцберга [38]. Однако данный подход, по нашему мнению, не дает возможности ответить на вопрос о том, какие обстоятельства выступили действенными при следовании той или иной модели действия и выборе профессионального пути, а главное, каким образом мы можем стимулировать работников в нужную нам сторону. Исходя из вышесказанного, содержательный подход к определению мотивации в рамках социологии управления не позволит создать целостную картину мотивационной среды военного вуза.

Процессуальные теории мотивации основываются, в первую очередь, на том, как ведут себя люди с учетом их восприятия и познания. Их замысел, не отрицая большую роль потребностей, сводится к тому, что на высокую самоотдачу и старательность работника влияет не

столько вознаграждение, столько содержание самого процесса работы. Процессуальные теории мотивации выражают мысль, что самым действенным фактором мотивации является то, как складывается субъективное восприятие условий процесса труда и оценка этих условий самим работником. В число основных таких теорий вполне оправданно включить теорию ожиданий В. Врума [39] теорию справедливости Д. Адамса [40] и модель мотивации Л. Портера и Э. Лоулера [41].

Обзор и разбор теорий мотивации привел нас к необходимости выделения и различия в мотивационной среде мотивов и стимулов как внутренних и внешних побуждений к действию. Под мотивами мы понимаем внутренние осознанные побуждения, связанные с личностными диспозициями (ценности, потребности, установки, интересы), в то время как стимулы определяются как обусловленные условиями и обстоятельствами субъективно значимые силы, находящиеся за пределами субъекта, но затрагивающие его интересы (денежное довольствие, стремление сделать военную карьеру и др.).

В известном социологическом исследовании «Человек и его работа» В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов фиксируют несколько типов, уровней, мотивов деятельности в зависимости от типа и уровня стимулов. На высшем уровне отводится место мотивам и стимулам, связанным с общими социальными условиями, политическим строем и идеологией. На следующем уровне мотивы и стимулы детерминируются специфическими условиями деятельности в конкретной организации, где наиболее важным обстоятельством выступает содержание труда. Еще более специфические условия, порождающие специфические мотивы, – особенности конкретной трудовой деятельности определенного сотрудника [42].

Таким образом, ученые в рамках науки по управлению человеческими ресурсами отводят значительное место мотивации, рассматривая ее как часть системы управления, которая оказывает большое влияние на остальные ее составляющие.

Учебно-профессиональная мотивация курсантов военных вузов

Речь идет о мотивационной среде военного вуза в процессе подготовки к военно-профессиональной деятельности. Специфика образовательного процесса курсантов требует постоянного сочетания учебной подготовки и выполнения служебных обязанностей, которое для успешности должно побуждаться адекватными мотивами [43].

Прежде всего, необходимо затронуть вопросы мотивации выбора военной службы, которые можно свести к профессиональному самоопределению. Данному процессу большинство ученых (В.С. Волегов [44], И.А. Левицкая [45], Е.Н. Шарова [46]) отводят ключевую роль в становлении профессионала и доказывают, что он не может произойти стихийно, а является симбиозом многих факторов различных институтов и социальных групп, оказывающих влияние на выбор направления дальнейшей жизнедеятельности.

Профессиональный выбор закрепляется в процессе обучения в военном вузе, где важную роль играет учебно-профессиональная мотивация, которая должна выражаться в принятии курсантом целей и задач образовательного процесса как личностно для себя значимых и необходимых [47].

Во многих социологических исследованиях учебно-профессиональная мотивация понимается как частный вид мотивации личности, включенной в учебно-профессиональную деятельность, которая обладает направленностью, устойчивостью и динамичностью. Мотивы курсантов при подготовке к военно-профессиональной деятельности, по мнению О.Р. Шефер, С.В. Крайневой, Т.Н. Лебедевой, можно разделить на две категории, где первая представляет собой содержание самого образовательного процесса и выполнения его требований (учебно-профессиональные мотивы), а вторая категория мотивов связана с более широким взаимоотношением обучающегося с окружающей средой (социально-профессиональные мотивы) [48, с. 35–36].

К учебно-профессиональным мотивам относятся:

– широкий учебно-профессиональный мотив – выражается в стремлении курсантов к овладению глубокими знаниями, которые пригодятся в дальнейшей военно-профессиональной деятельности;

– узкий учебно-профессиональный мотив – выражается в стремлении курсантов овладеть компетенциями, ограниченными рабочей программой конкретных дисциплин;

– мотив профессионального самообразования – выражается в стремлении курсантов к самостоятельному поиску возможностей обогащения своих знаний.

Группа социально-профессиональных мотивов включает:

– широкий социально-профессиональный мотив – выражается в уверенности курсанта в том, что его дальнейшая военно-профессиональная деятельность востребована, необходима и важна в современном мире;

– узкий социально-профессиональный мотив – выражается в стремлении курсантов обрести определенный социальный статус (специалист с высшим образованием, офицер);

– мотив профессионального сотрудничества – выражается в стремлении курсантов налаживать коммуникацию с другими курсантами, офицерами, которые обладают сходными профессиональными интересами и увлечениями.

По мнению В.Г. Леонтьева, мотивы, связанные с учебно-профессиональной деятельностью, выстраиваются в иерархию, как правило, по закону взаимной или последовательной индукции. Суть взаимной индукции сводится к тому, что один мотив влечет за собой другой мотив. Последовательная индукция означает, что каждый элемент мотивационной системы выступает для следующего в качестве механизма мотива. Результаты исследования В.Г. Леонтьева свидетельствуют, что в начальный период обучения высока роль внешней стимуляции, носителем которой выступает лидирующий обучающийся. В дальнейшем значение приобретает морально-психологический климат в коллективе, сплоченность, то есть все то, что выступает условиями для благоприятной служебной атмосферы [49].

Большое количество работ (Н.Д. Никандров, О.Г. Грохольская [50], Т.Л. Маркова [51]) посвящены структуре профессиональной, в том числе и учебно-профессиональной, мотивации, выделяя в ее составе следующие компоненты: профессиональный (освоение ценностей военной службы – причастность к защите Отечества, офицерская честь и достоинство и др.), познавательный (желание осваивать и углублять свои знания в служебной, профессиональной и учебной деятельности), социально-нравственный (ответственность перед собственной совестью, Отечеством, народом) и утилитарный (большое денежное довольствие, стремление к повышению звания, должности, представление к награде или почетному званию). Содержанием этих компонентов являются соответствующие мотивы, интересы, потребности, желания, установки и стремления.

Мы считаем очень важным гармоничную взаимосвязь различных мотивов, так как абсолютное доминирование какой-либо группы мотивов не приведет к эффективному исполнению служебно-профессиональных и учебных обязанностей курсанта в соответствии с требованиями Министерства обороны Российской Федерации.

Обсуждение

Мы придерживаемся мнения, что мотивационную среду военного вуза следует рассматривать как сочетание мотивов и стимулов. Но тут же возникает еще один противоречивый вопрос: как связаны эти два компонента? Одна группа специалистов (Е.А. Подольская [52], В.П. Пугачев [32], Э.А. Уткин [31]) исследуют мотивацию, а соответственно мотивационную среду, как «стимулирование», то есть различными способами внешнее воздействие. Сторонники другого подхода (А.Я. Кибанов, И.А. Баткаева, Е.А. Митрофанова, М.В. Ловчева [53]), наоборот, полагают, что человека невозможно мотивировать и стимулировать, единственный возможный вариант влияния на его поведение заключается в обнаружении его собственных мотивов и грамотном подборе к ним соответствующих стимулов.

Исследование среды военного вуза, с точки зрения социологии управления, должно быть акцентировано на прикладной стороне процесса и связано с изучением влияния различного рода факторов на мотивационную сферу внутри личности, обусловливающей и объясняющей поведение человека. Мотивация – это своего рода выбор определенной модели поведения, сформированной на базе мотивов, основывающейся на мониторинге курсантом возможных последствий этого выбора. При исследовании среды военного вуза необходимо брать во внимание внутренние характеристики личности, сквозь призму которых преломляется внешнее влияние, что в конечном итоге служит базисом формирования индивидуальной мотивационной сферы внутри личности и обусловливает конкретные ее действия.

Военно-профессиональная мотивация курсантов тесно связана с важным социально-психологическим явлением – социализацией курсанта. Н.П. Поплевкин, выделяя в качестве результата социализации высокую осознанную мотивацию, выражающуюся в осознании целей и стремлении к их реализации, определяет ее как постоянное взаимодействие среды и специалиста, когда военнослужащий осознанно и мотивированно принимает на себя нормы, правила, ценности военно-профессиональной среды [12].

Огромную роль социализации в процессе формирования мотивов личности военнослужащего отводит и Р.В. Ткачев, отмечая, что на протяжении всей жизни будущий офицер усваивает определенные правила поведения и культурные нормы окружающей среды, что влияет на формирование базовых устойчивых мотивов, которые впоследствии составляют базис исполнения обязанностей в рамках своей военно-профессиональной деятельности [54].

Мы согласимся, что формирование мотивации происходит в процессе социализации лич-

ности курсанта под влиянием факторов военно-социальной среды, где протекает основная часть его жизнедеятельности. В процессе социализации происходит развитие внутренних источников побуждения к действию, их переплетение между собой. Воздействие внешних факторов обусловливает активность и направленность поведения человека в конкретной ситуации. Очевидно, что военно-профессиональная мотивация является и одной из задач социализации, фактором развития военной организации, и продуктом этой же социализации.

Заключение

Достижения психологической и управленческой науки в области мотивационных теорий получили развитие в социологии управления, где большое внимание уделяется социальной среде и различного рода условиям, в которых развивается взаимодействие между субъектами.

Теоретический анализ понятий «среда военного вуза» и «мотивация» привел нас к выводу, что сущность мотивационной среды военного вуза заключается в совокупности факторов, вызывающих активность и направленность действий курсанта в определенной ситуации, побуждающих к успешной социализации. Причем этим факторы могут быть как внутренними (мотивы), так и внешними (стимулы). Особо подчеркнем, что курсанта «заставляет действовать» только то, что «проходит через его голову», что говорит о субъективности источников активности.

Список литературы

1. Бондырева С.К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: Избранные труды. М.: МПСИ, Модэк, 2003. 352 с.

2. Надточий А.П., Луньков В.Ю. Формирование образовательной среды // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 8–12.

3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: Теоретические основы и технологии создания: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2002. 386 с.

4. Владимирова Н.А. Современная образовательная среда: теория и практика // Современная образовательная среда: теория и практика: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 5 февр. 2018 г.) / Редкол. О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2018. С. 170–174.

5. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 395 с.

6. Пожаркова И.Н., Носкова Е.Е., Трояк Е.Ю. Формирование индивидуальной образовательной траектории как компонента практико-ориентированной среды обучения // Педагогический ИМИДЖ, 2018. № 3 (40). С. 179–192.

7. Текеева А.Р. Образовательная среда как условие развития личности и ее субъектов // Kant. 2018. № 2 (27). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-sreda-kak-uslovie-razvitiya-lichnosti-i-ee-subektov-1 (дата обращения: 05.08.2021).

8. Белозерцев Е.П., Щербакова И.Б. Культурно-образовательная среда провинции и здоровый образ жизни студента (теоретико-методологический аспект): Монография. Воронеж: Тип. им. И.А. Болховитинова, 2016. 247 с.

9. Фролова С.Л. Реализация средового подхода к воспитанию: история и современность // Мир науки, культуры и образования. 2015. № 4 (53).

10. Сычев Ю.В. Микросреда и личность. М.: Мысль, 1974. 190 с.

11. Примаков В.Л. Социализация офицера в условиях военной службы: На примере Вооруженных Сил Российской Федерации: Дис. ... док. соц. наук. М.: Воен. ун-т МО РФ, 2000. 391 с.

12. Поплевкин Н.П. Институциональное управление социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации: Дис. ... канд. соц. наук. М.: Воен. ун-т МО РФ, 2019. 200 с.

13. Простяков В.В., Скворцова Е.В. Мотивационная среда организации: факторы, условия ее формирования в подразделениях системы правоохранительных органов // Юридическая психология. 2014. № 4. С. 13–16.

14. Волков С.А., Машнюк А.Н., Конакова О.В. Мотивационная среда угледобывающего предприятия: содержание, состояние, направления развития // Уголь. 2019. №8 (1121). С. 62–69.

15. Медник Е.А. Стимулирование педагогов к непрерывному образованию в процессе организации внутришкольной методической работы: Дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2015. 227 с.

16. Артюхина А.И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета): Дис. …д-ра пед. наук: Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2007. 377 с.

17. Борытко Н.М. В пространстве воспитательной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. 180 с.

18. Рубцова О.Б. Средовой подход к построению воспитательного процесса профессионального лицея: Дис. ... канд. пед. наук: СПб.: Высш. шк. нар. искусств (ин-т), 2013. 250 с.

19. Рубцов В.В., Ивошина Т.Г. Проектирование развивающей образовательной среды школы. М.: МГППУ, 2002. 272 с.

20. Петкин А.В., Пузиков О.П., Цариев Е.А. Формирование мотивации военно-профессиональной деятельности курсантов институтов войск национальной гвардии РФ // Вестник БГУ. 2017. № 4. С. 86–91.

21. Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.

22. Бобков О.Б. Особенности учебно-профессиональной мотивации курсантов военных вузов на разных этапах профессионального становления: Дис. ... канд. психол. наук. Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2012. 261 с.

23. Манукян С.П. Потребности личности и их место в педагогической концепции мотивов учения. М.: Просвещение, 2004. 37–52 с.

24. Карлова Е.Н., Машин В.Н., Григоров А.Ю., Дрозд Е.В. Мотивация военно-профессионального выбора молодежи: от профориентации к обучению в военном вузе: Монография. Воронеж: Научная книга, 2018. 195 с.

25. Социологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gufo.me/dict/social_dict.

26. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995.

27. Лымарев В.Н. Профессиональная мотивация как показатель успешности офицера войск национальной гвардии Российской Федерации // Ученые записки Университета Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 225–228.

28. Демин М.В. О мотивации человеческой деятельности // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1988. № 2. С. 24–32.

29. Уржа О.А. Трансформация социальной структуры российского общества в период перехода к рыночной экономике: Монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 172 с.

30. Макарова С.А. Формирование мотивационно ориентированной образовательной среды в учреждениях дополнительного образования: Дис. ... канд. пед. наук. Пенза: Морд. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2016. 200 с.

31. Уткин Э.А. Мотивационный менеджмент. М.: Приор, 2013. 287 с.

32. Пугачев В.П. Управление персоналом организации. М.: Юрайт, 2020. 402 с.

33. Подлесных В.И. Менеджмент: Учебное пособие для вузов. СПб.: Изд. дом «Бизнес пресса», 2014. 211 с.

34. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. и ред. О.И. Медведь. 3-е изд. М.: Вильямс, 2016. 665 с.

35. Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. М.: Дело, 2008. 318 с.

36. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. СПб.: [и др.]: Питер, 2021. 399 с.

37. Макклелланд Д. Мотивация человека / Науч. ред. пер. Е.П. Ильина; пер. с англ. А. Богачев и др. СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького. 669 с.

38. Херцберг Ф., Моснер Б., Блох Снидерман Б. Мотивация к работе / Пер. с англ. Д.А. Куликов; под общ. ред. Е.А. Борисовой. М.: Вершина, 2006. 238 с.

39. Vroom V.H. Work and motivation. New York: Wiley, 1964. 331 p.

40. Кнышов А.В., Санчирова А.В. Применение теории справедливости Д.С. Адамса в системе мотивации должностных лиц таможенных органов России // NOVAUM.RU. 2017. № 7. С. 99–101.

41. Чуднова О.В. Управление стимулированием труда преподавателей современной высшей школы на основе модели мотивации Портера–Лоулера // Социодинамика. 2019. № 3. С. 13–17.

42. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр.и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.

43. Ляшенко М.В. Мотивация учебной деятельности: основные понятия и проблемы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2019. № 1. С. 53–72.

44. Волегов В.С. Профессиональное самоопределение студентов в социокультурном пространстве большого города: Дис. ... канд. соц. наук. Пермь, 2016. 175 с.

45. Левицкая И.А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник КемГУ. 2014. № 2 (58). С. 136–140.

46. Шарова Е.Н. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества: на примере Мурманской области: Дис. ... канд. соц. наук. Архангельск: Сев. (Арктический) федер. ун-т, 2012. 214 с.

47. Субботина Л.Ю. Личность в системе профессиональной подготовки. Учебное пособие / Институт «Открытое Общество». Российское психологическое общество. Ярославль, 2003. 101 с.

48. Шефер О.Р., Крайнева С.В., Лебедева Т.Н. Управление развитием учебно-профессиональной мотивации студентов бакалавриата в системе высшего образования через инспирацию компетенций. Челябинск: Южно-Уральский научный центр РАО, 2020. 319 с.

49. Леонтьев В.Г. Принципы исследования мотивации деятельности // Социокультурные проблемы современной молодежи: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 132–139.

50. Никандров Н.Д., Грохольская О.Г. Профессиональная деятельность, ее сущность, структура и содержание // Научные исследования в образовании. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deyatelnost-ee-suschnost-struktura-i-soderzhanie-2 (дата обраще-ния: 10.08.2021).

51. Маркова Т.Л. Феномен «профессиональная деятельность»: концептуальный анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sfk-mn.ru/PDF/04SFK316.pdf (дата обращения: 15.07.2021).

52. Подольская Е.А., Назаркина В.Н. Управление социальными процессами: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Харьков: Изд-во НУА, 2016. 524 с.

53. Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Митрофанова Е.А., Ловчева М.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2019. 524 с.

54. Ткачев Р.В. Мотивация военно-профессиональной деятельности офицеров Военно-воздушных сил Российской Федерации: социолого-управленческий аспект: Дис. ... канд. соц. наук. М.: Соврем. гуманит. акад., 2013. 239 с.

MOTIVATIONAL ENVIRONMENT OF A MILITARY UNIVERSITY: THE ESSENCE, BASIC CONCEPTS AND CONCEPT OF RESEARCH IN THE FRAMEWORK OF THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

T.A. Tereshonok

Research Department (Military and Humanitarian Studies)
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The motivational environment of a military university has rarely become the focus of scientists 'interests in sociological science, and therefore this article provides a detailed theoretical analysis of it by analyzing the concepts of "military university environment" and "motivation" and their further symbiosis. Based on the review of scientific works, the author identifies two approaches to the study of the university environment. In the first approach, the environment is considered as an objective reality and a set of conditions. The second approach implies that the university environment exists only where there is an interaction of the subject and the agents of the educational process that affect it. The idea is proved that when studying the environment of a military university within the framework of the sociology of management, it is necessary to take into account the internal characteristics of a person through which external social influences are refracted.

Much attention is paid to the consideration of motivation from the point of view of the activity and system approach. It is said that motives are not reduced to needs, but are complex psychosocial formations. At the same time, the author dwells in detail on the structure of the motives of cadets in the process of preparing for military professional activity. Special attention is paid to the close connection between motivation and socialization of cadets.

In conclusion, the author's definition of the concept of "motivational environment of a military university" is presented, which is defined as a set of factors that cause the activity and direction of the actions of a cadet in a certain situation, encouraging successful socialization. It is emphasized that the factors can be both internal and external.

Keywords: cadet, soldier, military university, motivation, motive, motivational environment, motivational environment of a military university, motivation structure, socialization, military sociology.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.923+159.98+378
DOI 10.52452/18115942_2021_4_136

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ОВЗ В ВУЗЕ

© 2021 г.

А.И. Тащёва, С.В. Гриднева, М.Р. Арпентьева

Тащёва Анна Ивановна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии, научный руководитель Психологической службы Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
annaivta@mail.ru
Гриднева Светлана Валерьевна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
gridneva-sveta@mail.ru
Арпентьева Мариям Равильевна, д.психол.н.; доц.; академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, заслуженный работник науки и образования Российской академии естествознания, психолог-исследователь Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие», Калуга
mariam_rav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2021
Статья принята к публикации 27.10.2021

Актуальность изучения проблем социально-психологической адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в вузе связана с тем, что возрастает число людей, имеющих особые потребности в организации жизни в целом и учебно-трудового процесса в частности. Каждый студент проходит непростой процесс психологической адаптации в вузе, но для студентов с ОВЗ он особенно важен и сложен: обучение инвалидов в вузе позволяет им не просто приобрести профессию, но и обрести духовную и психологическую самодостаточность, гармонизировать самопонимание и притязания, преодолеть отчужденность и «закрытость» по отношению к жизни, сосредоточиться на ней. Наличие продуктивно работающих в вузе специалистов, служб психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ существенно улучшает эту ситуацию, но неизбежно порождает вопросы о направлениях, формах, методиках сопровождения и т.д. Основными направлениями сопровождения, в том числе в форме инклюзивного коучинга, являются трудности самоактуализации студентов с ОВЗ, раскрытия и развития ими собственного потенциала, реализации предназначения, трудности выстраивания гармоничных и развивающих межличностных отношений со сверстниками и педагогами. Цель исследования – изучение проблем социально-психологической адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к образовательному процессу в контексте инклюзивного сопровождения. Метод исследования – теоретическое изучение социально-психологической адаптации к образовательному процессу у студентов с ОВЗ. Успешность инклюзивного образования определяется успешностью социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ. Она во многом связана с особенностями студентов и их семей, а также со спецификой образовательной среды (организационной культуры вуза, направленности и качества работы службы психолого-педагогического сопровождения развития учащихся с ОВЗ, студенческого контингента и профессиональных, личностных и межличностных компетенций преподавателей и иных специалистов, с которыми взаимодействуют студенты с ОВЗ, и т.д.).

Ключевые слова: адаптация, инклюзия, сопровождение, инклюзивный коучинг, студент, зона ближайшего развития.

Введение

Актуальность изучения проблем социально-психологической адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в вузе связана с тем, что число людей, имеющих особые потребности в организации жизни в целом и учебно-трудового процесса в частности, в последнее время постоянно возрастает. При этом особенно значимыми становятся проблемы выбора и совершенствования инклюзивной образовательной среды: отечественные и особенно зарубежные исследования предлагают в разной мере обобщенные описания и системы требова-

ний к таким средам, обращая внимание на важность, с одной стороны, рутинных, повседневных действий (Everyday actions) и систем правил инклюзивного взаимодействия [1] и, с другой – интегрирующих мировой опыт инновационных практик инклюзивного сопровождения [2], в том числе такого непривычного для России, как инклюзивный коучинг, нацеленный не просто на компенсацию неспособностей и ограничений обучающегося, а на его развитие и исцеление как целостности. Сам коучинг и инклюзивные практики в целом должны, по мнению исследователей, рутинизироваться, стать обычными [3].

Однако в российской реальности это не так просто. Многие абитуриенты, имеющие значительные проблемы со здоровьем, ограничения возможностей и связанные с этими ограничениями специфические нужды, часто выбирают вуз, исходя из внешних обстоятельств, включая степень оборудованности учебного заведения и наличие/отсутствие физической инфраструктуры, обеспечивающей её доступность, информацию об организации образовательного процесса, иные важные (полученные от знакомых или из средств массовой информации) сведения, размеры стипендий студентов и близость к месту проживания, наличие специалистов и служб психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ и т.д. При этом абитуриенты редко учитывают свои реальные физические, психологические и иные возможности и склонности, не учитывают и не могут часто учитывать общую организационную культуру учреждения образования, предъявляющую к возможностям и склонностям абитуриентов и обучающихся свои требования [4]. Данные обстоятельства нередко осложняют процесс социальной адаптации студентов с инвалидностью к условиям вуза, нередко приводят к отказу от обучения. Наличие грамотных специалистов и служб психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ существенно улучшает эту ситуацию, но порождает многочисленные вопросы о направлениях, формах, методиках сопровождения и т.п. [5; 6]. Однако часто такие службы отсутствуют либо не работают, переадресовывая все вопросы родителям. Но и здесь много проблем, связанных с отсутствием или нежеланием родителей найти возможности предметно подумать о том, как помочь своему ребенку адаптироваться и развиваться в школе или вузе [7].

Часто не только сами абитуриенты и их родители, но и преподаватели и администрация вузов не стремятся осмыслить проблемы «доступности» образовательной среды как инклюзивной иначе, чем в отношении внешних ее моментов, они не учитывают психологические, нравственные, социальные особенности и запросы студентов с ОВЗ [8; 9]. Вместе с тем разнообразие отмечается как один из ключей к качественному образованию в целом и к качественному инклюзивному образованию в частности [9].

Немало этому способствуют процессы коммодификациии образования и жизни – потребительского обесценивания всего, что не приносит непосредственного дохода и успеха, включая «нестандартное» тело и его нормотипичное функционирование, связанное так или иначе и с нестандартным функционированием и развитием души и духа человека [10]. Не учитываются трудности самоактуализации студента, раскрытия и развития им собственного потенциала, реализации предназначения, трудности выстраивания гармоничных и развивающих межличностных отношений со сверстниками и педагогами не только у учащихся и студентов с ОВЗ, но и у «нормальных» детей, подростков, юношей и девушек без значительных нарушений и особенностей развития. Это, несомненно, мешает школьникам и студентам проявить свои реальные знания и умения, мешает осмыслить и начать движение с тьютором, педагогом-психологом, преподавателями и иными специалистами, включенными в образовательный процесс и, следовательно, психолого-педагогическое сопровождение в зоне ближайшего развития [11; 12]. Исследователи поэтому настаивают на том, что важно работать именно с человеком как целостностью, «тренировать человека, а не проблему»: результативное инклюзивное сопровождение требует рефлексии не только успехов и достижений студента с ОВЗ, но и рефлексивного исследования процессов и результатов инклюзивного сопровождения в целом. Инклюзия предполагает активность и настойчивость усилий специалистов по реформированию и реинтеграции учебно-профессиональной жизни и образовательной среды на основе идей инклюзии [13].

Без этого студентам нередко трудно влиться в учебный коллектив и/или выстроить необходимую им продуктивную и эффективную дистанцию отношений, продемонстрировать и усилить свои компетенции и иные возможности. А ведь от курса к курсу возрастающая и трансформирующаяся учебная нагрузка при недостаточном понимании обучающимися с ОВЗ происходящего, при неполноценных контактах со сверстниками и персоналом вуза, нередко ведут к увеличению неудовлетворенности и иных проблем: росту персональной тревожности и страхов, конфликтам и изоляции в отно-

шениях, психологическому выгоранию и потере интереса к обучению и профессиональной деятельности, с неизбежным общим снижением адаптации и к образовательному процессу и жизни в целом [13; 14]. Если аналогичные условия были у обучающегося и в школе, то названные выше трудности человека и его близких лишь усугубляются [15; 16].

Немногочисленные современные исследования проблемы показывают, что особенности адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья заметно отличаются от особенностей адаптации студентов, не имеющих подобных нарушений [2; 17; 18]. Инклюзивное образование позволяет студентам с ОВЗ взаимодействовать со сверстниками, развивать социальные навыки, социализироваться. Очевидно, что успешная инклюзия студентов с ОВЗ в образовательный процесс невозможна без их социально-психологической адаптации, которая, в свою очередь, в значительной степени зависит от личностных, межличностных и учебно-профессиональных особенностей студентов [19; 20]. Они также зависят от наличия психолого-педагогической поддержки со стороны родителей и специалистов вуза [15; 16]. В силах, компетенции и задачах родителей, педагогов, психологов и иных специалистов, как отмечают Т. Яна и М. Баран, помочь обучающимся и друг другу научить идентифицировать и преобразовывать более или менее скрытые действия и поступки окружающих, направленные на исключение обучающегося. Задачи сопровождения включают необходимость выявить и остановить агрессию [17], помочь гармонизировать социальную и персональную идентичность человека [18], в том числе, как отмечают М.-Ф. Винтерс и С. Тидерман, посредством поддержки отношений справедливости, принятия и уважения (ценности) различий [9; 20]. Инклюзивные беседы как часть инклюзивного коучинга помогают прояснить рутинные правила и инновации, которые вводятся в образовательный процесс, чтобы обеспечить не только адаптацию, но и все остальные аспекты успешной социализации обучающихся с ОВЗ и без ОВЗ, а инклюзивный коучинг и иные формы совместной деятельности обучающихся в образовательной ситуации и вне нее – осмыслить ведущие рутины и инновации как необходимые не только людям с ОВЗ, но и всем субъектам образовательного процесса, как это хорошо отмечается Е.А. Богомоловой и М.А. Спиженковой [4; 5].

Цель исследования – изучение проблем социально-психологической адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к образовательному процессу вуза в контексте инклюзивного сопровождения.

Методика проведения исследования

Метод исследования – теоретическое изучение социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ к образовательному процессу вуза как одного из компонентов их социализации. Работа посвящена попытке интегративного, обобщающего анализа проблем социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ к образовательному процессу в вузе в контексте современных представлений об адаптации как компоненте (ре)социализации и в контексте поиска направлений совершенствования психолого-педагогической поддержки образовательного процесса (инклюзивного сопровождения). Инклюзивное сопровождение, в том числе инклюзивный коучинг, – система мер и технологий психолого-педагогической поддержки развития студентов с ОВЗ как личностей, партнеров и будущих профессионалов.

Результаты исследований

По мнению исследователей, студенческий возраст представляет собой особый период в жизни человека, переходную фазу от созревания к зрелости. Она определяется как поздняя юность – ранняя взрослость (17–25 лет) [21]. В этой фазе изменяются самосознание и представления о себе, о мире, эмоционально-волевой строй жизни; возникает иерархия системы ценностных ориентаций, жизненных планов и смыслов жизни [22]; растет потребность в общении со сверстниками; происходят дифференциация познавательного процесса и формирование индивидуального когнитивного стиля, интереса к научному поиску, развитие познавательной и учебно-профессиональной самостоятельности, профессиональное становление как самоактуализация и самореализация [23].

Для студентов с ОВЗ эти процессы осложняются рядом моментов: проблемы самопонимания и миропонимания, замкнутость и неудовлетворенность собственной жизнью, тревожность и пессимизм, фрустрирующие состояния, жалость к себе и комплекс неполноценности, ожидание гиперопеки и выученная беспомощность, игнорирование ответственности и расцвет рентных установок, отчуждение и стремление к изоляции, недоброжелательность к окружающим и стремление обвинить кого-то в проблемах со здоровьем и с межличностными отношениями [24]. Здоровые люди также относятся к инвалидам чаще всего, как минимум, амбивалентно: жалость, непринятие и отчуждение ведут к стигматизации или к переоценке зависимости и неспособности и попыткам «дей-

ственного сочувствия». Все люди нуждаются в толерантности и принятии, в подтверждении и сопричастности, в одобрении и поощрении успехов в образовательной и иной деятельности. Однако студенты с ОВЗ испытывают эти нужды более настоятельно и часто: на типичные трудности адаптации к новой образовательной среде (школа – вуз) неизбежно налагаются трудности, связанные со здоровьем, ограничениями возможностей. Более или менее специфические для разных групп инвалидов трудности могут иногда минимизироваться и компенсироваться в процессе и результате получения высшего образования, если помимо дополнительных лет в образовательной среде, адекватного лечения, реабилитации и абилитации такие студенты имеют реальную поддержку, включаются в общественную и доступную трудовую деятельность.

Процесс вхождения в образовательную среду высшего учебного заведения для студентов с ОВЗ проходит в несколько этапов и сопряжен с рядом затруднений, ослабляющих адаптивные возможности обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Наиболее сильно влияют здесь тип самой инвалидности и психофизиологические особенности, вторичные нарушения и недостатки физического, психологического, иного здоровья, недостаточность технических средств для удовлетворения специфических потребностей и избыточность внешних барьеров, ограничивающих возможности к адаптации в вузе, невозможность полноценно участвовать в спортивной, трудовой, коммуникативной, учебной деятельности [25].

По мнению Г.М. Андреевой, адаптация невозможна без создания в социальной среде возможностей для реализации потребностей и стремлений человека как личности, партнера, ученика или профессионала, раскрывающих его индивидуальные особенности, сближающих цели и ценности деятельности человека и группы [26]; обеспечивающие принятие им традиций и норм группы и общества в целом, активное включение человека в ролевую структуру и оптимизацию взаимоотношений человека и социума. А.А. Налчаджан полагает признаком адаптации отсутствие внешних и внутренних конфликтов в процессе установления и развития взаимоотношений в группе, достижение значимых результатов деятельности, в том числе удовлетворение нужд человека, не препятствующее ролевым ожиданиям группы, свободу самоактуализации и самореализации [27]. Н.С. Трофимова называет также активность человека в группе, связанную с психологическим комфортом, самосознанием и самоосуществлением себя как субъекта ведущей творчески реализуемой и продуктивной деятельности [28].

В.Г. Крысько указывет также на обретение определенного социально-психологического статуса (прав и обязанностей, привилегий и запретов, принципов и моделей взаимодействия в группе) [29]. Г.Г. Буторин включает в показатели адаптированности возможность реализовывать многообразие функций и способность к обучению, адекватное понимание себя и мира, самообслуживание и взаимное обслуживание в семье и т.д. [30]. Согласно К.У. Чембеленге, адаптированный человек чувствует себя свободно и раскованно, включен в социальную среду и деятельность, чувствует изменения, происходящие в привычном социальном окружении, стремится улучшить свое состояние, выбирая более совершенные формы и способы взаимодействия с окружающими [31]. По А.А. Реану, адаптированный субъект имеет способность и стремление выходить из дезадаптированного состояния, преодолевать трудности и т.д. [32]. Таким образом, адаптация и адаптированность к образовательному процессу – сложное, многофакторное явление, имеющее свои собственные механизмы и закономерности.

Под образовательным процессом можно понимать совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, направленную на постановку и разрешение задач обучения, воспитания и развития человека как личности, партнера и ученика/профессионала в соответствии с государственными, социальными, семейными и иными образовательными стандартами и нормами в целом.

Образовательный процесс предполагает двусторонность взаимодействия педагога и обучающегося и направлен на всестороннее развитие последнего. Важны также единство содержательной и процессуальной (технолого-методической) сторон во взаимосвязи всех иных содержательных, структурных и процессуальных аспектов: цель – содержание образования и средства достижения образовательных задач – результаты образования [33]. В области инклюзивного образования главной задачей выступает социализация детей, подростков, юношей и девушек с ограниченными возможностями здоровья [34], инклюзия обеспечивает не только возможность обучаемому с ОВЗ избирать формы и способы участия в образовании, но и полное включение в образовательный процесс при сопровождении развития всех участников образовательного процесса, с использованием самопомощи и взаимной помощи школьников/студентов и педагогов [35].

Взаимное участие в жизни способствует развитию социального и человеческого «капиталов» людей, помогает продуктивно справляться

с трудностями на всех этапах обучения, в ситуациях вне школы и вуза [6–8]. Здоровые и нездоровые студенты, преподаватели научаются ценить свой телесный капитал, здоровье [4; 18; 36].

Поступление в вуз – новый этап жизни, побуждающий к новому осознанию себя и мира, принятию ответственности за свои поступки, самостоятельности и инициативы, лидерских качеств и качеств партнерства/дружбы, формирования и развития ценностного отношения к обучению, воспитанию, развитию, к будущей профессиональной деятельности. При этом первый год обучения является для студентов критичным и часто не простым.

Однако, как отмечалось выше, одной из важных, многоплановых проблем современного образования являются социально-психологическая адаптация и в целом социализация студентов с ОВЗ. Социализация как таковая включает ряд аспектов этапов [37; 38].

1. Адаптационный, ассимиляционный этап есть приспособление человека к окружающей реальности, вхождение в нее с целью изучения ее правил и норм, процессов, структур, присвоения компонентов культуры, с которой сталкивается человек в каждой новой среде своего существования/развития. Суть социально-психологической адаптации студента с ОВЗ – это постепенное снятие «барьеров» и запретов, которые накладывают на его бытие и развитие как социального, телесного, психологического и духовного существа «природа и культура» (тело и социум).

2. Этап индивидуации, индивидуализации подразумевает усвоение правил, норм, приспособление окружающей реальности к своим нуждам. Суть социально-психологической индивидуации студентов с ОВЗ – это создание норм и правил, моделей и способов взаимодействия с миром, запретов и предписаний отношений, исходя из собственных нужд, связанных и не связанных с ОВЗ.

3. Этап интеграции, объединения тенденций к адаптации и индивидуации в единый процесс, результат более или менее паритетного взаимодействия человека и мира, творческое переосмысление норм и правил, процессов и структур, усвоения субъектом культуры. Суть социально-психологической интеграции студентов с ОВЗ – это трансформация предписаний и запретов жизни, согласование ее внешних и внутренних норм и правил, творческое переосмысление своего опыта и опыта человечества.

Социализация также включает в себя ряд основных процессов или стадий.

1. Первичная социализация, охватывающая стадии адаптации, индивидуализации и интеграции, присвоения, творческого переосмысления/трансформации правил социальной реальности, в которой живет человек. Она охватывает период от рождения до окончания школы, жизненный опыт, опыт образования абитуриента с ОВЗ до вуза. Это может быть опыт сиротства и интернатов, самостоятельного, трудного ограниченного совладания с проблемами либо опыт гиперопеки, ограждения от трудностей, сверхтребований и рентного поведения, ждущего и требующего послаблений, преференций и т.д. К сожалению, как показывает опыт Н. Вуйчича и иных проповедников «неограниченности» возможностей человека-инвалида, многие люди с ОВЗ вырастают в более традиционной системе отношений, жестко фиксирующей деструктивные, ограничительные представления человека с аномалией телесного или психического функционирования, постулирующей неизбежность страданий и невозможность исцеления [36].

2. Вторичная, третичная и т.д. социализация сопровождают вхождение человека в новые социальные отношения/группы и т.д. Студенчество – возраст вторичной социализации, связанный с освоением профессиональных компетенций, предписаний и запретов и т.д. Это и возраст трансценденции – обращения к базовым человеческим ценностям и смыслам, их утверждения в своей жизни как «нравственных императивов» и т.д. Задача инклюзивного обучения, иных процедур психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ заключается в передаче им новых смыслов и помощи в обретении способов их реализации в жизни человека с особенностями жизнедеятельности/развития. Образование – одна из целительских практик уже потому, что оно нацелено на развитие, а не просто на коррекцию. Оно служит задачам «полноценного» функционирования человека как личности, партнера и профессионала. Высшее образование для человека с ОВЗ уже не может быть просто «приспособлением» и адаптацией, оно выводит его, как и здоровых студентов, к новым смыслам и контекстам жизни, к поиску и реализации своего предназначения.

3. Десоциализация, десакрализация как аномия и акультурье, трансгрессия – отказ от социальных правил в результате пребывания в десоциализирующей среде – это жизнь вне сообщества, в статусе животного, машины – не-человека, не-субъекта, ведущая к расчеловечиванию как результат усилий самого человека или окружающих. Десоциализация может возникнуть на любой стадии первичной или последующих социализаций и отличаться разной мерой глубины и широты «выпестованного» социального дефекта. Стигматизация и иные способы изоляции инва-

лидов, фиксация «невозможности» и «неизбежности» искусственными ограничениями задерживают их развитие, ведут к десоциализации, особенно пагубной для лиц с ОВЗ, провоцирующей их акцентуацию и социопатию.

4. Ресоциализация – восстановление статуса человека как субъекта культуры, повторное присвоение ранее отвергнутых предписаний и запретов, а также творчество и переосмысление социальных норм. Ресоциализация часто провоцирует трансгрессии, трансценденции, когда человек обретает нормы и ценности, предписания и запреты в их экзистенциальном измерении, осознавая себя полноправным субъектом культуры и носителем ее ценностей, смыслов, закодированных в этих ценностях, ведущих личность в бытийный диалог. По А. Швейцеру, идеи развития, исцеления, любви, заботы о мире, свободы и др. помогают человеку заново осмыслить себя и мир, свои возможности и ограничения, соотнести их с предписаниями и запретами культуры, включая запрет на отказ от самого себя в суицидальных, девиантных, делинквентных, социопатических, иных разрушительных формах поведения [4; 5].

Успешность инклюзивного образования определяется успешностью социально-психологической адаптации, вторичной социализации студентов с ОВЗ. Последняя значительно связана с особенностями самих студентов и их семей, а также со спецификой образовательной среды (организационной культуры вуза, направленности и качества работы службы психолого-педагогического сопровождения развития обучающихся с ОВЗ, студенческого контингента в целом; профессиональных, личностных и межличностных компетенций преподавателей, иных специалистов, взаимодействующих со студентами с ОВЗ и т.д.). По мнению исследователей, обучение инвалидов в вузе позволяет им не только приобрести профессию, но и обрести духовную и интеллектуальную самодостаточность, гармонизировать и приблизить к реальности их самооценку и притязания, понимание себя и мира, преодолеть состояние закрытости, эксклюзии от нормальной жизни [1; 20; 21]. В результате сложной работы психологов, педагогов выпускник приобретает способность сосредоточиться на жизни – возникает своеобразный «эффект Ст. Хокинга» [39; 40].

Важно отметить, что всех студентов с ОВЗ можно с долей условности разделить на две группы: студенты-сироты с детства и студенты, воспитывавшиеся близкими родственниками.

1. О.Г. Егоров называет две основные проблемы большинства студентов с ОВЗ, обучающихся, как правило, в специализированных школах или на дому: «щадящий режим» обучения ведет к появлению существенных пробелов в образовании и усложняет дальнейшее обучение в вузе [40]. Многие исследователи считают, что образовавшиеся пробелы и барьеры увеличиваются в ситуациях изоляции, травли (стигматизации и т.д.) и иных травм в сферах личностного становления (принятие и исполнение решений, совершение жизненно важных выборов) и межличностных отношений при социальной дезадаптации, дезинтеграции и деиндивидуализации, в сфере учебных и профессиональных отношений со сверстниками и преподавателями [41; 42]. Студенты-сироты к моменту поступления в вуз чаще оказываются гораздо более самостоятельными – они быстрее адаптируются к новым образовательным и бытовым условиям [6; 10; 22]. Для успешной адаптации студентов с ОВЗ с выраженным дефицитом общения на раннем этапе обучения необходимо создать адекватную социально-средовую ориентацию, проявляющуюся в обучении в смешанных группах, в которых учатся студенты с ОВЗ и соматически здоровые. В результате такого обучения студенты с ОВЗ имеют гораздо большую возможность для участия в полноценной студенческой жизни, вырабатывают навыки дискуссии со сверстниками и другими людьми, что является важным показателем оптимизации процесса социализации.

2. Студенты второй группы часто оказываются объектами гиперопеки и заложниками домашнего стиля отношений, стремясь переносить их в образовательную среду. Они обычно ждут «особого внимания» со стороны преподавателей и студентов, часто манипулируют своими «ограничениями» как обстоятельствами, обязывающими давать им преференции, «ренту» психологического и иных типов: «Пусть одногруппники соберут мне эмпирический материал», «Какие обязанности дома: ведь я инвалид!». Современная образовательная система России не в состоянии ответить на вопрос о возможностях и ограничениях конкретного обучающегося с ОВЗ – распространена модель априорного занижения этих способностей и преувеличения ограничений, что категорически противоречит целям инклюзии, а сама инклюзия раскрывается как неполная концепция и модель (ре)абилитации: помимо прав и «особых нужд» студента с ОВЗ она должна учитывать и «особые» и общие обязанности и возможности каждого обучающегося. Ведь известно, что качественное образование, разновидностью которого является и инклюзивное, необходимым образом исходит из индивидуальных возможностей и ограничений, целей и способностей сту-

дента (с ОВЗ или без ОВЗ). Успешность адаптации и социализации учащихся и обучающихся с ОВЗ в школе и вузе увеличивается, если они участвуют во внеучебных мероприятиях в образовательной организации и за её пределами: в различных конкурсах, соревнованиях, олимпиадах. В ходе этих мероприятий студент или школьник с ОВЗ расширяет свои личностные и профессиональные горизонты, развивает себя как партнера, и даже помощника.

Описанные выше проблемы напрямую связаны с динамикой соматического и психического здоровья, успешная коррекция которых во многом предопределяет и результативность социально-психологической адаптации, индивидуации и интеграции (социализации в целом) студентов с ОВЗ [2; 4; 17].

Преподаватель, психолог, другие специалисты, работающие со студентами-инвалидами, должны обладать личностным, межличностным и профессиональным потенциалом, позволяющим работать с нетипичными студентами; должны понимать основные особенности, нужды, ловушки и ограничения, возможности и уникальные способности разных студентов, в том числе студентов с ОВЗ. Они должны нести в себе потенциал «инклюзивного коучинга» [12; 38], то есть оптимистическую, «мажорную» гипотезу (А.С. Макаренко), обращающую внимание студента на его реальные возможности, способности, на зоны его ближайшего развития (Л.С. Выготский) и целевую жизненную (личностную, межличностную, учебную и профессиональную) перспективу, на ценности и культурные богатства, которые студент может освоить и к которым может приобщиться как личностно, социально и профессионально зрелый, ответственный со-творец [4; 43]. Как пишут Ла'У. Харрис, Х. Смит, важно ценить многообразие жизни: нужен переход от черно-белого инвалидистского представления о мире к преодолению предубеждений [38]. Как отмечает Н. Вуйчич, известный проповедник и исследователь, специалисты в сфере инклюзивного образования, сверстники-студенты, родители и иные члены семей, а также сам человек с ОВЗ должны осознавать и воплощать в себе любовь Бога: помогать себе и друг другу, сознавая безграничность возможностей человека [36]. Его «рефлексивные самоотчеты» в виде книг вдохновили и побудили многих, в том числе вполне нормотипичных, людей к тому, чтобы научиться жить без оправданий и страхов неполноценности, чтобы самостоятельно с любовью в душе и смело включаться в жизнь (а не ждать, что это сделает кто-то иной), чтобы справляться с травмами, в том числе травмами эксклюзии, так, чтобы быть способным помогать другим, в том числе «обычным» детям, подросткам и юношам, оказавшимся волей обстоятельств обделенными пониманием своей человечности, предназначения и сути человека. Это – путь к масштабной (ре)интеграции человека в социум, при которой он становится не только субъектом адаптации, но и субъектом жизни в целом: что бы ни случилось в жизни человека, у него есть будущее, есть куда идти. Этот глубоко гуманистический посыл, как отмечалось, – ведущий в отечественной школе педагогической психологии и психологии и развития человека и ведущее условие успеха инклюзии.

Таким образом, суть социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ – это постепенное преодоление ими «барьеров», снятие запретов и расширение предписаний, которые сформировались до обучения в вузе, включая главный запрет и предписание – «не быть субъектом своей жизни». Грамотный специалист в постоянном, направленном, целительном взаимодействии с обучающимся с ОВЗ помогает ему в успешной адаптации, действует в направлении развития и исцеления обучающегося в целом: доктрина развития, включая понятие «зоны ближайшего развития», результаты исследования преодоления дефектов А.Р. Лурии предполагают, что успешная программа психолого-педагогического сопровождения (и в частности инклюзивного коучинга) может и должна быть ориентирована прежде всего на цели развития [4; 12; 38]. При этих условиях (ре)адаптация и оптимизация общего состояния учащегося или обучающегося оказываются гораздо более результативными, чем в случае, когда специалисты, родители и сам обучающийся ориентированы исключительно на компенсацию и приспособление. Мы убеждены, что действительно успешная, результативная инклюзия категорически не исчерпывается лишь адаптацией. Она может и должна реализовываться в тесной связи с иными компонентами социализации: индивидуацией и интеграцией, позволяющими в итоге человеку осознать себя творцом и субъектом собственной жизни, вносящим позитивный вклад в жизни других людей и общества в целом, а не только получающим помощь, защиту и ресурсы от государства и окружающих.

Заключение

В современных российских вузах продолжается целенаправленная работа по внедрению системы инклюзивного образования для студентов с ОВЗ, предусматривающая обязатель-

ный учет их особых познавательных потребностей, создание условий для повышения качества образования для инвалидов, включая создание для них образовательных программ и оптимизацию уровня взаимодействия студентов с ОВЗ со сверстниками и педагогами. Главной целью инклюзивного образования является формирование и развитие субъектности обучающегося как личности, партнера и профессионала в ходе приобретения им избранной профессии. Субъектность – стадия развития, которая наступает лишь тогда, когда обучающийся сумел не только присвоить и освоить нормы и ценности культуры, но и ощутил себя причастным к ее сотворчеству, стал индивидуальностью. Ведь, как известно, успешность адаптации отражается в личностных особенностях человека – прежде всего в его отношениях с собой и другими, ожидании чего-либо от себя и других, в оценке себя и других и т.д. Она отражается и в ориентации на преодоление препятствий и интернальный локус контроля (ответственности) при согласовании решений, профилактике и разрешении конфликтов, в сотрудничестве и взаимопомощи при решении учебно-профессиональных и бытовых задач в противоположность их избеганию (эскапизму) и отчуждению. По этой причине в следующей, эмпирической части нашего исследования, мы полагаем важным исследовать проблемы, возникающие у студентов с ОВЗ в процессе адаптации к новой (образовательной) среде вуза в связи с их личностными особенностями.

Ведущей задачей инклюзивного сопровождения является задача формирования и укрепления оптимистического понимания сути человеческой жизни, особенностей, способностей и даже ограничений человека. Другой важной задачей инклюзивного коучинга и иных практик сопровождения является системность, нацеленность на формирование и развитие человека как целостности, в том числе на целостное понимание адаптации как важного, но не единственного аспекта социализации человека, становления человека как субъекта образования, субъекта собственной жизни и субъекта культуры. Третьей важной задачей инклюзивного сопровождения является помощь в формировании и развитии значимых для человека (как личности, партнера и профессионала) компетенций, помогающих ему испытывать состояния самоэффективности и социальной эффективности, аутентичности и конгруэнтности, подтвержденности и востребованности. Инклюзивное сопровождение – практика помощи человеку в осознании ценности различий и существования общечеловеческих состояний, переживаний, представлений о себе и мире. Это – практика помощи человеку в формировании и применении активных и продуктивных стратегий совладания с трудностями в разных сферах его жизни.

Список литературы

1. Catlin K., McGraw S. Better Allies: Everyday Actions to Create Inclusive, Engaging Workplaces. London: Better Allies Press, 2021. 282 p.

2. Franklin M. The HeART of Laser-Focused Coaching: A Revolutionary Approach to Masterful Coaching. London: Thomas Noble Books, 2019. 294 p.

3. Johnson St. K. Inclusify: The Power of Uniqueness and Belonging to Build Innovative Teams. New York: Harper Business, 2020. 288 p.

4. Арпентьева М.Р. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей. СПб.: Лань, 2021. 252 с.

5. Арпентьева М.Р., Богомолова Е.А. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей: монография в форме эссе // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2016. № 12. С. 1–256.

6. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Жизненные перспективы замещающих семей и их сопровождение в центрах социальной поддержки // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2014. № 6. С. 1–256.

7. Арпентьева М.Р., Степанова Г.А., Демчук А.В., Тащёва А.И., Булатова Г.А. Актуальные проблемы психосоциального сопровождения инвалидов в образовательной среде // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 195–202.

8. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A., Shpakovskaya Y.E., Tokar O.V., Bazhenova N.G., Arpentieva M.R., Kirichkova M.E. Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social // International Journal of Education and Information Technologies. 2019. Vol. 13. P. 65–72.

9. Thiederman S. The Diversity and Inclusion Handbook. London: WalkTheTalk.com, 2019. 70 p.

10. Арпентьева М.Р., Тащёва А.И., Гриднева С.В. Коммодификация образования: процессы и результаты // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 1. С. 2406–2420.

11. Арпентьева М.Р., Тащёва А.И., Гриднева С.В. Психолого-педагогические аспекты рекреации и забота о телесном капитале // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2019. Т. 4. № 1. С. 7–13.

12. Reynolds M. Coach the Person, Not the Problem: A Guide to Using Reflective Inquiry. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2020. 192 p.

13. Smith J.G., Lindsay J.B. Beyond Inclusion: Connecting Worklife, Energy and Sustainability in Organizations. New York: Palgrave Macmillan, 2021. 234 p.

14. Тащёва А.И., Гриднева С.В., Киценко Н.В. Социально-психологическая адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья к образовательному процессу в вузе // Психолого-педагогическое сопровождение развития детей с ОВЗ и их семей. Серия «Актуальные проблемы практической психологии». Торонто: Альтаспера пабл., 2019. С. 220–229.

15. Gridneva S.V., Bubnov Y.A., Dronova T.A., Shabanova O.V., Kazakova S.N., Gridyaeva L.N. Psychological And Pedagogical Support Of Parents In Developing Social Adaptation Resources In Inclusive Education Participant // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. Issue 2. P. 201–208.

16. Tashcheva A.I., Tikhomandritskaya O.A., Lvova E.N., Postavneva I.V., Postavnev V.M. Psychological support for foster families undertaken to bring up children with limited abilities // Man In India. 2016. Vol. 97. № 9. P. 163–169.

17. Jana T., Baran M. Subtle Acts of Exclusion: How to Understand, Identify, and Stop Microaggressions. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2020. 200 p.

18. Tashcheva A.I., Gaidar K.M., Berezhnaya I.F., Kalinina N.V., Sidyacheva N.V., Mikhaylova I.V. Social adaptation and a person's ego-identity // Modern Journal of Language Teaching Methods. Iran. 2018. Vol. 8. Issue 1. P. 188–194.

19. Тащёва А.И., Гриднева С.В. Психологическое сопровождение обучающихся с ОВЗ в ЮФУ // Актуальные практики образования по приоритетным направлениям государственной программы РФ «Развитие образования»: Материалы VII Всероссийской ярмарки социально-педагогических инноваций – 2020 (науч.-практ. конф.) / Под ред. Л.А. Турик. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2020. С. 25–26.

20. Winters M.-F. Inclusive Conversations: Fostering Equity, Empathy, and Belonging across Differences. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2020. 192 p.

21. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Л.: ЛГУ, 1974. 280 с.

22. Малютина Т.В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 129–133.

23. Лилиенталь И.Е. Психологическая поддержка личностно-профессионального развития студентов в период адаптации к образовательному пространству вуза // Проектирование образовательных траекторий студентов в вузе: Материалы I Междунар. науч.-метод. конф. Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2014. С. 201–202.

24. Минигалиева М.Р. Проблема ответственности психолога-консультанта // Мир психологии. 2001. № 2. С. 253–262.

25. Александрова Л.А., Лебедева А.А., Бобожей В.В. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования // Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 50–62.

26. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2017. 363 с.

27. Налчаджан А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. 198 с.

28. Трофимова Н.С. Развитие субъектности личности как фактор социально-психологической адаптации студентов колледжа к новым условиям обучения: Дис. … канд. психол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 202 с.

29. Крысько В.Г. Социальная психология. М.: Омега-Л, 2006. 352 с.

30. Буторин Г.Г. Психические состояния депривационного генезиса в структуре школьной дезадаптации: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. Томск: ТГУ, 2004. 43 с.

31. Бондаренко Е.Н. Социально-педагогическая диагностика как основа сопровождения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1. С. 1. URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/01/6248 (дата обращения: 21.03.2021).

32. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

33. Тащёва А.И. Энциклопедия психологической помощи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 544 с.

34. Тащёва А.И., Воронцов Д.В., Гриднева С.В. Консультативная психология: базовые методические проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 342 с.

35. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A., Shpakovskaya Y.E., Tokar O.V., Bazhenova N.G., Arpentieva M.R., Kirichkova M.E. Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information Technologies. 2019. Vol. 13. P. 41–48.

36. Vujicic N. Be the Hands and Feet: Living Out God's Love for All His Children. London: WaterBrook, 2018. 240 p.

37. Егоров П.Р. Теоретические подходы к инклюзивному образованию людей с особыми образовательными потребностями // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С.107–112.

38. Harris La'W., Smith H. Diversity Beyond Lip Service: A Coaching Guide for Challenging Bias. New York: Berrett-Koehler Publishers, 2019. 176 p.

39. Tashcheva A.I., Gaidar K.M., Berezhnaya I.F., Kalinina N.V., Sidyacheva N.V., Mikhaylova I.V. Social adaptation and a person's ego-identity // Modern Journal of Language Teaching Methods. Iran. 2018. Vol. 8. Issue 1. P. 188–194.

40. Егоров О.Г. Социальная адаптация студентов-инвалидов [Электронный ресурс] // Образовательные технологии. 2012. № 2. С. 113–117. URL: http://www.iedtech.ru/files/journal/2012/2/social-integration-disabled-students.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

41. Голубева Н.М., Голованова А.А. Факторы адаптации студентов к образовательной среде вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. № 2(10). Т. 3. С. 125–130.

42. Tikhomandritskaya O.A., Tashcheva A.I., Folomeeva T.V., Pishchik V.I., Gamajunova A.N. Psychological and social aspects of guiding the contemporary youth policy // Psychological and social aspects of guiding the contemporary youth policy, Astra Salvensis. 2018. № 9. P. 43–49.

43. Выготский Л.С. Мышление и речь: Психика, сознание, бессознательное. М.: Лабиринт, 2001. 367 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND PROBLEMS OF INCLUSIVE SUPPORT OF STUDENTS WITH DISABILITIES AT THE UNIVERSITY

***A.I. Tashcheva*[1], *S.V. Gridneva*[1], *M.R. Arpentieva*[2]**

[1]South Federal University, Rostov-on-Don
[2]Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance «Assistance», Kaluga,

The relevance of studying the problems of social and psychological adaptation of students with disabilities at the university is associated with the fact that the number of people with special needs in organizing life in general and in the educational and labor process is increasing, in particular, Each student goes through a difficult process of psychological adaptation at the university, But for students with disabilities, it is especially important and difficult: teaching people with disabilities at a university allows them not only to acquire a profession, but also to gain spiritual and psychological self-sufficiency, harmonize self-understanding and aspirations, overcome alienation and "closeness" in relation to life, and focus on it. The presence of specialists productively working at the university, psychological and pedagogical support services for students with disabilities significantly improves this situation, but inevitably raises questions about directions, forms, methods, etc. accompaniment. The main areas of support, including in the form of inclusive coaching, are the difficulties of self-actualization of students with disabilities, the disclosure and development of their own potential, the realization of their mission, the difficulty of building harmonious and developing interpersonal relationships with peers and teachers. The aim of the research is to study the problems of social and psychological adaptation of students with disabilities to the educational process in the context of inclusive support. The research method is a theoretical study of social and psychological adaptation to the educational process among students with disabilities. The success of inclusive education is determined by the success of the social and psychological adaptation of students with disabilities. It is largely associated with the characteristics of students and their families, as well as with the specifics of the educational environment (organizational culture of the university, focus and quality of work of the service of psychological and pedagogical support for the development of students with disabilities, student contingent and professional, personal and interpersonal competencies of teachers and other specialists, with whom students with disabilities interact, etc.).

Keywords: adaptation; inclusion; support; inclusive coaching; student; development; zone of proximal development.

УДК 37.015.323
DOI 10.52452/18115942_2021_4_146

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2021 г.

И.Н. Грушецкая

Грушецкая Ирина Николаевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры психолого-педагогического образования Костромского государственного университета
i-grushetskaya@ksu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2021
Статья принята к публикации 18.10.2021

Несмотря на обширную практику работы с одаренными детьми и эффективную деятельность ряда организаций, функционирующих на федеральном и региональном уровнях, существуют трудности не только в выявлении и поддержке одаренных воспитанников, но и вопросах их успешной социализации. В связи с этим в образовательных организациях различного типа, в том числе в системе дополнительного образования, важно обеспечить такую социально-педагогическую деятельность, которая могла бы способствовать успешному личностному и социальному развитию всех детей, в том числе детей, отличающихся от сверстников своими выдающимися способностями и талантами в том или ином виде деятельности. Цель данного исследования – выявление и анализ особенностей социально-педагогической работы с одаренными детьми в образовательных организациях дополнительного образованиях Костромы и Курска. В рамках исследования, выполненного в 2019–2020 годах, были опрошены педагоги организаций дополнительного образования г. Курска и г. Костромы (n = 129), что позволило сравнить опыт двух регионов и выявить успешные практики социально-педагогической работы с одаренными детьми в образовательных организациях дополнительного образования.

Ключевые слова: одаренность, одаренные дети, образовательная организация дополнительного образования, социально-педагогическая работа, региональный опыт.

Введение

Приоритетным направлением современной государственной политики является поддержка талантливых и одаренных детей как людей творческих, способных находить новые решения в производственной и социальной сферах [1], умеющих ставить и эффективно решать задачи своего будущего и будущего страны [2]. В своем большинстве выявление и поддержка одаренных детей осуществляются в образовательных организациях различного типа (общего, дополнительного, профессионального образования), но, на наш взгляд, в большей мере – в организациях дополнительного образования.

Система дополнительного образования обладает уникальным мотивационным потенциалом, обеспечивающим познавательный интерес и высокую степень заинтересованности обучающихся, позволяет одаренному ребенку научиться презентовать себя, свое мнение и свои наработки в среде сверстников и опытных педагогов.

В системе дополнительного образования детей, как правило, создаются условия, способствующие эффективности процессов воспитания и развития одаренности, условия для личностного и социального развития одаренных детей [3].

Но несмотря на обширную практику работы с одаренными детьми и эффективную деятельность ряда организаций, функционирующих на федеральном и региональном уровнях, на сегодняшний день существуют трудности не только в выявлении и поддержке одаренных детей, но и вопросах их успешной социализации. Кроме того, к основным трудностям деятельности системы дополнительного образования относятся высокая конкуренция государственных и коммерческих организаций, недостаточная квалификация педагогов, работающих с одаренными детьми, недостаточная мотивация педагогов, последствия пандемии в деятельности учреждений и т.д. Осознавая наличие перечисленных трудностей, педагоги-практики зачастую обладают недостаточными знаниями для того, чтобы распознать детскую одаренность, обучать и воспитывать одаренных детей, прогнозировать дальнейшее личностное и социальное развитие воспитанника, что позволит избежать проблем социализации [4].

Длительное изучение вопросов социального развития одаренных детей дало нам возможность увидеть, что источником проблемного поля для данной категории нередко становятся отсутствие решения или несвоевременное ре-

шение одаренными детьми задач социализации. Эти задачи преимущественно затрагивают сферу саморазвития, самореализации личности одаренного ребенка, сферу социальных взаимоотношений и т.д. Несвоевременность решения задач социализации становится причиной появления признаков виктимизации, пагубно влияющих на жизнь одаренного ребенка и оказывающих воздействие на выбор жизненного сценария взрослеющего одаренного человека [5].

Задачи исследования:

1) изучение особенностей социально-педагогической работы в г. Костроме и г. Курске;

2) сравнительный анализ особенностей социально-педагогической работы с одаренными детьми в указанных регионах;

3) разработка рекомендаций по учету выявленных особенностей работы с одаренными детьми в организациях дополнительного образования.

Методология

Решением вопросов одаренности занимаются многие российские ученые, среди которых Ю.Д. Бабаева, Д.Б. Богоявленская, А.И. Савенков, В.Д. Шадриков, Н.Б. Шумакова, Е.И. Щебланова и другие.

По мнению А.И. Савенкова, развитие детской одаренности в условиях среды и целенаправленного педагогического воздействия объемно и требует отдельного, специального рассмотрения [6].

Определяя понятие «одаренный ребенок», В.С. Юркевич говорит о том, что это ребенок, который имеет высокий уровень развития тех или иных способностей и отличается при этом выраженной внутренней мотивацией саморазвития, развитой познавательной потребностью [7].

Те или иные аспекты работы с одаренными детьми рассматриваются в ряде федеральных документов (Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов (Указ Президента РФ № р-827 от 3 апреля 2012), Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2015 г. № 1239 «Об утверждении Правил выявления детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождения и мониторинга их дальнейшего развития» и др.).

В процессе пребывания одаренных детей и подростков в организациях дополнительного образования для них должны быть созданы оптимальные условия для личностного и социального развития. Согласно Концепции развития дополнительного образования, утвержденной Правительством РФ от 04.09.2014 № 1226-р, дополнительное образование должно рассматриваться как ресурс мотивации личности к творчеству, искусству и спорту, способствовать успешности каждого ребенка [8].

Наше исследование было построено на опросе педагогов организаций дополнительного образования Костромы (n=65) и Курска (n=64) и направлено на выявление эффективной социально-педагогической работы с рассматриваемой нестандартной категорией детей [5].

Результаты и их обсуждение

Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетирования педагогов организаций дополнительного образования города Костромы (ГБУ ДО Костромской области «Дворец творчества»; МБУ ДО города Костромы «Дом детского творчества «Жемчужина») (n=65) и города Курска (МБУ ДО «Дворец пионеров и школьников города Курска») (n=64).

По результатам проведенного анкетирования выявлено, что опыт работы педагогов дополнительного образования г. Костромы и г. Курска в обеспечении социально-педагогической работы с одаренными детьми является во многом схожим. Педагогическая деятельность опрошенных специалистов сосредоточена на развитии способностей одаренных детей и обеспечении работы с ними на разных возрастных этапах. Педагоги многопрофильных учреждений дополнительного образования в большей степени работают с детьми, имеющими творческую, интеллектуальную, художественную и социальную одаренность.

По мнению опрошенных педагогов, одаренных детей отличают широкая эрудиция (68% – Кострома, 66% – Курск), высокая успеваемость (38% – Кострома, 59% – Курск), быстрота выполнения учебных заданий (63% – Кострома, 67% – Курск), стремление к лидерству (54% – Кострома, 32% – Курск).

В качестве отличительных особенностей одаренных детей педагоги Курска отмечают высокую успеваемость. По мнению костромских педагогов, одаренные дети больше склонны к конфликтности и самонадеянности (12% и 8% – соответственно). Неадекватную самооценку также в большей степени отмечают костромские педагоги (17% и 12.5% – соответственно). 14% костромских педагогов и 8% курских педагогов в качестве отличительных особенностей одаренных детей видят их непринятие в среде сверстников (рис. 1).

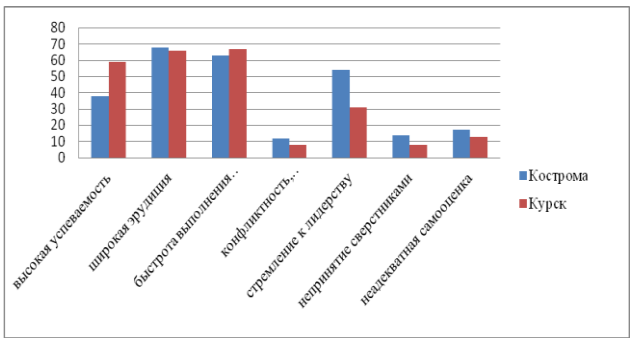

Рис. 1. Качества, отличающие одаренных детей

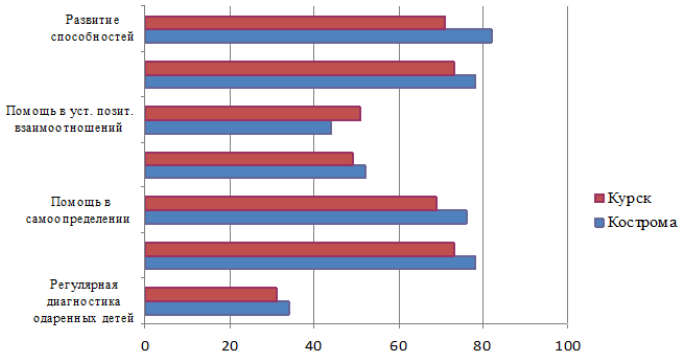

Рис. 2. Приоритетные направления в работе с одаренными детьми

Большинство педагогов Костромы и Курска (89% и 84% соответственно), считают, что в их организациях дополнительного образования решаются задачи социально-педагогической работы с одаренными детьми. В реализации социально-педагогической работы опрашиваемые педагоги называли такие аспекты, как выявление, диагностика и сопровождение одаренных детей. Целью реализуемых ими программ являются адаптация детей в социуме, продвижение таланта одаренных детей, а также развитие одаренных обучающихся. На наш исследовательский взгляд, достаточно справедливо по отношению к детям обеспечивать реализацию подобных программ, осознавая необходимость внимания к вопросам адаптации одаренных детей в социуме, среде сверстников и взрослых людей.

Также педагоги двух регионов давали достаточно схожие ответы о выборе приоритетных направлений работы с одаренными детьми. Для костромских педагогов более значимыми оказались развитие способностей (82%), продвижение таланта одаренного ребенка (78%), создание условий для саморазвития (78%), помощь в самоопределении (76%). Среди наиболее популярных ответов педагогов г. Курска – помощь в саморазвитии и продвижение таланта (73% ответов от числа опрошенных в каждом направлении); для 71% опрошенных педагогов значимым является развитие способностей; 69% отдают приоритет помощи в самоопределении одаренного ребенка. Но регулярную диагностику одаренных отмечает только треть из числа опрошенных (31% педагогов г. Курска и 34% педагогов г. Костромы), помощь в саморазвитии и установлении позитивных отношений – от 44% до 52% соответственно (рис. 2).

Эффективность работы педагогов Курска и Костромы обеспечивается благодаря традиционным и инновационным формам работы с одаренными детьми. Среди традиционных форм в организациях дополнительного образования педагоги выделяют факультативы, творческие объединения, секции, игровую деятельность, соревнования, олимпиады, конкурсы. Становятся все более популярными индивидуальные и групповые консультирования, в том числе онлайн-консультации педагогов с помощью сети Интернет, через различного рода мессенджеры и чаты; посредством индивидуальной и групповой работы педагоги способствуют обеспечению личностного роста детей, их профессиональному самоопределению.

Главным субъектом, обеспечивающим социально-педагогическую работу с одаренными детьми, остается педагог дополнительного образования (100% ответов со стороны курских и костромских педагогов). Значимость личности педагога-психолога в работе с одаренными детьми определяют более 80% курских и костромских педагогов, участие социального педа-

гога в работе с одаренными отмечают 62% костромских и 52% курских педагогов. Роль вожатого и воспитателя в работе с одаренными детьми выделяют 25% курских педагогов и 27% костромских педагогов, участие заместителя директора (завуча) видится значимым для 24% от числа опрошенных педагогов Курска и Костромы, также около 15% из числа всех опрошенных педагогов видят значимую роль родителей в работе с одаренными детьми.

Эффективностью в своей социально-педагогической деятельности костромские педагоги считают участие и победы одаренных в конкурсах и олимпиадах (95%), образовательные результаты (60%), умение детей общаться друг с другом (58%). Меньшую степень значимости для курских респондентов имеют такие результаты работы, как умение выходить из конфликтных ситуаций (53%), наличие друзей, умение одаренных детей работать в парах (36%). Курские педагоги определяют эффективность социально-педагогической работы с одаренными в схожих показателях, таких как участие и победы одаренных в конкурсах и на олимпиадах (87.5%), образовательные результаты детей (63%), умение детей общаться друг с другом (67%). В меньшей степени педагоги отмечают умение решать конфликты (51%), работу в парах (42%), наличие друзей у одаренных детей (30%).

В рамках социального развития одаренных педагогами отмечается наличие ряда трудностей: их видят около 60% курских и костромских педагогов. Среди основных трудностей социального развития педагоги отмечают нестабильную самооценку, трудности мотивации одаренных, завышенные требования к себе, излишнюю эмоциональность, спонтанность принимаемых решений, непринятие со стороны сверстников и педагогов, трудности коммуникации со сверстниками и взрослыми. В целом в той или иной степени педагоги г. Курска и Костромы готовы к оказанию помощи в преодолении трудностей социального развития одаренных. Основными формами оказания помощи педагоги называют подбор форм и методов работы с учетом индивидуальных и возрастных особенностей развития, индивидуальное сопровождение ребенка, помощь в адаптации в коллективе сверстников, работу с родителями одаренных детей, менторство.

Практическое изучение опыта работы педагогов с одаренными детьми позволило проанализировать особенности педагогической деятельности с такой нестандартной категорией детей на территории двух субъектов РФ и выявить, что:

– педагоги Костромы и Курска организуют работу в целях успешной социализации детей и имеют интересный опыт собственной социально-педагогической деятельности;

– взгляды на особенности социализации одаренных детей, формы и методы работы с ними, трудности их социального развития у педагогов двух регионов являются достаточно схожими.

Выводы

В рамках изучения эффективности социально-педагогической работы с одаренными детьми мы пришли к выводу, что для большинства опрошенных педагогов важны персональные достижения одаренных детей, их участие в деятельности учреждения дополнительного образования, и в то же время педагоги уделяют недостаточное внимание трудностям, с которыми сталкиваются их воспитанники (неумение работать в команде, проявление конфликтности во взаимоотношениях со сверстниками, нестабильность самооценки и др.).

Таким образом, в рамках нашего исследования, посвященного изучению практического опыта работы педагогов с одаренными детьми, проанализированы особенности профессиональной социально-педагогической деятельности на территории двух городов РФ – Костромы и Курска, выявлено, что педагоги организуют социально-педагогическую работу с одаренными детьми и имеют уникальный собственный опыт социально-педагогической деятельности, достаточно близкие взгляды на особенности развития одаренных детей, формы работы с ними.

При этом необходимо поддержание психологически комфортной среды в системе дополнительного образования, а также наличие высокого уровня психолого-педагогической компетентности педагога, что способствует не только раскрытию способностей одаренных детей, но и их успешному социальному развитию.

Полученные данные позволили зафиксировать общие тенденции и проблемы в организации социально-педагогической работы с одаренными детьми в условиях дополнительного образования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00656.

Список литературы

1. Hennessey Beth A. Developing Creativity in Gifted Children: The Central Importance of Motivation and Classroom Climate. 2004. P. 145–158.

2. Petrovici C., Masari G.-A. Aligning the Academic Teacher Training Curriculum for Preschool and Primary School Education to the Requirements of the RNCIS //

Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. 14 August. Vol. 87. P. 731–737.

3. Попова Л.В. Одаренное образование: Европейская государственная политика стран // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 56–62.

4. Грушецкая И.Н. Специфика социально-педагогической деятельности с одаренными школьниками в организации дополнительного образования // Социальное воспитание как целевая функция дополнительного образования детей: Сб. научных статей Междунар. научно-практ. конф., Курск, 24–25 января 2019 г. / Под общ. ред. Т.А. Антопольской. Курск: Университетская книга, 2019. С. 299–304.

5. Захарова Ж.А., Грушецкая И.Н., Щербинина О.С. Особенности социально-педагогической работы с одаренными школьниками в условиях современных образовательных организаций // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 1. С. 27–42.

6. Савенков А.И. Психология детской одаренности. М.: ЮРАЙТ, 2019. 334 с.

7. Юркевич В.С. Одаренные дети: современные тенденции и вызовы завтрашнего дня // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 4. С. 99–108.

8. Грушецкая И.Н., Щербинина О.С., Лепешев Д.В. Особенности социально-педагогической работы с одаренными детьми в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 1. С. 29–35.

COMPARATIVE FEATURES OF SOCIAL AND PEDAGOGICAL WORK WITH GIFTED CHILDREN IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

I.N. Grushetskaya

Kostroma State University

In the practice of working with gifted children and the effective work of a number of organizations operating at the federal and regional levels, there are a number of difficulties not only in identifying and supporting gifted children, but also in matters of their successful socialization. In educational organizations of various types, it is important to provide such social and pedagogical activities that could contribute to the successful personal and social development of all children, as well as children who differ from their peers by their outstanding abilities and talents in a particular type of activity.

The purpose of the study: to identify and analyze the features of social and pedagogical work with gifted children in educational organizations and educational institutions of Kostroma and Kursk.

In the study conducted in 2019–2020, teachers of additional education organizations in Kursk and Kostroma (n = 129) were interviewed, which allowed us to compare the experience of the two regions and identify successful practices of social and pedagogical work with gifted children in educational organizations of additional education.

Keywords: giftedness, gifted children, educational organization organization of additional education, social and pedagogical work, regional experience.

УДК 37.015.323
DOI 10.52452/18115942_2021_4_151

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ ПЕРЕВОДА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© 2021 г.

Е.Н. Пушкина

Пушкина Елена Николаевна, к.филол.н.; доц.; доцент кафедры
английского языка для естественнонаучных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
enpushkina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2021
Статья принята к публикации 30.10.2021

Перевод является одним из основных видов речевой деятельности в обучении иностранному языку студентов нелингвистических специальностей, при этом ему не обучают специально ни в школе, ни в вузе. В работе над профессионально-ориентированным текстом студент опирается на знания, которые он получил в школе, изучая родной и иностранный языки, однако их недостаточно. Возникает потребность в учебно-методических пособиях, целью которых является обучение студентов нормам перевода в объёме, необходимом для работы с литературой по избранной специальности. Обзор имеющейся учебной литературы показывает, что существующие пособия по переводу отличаются друг от друга преимущественным рассмотрением вопросов теоретического или практического плана, подходом к переводу как к вспомогательному средству обучения языку или самостоятельной дисциплине, с учётом или безотносительно профессиональной направленности и этапа обучения иностранному языку. Предлагаемый вариант учебно-методического пособия по переводу основан на следующих положениях: перевод является неотъемлемой и специфической частью обучения иностранному языку; обязательным условием создания пособия по переводу является учёт профессиональной направленности, этапа обучения, объёма дисциплины, уровня языковой подготовки и лингвистических знаний обучаемого. Опыт показывает, что целенаправленная работа над переводом связана с чтением, грамматикой, пополнением словарного состава и способствует эффективности процесса обучения иностранному языку.

Ключевые слова: учебные пособия, обучение переводу, языковые трудности, трансформации и приёмы перевода.

Постановка проблемы

Словосочетание *перевод в обучении иностранному языку* в зависимости от ситуации общения воспринимается по-разному. Самое привычное толкование знакомо нам со школьных лет и связано с выполнением заданий на перевод слова, предложения или текста с иностранного языка на русский или наоборот. В лингвистическом вузе возможно изучение перевода как самостоятельной языковой дисциплины. В неязыковом вузе это и не просто выполнение упражнений на перевод, и не углублённое изучение отдельного предмета в его теоретическом и практическом аспектах.

Для студентов нелингвистических специальностей перевод является одним из основных видов речевой деятельности, однако он не входит в круг предметов, изучаемых в школе или в вузе, по крайней мере по программе иностранного языка в рамках обязательного образования; дополнительное образование, где обучение переводу возможно, получают не все. Очевидно, считается, что для осуществления перевода в вузе студенту достаточно полученных в школе знаний. Однако это не соответствует действительности. Потребность в знаниях о переводе ощущается постоянно, поскольку работа над профессионально-направленным англоязычным текстом предъявляет к студенту достаточно высокие требования, без учёта того, что его в школе в своё время чему-то не научили, и того, в каком вузе он обучается сейчас: лингвистическом или неязыковом. Эти требования одинаковы и для студента-лингвиста, и для студента любой неязыковой специальности.

Для решения возникающих в связи с этим вопросов необходимо создание специальных пособий, которые могли бы восполнить имеющийся пробел в знаниях и оказать студентам помощь при работе над англоязычной литературой по специальности. Использование уже созданных, готовых пособий проблематично. Имеющиеся пособия по переводу, как правило, ориентированы на студентов старших курсов лингвистического, гуманитарного или какого-либо иного профиля подготовки и не могут без переработки эффективно использоваться в процессе обучения студентов младших курсов неязыковых специальностей.

К тому же важен учёт конкретных условий обучения, таких как направление подготовки, объём курса иностранного языка, реальный уровень владения языком и запас лингвистических знаний студентов.

Одним из возможных вариантов решения вопроса представляется созданное нами учебно-методическое пособие по переводу англоязычных текстов математической направленности, предназначенное для студентов начального этапа обучения Института информационных технологий, математики и механики Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского [1].

Целью работы над данным пособием является обучение переводу как процессу, связанному с преодолением специфических языковых трудностей и использованием надлежащих переводческих трансформаций. Основополагающие сведения теоретического характера приводятся в объёме, необходимом и достаточном для студентов неязыковых специальностей, с акцентом на тренировку в использовании полученных знаний при переводе текстов профессиональной направленности. В основу рабочей концепции пособия положено признание того, что при обучении переводу специалистов в разных областях знаний могут использоваться одни и те же виды трансформаций, но лексическое наполнение пособия в каждом конкретном случае должно соответствовать избранному профилю подготовки.

Разработка пособия потребовала изучения вопроса о том, как рассматривается или используется перевод в имеющейся учебной литературе и насколько полезным может быть тот или иной подход для решения поставленных задач обучения.

Перевод в учебной литературе

Обзор имеющейся учебной литературы позволяет сделать вывод, что все работы, связанные с переводом, могут быть условно поделены на три группы: те, в которых он используется в практических целях обучения языку, те, в которых рассматривается общая теория и практика перевода, и те, которые ограничены рамками той или иной профессиональной сферы.

В первую группу входят учебники английского языка для математиков, в частности, таких известных авторов, как М.М. Глушко [2], С.А. Шаншиева [3], В.П. Дорожкина [4]. Перевод в них не выделяется в самостоятельный вид работы над языком, но активно используется в традиционной форме переводных упражнений как вспомогательное средство обучения. Такая регулярность в его использовании сама по себе свидетельствует о признании важной роли перевода в обучении иностранному языку и о его тесной связи с работой над чтением, грамматикой и словарным составом. Во всяком случае при изъятии упражнений по переводу с русского языка на английский и наоборот эти учебники имели бы совсем другой вид.

Труды теоретиков, авторов учебников по теории и практике перевода, таких как В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман и др., безусловно, важны для раскрытия потенциала перевода в практике обучения языку. Кроме того, они способствуют уточнению роли перевода в процессе понимания, который присутствует во всех видах речевой деятельности и вызывает обоснованный интерес [5].

В имеющихся пособиях практического плана вопрос о переводе рассматривается под разными углами зрения: безотносительно к конкретной специальности, как в известных работах А.Л. Пумпянского [6] и М.А. Аполловой [7], или применительно к одной сфере профессиональной деятельности, как в работе И.Н. Никитиной и др. [8]; в широком спектре лексических и грамматических трудностей, как в работах А.В. Клименко [9], И.А. Носенко и Е.В. Горбуновой [10], Н.К. Яшиной [11], или в рамках одного, но очень важного для английского языка вопроса, как в работе И.В. Резник и др. [12], посвящённой переводу служебных слов.

Ещё одним отличительным признаком является внимание к переводческим трансформациям, которые либо не затрагиваются вообще, либо рассматриваются в той или иной степени полноты освещения вопроса.

Выбор переводческих трансформаций целиком определяется лингвистическими предпочтениями автора пособия. Когда акцент делается на практику перевода, теоретические сведения, как правило, даются выборочно и в сжатой форме. Так, в упомянутой выше работе И.В. Резник и др. в небольшом разделе «Контекстные трансформации» [12, с. 67–69] приводятся примеры лексических, грамматических и комплексных лексико-грамматических трансформаций, однако какие-либо развёрнутые комментарии к ним и упражнения, как тренировка в их использовании, отсутствуют.

В объёмном и обстоятельном практическом пособии по переводу А.В. Клименко из всех приёмов и способов перевода затрагиваются лишь транскрибирование и транслитерация в передаче звучания и написания собственных имён [9, с. 36].

Не касается вопроса о переводческих трансформациях Е.И. Белякова в интересной и полезной работе [13], в которой перевод играет

ведущую роль в изложении грамматического материала и одной из целей которой является обучение чтению и переводу научной литературы по специальности.

Пособия, в которых переводческие преобразования рассматриваются в полной мере, адресуются студентам лингвистических специальностей и предназначены для старшего этапа обучения, к примеру, работа И.Н. Никитиной и др. [8], в которой наблюдается оптимальное соотношение вопросов теории и практики перевода применительно к одному из направлений профессиональной подготовки.

Что касается конкретных способов решения вопросов о языковых трудностях перевода и переводческих трансформациях, то в первом случае обращает на себя внимание структурный анализ предложения, во втором – классификация переводческих трансформаций.

Структурный, лексико-синтаксический, или лексико-грамматический, анализ предложения успешно применяется в работах А.В. Клименко [9], Т.Е. Алексеевой [14], Е.И. Беляковой [13], Н.К. Яшиной [11] как один из самых надёжных способов преодоления языковых трудностей и выявления формальной и смысловой структуры предложения. Разработку вопроса о связи перевода со структурным анализом предложения и пониманием текста можно считать очередным шагом вперёд в изучении роли перевода в практике обучения языку [15].

Центральное место в переводе занимают переводческие трансформации и их классификация. В пособиях практического плана переводческие трансформации, как правило, задаются списком, состав которого разнится от работы к работе. Они не группируются по какому-либо языковому или логическому признаку, что не даёт возможности представить их как элементы единой и понятной системы или классификации [11, с. 82–84]. Однако в ряде работ трансформации представлены в виде классификации, где они сгруппированы в основном по принципам, разработанным Л.С. Бархударовым [16, с. 59–63], или на базе классификаций, предложенных В.Н. Комиссаровым и Я.И. Рецкером [8, с. 20–23, 42].

Наблюдаемое разнообразие в подходах к переводу объясняется тем, что перевод – наука относительно молодая, а также тем, что проблемы перевода возникают, или как бы вырастают, из проблем обучения практике языка. Их взаимосвязь находит отражение в имеющейся научной и учебной литературе, обзор которой позволяет сделать вывод, что основными составляющими вопроса о переводе являются языковые трудности и переводческие трансформации. Это подтверждает и анализ типичных ошибок перевода, свидетельствующий о недостаточном знании специфики изучаемого языка и основ перевода [17]. Именно эти моменты положены в основу создания предлагаемого варианта профессионально-направленного пособия по переводу [1].

Структура и содержание предлагаемого пособия по переводу

Задачи обучения переводу – снятие языковых трудностей и обучение основным трансформациям и приёмам перевода – во многом определяют структуру созданного пособия, состоящего из шести разделов и приложения. Четыре из них относятся к решению первой из вышеупомянутых задач, т.е. к языковой части проблемы перевода. Это разделы «Структура и анализ английского предложения» и три раздела, в которых языковой материал рассматривается на трёх уровнях: слова, грамматической конструкции и предложения соответственно: «Перевод служебных слов и оборотов», «Перевод глагольных форм и конструкций» и «Перевод разных типов предложений».

Раздел «Перевод служебных слов и оборотов» посвящён в основном снятию многозначности и переводу служебных слов: местоимений, союзов и предлогов, вызывающих наибольшие затруднения в практике перевода (местоимения *it, that,* союзы *whether, since,* обороты *rather than, in terms of, given* и др.).

В разделе «Перевод глагольных форм и конструкций» рассматриваются особенности перевода неличных форм глагола, страдательного залога, многозначных и модальных глаголов, видовременных форм, оборота *there + to be.*

Содержанием раздела «Перевод разных типов предложений» являются простые и сложные предложения, условные предложения, предложения с формами сослагательного наклонения, бессоюзные и неполные придаточные предложения, инвертированный порядок слов.

Задачам собственно переводческого плана, т.е. обучению основам перевода, посвящён раздел «Основные трансформации и приёмы перевода». Раздел «Задания для самоконтроля» предназначен для проверки навыков и умений, сформированных при решении обеих задач. Приложение к пособию содержит материал, способствующий успешному выполнению заданий.

Особое значение в теоретическом и практическом отношении имеют разделы «Структура и анализ английского предложения» и «Основные трансформации и приёмы перевода». С них начинается обучение переводу, и почерпнутые из них знания используются студентами при выполнении всех последующих заданий.

Раздел «Структура и анализ английского предложения» включает такие данные основополагающего характера, как порядок слов английского предложения, процедура и этапы структурного анализа предложения, а также рекомендации, с которыми следует ознакомиться до начала работы по анализу предложения. Приводятся примеры структурного анализа и выявления членов предложения, предлагаются задания на анализ разных типов предложения.

Использование структурного анализа предложения созвучно высказываниям о его необходимости и важности, приводимым в работе А.В. Клименко [9], хотя в процедуре анализа и подходах к его реализации имеются различия. В изложении теоретической части раздела учтены данные рассмотрения процедуры анализа, приведённые в специально посвящённой этому вопросу работе [15].

Раздел «Основные трансформации и приёмы перевода» играет ключевую роль в обучении основам перевода. Именно в нём содержатся минимально необходимые знания, которые требуются для адекватного перевода любого текста. В центре внимания здесь оказываются переводческие трансформации, основанные на теоретических положениях, изложенных в работах Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера и других отечественных лингвистов. Первоочередными задачами в обучении основам перевода являются ознакомление студентов с наиболее важными переводческими трансформациями и надлежащая тренировка в их использовании. При этом в цели обучения не входит овладение всей полнотой информации о лингвистических основах и особенностях переводческих трансформаций. Студентам неязыковых специальностей важно понять, что можно (и нужно) сделать с английским предложением, чтобы оно звучало приемлемо в переводе для восприятия носителем русского языка. Они должны убедиться в том, что в переводческих преобразованиях мы имеем дело и со словом, и с единицами более объёмного характера, а также в том, что заменить, к примеру, можно не только слово, но и член предложения, часть речи, грамматическую конструкцию или синтаксическую структуру.

Важен и учёт формы подачи материала: простое перечисление трансформаций или организация их в рамках классификации. Второй способ имеет преимущество в лингвистическом, когнитивном и психологическом отношении. Известно, что учебный материал легче воспринимается и запоминается, когда он основан на логических понятиях и опирается на учёт сходств и различий, играющих важную роль в процессе познания вообще и научного познания в частности. Различия в классификации переводческих трансформаций проявляются на уровне деления их на основные группы: сходства характерны для отношений в пределах выявленных групп.

В данном пособии используется вариант классификации, в основном совпадающий с классификацией, предложенной в работе И.Н. Никитиной и др. [8, с. 20–23, 42]. Трансформации (*преобразования*) разделяются на лексические и грамматические с возможным дальнейшим подразделением на приёмы (*средства преобразования*). В группу лексических трансформаций входят трансформации добавления, опущения и замены, представленной в виде приёмов конкретизации, генерализации, смыслового развития, целостного преобразования, антонимического и описательного перевода. Грамматические трансформации включают перестановки, или изменение порядка слов, грамматические замены, членение и объединение предложений. Отдельно приводятся основные способы перевода безэквивалентной лексики: транслитерация, транскрипция, калькирование.

Деление трансформаций имеет не абсолютный, а относительный характер, и чаще всего в переводе они используются не изолированно, а в сочетании друг с другом.

Разумеется, вопрос о переводе не исчерпывается классификацией переводческих трансформаций. Тем не менее информация, изложенная в разделе, посвящённом переводу, представляется достаточной для студентов, не имеющих специальной лингвистической подготовки и работающих под руководством преподавателя. Данное пособие вообще можно рассматривать как первый этап, после которого работа над переводом может быть продолжена в более широком и углублённом формате.

Структура каждого подраздела пособия определяется делением на теоретическую и практическую части. В первой части рассматривается та или иная языковая трудность перевода (к примеру, перевод того или иного местоимения, союза или предлога) и приводятся рекомендации по её устранению. Вторая часть имеет практическую направленность и содержит задания на тренировку в преодолении данной грамматической трудности.

Языковым материалом заданий служат не связные тексты, а предложения, заимствованные из профессионально-направленных текстов различной тематики. Это объясняется необходимостью работы в каждый конкретный момент над одной языковой трудностью. Набор предложений, в отличие от текста, является в этом случае предпочтительной формой организации

языкового материала, поскольку ни один связный текст, естественно, не содержит достаточно большого количества примеров на употребление одной и той же словоформы или грамматической конструкции. Чаще всего используемый пример представляет собой одно распространённое предложение, реже – более одного, в зависимости от специфики языковой трудности. При этом каждое предложение в задании может рассматриваться как микротекст, по содержанию достаточный для определения темы и догадки о контексте, или языковом окружении, из которого оно заимствовано. Выполняя задание полностью, студент как бы прочитывает несколько текстов, пробует свои силы в разных ситуациях и, тем самым, более основательно готовится к очередной встрече с той или иной грамматической трудностью в дальнейшей работе над текстами по избранной специальности.

Примеры заимствованы из текстов математической и компьютерной направленности и частично из текстов по физике и астрономии. Источником примеров послужили издания российских и зарубежных авторов. По тематике они соответствуют используемому в практике обучения английскому языку учебно-методическому пособию «English for Mathematicians and Information Technologies Learners» [18], которое вместе с пособием по переводу составляет единый комплекс и на материале которого осуществляется работа по переводу связного текста. Перевод отдельных предложений при этом представляет собой подготовительный этап к переводу связного текста, который является задачей более сложного порядка. В обоих пособиях затрагиваются такие темы, как история математики, различные отрасли математического знания, становление и развитие компьютерной науки, открытия выдающихся учёных разных эпох и др. В строгом смысле слова примеры заимствуются из текстов, которые относятся, скорее, к введению в науку о математике, чем к собственно научным текстам, отличительным признаком которых является использование уравнений, символов, формул, схем. Тем не менее они имеют математическую направленность и соответствуют практическим целям первого года обучения – тренировке в переводе типичных языковых трудностей, встречающихся в любых текстах математической ориентации.

Предложения каждого задания градуированы по сложности, что обеспечивает постепенный переход от лёгкого к сложному и даёт возможность убедиться в том, что в дальнейшем студент сможет справиться с переводом любого предложения, содержащего данную грамматическую трудность.

Работа над разделом, содержащим *задания для самоконтроля*, проводится на завершающем этапе обучения. В качестве контроля усвоения пройденного материала студентам предлагаются комплексные задания, каждое из которых содержит предложения, включающие не однородные, как во всех предшествующих упражнениях тренировочного характера, а различные трудности перевода. Выполняя эти задания, студент может пользоваться рекомендациями всех разделов как справочником и своего рода ключом, возвращаясь к ним всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Предложения подобраны так, что они содержат более чем одну языковую форму, вызывающую переводческое затруднение. Это даёт возможность повторения пройденного материала и многократного использования всех освоенных трансформаций и приёмов перевода.

Приложение к основным разделам пособия содержит сведения справочного характера. Значительная часть его представлена грамматическим материалом, который может потребоваться в проведении структурного анализа предложения. Сюда входит информация о частях речи и членах предложения, содержащая указание на их отличительные признаки, или языковые приметы, по которым можно определить принадлежность к той или иной части речи и статус слова в предложении. Другая часть приложения имеет более опосредованный характер связи с материалами пособия, но также, в той или иной мере, способствует их усвоению (слова-связки, передача звучания и написания собственных имён в переводе, ритмика и фразовое ударение и их роль в понимании текста, ложные друзья переводчика и др.).

Опыт работы с учебной литературой по специальности убеждает в том, что приложение является важной частью любой работы и самым подходящим местом для размещения сопутствующей информации. Такое распределение материала позволяет сосредоточиться на главном содержании пособия и в то же время довести до внимания пользователя всю необходимую информацию дополнительного характера. Справочные материалы приложения удобны при работе в самостоятельном режиме обучения и могут быть использованы в дальнейшем, после освоения курса «Иностранный язык» и окончания учёбы в университете.

Из опыта работы над материалами пособия

Работа над материалами, составляющими содержание пособия, позволяет сделать ряд замечаний обобщающего характера. Одним из наиболее важных наблюдений является то, что

студенты постепенно избавляются от типичных ошибок в переводе и от неверных представлений о том, как можно и как нельзя переводить текст. Они понимают, почему не следует переводить «слово в слово», видят подтверждение необходимости трансформаций, поскольку без их использования невозможно адекватно перевести фактически ни одно предложение. Практика перевода помогает им понять, что без такой трансформации, как, например, опущение, можно просто утонуть в ворохе слов, пословный перевод которых затуманит общий смысл предложения, и, наоборот, использование этой трансформации поможет правильно расставить смысловые акценты и лучше понять содержание переводимого предложения. А для того чтобы эту трансформацию применить, надо уметь провести структурный анализ предложения, привлечь другие трансформации, помня о том, что они почти никогда не употребляются в чистом виде и их использование чаще всего имеет комплексный характер.

Что касается работы над языковыми трудностями, то здесь наблюдается следующая закономерность: чем обширнее арсенал средств их преодоления, тем быстрее происходит их распознавание в тексте и тем больше времени у студента остаётся на выявление формальной и смысловой структуры предложения.

Студенты переносят навыки, сформированные при работе над предложениями, на перевод связного текста, где основную трудность представляют многозначность и поиск контекстуального значения слова. При переводе связного текста часто требуется учитывать содержание не только предыдущего предложения, но и весь левосторонний контекст в целом. Характерно, что, сталкиваясь с непривычным значением слова или необычным словосочетанием, студент, ознакомленный с нормами и трудностями перевода, признаётся, что он затрудняется с переводом, в то время как студент, недооценивающий многозначность английских слов, не задумываясь, даёт неправильный перевод. Используя знакомые ему значения слов, к примеру, *credit* и *invention*, он может ошибочно перевести фразу *have received credit for the invention* как *получили кредит на изобретение*, в то время как правильный перевод звучит иначе – *были признаны авторами открытия* (*Although two great thinkers – Sir Isaac Newton of England and Gottfried Wilhelm Leibniz of Germany – have received credit for the invention, they built on the work of others* [18, с. 21]).

Для того чтобы правильно перевести приведенное предложение, вместо значений ‘кредит’ и ‘изобретение’ надо выбрать другие значения этих слов из числа тех, которые приведены в словаре, т.е. применить приём конкретизации: *credit – вера, доверие, честь, признание заслуг*; *invention – выдумка, инвенция, открытие.* В предшествующем контексте речь идёт о дифференциальном и интегральном исчислении (*calculus*), в отношении которого уместно употребить слово *открытие*, а не *изобретение*. При переводе слова *credit* необходимо применить приём смыслового развития, логической основой которого является рассуждение типа *если ..., то...* Здесь надо учесть смысловую структуру предложения, в основе которой лежит противопоставление *двое* (*two great thinkers*) – *другие* (*the work of others*), вводимое союзом *although*. В промежуточном варианте рабочего перевода имеем смысловую ось: *хотя двое ... открытие, их работы основывались на достижениях других учёных*. Это помогает выбрать подходящее значение слова *credit* – ‘честь, признание заслуг’. Если заслуг, то каких? Ключевое слово в ответе – *открытие*, и тогда основной смысл предложения определяется противопоставлением: *хотя честь открытия принадлежит двоим, в этом принимали участие другие.* Значение глагола *receive* – ‘получить’ – говорит о том, что они *получили признание* того, что открытие принадлежит им, следовательно, можно употребить синонимичное выражение: *признать авторство* или *быть признанным автором открытия.* В итоге получаем перевод предложения: *Хотя два великих мыслителя – сэр Исаак Ньютон из Англии и Готфрид Вильгельм Лейбниц из Германии – были признаны авторами открытия, оно стало возможным благодаря достижениям других учёных.*

Аналогичным образом выясняется, что *claim the distinction* в этом же тексте означает не *требовать отличия*, а *претендовать на первенство в открытии*: *In England, Isaac Newton claimed the distinction and accused Leibniz of plagiarism* [18, с. 21] – ‘английский учёный Исаак Ньютон претендовал на первенство в открытии и обвинил Лейбница в плагиате’.

После того как цепочка значений совместными усилиями преподавателя и студентов раз за разом успешно выстраивается, во всех последующих случаях перевод идёт увереннее и быстрее.

Работа над пособием помогает студентам избавиться от распространённой и грубой ошибки перевода – употребления указательного местоимения *это* вместо личных местоимений *он, она, оно* в заместительной функции. В целях профилактики один из подразделов пособия посвящён переводу местоимения *it* в функции анафорического замещения. Для того чтобы

понять, какому местоимению оно соответствует в русском языке, необходимо провести структурный анализ предложения и установить, к какому слову оно относится в предшествующем контексте. Учитывая, что в левостороннем контексте обычно несколько существительных, которые замещаются разными местоимениями при переводе на русский язык, это не простая задача для студента, привыкшего во всех случаях автоматически употреблять местоимение *это.* Особую сложность представляют предложения, в которых местоимение *it* используется несколько раз и в каждом случае переводится по-разному: *This was a half-solution of Cantor's problem;* ***it*** *was not a proof of the continuum hypothesis but only a proof that* ***it*** *cannot be disproved* [1, с. 24] – 'Это было половинчатым решением проблемы Кантора; *оно* не было доказательством континуум-гипотезы, но лишь доказывало, что *её* невозможно опровергнуть'. Трудность здесь заключается в том, что в первом случае *it* соотносится с существительным *solution – решение* и замещается местоимением *оно*, во втором – с существительным *hypothesis – гипотеза* и передаётся в переводе русским местоимением *она.* Установление связей между словами помогает предотвратить ошибочный перевод.

Иногда полезно напомнить, что помимо структурного анализа может помочь здравый смысл: *The later Greeks often placed a mark (/or') by each letter to show that* ***it*** *stood for a number* [1, с. 23] – 'Поздние греки часто ставили знак (косая линия или апостроф) перед буквой, чтобы показать, что *она* означает цифру'. Местоимение *it* здесь потенциально может замещать и существительное *mark – знак* (*он*) и существительное *letter – буква* (*она*). Контекст и здравый смысл подсказывают, что речь идёт о букве, а не о значке, который не может сам по себе обозначать цифру, и английское местоимение *it* должно быть переведено русским местоимением *она*.

Местоимение *it* встречается практически в каждом предложении последующих заданий пособия, и студенты имеют достаточно возможностей потренироваться в его переводе.

Обращает на себя внимание тот факт, что в тех случаях, когда словарь даёт возможность выбора между разными вариантами перевода того или иного термина, студенты, опираясь на знание специальности, переводят данный термин дифференцированно, принимая во внимание его сочетаемость или конкретный случай употребления. Например, термин *postulate* (*постулат*, *аксиома*, *положение*) в словосочетании *parallel postulate* переводится студентами как *аксиома параллельности*, а термин *equation* (*уравнение*, *выражение*) переводится ими как *уравнение*, если имеется неизвестное, и как *выражение*, когда таковое отсутствует. Подобные ситуации подтверждают мнение, согласно которому перевод требует одинаково хорошего знания иностранного языка и конкретной области специализации.

Есть и моменты, указывающие на необходимость дальнейшей разработки вопроса о переводе. Так, предлагаемый студентами литературно-обработанный вариант перевода нередко лишь незначительно отличается в лучшую сторону от рабочего. С литературной обработкой легче справляются студенты, хорошо знающие русский язык, но многим требуется помощь. Не хватает знания русских соответствий словосочетаниям, оборотам и клише общелитературного и математического английского языка. Очевидно, требуется создание пособий, которые обучали бы не только грамматике, но и лексикологии, стилистике английского языка в сопоставлении с родным языком и могли бы оказать помощь в составлении синонимических рядов, перефразировании, стилистической дифференциации языковых единиц, в том числе и применительно к лексическому материалу изучаемой специальности.

На первый взгляд, удивительно, но студенты справляются с переводом текстов математической направленности легче, чем с переводом художественного текста. Объясняется это тем, что знание специальных предметов помогает им как бы увидеть предложение «изнутри» и дать правильный рабочий вариант перевода, несмотря на имеющиеся языковые трудности. Можно сказать, что в этом случае специальность помогает языку. Но и язык помогает специальности, позволяя сконцентрировать внимание на типичных языковых трудностях и облегчая весь процесс перевода в целом. Кроме того, употребление терминов на родном и иностранном языке способствует более прочному усвоению материала изучаемой специальности. Точнее было бы сказать, что мы имеем дело с обоюдным процессом, в котором иностранный язык и профилирующие дисциплины взаимно помогают друг другу в общем процессе обучения.

Говоря о результатах работы над материалами пособия, следует отметить, что студенты стали более серьёзно относиться к переводу, убеждаясь, что там также есть правила, которые необходимо соблюдать, и осознавая необходимость кропотливой работы над языковыми трудностями для достижения адекватного понимания текста.

В целом опыт использования материалов, включенных в пособие, говорит о том, что работа над переводом в принципе не отличается от работы над лексикой и грамматикой. Во всех случаях требуются достаточно большой объём заданий и регулярная тренировка, связанная с многократным использованием необходимых навыков и умений применительно к меняющимся ситуациям языкового окружения. Но у перевода есть одна особенность: он позволяет держать в поле зрения разные участки работы над языком. Перевод связан с работой над чтением, лексикой и грамматикой, он способствует совершенствованию грамматической стороны речи и обогащению словаря англоязычными терминами избранной специальности. Возможность работать над разными аспектами языка в совмещённом режиме обучения имеет немаловажное значение в условиях неязыкового вуза, поскольку это экономит время и создаёт условия для повышения качества языковой подготовки в целом.

Выводы

Практика работы с профессионально-направленными текстами в неязыковом вузе свидетельствует о необходимости создания учебно-методических пособий, целью которых являются предотвращение неадекватного перевода и обучение студентов способам преодоления типичных языковых и переводческих затруднений.

Одним из возможных вариантов решения вопроса в данном направлении является пособие по переводу текстов математической направленности, созданное на основе критической переработки имеющегося коллективного опыта с учётом конкретных условий обучения.

Анализ учебной литературы свидетельствует о том, что главные направления работы над переводом связаны с преодолением языковых трудностей, обусловленных спецификой языка, и обучением основным трансформациям и приёмам перевода. Эти два процесса взаимно дополняют друг друга: снятие грамматических трудностей способствует пониманию предложения, а умение использовать переводческие трансформации позволяет выбрать наилучший вариант его перевода.

Рассмотрение языковых трудностей на уровнях слова, конструкции и предложения даёт возможность наиболее полно представить весь спектр особенностей английского языка, представляющих наибольшую сложность в переводе. Важную роль при этом играет структурный анализ, как самый надёжный способ выявления формальной и смысловой структуры предложения.

Эффективность усвоения учебного материала обеспечивается системой упражнений, основанной на многократном предъявлении языковой трудности в предложениях с различным лексическим окружением и разной степенью сложности синтаксической организации. Работа над основными переводческими трансформациями и приёмами осуществляется параллельно, на одном и том же лексическом материале и в едином режиме обучения.

Перевод на уровне предложения составляет основу для перевода связного текста. Сформированные навыки и умения используются студентами при переводе текстов не только математической, но и любой другой направленности.

Обучение переводу позволяет работать над чтением, совершенствовать грамматические навыки и пополнять словарный запас, что способствует оптимизации и эффективности процесса обучения иностранному языку в условиях неязыкового вуза.

Полученные результаты подтверждают необходимость обучения основам перевода, поскольку это обеспечивает преодоление трудностей понимания текста и является залогом успешной работы над языком.

Разработанная методика может быть использована при создании учебно-методических пособий по переводу текстов других профилей подготовки.

Список литературы

1. Пушкина Е.Н. Перевод англоязычных текстов математической направленности: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2021. 168 с.

2. Глушко М.М., Введенская Ф.В., Шаншиева С.А. Английский язык для математиков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 208 с.

3. Шаншиева С.А. Английский язык для математиков (интенсивный курс для начинающих): Учебник, 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1991. 400 с.

4. Дорожкина В.П. Английский язык для математиков: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 344 с.

5. Пушкина Е.Н. Роль перевода в обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: Материалы II Междунар. практ. конф. 23–24 апреля 2019 г. / Науч. ред. М.В. Золотова. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 247–251.

6. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения / Худ. обл. М.В. Драко. Мн.: Попурри, 1997. 608 с.

7. Аполлова М.А. Specific English / Грамматические трудности перевода. М.: Международные отношения, 1997. 136 с.

8. Никитина И.Н., Глухов Г.В., Громова Т.В. Economic Translation: Учебное пособие по экономическому переводу / Под общ. ред. И.Н. Никитиной. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2017. 192 с.

9. Клименко А.В. Ремесло перевода: Практический курс. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 636 с. [Электронный ресурс]. URL: http://perviydoc.ru/v7755/клименко_а.в._ремесло_перевода (дата обращения: 20.01.2020).

10. Носенко И.А., Горбунова Е.В. Пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1974. 152 с.

11. Яшина Н.К. Учебное пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. 2-е изд., испр. и доп. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 112 с.

12. Резник И.В. и др. Английский язык для юристов (трудности письменного перевода): Учебное пособие. М.: Проспект, 2005. 79 с.

13. Белякова Е.И. Английский язык для аспирантов: Учебное пособие. СПб.: Антология, 2007. 224 с.

14. Алексеева Т.Е. Структурно-семантический анализ при обучении профессионально-ориентированному английскому языку // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: Материалы Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. Е.Е. Сухова, Т.В. Ризина. Рязань: Концепция, 2017. С. 10–16.

15. Пушкина Е.Н. Анализ предложения и снятие грамматических трудностей англоязычных текстов профессиональной направленности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 177–185.

16. Пушкина Е.Н. Translation Difficulties. Трудности перевода: Учебно-методическое пособие по переводу. 2-е изд., доп. и перераб. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2017. 84 с.

17. Пушкина Е.Н. О чём говорят типичные ошибки студентов в переводе текстов по специальности? // Вариативность и стандартизация языкового образования в неязыковом вузе: Сб. статей по материалам III Междунар. научно-практ. конф., 21 апреля 2020 г. / Под ред. М.В. Золотовой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 176–179.

18. Пушкина Е.Н. English for Mathematicians and Information Technologies Learners: Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 88 с.

TEACHING TRANSLATION NORMS TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALITIES

E.N. Pushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Translation is one of the main types of speech activity in teaching a foreign language to students of non-linguistic specialities. Nevertheless, it is not taught as a subject either at school or at university. Working on professionally-oriented texts, the student has to rely on the knowledge he gained at school, but the amount of linguistic knowledge is obviously not enough.

The need arises for teaching resources that might be used by students in translating vocational texts.

The review of the existing translation teaching materials shows that they differ from each other by the prevailing consideration of theoretical or practical questions, the treatment of translation as a means of language teaching or as a separate language subject, with respect to or irrespective of professional orientation and the phase of learning.

The suggested variant of a teaching aid for translation [1] is based on the following principles:

– translation is a specific and integral part of foreign language teaching;

– among the main requirements are the consideration of professional orientation, the phase of learning, the learners' language proficiency and linguistic background.

In the given case, the relevant factors are the mathematical profile of professional training, the initial period of learning, the average language proficiency, absence of special linguistic knowledge and the amount of academic hours allocated to the course of foreign language learning and teaching.

Experience proves that translation is connected with reading, grammar and the replenishment of the vocabulary and contributes to the effectiveness of the process of teaching.

Keywords: teaching manuals, translation teaching, language difficulties, translation techniques.

УДК 37.01
DOI 10.52452/18115942_2021_4_160

«ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ» В ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ШКОЛЬНИКОВ

© 2021 г.

М.А. Родионов, А.В. Диков

Родионов Михаил Алексеевич, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета
do7tor@mail.ru
Диков Андрей Валентинович, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры информатики и методики обучения информатике и математике Пензенского государственного университета
dikov.andrei@gmail.com

Статья поступила в редакцию 01.08.2021
Статья принята к публикации 20.10.2021

В последнее десятилетие отечественный бизнес предъявляет к российскому общему образованию различных ступеней требование усиления профессиональной составляющей, с тем чтобы выпускники были в большей степени подготовлены к работе в различных сферах экономики. Актуальной проблемой развития общества в контексте его цифровизации является социальный заказ бизнеса образовательной сфере страны, предусматривающий специальную профессиональную и предпрофессиональную подготовку выпускников в области промышленных технологий на различных ступенях образования. В данной статье представлен обзор различных возможностей реализации такой подготовки: образовательная инициатива «Школа 21» от коммерческой организации РФ «Сбербанк», центры цифрового образования «IT-куб», образовательные программы для школьников, студентов и выпускников от крупного коммерческого банка «Тинькофф», проект «Цифровой учебно-методический комплекс», Всероссийский конкурс сайтов «Сделай сайт своими руками». Их сопоставление в конкретных обстоятельствах образовательного процесса позволяет оптимальным образом произвести выбор той образовательной платформы, которая наиболее полно обеспечит запросы как потенциального работодателя, так и самого субъекта упомянутого процесса. Данный тезис иллюстрируется на примере работы лицея информационных технологий и систем № 73 г. Пензы.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, дополнительное образование, дополнительные образовательные услуги.

Введение

В последнее десятилетие отечественный бизнес предъявляет к российскому общественному образованию требование усилить профессиональную составляющую, чтобы выпускники были в большей степени подготовлены к работе в различных сферах экономики. В связи с этим появляются различные бизнес-инкубаторы и технопарки, на базе которых обучают школьников современным методам разработки чего-либо.

В частности, большинство IT-компаний в настоящее время испытывает острую нехватку специалистов, поэтому они вынуждены вкладываться сами в подготовку будущих кадров. Например, при поддержке компании «Яндекс» открыта бесплатная для учащихся двухгодичная образовательная программа обучения школьников 8–10 классов промышленному программированию на языке Python. Данный проект называется «Яндекс Лицей» (https://yandexlyceum.ru/). При этом Яндекс, рассчитывая на большую масштабируемость проекта, разработал аналогичную учебную программу факультатива для государственной общеобразовательной школы.

Федеральные государственные стандарты общего образования позволяют регионам внедрять в школьное образование профессионально направленные предметы. Так, в Пензенской области прошло уже много лет с тех пор, как стартовал международный проект по внедрению языка Java в школьное образование по информатике на региональном уровне. За счет средств регионального бюджета была разработана учебная программа факультатива по информатике, приглашенные из Израиля специалисты проводили очные семинары для школьных учителей по языку программирования Java, издали учебное пособие для школьников. В настоящее время работает портал IT-VILLAGE (https://it-village-penza.ru/), который объединяет школьников и учителей, изучающих Java. В рассматриваемом контексте можно упомянуть также ежегодную конференцию «Преподавание ИТ в РФ», которая ставит своей целью осуществление обмена передовым опытом в деле взаимодействия

образовательных учреждений общего и высшего образования и индустрии информационных технологий (https://it-education.ru/).

В то же время большое количество инициатив, направленных на цифровизацию образования, обусловливает целесообразность соотнесения их образовательных и развивающих возможностей с целью выбора наиболее приемлемого варианта, а также определения рационального сочетания различных вариантов. В данном контексте представляет интерес работа лицея информационных технологий и систем № 73 г. Пензы, в котором ведет занятия один из авторов настоящей статьи. Целью исследования является сопоставление функциональных возможностей наиболее распространенных федеральных инициатив в сфере цифровизации образования и поиск оптимального сочетания инструментов их реализации на примере лицея информационных технологий и систем № 73 г. Пензы.

Федеральные образовательные инициативы, их функциональные и содержательные особенности

Школа 21. Крупная коммерческая организация РФ «Сбербанк» выступила с образовательной инициативой «Школа 21» (https://21-school.ru/), чтобы сделать возможным технологический прорыв, воспитать поколение молодых специалистов, которые станут опорой цифровой экономики. Миссия «Школы 21» – подготовка специалистов мирового уровня, которые будут разрабатывать технологии будущего. Школа основана на методике «школы будущего», используемой в инновационной французской школе программирования «Ecole 42». Проект «Школа 21» готовит специалистов в области информационных технологий по уникальной образовательной методологии: без учителей, без лекций, без оценок. В основе методики лежит метод peer-to-peer («будь на равных»), или коллективное обучение. Обучение в «Школе 21» бесплатное.

Поступить в школу может любой гражданин без экзаменов, но идет отбор участников в течение четырех недель после поступления. Это называется «проплыть бассейн». Весь «бассейн» участники решают задачи на программирование с жестким дедлайном (рис. 1). Программа обучения позволяет самостоятельно выбирать направление, языки и учебные проекты в рамках основного курса. Те, кто проплыл «бассейн», выбирают направление обучения: алгоритмы, графика, мобильная разработка, Unix, системное администрирование, кибербезопасность и т.д.

В процессе обучения можно сменить траекторию, то есть поменять направление, и не единожды. На «бассейне» каждый день даются задания, которые нужно сдать на следующий день, а на основном обучении дедлайны длятся от одного до трех месяцев. Необходимо спланировать время так, чтобы успеть сделать и протестировать проект, пройти проверку пятью другими участниками и экспертами Школы. В Школе учатся люди разных возрастов и уровней образования. Это дает новый опыт и возможности [1]. Существует испытательный срок обучения, который является обязательным для всех студентов, помогает определить, должен ли студент посвятить свою жизнь компьютерному программированию.

В рамках рассматриваемого проекта основными являются следующие принципы обучения [2].

1. Без расписания, учителей и оценок, но с дедлайнами сдачи проектов. Каждый участник работает над своими задачами в собственном темпе и в удобное для него время, даже ночью. Школа работает круглосуточно.

2. Метод Peer-to-Peer (будь на равных). В основе методики – коллективное обучение. Участники должны работать в команде, делиться информацией, быть то в роли ученика, то в роли учителя (сегодня ты проверяешь, а завтра проверяют тебя). Такой подход помогает максимально раскрыть творческие способности участников во время работы над проектами и быстро выявить «центры знаний» по существующим направлениям, к которым можно регулярно обращаться. Методика направлена на выработку критического мышления и способности находить валидную информацию.

3. Учебники заменяются практикой, которая развивает имеющиеся навыки.

4. Геймификация. Получение знаний и выполнение проектов обретает игровую форму, характеризуется переходом от одного уровня к другому. За проекты участникам начисляется «опыт», после накопления которого совершается переход на следующий уровень. Как в компьютерной игре, участники движутся по уровням и контролируют свои достижения с помощью специальных инструментов, где наглядно показан весь пройденный и предстоящий путь. Каждый новый уровень сложнее предыдущего за счет увеличения числа заданий. Участники могут закончить игру на любом уровне.

«Школа 21» готовит участников к работе в компаниях, использующих высокие технологии [3]. Обучение включает в себя прохождение двух стажировок, благодаря чему после завершения обучения участники получают год практической работы в реальных компаниях и проектах.

IT-куб. С 2019 года в России началось движение по созданию и функционированию центров

Рис. 1. Площадки филиалов школы 21

Рис. 2. Образовательные направления

цифрового образования «IT-куб» (http://айтикуб.рф/) в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» (https://docs.edu.gov.ru/document/b014f0f434e770efe527956bdb272a38/download/3444/).

«IT-куб» – это центр образования детей по учебным программам, направленным на ускоренное освоение актуальных и востребованных на рынке труда знаний, навыков и компетенций в сфере информационных технологий, это инфраструктурная площадка для приобщения учащихся к инновационной, практико-ориентированной деятельности в сфере информационных технологий, робототехники и IT-инжиниринга (http://айтикуб.рф/). Проект формирует современную образовательную экосистему, объединяющую компании – лидеров IT-рынка, опытных наставников и начинающих разработчиков от 7 до 18 лет.

Целью функционирования центров «IT-куб» является создание среды, обеспечивающей продвижение компетенций в области цифровизации общества, освоение обучающимися актуальных и востребованных на рынке труда знаний и навыков, формирование компетенций в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также создание условий для выявления, поддержки и развития у детей способностей и талантов, их профориентации, развития математической, информационной грамотности, формирования критического и креативного мышления. Центры обеспечивают реализацию программ дополнительного образования, проведение мероприятий по тематике современных цифровых технологий и информатики, знакомства с технологиями искусственного интеллекта, а также просветительскую работу по цифровой грамотности и цифровой безопасности. Образовательные программы разработаны вместе с партнерами – лидерами рынка: Microsoft, 1С, Samsung, Cisco, «Яндекс», «Крибрум» и т.д. Организационно-техническое, методическое и информационное сопровождение создания в субъектах Российской Федерации центров осуществляет Федеральное государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Академия реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения Российской Федерации» (https://www.apkpro.ru/).

Далее представим образовательные направления (рис. 2) центров «IT-куб».

1. Изучение основ программирования на Python

Это образовательный проект российской компании «Яндекс» по обучению школьников

программированию на языке Python. Учебная программа разработана в Школе анализа данных (https://yandexdataschool.ru/documents), где будущие преподаватели проходят обучение. Программа делится на две части, каждая продолжается один учебный год (https://yadi.sk/i/18 rMBJhXDu0hwA, https://yadi.sk/i/T_Ryy0b3g5 p4 vw). Учебные курсы можно проходить последовательно ученикам 8 и 9 классов. Участники направления вырабатывают навыки самостоятельной разработки. По окончании программы выдается сертификат от компании «Яндекс», признанного лидера в сфере IT-инноваций.

2. VR/AR

Разработка приложений виртуальной и дополненной реальности – направление, в рамках которого учащиеся осваивают технологии объемной визуализации и программирования. Обучающиеся разрабатывают образовательные приложения, проектируют симуляторы для будущих инженеров, проводят виртуальные туры по культурным и историческим достопримечательностям и др. Программное обеспечение: 3Dmax, Unity, Unreal Engine, C#. Участники работают с VR-очками и шлемами, делают съемку 360 градусов. Выпускной проект – VR/AR/MR-приложение на творческую тему. Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 13 лет.

3. Web-разработка

Разработка сайтов и веб-приложений – направление, в рамках которого учатся разбираться в базовых технологиях веб-разработки, использовать инструменты браузера для просмотра и изменения исходного кода страниц на лету, знакомятся с механизмом проектирования веб-приложения, верстkой сайта, оформлением и дизайном веб-страницы; создавать собственные сайты. Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 12 лет.

4. Системное администрирование

Направление включает в себя работу с компьютерной техникой, сервером и сетью. Программа «Системное администрирование» состоит из следующих разделов: сетевое администрирование, устройство, сервис и администрирование компьютеров, основы функционирования сети Интернет. Программа нацелена на изучение сетевых программ и технологий, получение профессиональных навыков работы с серверами Windows и Linux, работу с серверным оборудованием, системами хранения данных, виртуализацией. Участники создают почтовый сервер, моделируют и делают защиту от DoS-атак. Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 12 лет.

5. Основы алгоритмики и логики

В процессе обучения программированию участники проходят путь от создания простой анимации до разработки собственной многоуровневой игры с сюжетом и звуковым сопровождением. Программа нацелена на работу с объектами, циклами, условными операторами, переменными. Направление посвящено созданию анимации, которая предполагает разработку сюжета, анимированных героев, озвучивание и создание диалогов. Уделяется внимание дизайну, сценариям, многоуровневости. При изучении курса применяется визуальная среда программирования Scratch. В процессе обучения учащийся создает индивидуальный проект, которым он может поделиться с сообществом. Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 8 лет.

6. Программирование роботов

Компоненты программы – робототехника, системы автоматизации и программирование. Программа «Программирование роботов» нацелена на изучение принципов программирования роботизированных систем. Учащиеся разрабатывают роботов для автоматизации процессов. Участники создают мобильных роботов и системы автоматизации на базе платформ Arduino, IskraJS и Linux. В ходе конструирования обучающиеся ставят задачи и находят решения, получают базовые знания по программированию, а также по физике, механике, электрике, электронике, проектированию и всем сопутствующим сферам, на стыке которых находится современная робототехника. Создание и программирование роботов и автоматизированных устройств происходит на базе конструкторов LEGO и других наборов. Формирование групп по данному направлению осуществляется для школьников с 7 лет.

7. Кибергигиена

Направление посвящено цифровой гигиене и работе с большими данными. Обучающиеся получают навыки по планированию и проведению исследований пространства Интернета, количественному и качественному анализу информации, выявлению и систематизации информационных поводов. Программа «Кибергигиена» строится на концепции подготовки учащихся к профессии киберследователя – профессии будущего, выделенной в «Атласе новых профессий» (проект Агентства стратегических инициатив по исследованию рынка труда, 2015 г.) и предполагающей проведение расследований киберпреступлений.

Участники учатся:

– искать достоверную информацию в Интернете;

– анализировать большие данные;

– безопасно и рационально использовать персональные данные;

– распознавать угрозы в социальных сетях и противодействовать им.

Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 11 лет.

8. Основы программирования на Java

Программа знакомит с популярным и востребованным языком программирования Java, с его возможностями и перспективами, с правилами создания программы и ее структурой, со средой разработки и основными элементами программы, объектно-ориентированным программированием. Ребята осваивают основы программирования, создают игровую программу, получают навыки для разработки различных приложений и реализации собственных проектов. Набор в группу по данному направлению осуществляется для школьников с 12 лет.

9. Мобильная разработка

Программа, разработанная Российским исследовательским центром Samsung, помогает учащимся осваивать фундаментальные разделы ИТ и программирования в адаптированной форме, получать практические навыки по разработке мобильных приложений в идеологии промышленной индустрии «от идеи до дистрибуции». Учащиеся приобретают навыки сборки и программирования роботизированных устройств. Участники делают выпускной проект – собственное мобильное приложение. По окончании курса выдается сертификат от компании Samsung, признанного лидера в сфере IT-инноваций. Данная программа дает возможность получить дополнительные баллы при поступлении в 19 ведущих вузов России. Программа ориентирована на учащихся старших классов и колледжей (возраст до 17 лет на момент начала обучения).

К 2024 году планируется создать сеть из 340 площадок «IT-куб», охватывающих всю территорию страны.

Обучение в «Тинькофф». Еще один крупный коммерческий банк «Тинькофф» проводит бесплатные образовательные программы для школьников, студентов и выпускников [4].

Для студентов и выпускников технических вузов, которые интересуются программированием, аналитикой, математикой и физикой, проводятся курсы по аналитике и разработке. Курсы включают практику, теорию, домашние задания, командные соревнования. Обучение строится на реальных кейсах, заканчивается итоговым проектом.

Для всех школьников 6–11 классов, которые увлекаются математикой и программированием, проводятся курсы по олимпиадной математике, алгоритмам и машинному обучению. Предлагается обучение на 4 разных курсах: олимпиадная математика, машинное обучение, глубокое обучение (нейронные сети, их принцип работы и применение), алгоритмы и структуры данных (олимпиадные задачи по программированию).

Чтобы стать участником программ обучения, необходимо пройти вступительные испытания в форме экзамена. Преподавателями на курсах выступают студенты МФТИ, ВШЭ и ведущих региональных вузов, медалисты ICPC, ведущие разработчики банка «Тинькофф».

Банк имеет собственную лабораторию и кафедру «Финансовые технологии» с магистратурой в государственном вузе страны. Сотрудники банка читают спецкурсы в МГУ по основам программирования, анализа данных, учат проектировать хранилища данных. Организована работа над проектами в командах по таким темам, как компьютерное зрение, обработка естественного языка, рекомендательные системы и аналитика.

Проект «Цифровой учебно-методический комплекс». В 2019 году в России стартовал национальный проект по развитию и распространению лучшего опыта в сфере формирования цифровых навыков образовательных организаций в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» [5], национальной программы «Цифровая экономика» [6] и государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» [7].

Проект нацелен:

– на поддержку инноваций в области содержания и технологий основного и среднего общего образования;

– на выявление и распространение лучших практик обучения по предметным областям «Математика», «Информатика» и «Технология» в задачах, релевантных сквозным цифровым технологиям национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Сквозные цифровые технологии перечислены в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», направление «Цифровые технологии» [8]. К ним относятся:

1) большие данные;
2) новые производственные технологии;
3) промышленный интернет;
4) искусственный интеллект;
5) технологии беспроводной связи;
6) компоненты робототехники и сенсорика;
7) квантовые технологии;
8) системы распределенного реестра;
9) технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Рис. 3. Цели проекта и способы их достижения

Проект обязывает участников распространения и развития лучшего опыта создать цифровой учебно-методический комплекс для организации занятий в подопечных школах с целью поднятия уровня образовательных организаций – участников проекта. Направления образовательных программ по предметным областям «Математика», «Информатика» и «Технология» должны быть релевантны сквозным цифровым технологиям.

Проект имеет следующие особенности:

1) разработка общей (единой) основной общеобразовательной программы для нескольких школ, которые работают по разным программам и учебникам;

2) вовлечение в проект школ, не имеющих передового опыта в формировании цифровых навыков;

3) создание цифрового учебно-методического комплекса с инновационным содержанием, способного обеспечить предпрофессиональную направленность процесса обучения, как со стороны содержания предмета, так и со стороны методов преподавания.

В целом проект по всем своим направлениям, целям и способам их достижения является грандиозным и сложным (рис. 3). Сквозные цифровые технологии являются наиболее наукоемкими и быстро развивающимися в современном мире, и их интеграция в содержание именно общего образования, которое обязано соответствовать ФГОС, представляется весьма непростой задачей. Его однозначно можно отнести к инновационным и перспективным.

Предлагаемые решения (из опыта работы лицея информационных систем и технологий № 73 г. Пензы). Анализ функциональных возможностей описанных выше инициатив показал, что их реализация в рамках отдельной образовательной организации затруднена рядом обстоятельств, обусловленных ограниченным объемом часов, разнородностью интересов обучающихся, недостаточной квалификацией преподавателей, несовершенством технологической базы и др. Учет этих обстоятельств предполагает подбор соответствующего образовательного инструментария, который мог быть реализован в реальной практике работы той или иной организации. В качестве примера опишем опыт такой работы лицея информационных систем и технологий № 73 г. Пензы.

Локальный цифровой учебно-методический комплекс. Указанный выше лицей (http://www.lyceum73.ru/) начал работу по реализации данного проекта с 2019 года в рамках соответствующего гранта. При этом использовались элементы указанных выше федеральных проектов.

В лицее был накоплен определенный опыт в обучении школьников некоторым сквозным цифровым технологиям и формировании цифровых навыков, что позволило уже на первом этапе реализации проекта разработать ряд предпрофессиональных онлайн-курсов по информатике и технологии:

1) программирование на языке Python;

2) программирование на C++;

3) технологии сайтостроения HTML и CSS;

4) веб-программирование (JavaScript);

5) теоретические основы школьной информатики;

6) arduino и AR.

На данном этапе был арендован веб-сервер и доменное имя dschool73.xyz, развернута бесплатная система управления обучением с открытым кодом Moodle [9], позволющим ее усовершенствовать. В отличие от многих платформ дистанционного обучения, основанных на видеолекциях и простейших тестах, данная система представляет богатый набор инструментов разработки учебного контента.

Каждый из шести учебных онлайн-курсов построен по единой схеме. Учебная программа курса рассчитана на 34 часа, 2 часа в неделю. Программа содержит 17 тем. Каждая тема в онлайн-курсе – это:

1) видеолекция от 5 до 10 минут;

2) лекционное занятие с тестовым материалом, вопросами, меню и мультимедиа;

3) практическое занятие;

4) домашнее задание;

5) задание для самостоятельной работы;

6) тест (10 вопросов);

7) форум.

В Moodle нет инструментов разработки видеолекции, можно только разместить готовый видеофайл или внедрить ролик из социальной сети. Мы разрабатывали собственные видеолекции с помощью бесплатных инструментов iSpringFreeCam [10] и MS MovieMaker [11].

Первый предназначен для записи выбранного сегмента рабочего стола компьютера вместе со звуком с микрофона в видеофайл. Учитель

может демонстрировать что-то на экране компьютера, выделять мышкой, акцентируя внимание учащихся, печатать код и запускать его и все это сопровождать речью. Приложение позволяет редактировать видеозапись.

Второй инструмент прост и удобен для редактирования видео: добавления титульных и заключительных кадров фильма, анимационных переходов между смысловыми частями фильма, добавления в кадры графических материалов (схем, таблиц, графиков и т.д.), записи звука к выбранному фрагменту.

Прежде чем разрабатывать видеоурок с нуля, целесообразно воспользоваться социальными интернет-сервисами обмена профессиональными видеоуроками для нахождения и адаптации видео по заданной теме [12; 13]. Например, нами широко используется интернет-сервис Vialogues (https://vialogues.com/), представляющий собой социальную сеть для создания интерактивного видео, ориентированного на обсуждение, и обмена им. Она побуждает людей говорить, делиться и учиться вместе. Видеоролики могут быть из собственной коллекции сервиса Vialogue, а также из коллекции YouTube или Vimeo; Vialogues полностью бесплатный в использовании.

Учебный курс в LMS Moodle был построен таким образом, что ученику доступно домашнее задание в текущей теме, если он завершил работу с лекцией и практическим заданием. Задание для самостоятельной работы станет доступным при отправке на проверку домашнего задания. Задание для самостоятельной работы не является обязательным к выполнению. Тест можно выполнять также после отправки на проверку домашнего задания. Тест считается выполненным, если ученик ответил правильно на 7 вопросов из 10 (70% усвоения) или число попыток исчерпано. Максимальное число попыток – 10, оценка ставится как среднее из всего числа попыток. К новой теме можно приступить после выполнения теста предыдущей темы.

Для многих специалистов и «неспециалистов» в образовании традиционная модель учебного процесса вырабатывается со школьной скамьи как объяснение учителем нового материала и проверка им теории и практических заданий. И сегодня в цифровом обучении наблюдается тенденция именно к такой модели, воплощенной в форме видеолекции с объяснением учителя и тестом. Но эта модель имеет невысокую степень эффективности и высокую степень затрат. В системе Moodle можно выбрать как традиционную модель обучения, так и интерактивную модель, основанную на активном взаимодействии и сотрудничестве субъектов учебного процесса. Лицей 73 г. Пензы старается задействовать рациональное сочетание обеих моделей.

Методика обучения с применением онлайн-курсов построена на основе известной технологии «Перевернутый класс» [14]. Ученики проходили лекционный материал из онлайн-курса дома, в классе выполняли практическое и домашнее задания, тест.

На каждый курс в текущем учебном году было принято около 100 человек, это ученики лицея и трех подшефных школ. Учащимся была предоставлена площадка в Интернете (www.dschool73.xyz) для синхронного прохождения учебного материала, возможность задавать вопросы на общем форуме и на тематическом форуме, участвовать каждый день в чате, где должен был быть преподаватель онлайн-курса, проверяющий сданные учениками домашние задания. В своей школе на уроке информатики или технологии ученики с тьютором (учитель-предметник) решали практические и домашние задания.

В целом учащиеся успешно справлялись с усвоением учебного материала, о чем свидетельствуют подробные автоматически формируемые системой управления обучением отчеты. Понравилось ли ученикам учиться на том или ином онлайн-курсе можно узнать по выполнению заданий для самостоятельной работы. Эти задания не являются обязательными, и если учащиеся их выполняют, то им хочется это делать и, соответственно, курс для них интересен.

Один из онлайн-курсов «Теоретические основы школьной информатики» был разработан студентами Педагогического института Пензенского государственного университета. Этот курс нацелен на подготовку к государственной итоговой аттестации по информатике учащихся 9 классов. Преподавателями на этом курсе также выступили студенты – разработчики курса. Ученики (примерно 150 человек) проявили огромную активность при выполнении заданий, сдавали решения вовремя и задавали вопросы, если что-то было непонятно, и даже находили ошибки в контенте и указывали на них.

Учителя, выполняющие роль тьюторов, прошли стажировку на площадке лицея, где детально познакомились с новыми учебными программами и цифровым учебным комплексом в форме онлайн-курсов. Кроме того, прошла стажировка нескольких учителей в бизнес-компании DigitalOxigen, которая выпускает для детей книги и приложения с дополненной реальностью. В соответствии с концепцией компании, пользователи работают сначала с печатными материалами, а затем подключают к ним

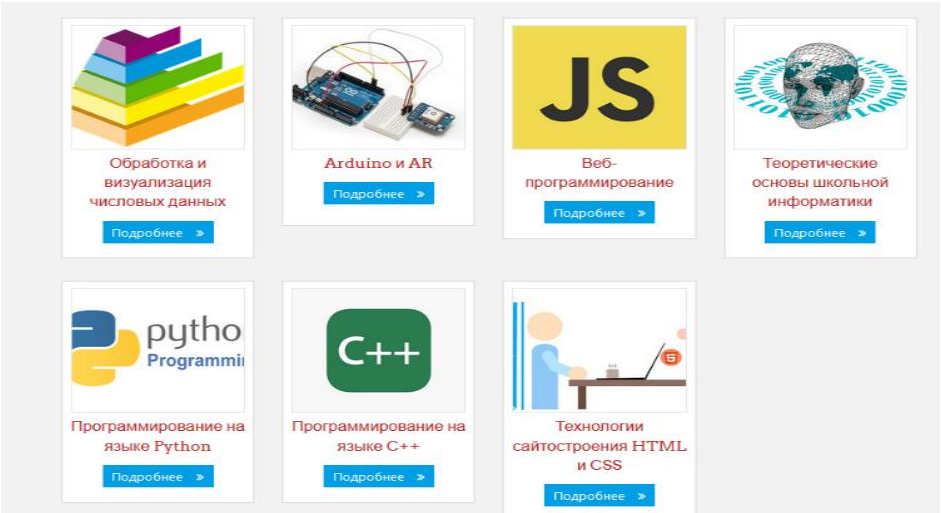

Рис. 4. Учебные курсы цифрового комплекса

приложения, позволяющие «оживить» объекты печатных материалов. Учителя таким образом знакомятся с методикой обучения технологиям дополненной реальности на практике, в дальнейшем используя их в предпрофессиональной подготовке школьников.

В ходе реализации проекта широко использовалась среда разработки кроссплатформенных интерактивных приложений и игр Unity. В этой среде разработки доступно создание игр, которые могут запускаться в браузере, а значит, любой начинающий разработчик может моментально донести свой продукт до всех, желающих с ним ознакомиться. В использовании Unity3D нет сложностей написания кода, так как он поддерживает скриптовые языки разработки, нет необходимости пользоваться большим количеством сторонних инструментов, в связи с тем, что в среде Unity3D интегрировано большое количество мощных вспомогательных средств, связанных с проектированием и дизайном. Работать в среде Unity оказалось просто и удобно, элементы интерфейса наглядны и интуитивно понятны.

Программы онлайн-курсов рассматриваемого комплекса учителя информатики и учителя технологии смогли интегрировать в основные учебные программы или программы дополнительного образования. Это позволило перевести учебные предметы на освоение современных цифровых технологий и заложить основу для профессиональной ориентации в развитом цифровом социуме.

Разработанный цифровой учебно-методический комплекс (рис. 4) доступен в гостевом режиме всем ученикам и учителям страны по адресу http://www.dschool73.xyz. Гости могут просматривать все компоненты курса, но не могут отправлять на проверку задания и отвечать на тесты. Если есть желание учиться активно на курсах, то есть проходить тесты, отправлять домашние задания на проверку, получать отметки, то необходимо послать письмо по адресу электронной почты, расположенному в футере главной страницы проекта с запросом о принятии на курс.

Еще одним инструментом реализации предпрофессиональной подготовки школьников, разработанным в рамках проекта, является факультатив «Технологии веб-дизайна». Факультатив предназначен для школьников 9 и 10 классов. Кратко охарактеризуем его организационно-методические особенности.

Девятиклассники и десятиклассники в начале учебного года определяют с учителями-предметниками темы исследовательских проектов и в течение года проводят исследование, а результаты отображают в виде веб-сайта. В конце апреля проходит защита проектов с демонстрацией веб-сайта. Оцениваются и само исследование, и веб-разработка.

На факультативе школьники в 9 классе изучают основу веб-дизайна – язык разметки гипертекста HTML пятой версии в соответствии с международным стандартом, утвержденным консорциумом Всемирной паутины W3C, и в небольшом объеме каскадные таблицы стилей CSS. В 10 классе глубоко изучаются каскадные таблицы стилей CSS и основы клиентского веб-программирования на базе самого популярного в мире языка JavaScript. К этому времени школьники изучают основы алгоритмизации и программирования в основном курсе информатики, и разработка скриптов для веб-страниц является закреплением изученного и продвижением к реальным проектам.

Рис. 5. Сайт конкурса сайтов школьников (http://cspnz.ru/)

На факультативе не ставятся отметки, поэтому мотивами к обучению являются личная заинтересованность школьников, проектная методика, желание собрать портфолио. В конце учебного года участники могут пройти тест по изученной технологии и в случае успешного завершения (70% правильных ответов как среднее от 5 попыток) получить соответствующий сертификат от школы.

Естественным продолжением факультатива является конкурс сайтов «Сделай сайт своими руками», приобретший в последнее время региональный статус. Участие в конкурсе мотивирует школьников к изучению современных промышленных технологий веб-дизайна.

У конкурса есть свой сайт (рис. 5). Основной и постоянный лозунг конкурса – «Сделай сайт своими руками». Не приветствуется использование шаблонов, движков, сторонних библиотек, фреймворков. Конкурсантам необходимо в течение 5 минут показать контент и способы разработки, знание технологий, ответить на вопросы участников и членов жюри. Ажиотажным спросом пользуется открытое онлайн-голосование «зрительские симпатии».

Конкурс сайтов в его современном формате существует с 2016 года. Каждый год конкурс посвящается какой-либо широкой и достаточно глубокой теме. Например, в 2020 году − «Нет предела совершенству»; в 2019 году − «Все в мире система». В 2021 году тема конкурса − «Истина где-то рядом». Она посвящена тому, как человечество постигает устройство всего окружающего мира (природы, Вселенной, общества) в историческом развитии. При этом возникают различные теории и оценки одного и того же процесса или явления. Какие из них являются верными, а какие сомнительными, какими можно руководствоваться, а какие можно отбросить – вот основные обсуждаемые здесь аспекты.

Как видно из представленного перечня, тематика сайтов достаточно разнообразна и охватывает различные области знаний. Такой подход в существенной степени усиливает мотивогенность задействованных инициатив и создает базу для дальнейшего продвижения участников в освоении рассматриваемой предметной области. Об этом свидетельствуют успешная сдача учениками лицея ЕГЭ и ОГЭ по информатике, их многочисленные победы в конкурсах и фестивалях различного ранга, а также ярко проявившееся в последние годы стремление большинства выпускников к овладению профессиями в IT-сфере.

Заключение

Опыт работы по реализации рассматриваемых федеральных и региональных инициатив по цифровизации образования выявил ряд трудностей, осложняющих данную работу.

1. Отсутствие системности в работе, обусловленное спецификой той или иной образовательной организации. Зачастую такая специфика не позволяет задействовать ту или иную стратегию цифровизации в предлагаемом разработчиками и модераторами формате. Соответственно на педагогический коллектив ложится обязанность подбора и соотнесения цифрового образовательного инструментария, а также определения соответствующего организационного формата его использования. Решение данной проблемы предполагает разработку адаптивной концепции цифровизации образования, обеспечивающей ее реализацию в различных условиях и обстоятельствах.

2. Сложности в организации работы по реализации той или иной образовательной инициативы в классах гуманитарной направленности. Так, многие школьники данных классов, задействованные в рассмотренном выше проекте, не имели желания проходить сложные разделы задействованных онлайн-курсов, типа «Программирование на C++». Кроме того, небольшой объем часов, который может быть задействован в этих классах для изучения «цифровой реальности», не позволяет сколько-нибудь полно изучить тот или иной аспект рассматриваемой проблематики. Одним из важных средств минимизации данной сложности является учет со-

держательной специфики класса при подборе и реализации цифровых образовательных инструментов.

3. Недостаточная готовность профильных учителей и тьюторов к побуждению школьников к совместному творчеству в рамках той или иной инициативы. Например, к общению в ежедневных чатах и на форумах прибегает незначительное число учащихся. Многие ученики вместо того, чтобы писать о своих трудностях на форуме, предпочитают личную переписку с преподавателем курса, ослабляя учебный, развивающий и социальный эффекты цифровизации образования.

4. Многие «непрофильные» учителя испытывают значительные сложности, связанные с переходом предметных методик и технологий обучения на цифровой формат и организацией соответствующей системы управления обучением.

Последние сложности могут быть естественным образом минимизированы за счет повышения квалификации педагогических кадров в различных очных и дистанционных форматах, а также знакомства с опытом ведущих учителей.

Все указанные виды работы были успешно апробированы в лицее информационных систем и технологий № 73 г. Пензы. Результаты апробации свидетельствуют о возможности использования и эффективности задействованных педагогических инициатив в широкой образовательной практике в плане усиления ее предпрофессиональной направленности.

Список литературы

1. Инфимовская С. Что такое «Школа 21», и почему она устроена именно так. URL: https://habr.com/ru/company/sberbank/blog/506950/ (дата обращения: 21.06.2021).

2. School 21: A computer programming school. URL: https://www.sbergraduate.ru/en/21-school/ (дата обращения: 20.06.2021).

3. Высокие технологии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Высокие_технологии (дата обращения: 10.06.2021).

4. Обучение в Тинькофф. URL: https://fintech.tinkoff.ru/study/ (дата обращения: 12.06.2021).

5. Кадры для цифровой экономики. Федеральный проект. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/866/ (дата обращения: 10.06.2021).

6. Цифровая экономика РФ. Национальная программа. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 10.06.2021).

7. Развитие образования. Государственная программа. URL: http://government.ru/rugovclassifier/860/events/ (дата обращения: 15.06.2021).

8. Цифровые технологии. Федеральный проект. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/ (дата обращения: 10.06.2021).

9. LMS Moodle. URL: https://moodle.org/ (дата обращения: 10.06.2021).

10. Бесплатная программа для записи видео с экрана. URL: https://www.ispring.ru/ispring-free-cam (дата обращения: 14.06.2021).

11. Movie Maker 10. URL: https://www.microsoft.com/ru-ru/p/movie-maker-10-free/9mvfq4lmz6c9?activetab=pivot:overviewtab (дата обращения: 11.06.2021).

12. Баданов А. Образовательная платформа PlayPosit. Создаём интерактивное видео. URL: https://badanovag.blogspot.ru/2017/07/playposit.html (дата обращения: 15.06.2021).

13. Орешко М.А. EDpuzzle. URL: https://www.it-pedagog.ru/edpuzzle (дата обращения: 12.06.2021).

14. Тулина Е. В чем секрет концепции «перевернутого класса»? // Newtonew. URL: https://newtonew.com/school/v-chem-sekret-koncepcii-perevernutogo-klassa (дата обращения: 10.09.2020).

INDUSTRIAL DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PRE-PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS

M.A. Rodionov, A.V. Dikov

Penza State University

Over the past decade, domestic business has been demanding that Russian general education at various levels strengthen the professional component so that graduates are more prepared to work in various spheres of the economy. An urgent problem of the development of society in the context of its digitalization is the social order of business in the educational sphere of the country, which provides for special professional and pre-professional training of graduates in the field of industrial technologies at various levels of education. This article presents an overview of various opportunities for implementing such training: the educational initiative "School 21" from the commercial organization of the Russian Federation "Sberbank" , the centers of digital education "IT-cube", educational programs for schoolchildren, students and graduates from the large commercial bank "Tinkoff", the project "Digital educational and methodological complex", the All-Russian website contest "Make a website with your own hands". Their comparison in the specific circumstances of the educational process allows us to optimally choose the educational platform that will most fully meet the needs of both a potential employer and the subject of the mentioned process. This thesis is illustrated by the example of the work of the Lyceum of Information Technologies and Systems No. 73 in Penza.

Keywords: vocational training, additional education, additional educational services.

УДК 37.1
DOI 10.52452/18115942_2021_4_170

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ-БИОЛОГОВ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА

© 2021 г. ***Ю.В. Синицына, И.В. Стручкова, К.Д. Дятлова, И.М. Швец***

Синицына Юлия Витальевна, к.б.н.; доцент кафедры биохимии и биотехнологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jsin@inbox.ru
Стручкова Ирина Валерьевна, к.б.н.; доц.; доцент кафедры биохимии и биотехнологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
struchkova65@inbox.ru
Дятлова Ксения Дмитриевна, д.пед.н.; доц.; профессор Центра исследований науки
и развития аспирантского образования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
xenia5204@mail.ru
Швец Ирина Михайловна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры биофизики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.shvets@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 21.07.2021
Статья принята к публикации 21.10.2021

Проанализирован опыт внедрения проектного метода обучения в виде цепи усложняющихся проектов в бакалавриате и магистратуре Института биологии и биомедицины Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского с целью формирования и развития исследовательских навыков у студентов-биологов. В ходе десятилетних исследований на примере ряда биологических дисциплин показана необходимость пошагового внедрения элементов проектно-ориентированного обучения у студентов младших курсов для успешной и эффективной реализации проекта старшекурсниками. Рассмотрены некоторые сложности, возникающие при выполнении проектов, предложены пути их преодоления. Установлено, что использование усложняющихся учебных проектов в ходе всего обучения в бакалавриате и магистратуре повышает качество обучения, способствует успешному развитию когнитивной, коммуникативной и рефлексивной личностных сфер студентов, формирует навыки исследовательской деятельности.

Ключевые слова: проектный метод, исследовательские навыки, качество обучения студентов, проектный метод при преподавании биологических дисциплин.

Введение

Проектная деятельность, наряду с научно-исследовательской, научно-производственной, организационной и педагогической, в действующих Федеральных государственных стандартах зафиксирована как основной вид профессиональной деятельности, к которой должен быть готов выпускник вуза. Формирование проектной компетенции будущего специалиста становится одной из главных целей обучения в вузе [1]. В Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) накоплен определенный опыт в области применения проектно- ориентированных педагогических технологий. Как правило, в ННГУ практикуется выполнение учебных проектов в рамках одной дисциплины, причем это всегда личная инициатива преподавателей, особая деятельность, не отраженная в его общей учебной нагрузке. Однако формирование проектной компетенции как компонента исследовательской компетенции и соответствующих навыков достигается только путём систематического применения проектных методов [2]. Авторами данной статьи в Институте биологии и биомедицины ННГУ с 2012 года реализуется технология проектного обучения студентов-биологов в виде цепи усложняющихся проектов по разным дисциплинам, начиная с первого курса обучения бакалавров и заканчивая магистратурой [3]. В настоящей статье представлен и проанализирован результат этой работы.

Результаты внедрения метода проектов

Цепь усложняющихся учебных проектов включала три основных звена (табл. 1).

При обучении студентов 1–3 курсов мы реализовали первое звено цепи проектов –

Таблица 1

Реализация методологии проектного обучения студентов-биологов

Период обучения	Освоение связей между обучающимися	Конечный продукт	Развитие личностных сфер	Виды деятельности
Бакалавриат, 1–3 курс	Индивидуальные или малые группы	Реферат+ презентация по теме	Когнитивная и коммуникативная	Освоение и совершенствование учебных умений и навыков
Бакалавриат, 4 курс	Индивидуальные или малые группы	Отчет об освоении экспериментального метода	Когнитивная, коммуникативная и рефлексивная	Освоение профессиональных умений и навыков
Магистратура, 1 курс	Групповые	Решение научных проблем	Все личностные сферы	Освоение и совершенствование умений и навыков исследовательской деятельности

Таблица 2

Успеваемость и качество обучения по цитологии до (2011 г.п.) и после (2012 г.п.) внедрения метода учебных проектов

Год поступления	Средний балл (M±m)	Процент студентов с отметкой				
		2	3	4	4.5	5
2011	3.38±0.07	4.59	63.30	17.43	9.17	5.5
2012	3.68+0.07	1.77	43.36	31.86	16.81	6.19

монодисциплинарные проекты с ориентацией на приобретение знаний и с низким уровнем самостоятельности, далее внедряли отдельные элементы более сложной проектной деятельности, постепенно повышая уровень самостоятельности [4]. Так, при изучении курса «Цитология» (1-й курс) студенты малыми группами (3–4 человека) выполняли учебные групповые проекты. В эксперименте участвовало 126 студентов 2012 года поступления. Проект осуществлялся в течение семестра и предполагал подготовку реферата по заданной преподавателем теме с использованием рекомендованной литературы (не более 5 источников), его презентацию на занятии, элементы рефлексии и оценку преподавателем. Было проведено сравнение результатов экспериментальной группы с контрольной (118 студентов 2011 года поступления, обучавшихся традиционным образом). По сравнению с предыдущим годом статистически значимо ($p<0.05$) улучшились и успеваемость, и качество обучения по цитологии за счёт меньшего количества отметок «2» «3» и значительно большего количества «4» и «5» (табл. 2).

Наши наблюдения показали невозможность или крайнюю сложность реализации полноценного мультидисциплинарного проекта, ориентированного на развитие исследовательских умений у студентов 1–3 курсов, из-за отсутствия у студентов необходимых для этого знаний и навыков, поэтому в этот период обучения, на наш взгляд, можно ограничиться монодисциплинарными проектами, нацеленными на учебную деятельность. Однако работа в малых группах недостаточно развивает коммуникативные возможности студентов.

Современная биологическая наука – всегда коллективный процесс, который требует наличия у выпускника коммуникативных умений, которые из-за специфики выполнения индивидуальных проектов в одиночку или малыми группами не развиваются в необходимой степени [5]. Поэтому, реализуя второе звено проектной деятельности (монодисциплинарные групповые проекты с ориентацией на совершенствование профессиональных практических умений и навыков и развитие когнитивной и коммуникативной сферы), мы предоставили студентам возможность получения опыта групповой проектной деятельности при проведении научного исследования на 4 курсе. Этот учебный проект не предусматривает этапа формулировки проблемы, построения гипотезы, полноценной рефлексии. Тем не менее он позволяет сформировать и развить такие умения, как планирование профессиональной деятельности, анализ и структурирование учебного материала, презентация результатов, элементы самооценки.

На 4 году обучения бакалавры профиля «Биохимия» осваивают дисциплину «Специальный практикум», состоящую из трёх модулей. Главной педагогической целью этой дисциплины является формирование и совершенствование профессиональных умений и навыков. Студенты, изучая тему «Фотосинтез», в

ходе первого модуля осваивают работу на научном оборудовании, индивидуально выполняют учебные задания по инструкциям. В качестве элемента проектной деятельности студентам предлагается выбрать в качестве объектов исследования определенные растения, сгруппировав их по какому-либо признаку. В отчет студент включает обязательную часть, демонстрирующую его индивидуальные результаты, а также сводные результаты всей группы. Выводы по своим данным студент обязан сделать самостоятельно, формулировка общего вывода требует группового обсуждения.

В процессе группового обсуждения преподаватель должен стимулировать студентов критично осмыслить полученные результаты. Поскольку эти результаты получены в ходе освоения сложного научного оборудования, они не являются надежными с научной точки зрения. Так как организация учебного процесса не предполагает времени на повторение экспериментов, приходится останавливаться только на маркировании сомнительных результатов. Тем не менее такая деятельность позволяет студентам в последующих усложняющихся проектах предусматривать самоконтроль уже в процессе работы, а не только на этапе рефлексии. Таким образом, в данном модуле студенты отрабатывают элементы планирования, обдумывания результатов, рефлексии.

Следующий модуль специального практикума имеет целью актуализацию теоретических знаний студентов в области фотосинтеза. Этот модуль реализуется с более выраженным привлечением элементов проектной деятельности, которые могут быть отнесены к категории индивидуальных монодисциплинарных проектов, закрепляющих предыдущий опыт. Студентам предлагается выступить в роли лекторов и прочитать друг другу 15–20-минутные лекции, посвященные основным разделам фотосинтеза. В отличие от составления обзора или реферата, данный вид работы не предусматривает поиск новой научной информации по узкой теме. Студенту необходимо ознакомиться с литературой из нескольких учебников, выбрать информацию, общепризнанную в научном мире (потому и попавшую в учебники), систематизировать ее, упорядочить и изложить простым, понятным языком. Студенты могут выбрать темы лекций из существующего списка, а также предложить свою тему, согласовав ее с преподавателем.

Как правило, студенты к этому времени уже хорошо владеют навыками поиска информации, поэтому находят ее в избыточном количестве и сталкиваются с проблемой убрать лишнее, оставить и подчеркнуть главное. Студенты всегда отмечают сложности с выделением основных понятий по теме, с формулировкой на базе нескольких источников простых, но емких и четких определений для этих понятий. Довольно часто проблемы возникают при подготовке иллюстраций. Пытаясь сэкономить время, учащиеся стремятся использовать готовые рисунки из статей либо учебников, не адаптируя их под материал своей лекции. В этом случае педагогу необходимо подвести их к осознанию диссонанса между устной речью и иллюстрациями, рекомендовать составление своих схем, рисунков, таблиц, логически связанных с излагаемым материалом.

Студенты читают друг другу подготовленные лекции в утвержденном преподавателем порядке для сохранения общей логики в теме «Фотосинтез». Как показала практика, лекции желательно разделить на блоки, включающие по 3–4 презентации, объединенные по смыслу. После каждой лекции необходимо отводить 5–10 минут на вопросы и комментарии к каждой лекции, после каждого блока предусмотреть перерыв 20–30 мин. Без перерывов из-за присутствующего волнения студенты быстро утомляются, вследствие чего снижаются и качество докладов, и активность при обсуждении материалов. Во время лекций студентам рекомендуется делать записи и пометки, хотя затем они в обязательном порядке обмениваются презентационными материалами.

Через неделю преподаватель устраивает собеседование по материалам прочитанных студентами лекций. Затем проводится итоговое обсуждение – рефлексия проекта. Мы предлагаем студентам оценить каждую лекцию по нескольким критериям и выбрать две лучших. Так, мы используем следующие критерии оценки:

– логичность и понятность изложения материала;

– возможность воспроизвести материал лекции без дополнительного обращения к учебникам;

– заинтересованность, т.е. желание дополнительно найти материал по данной теме;

– умение держать внимание аудитории;

– умение работать с иллюстрациями и пр.

Каждый студент называет две лучшие, по его мнению, лекции. Таким образом выявляются наиболее качественные сообщения в группе. Отметим, что преподаватель может выбрать любые другие методы оценки, основной целью этой работы является дальнейший анализ лучших лекций: чем они отличаются от других? На основании такого анализа каждый студент предлагает рекомендации для подготовки к лекциям. Завершая рефлексию, студенты оценивают каждый свою лекцию, выделяя положи-

тельные и отрицательные (недоработанные) моменты.

На этом этапе самими студентами были выявлены основные сложности данной деятельности, сформулированные с позиции как лектора, так и слушателя:

– слабый контакт выступающего со слушателями: лектору трудно оторваться от заготовленного текста, поэтому он не получает ответной реакции от аудитории;

– недостаточная работа лектора с презентациями, сложность в свободном пояснении представленных рисунков и схем;

– недостаточность базовых знаний, вследствие чего лектор сам плохо понимает излагаемый им материал; вопрос, поступивший во время лекции, легко сбивает его с темы;

– неумение адаптировать материал для лекции: трудно рассказать о сложном простым языком, не потеряв научности изложения;

– волнение, связанное с недостаточным опытом выступлений; страх перед аудиторией;

– потеря внимания слушателей в случае монотонного либо нервного изложения материала.

Итоговую отметку за проект преподаватель выставляет по результатам отслеживания подготовки лекции и презентации, выделения и обсуждения лучших проектов, а также самооценки студентов.

Деятельность в рамках этого проекта невозможна без обращения к личному опыту студента как слушателя лекций учебных дисциплин. Разрабатывая сценарий лекции, студент, пусть и неосознанно, использует как образец для подражания качественные лекции, как объект «отрицания» – скучные и непонятные лекции. По мнению самих студентов, данный вид деятельности заставил их осознать педагогическую сторону работы лектора, что в дальнейшем вылилось в понижение психологического барьера в межличностном общении студентов с преподавателем. Такой опыт чрезвычайно важен для развития коммуникативных навыков, необходимых в будущем при реализации полноценных проектов, требующих общения, в том числе и с посторонними людьми, выступающими в роли заказчиков работы. Кроме того, все студенты отметили улучшение понимания такой сложной темы в биологии, как фотосинтез.

Наличие практических навыков профессиональной деятельности, необходимых для осуществления проекта, в частности для работы на определенном оборудовании с пониманием принципов его функционирования, является обязательным для биолога-исследователя. Кроме того, для осуществления полноформатных научных или учебных групповых проектов студенты должны уметь не только качественно провести свою часть общей исследовательской работы, но и соотнести свою деятельность с деятельностью других членов группы, в том числе – при планировании и проведении исследований, при обмене полученной информацией и ее анализе. Поэтому в третьем модуле «Специального практикума» основное внимание уделяется формированию навыков проведения многостадийного биохимического исследования и делового общения при выполнении совместной групповой работы. Занятия третьего модуля построены по принципам монодисциплинарного группового проекта со средним уровнем самостоятельности. С позиций целеполагания в данном случае реализуется проект, в первую очередь направленный на личностный и профессиональный рост студента как исследователя.

Студенты отрабатывают навыки качественного и количественного анализа различных классов веществ живых организмов: углеводов, органических кислот, аминокислот, белков. Занятия объединены в блоки на основе определенного инструментально-методического подхода: «Спектрофотометрические методы анализа», «Хроматография», «Электрофорез». Длительность каждого занятия составляет 8 академических часов, а объем работы может быть выполнен лишь целой группой. Более того, методики, отрабатываемые на занятии, предполагают его подготовку (культивирование анализируемых объектов, приготовление некоторых реактивов).

Каждому студенту предоставляется возможность на разных занятиях поработать как в роли организатора – руководителя деятельности группы, так и в роли рядового исполнителя. Руководитель группы назначается преподавателем. В процессе подготовки занятия преподаватель консультирует руководителя группы: предлагает список литературы, в которой изложены принципы метода, методика культивирования объекта, подготовки проб и собственно анализа. Оговаривается также форма, которой должен соответствовать вывод исследования, проведенного группой (например, это должен быть ответ на вопрос, имеется ли искомое соединение в пробе). Руководитель группы анализирует полученную информацию, составляет общий план работы группы и участие каждого в общей деятельности и обсуждает выработанный план действий на второй консультации с преподавателем. Он также формулирует девиз занятия – например, «Денатурирующий электрофорез – не забудь про SDS» (додецилсульфат натрия, необходимый реактив в данном методе). Формулировка такого девиза – полезный навык

для презентации своих проектов в бизнес-сообществе. Другие студенты знакомятся только с частью предложенной руководителем литературы, касающейся основ метода и правил техники безопасности на данном занятии.

В начале занятия руководитель группы делает краткое сообщение о целях и задачах проекта, реализуемого на занятии, о стадиях его выполнения, о возможных формах фиксации и представления результатов, предлагает вниманию студентов свой девиз. Деятельность студентов на самом занятии предполагает неоднократные переходы от индивидуальной работы к работе в паре или малой группе (до 4 человек) и в обратном направлении. По итогам каждого занятия каждый студент оформляет индивидуальный отчет, основываясь на результатах, полученных группой.

После выполнения всех занятий, входящих в определенный блок, проводится семинар. Это этап рефлексии. На семинаре студенты обсуждают теоретические и практические аспекты применявшихся методик, вспоминают этапы деятельности на разных занятиях и пути решения возникавших проблем, оценивают эффективность своей деятельности в качестве руководителя и рядового члена группы, а также предлагают способы возможного повышения эффективности.

Отработка отдельных действий (или отдельных элементов) проекта на уровне бакалавриата позволяет успешно реализовать полноформатный мультидисциплинарный групповой проект на второй ступени образования (1 курс магистратуры), то есть реализовать третье звено проектного обучения. Такой мультидисциплинарный групповой научный проект является основой изучения дисциплины «Магнитобиология». Метод проектов как нельзя лучше подходит для ее изучения, поскольку магнитобиология – междисциплинарная наука, которая находится на стыке исследований в области биологии, физики, химии и математики. В современной магнитобиологии больше открытых вопросов, чем ответов и выявленных закономерностей, поэтому она предоставляет широкое поле для выбора исследуемой проблемы [6]. Так, в качестве вызова, мы предлагаем студентам следующие вопросы:

– Какие компоненты или структуры организмов являются экспериментально доказанными мишенями для слабых низкочастотных электромагнитных полей?

– Как связаны характеристики электромагнитных полей (амплитуда, частота, форма сигнала и т.д.) с экспериментально наблюдаемыми последствиями их воздействия?

– Каковы последствия длительного воздействия электромагнитных полей на живые организмы и есть ли отдаленные последствия их воздействия?

– Какими биохимическими способами можно нейтрализовать последствия воздействия электромагнитных полей на живые организмы (есть ли «лекарства» от электромагнитных «поражений»)?

– С чем связана плохая воспроизводимость магнитобиологических данных – со сложностью экспериментальной обстановки или с фундаментальными различиями конкретных организмов, колоний, биоценозов и т.д.?

– Возможно ли единое формальное описание воздействия слабых и низкочастотных электромагнитных полей на все живые организмы или их большие таксоны (царства, типы, классы)?

Большая социальная значимость знаний в области влияния магнитных полей на живые существа, в том числе человека, повышает заинтересованность и мотивированность студентов при выполнении проектов в рамках данной проблематики.

Дисциплина «Магнитобиология» изучается во втором семестре. Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 ЗЕТ и включает 60 ч аудиторных занятий, 10 ч самостоятельной работы студентов и 36 ч – подготовка к экзамену. Выполнение проекта в рамках дисциплины проводится за счет часов практики и самостоятельной работы студентов, окончательное формирование отчета, подготовка презентации – за счет часов подготовки к экзамену. Экзамен проводится в форме доклада-отчета студентов по выполненному проекту, сдачи письменного отчета, оформления акта-приемки работы и последующей рефлексии.

Учебные проекты по дисциплине «Магнитобиология» реализуются по типичным для проектного обучения этапам.

Этап 1: выбор темы проекта, формирование рабочих групп, формулирование проблемы, цели и задач проекта.

Этап 2: планирование (составление технического задания, календарного плана, расчет материальных затрат, распределение функций внутри группы).

Этап 3: работа по проекту.

Этап 4: представление результатов и оценка проекта.

Этап 5: рефлексия.

Выбор темы осуществляется индивидуально каждым обучающимся в результате совместного обсуждения проблем студентами и преподавателем.

Список таких тем формируется на основе знакомства с вопросами магнитобиологии,

предлагаемыми студентам, а также с учетом запросов, поступивших от представителей других институтов, вузов, исследовательских групп других подразделений ННГУ. Студенты могут сами предложить темы проектов на основе теоретического материала, освоенного в ранее пройденных дисциплинах, а также исходя из личных предпочтений и склонностей. В группах, испытывающих трудности в выборе тем, в качестве примеров могут приводиться темы, заинтересовавшие студентов прошлых лет обучения. Наш опыт показывает, что при завершении этого этапа полезно прямое общение студентов с реальным заказчиком работы – представителем иной организации. При отсутствии реального заказчика его роль выполняет любое лицо, компетентное в области научного делопроизводства. Окончательную тему проекта утверждает преподаватель.

Разнообразие предлагаемых тем и их первичный анализ являются залогом возможности выбрать близкие по целям и/или задачам для каждого обучающегося, а затем на основе единства целей объединиться в группы для практической реализации проекта. Проведение занятий показало, что оптимальное количество исполнителей одного проекта по магнитобиологии – 3–4 человека. Определившись с составом рабочей группы, студенты выбирают руководителя группы.

Следует отметить, что для студентов чаще всего сложно сформулировать общую решаемую проблему (*что* еще не изучено, *какие* данные противоречивы) и конкретную научную цель. Чтобы облегчить эту работу, мы рекомендуем студентам указать отрасль знаний или отношений, которую затрагивает проект (здравоохранение, экология, промышленность, сельское хозяйство и т.д.), выбрать уровень организации изучаемой биологической системы и ее специфику. Одновременно с подробным обсуждением проблемы полезно совместно придумать краткий (как в рекламе) девиз-слоган, характеризующий ее суть в нескольких словах.

В одном из проектов проблема была сформулирована студентами как «Недооценка влияния промышленных магнитных полей на рост плесневых грибов-деструкторов промышленных материалов может вызывать ошибки при оценке износостойкости и экологической безопасности промышленных материалов и конструкций». Девиз – «Плесень и магнитное поле: война или дружба?». При этом научная цель была обозначена как «Количественная оценка влияния низкоинтенсивного переменного магнитного поля промышленных частот на скорость роста нитчатого гриба – деструктора промышленных материалов и типичного обитателя жилища человека».

Имеющий опыт исследовательской деятельности преподаватель подсказывает аспекты (области), в которых могут возникнуть трудности, препятствующие успешному выполнению проекта. Следует учитывать, что, как в любой научной работе, реально возникновение препятствий, практически непреодолимых при выполнении учебного проекта и связанных:

– с научным содержанием задачи (например, попытка решать задачи, находящиеся вне компетентности данных исследователей или превышающие их интеллектуальные возможности);

– с несоответствием задач материальным и организационным возможностям исполнителя, этическим и правовым нормам общества или религиозным убеждениям личности.

В связи с возможностью возникновения разнообразных трудностей студенты совместно с преподавателем оценивают посильность предполагаемой работы и корректируют ее в сторону выполнимости.

Далее обсуждается материально-техническое обеспечение работы: требуемое оборудование для создания электромагнитных полей и для регистрации предполагаемых биоэффектов и его эксплуатационно-технические характеристики, выбор объекта исследования с учетом биоэтических норм, экономической и научной целесообразности. Должны быть проведены оценка степени достаточности материально-технической базы для выполнения проекта, поиск путей решения проблем при ее отсутствии или нехватке.

Затем студенты распределяют функции (обязанности) между членами проектной группы. Чаще всего члены проекта выделяли ответственных за:

– поиск литературы;

– сборку/монтаж экспериментальной установки;

– культивирование объектов исследования;

– ведение документации и составление отчета;

– технику безопасности.

Иногда один человек выполнял две функции.

Как мы уже подчеркивали ранее, для исследователя-биолога, работающего в реальном научном коллективе, чрезвычайно важен навык эффективной коммуникации – с работодателем, коллегами, партнерами, поставщиками оборудования, заказчиками и пр. Отметим, что в понятие «коммуникация» здесь мы включаем и деловую документацию различного рода. Актуальность умения работать с документами при выполнении научных задач можно проиллюстрировать таким примером: при подаче заявок

на грант по одному из мероприятий программы ФЦП в 2015 году из-за неправильно оформленных документов было снято с рассмотрения около 30% заявок. Студенты-биологи традиционно оценивают деловую коммуникацию как сложный для себя процесс. Это – признак недоформированности данного умения.

В реальной научной деятельности в Российской Федерации оценка планируемой работы потенциальным заказчиком, то есть источником финансирования, требует предоставления стандартного набора документов, содержащих результаты планирования, включающего техническое задание, технико-экономическое обоснование, календарный план работы, проект договора, формы и логика построения которых регламентированы в государственных стандартах.

После согласования технического задания на выполнение работы и финансовых документов, отношения между студентами (в лице руководителя проекта) и заказчиком оформляются в виде документа, называемого договором. Педагогической целью такой деятельности в учебном проекте является осознание исполнителями-студентами своих прав, обязанностей и ответственности за свои действия. Окончанием учебного проекта и действия договора является дата экзамена.

На третьем этапе выполнения проекта по дисциплине «Магнитобиология» студенты непосредственно приступают к исследованиям в соответствии с техническим заданием и календарным планом. Руководитель проекта еженедельно отчитывается перед преподавателем по каждому пункту календарного плана в часы занятий по учебному расписанию.

Как и в случае любого научного исследования, получаемые при выполнении проекта экспериментальные результаты необходимо постоянно подвергать анализу и критическому осмыслению. На этом этапе все участники рабочей группы обнаруживают необходимость сопоставлять получаемые данные с информацией, представленной в мировой научной литературе по магнитобиологии и смежным дисциплинам. При необходимости преподаватель консультирует студентов и рекомендует определенные литературные источники. Отметим важную роль преподавателя в работе по анализу данных. Студенты могут получить любопытные результаты, имеющие научную ценность, но не понять этого. Задача преподавателя в этом случае, во-первых, сохранить эти результаты, во-вторых, подтолкнуть студентов к осознанию, в идеале через ситуацию озарения. Другой важный момент в деятельности преподавателя – не допустить отклонения от плана работ, которое может возникнуть как раз по причине получения неожиданных результатов. Быстро построив на их основании новую гипотезу, увлеченные студенты с удовольствием организуют новые эксперименты для ее проверки, при этом забывая об исходном плане. В итоге преподавателю необходимо найти взвешенное решение – не подавить творческое исследовательское начало, но и не допустить волюнтаризма в студенческом научном коллективе.

Стоит подчеркнуть важность аккуратного оформления и надежного сохранения всех первичных данных, полученных при выполнении проекта. Особенно важно записать при этом даты и условия получения данных. Руководитель проекта должен быть готов предъявить первичные данные преподавателю (заказчику) по первому его требованию.

На четвертом этапе выполнения проекта студенты предъявляют результаты его выполнения. Для этого первичные данные статистически обрабатывают, анализируют и результаты включают в отчет. На основании текста отчета рабочая группа проекта совместно готовит презентацию, доклад, прорабатывает ответы на возможные вопросы, проверяет содержание отчета на соответствие требованиям технического задания. Заблаговременно студенты готовят проект акта сдачи-приемки работы. В реальной научной деятельности именно акт сдачи-приемки работ является официальным документом, подписание которого заказчиком подтверждает факт успешного выполнения работы и прекращает действие договора между заказчиком и исполнителем работ. В рассматриваемом нами случае подписанный акт сдачи-приемки работ является документом, подтверждающим успешное завершение проекта.

В нашем примере подготовленный всеми членами группы доклад был представлен руководителем проекта комиссии, состоявшей из преподавателя дисциплины, специалиста-физика (представителя лаборатории, изучающей электромагнитные излучения в антропогенной среде), методиста-педагога, компетентного в области проектно-ориентированного обучения. Комиссия коллегиально оценила весь проект в целом, фиксируя оценку по семибалльной шкале (принятой в ННГУ) в акте сдачи-приемки работ.

Критерии оценки проекта комиссией:

– реализованность цели и задач исследования, соответствие выводов поставленной цели, их убедительность;

– соответствие результатов договору, ТЗ и календарному плану;

– обоснованность аргументов и выводов (полнота, глубина, всесторонность раскрытия

темы, логичность и последовательность изложения материала, корректность аргументации и системы доказательств, иллюстративный материал, широта кругозора каждого участника проекта, демонстрация межпредметных связей, способность к обобщению) при анализе позитивных и негативных сторон явления;

– согласованность действий участников проекта.

При выполнении группового проекта довольно сложно объективно оценить индивидуальную работу студента в группе. В нашем случае индивидуальные отметки каждому участнику проекта выставляет преподаватель дисциплины «Магнитобиология» после общего обсуждения всех замечаний и пожеланий, высказанных исполнителями проекта на стадии рефлексии.

В качестве критериев оценки индивидуального участия студента в групповом проекте мы использовали:

– оценку проекта комиссией, зафиксированную в акте сдачи-приемки работы;

– итоги стадии рефлексии;

– данные «субъективного контроля» – личного наблюдения преподавателя за деятельностью студента в проекте.

Пятый этап проектной деятельности – рефлексия – включает анализ успехов и проблем, возникших при выполнении и представлении проекта. Основной целью рефлексии является оценка каждым студентом самого себя и своих коллег. Студенты оценивают свой личный вклад в выполнение проекта, успехи и проблемы, возникшие при выполнении и представлении проекта, вырабатывают рекомендации для успешного выполнения аналогичных проектов в будущем.

Для конструктивной работы и избегания лишних межличностных конфликтов преподаватель предлагает студентам коммуникативные приемы, позволяющие снизить вероятность конфликтов во время обсуждения. Например, дается рекомендация вести самоанализ от позиции личного самоощущения студента в конкретной ситуации и не пытаться обсуждать других членов группы. Предпочтительно начинать фразу со слов «мне было удобно/неудобно», а не со слов «ты сделал не так», поскольку во время рефлексии в оценке деятельности своих товарищей некоторые студенты проявили излишнюю агрессивность, недостаток объективности и вежливости. Подчеркнем важность функции преподавателя как конфликтолога на этом этапе. Интересно, что, несмотря на наши опасения, в ходе выполнения проекта конфликтов при общении внутри группы не возникало, студенты равномерно и добровольно распределяли обязанности, подстраховывали друг друга в форс-мажорных ситуациях (болезни, отсутствие из-за отъезда на конференцию). Тем не менее потребовалось некоторое время для принятия студентами новой роли руководителя или подчиненного во вновь созданном коллективе – проектной группе. Самыми сложными студенты называли не проблемы общения в группе, а коммуникацию с посторонними людьми, а именно отстаивание своих запросов на оборудование и помещение при взаимодействии с техническим персоналом, другими научными сотрудниками. Особо отметили страх общения (психологический барьер) с представителем заказчика.

Рефлексия выявила высокую погруженность студентов в исследуемую тематику. Несмотря на то что проект был оценен как законченное исследование, члены проектной группы активно предлагали направления дальнейшего развития идей, появившихся в ходе проекта. В процессе обсуждения прозвучали новые гипотезы; более того, были намечены подходы для их проверки. Аргументированность предложений студентов позволила сделать вывод о существенном росте их исследовательских умений, а именно умений выявлять проблемы, оперировать приобретенной в ходе проекта информацией, анализировать результаты, строить гипотезы, обобщать, делать выводы.

Предложенная форма проектной деятельности получила положительный отклик у студентов. Им особенно понравилась предоставленная творческая свобода. Они отметили возросшую мотивацию к получению новых знаний и умений, осознание цели их получения. Другими плюсами проектной деятельности, отмечавшимися как студентами, так и преподавателями, явились повышение самостоятельности и ответственности, навыки групповой деятельности и самоконтроля. Также отметим, что результаты, полученные студентами в ходе выполнения проекта по дисциплине «Магнитобиология», представляли научную ценность и вызывали интерес на научных молодежных конференциях. Одна из проектных групп получила два патента на разработанные в ходе проекта методики применения магнитных полей в сельском хозяйстве.

Заключение

Реализация проектного обучения студентов в ИББМ ННГУ в виде цепи усложняющихся проектов по разным дисциплинам, начиная с первого курса обучения бакалавров и заканчивая магистратурой, показала перспективность проектного метода для развития когнитивной, ком-

муникативной и рефлексивной личностных сфер будущего исследователя. Организация проектной деятельности в цепи: «монодисциплинарные индивидуальные проекты – монодисциплинарные групповые проекты – междисциплинарные групповые проекты» повышает качество обучения, формирует исследовательские индивидуальные навыки, повышает творческую и социальную активность студентов.

Активное участие в выполнении проекта позволяет студенту получить навыки действий исследователя, в том числе в нестандартных ситуациях, тренирует коммуникативные умения при работе в команде и/или с заказчиком, помогает овладеть научными знаниями в тесной взаимосвязи с их практическим приложением. Тренировка соблюдения строго заданной формы документирования развивает чрезвычайно важное для научного сотрудника умение профессионально оформлять, представлять и докладывать результаты научно-исследовательских и производственно-технологических работ по утвержденным формам.

При опросе работа в группе по проекту оценивалась студентами как сложная, однако полученные положительные результаты, с их точки зрения, перевешивали трудности. Студенты показали, что они рекомендовали бы другим учащимся пройти через опыт проектной деятельности. Они осознали, что получили гораздо больше знаний, умений и компетенций, чем могли бы при традиционном способе обучения.

По мнению преподавателей, студенты – участники проектов показали более высокий уровень самоорганизованности, самокритичности, коммуникабельности и толерантности. Проектно-ориентированное обучение способствовало росту умений и навыков, освоению исследовательской деятельности, развитию способностей преодолевать проблемы в устной и письменной коммуникации с деловыми партнерами.

Преподаватели ИББМ ННГУ планируют продолжить внедрение проектного метода при обучении другим предметам для развития исследовательских индивидуальных навыков студентов.

Список литературы

1. Любимов А.К., Борисова И.И., Грудзинская Е.Ю., Левина Л.М., Марико В.В., Швец И.М. Внедрение проектно-ориентированных методов в практику обучения в высшей школе: Методическое пособие / Под ред. А.К. Любимова. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. 180 с.

2. Гергерт Д.В., Артемьев Д.Г. Практика внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе // Университетское управление: практика и анализ. 2019. № 23 (4). С. 116–131.

3. Швец И.М., Дятлова К.Д., Синицына Ю.В., Стручкова И.В., Колпаков И.А. Проектно-ориентированное обучение как инструмент формирования и развития исследовательских навыков студентов-биологов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 152–160.

4. Дятлова К.Д., Колпаков И.А. Подготовка студентов первого курса к самостоятельной работе // Наука и школа. 2013. № 6. С. 120–125.

5. Kavanagh M.H., Drennan L. What skills and attributes does an accounting graduate need? Evidence from student perceptions and employer expectations // Accounting & Finance. 2008. № 48 (2). P. 279–300.

6. Bioelectromagnetics. Current Concepts. / Eds. S.N. Ayrapetyan, M.S. Markov. Dordrecht, Netherlands: Springer, 2006. 445 p.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF RESEARCH SKILLS OF STUDENTS-BIOLOGISTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROJECT METHOD

Yu.V. Sinitsyna, I.V. Struchkova, K.D. Dyatlova, I.M. Shvets

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the experience of a project-based teaching method introducing in the form of a chain of increasingly complex projects in the undergraduate and graduate programs of the Institute of Biology and Biomedicine of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod in order to form and develop research skills among biology students. In the course of ten years of research on the example of numerous biological disciplines the need for a step-by-step introduction of project-oriented learning elements among junior students is shown for the successful and effective implementation of the project by senior students. Some difficulties arising during the implementation of projects are considered, and ways to overcome them are proposed. It was found that the use of increasingly complex educational projects during the entire study in undergraduate and graduate programs improved the quality of education and contributed to the successful development of the cognitive, communicative and reflective personality spheres of the students and formed the research activities skills.

Keywords: project-based method; research skills; the quality of student learning; project method in teaching biological disciplines.

УДК 378.14 + 159.9
DOI 10.52452/18115942_2021_4_179

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

© 2021 г.

Ю.Е. Францева

Францева Юлия Евгеньевна, к.пед.н.; доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jull.franceva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.08.2021
Статья принята к публикации 18.10.2021

Современные тенденции развития общества диктуют новые требования не только к профессиональным навыкам выпускников, полученным в процессе обучения в вузе, но и к структуре и содержанию самого образовательного процесса. Одно из условий трансформации процесса обучения – это формирование профессиональной компетентности выпускника, а точнее, готовности выпускника к профессиональной деятельности. Таким образом, не только образовательный процесс подготовки специалиста, но и процесс освоения дисциплины должен стать более практико-ориентированным и основываться на таком образовательном подходе, как контекстное обучение. При этом под контекстом понимается не столько контекст будущей профессиональной деятельности социальных работников, сколько внутренне мотивированная активность студентов при освоении дисциплины. Именно внутренний контекст позволяет человеку осмысливать и наполнять значимостью собственную деятельность, а соответственно, формировать личностную и профессиональную компетентность. Анализ процесса преподавания практических психологических дисциплин позволил обозначить определенные трудности в организации и проведении занятий по данному виду дисциплин, с которыми сталкиваются преподаватели, и пути преодоления этих трудностей. В статье предлагается методический подход к проведению занятий по дисциплине «Практическая психология» для студентов, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа», а также итоги апробации предлагаемой методики в 2020/21 учебном году.

Ключевые слова: организация процесса обучения, практическая психология, социальная работа, контекстное обучение, преподавание практических психологических дисциплин.

Введение

В настоящее время система высшего образования должна готовить к профессии, формировать у обучающегося профессиональную компетентность, т.е. готовность к выполнению профессиональных задач. Это возможно только при большей практико-ориентированности самого образовательного процесса, т.е. включении контекста будущей профессии в процесс обучения. Система высшего образования сейчас претерпевает изменения, связанные с переходом от знаниевой парадигмы к типу обучения, формирующему профессиональную компетентность выпускника. И данный переход должен предусматривать внедрение в процесс обучения современных практических методов и технологий обучения [1]. Понимая это, многие преподаватели вузов внедряют активные методы обучения – такие, как кейсы, дискуссии, практикумы, «круглые столы», деловые игры и др., т.е. процесс освоения дисциплины становится более практико-ориентированным.

Философия профессии «Социальная работа» ориентирована на ценность государства, эффективность социальной поддержки, общественных отношений и связей, помощь клиенту в условиях, которые социально неодобряемы, где правильность выбора поведения клиента определяется социальной службой. При этом клиент, скорее, воспринимается как объект взаимодействия, а не как субъект. В этом случае для эффективности оказания помощи у социальных работников появляется задача наделить клиента субъектностью.

Подготовка будущих социальных работников требует не только получения практического профессионального опыта, т.к. данная деятельность относится к сфере государственных услуг и социально направленна. Как отмечает Т.С. Базарова, гуманизация процесса обучения проявляется через личностно ориентированный характер, в результате которого происходят приобретение знаний и умений для решения жизненных задач, пересмотр своего ценностно-мотивационного мира, приобретение самоценности и индивидуальности, связанных с внутренними изменениями личности [2].

Мы считаем, готовность к деятельности, в том числе и профессиональной, должна рас-

сматриваться как качество личности, как определенный уровень личностного развития, в том числе и при практико-ориентированной направленности образовательного процесса.

Исследуя готовность к профессиональной деятельности, мы выделяем следующие ее элементы, которые в первую очередь участвуют в осознании человеком своего личностного и профессионального Я, наполняют смыслом и ценностью деятельность обучающегося. Это «гибкая» мировоззренческая позиция и собственный психологический опыт, который участвует в формировании, осознании и применении так называемых «мягких» навыков (Soft Skills), т.к. профессиональная деятельность социальных работников во многом зависит от развития «мягких» навыков.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что если практико-ориентированная направленность образовательного процесса подтвердила свою результативность в формировании профессиональной компетентности обучающегося, то изменения личностного развития обучающегося в процессе обучения при практико-ориентированном подходе не исследованы.

Цель исследования – разработать формат занятий по дисциплине «Практическая психология», который может позволить отслеживать изменения личностного развития по итогам изучения дисциплины.

Задачами исследования являются формирование определенной мировоззренческой позиции и собственного психологического опыта социальных работников через знакомство с практиками оказания психологической помощи и активное участие в их реализации при изучении дисциплины «Практическая психология».

Теоретико-методологические подходы

Одним из вариантов образовательного подхода, отвечающего всем современным реалиям, может быть контекстное обучение, где смыслообразующей характеристикой образовательного процесса рассматривается контекст. «Принцип психолого-педагогического сопровождения обучающегося в условиях контекстного обучения – это не то, что должен знать и уметь делать студент при освоении дисциплины, а то, что он должен сделать, чтобы получить знания и навыки при изучении дисциплины, и как эти знания и навыки он может использовать в его профессиональной деятельности» [3, с. 687]. Важно отметить, что под контекстом, встраиваемым в процесс обучения, мы понимаем не столько контекст будущей профессиональной деятельности, сколько внутренне мотивированную активность студентов при освоении дисциплины. А.А. Вербицкий рассматривает контекст как определенную систему жизнедеятельности человека, которая придает смысл и значение и конкретной и ситуации, и ее компонентам. В состав данной системы входят внутренний и внешний контексты. Внешний контекст связан непосредственно с ситуацией, ее социокультурными, пространственно-временными и иными характеристиками. Внутренний контекст, который мы считаем наиболее важным, связан с личностными особенностями, а также со знаниями и опытом человека [4]. Именно этот контекст позволяет человеку наполнять собственную деятельность смыслом, целями и ценностью и, соответственно, формировать личностную и профессиональную компетентность.

Организация образовательного процесса выстраивается на базе федеральных государственных стандартов и предусматривает компетентностный подход в обучении. При этом контекстное обучение полностью соответствует компетентностной модели выпускника, т.к. основной задачей и контекстного обучения, и компетентностного подхода является формирование у обучающегося готовности к выполнению профессиональной деятельности в будущем.

Готовность к любому виду деятельности, в том числе и к профессиональной, у обучающегося может формироваться только при наличии в обучении по крайней мере трёх важнейших составляющих: деятельностного подхода, развития мотивации к обучению и рефлексии.

Первая составляющая – «методологический принцип деятельностного подхода» [5, с. 9], при котором в процесс обучения включаются практические задачи будущей профессиональной деятельности или схожей с ней и сам студент в процессе собственной деятельности формирует навык применения полученных знаний [5]. Еще Я.А. Коменский говорил: «тому, что должно делать, нельзя иначе научиться, чем делая это» [6, с. 570]. Инструментом реализации деятельностного подхода является включение в процесс освоения дисциплины творческих заданий, дискуссий на выбранные студентами темы, круглых столов, тренингов и т.д.

Вторая составляющая – развитие мотивации к обучению. При этом надо понимать, что помимо познавательной мотивации очень важной является и профессиональная мотивация, т.к. на эффективность усвоения материала влияет деятельностная активность обучающегося.

Мотивация к обучению у студентов зависит, как отмечает Т.О. Сайковская, в том числе и от формы представления изучаемого материала. Использование современных мультимедийных

технологий преподавателем, помимо активизации познавательной деятельности и мотивационной активности в виде интереса к дисциплине, обсуждаемой теме формирует еще положительный эмоциональный фон восприятия учебного материала [7]. Как отмечает О.П. Окопелов, при такой организации процесса изучения дисциплины изменяется и роль преподавателя, где он становится комментатором и консультантом, помимо источника новых знаний, что наполняет обучение эмоциональным откликом и эстетическим удовольствием, повышая качество усвоения излагаемой преподавателем информации [8].

Третья составляющая – это развитие рефлексии, а точнее, осознания не просто собственного поведения, а целей, мотивов, возможностей, ресурсов и др. при выполнении любого типа деятельности – формирование навыка наблюдения за собой как бы от третьего лица. Данное умение является значимым для профессий «человек–человек», т.к. оно помогает сохранять устойчивость при эмоциональной перегрузке и участвует в формировании навыка наблюдения за другими участками межличностных отношений при любом виде деятельности. Рефлексия как навык самоорганизации и самоконтроля способствует личностному взрослению, пониманию того, что у каждого человека существует своя психологическая реальность, и она не идентична твоей. Многие исследователи отмечают, что готовность к профессиональной деятельности и эффективность решения профессиональных задач напрямую зависит от уровня психологической зрелости личности.

Результаты

Сегодня набор психологических дисциплин предусмотрен практически в каждом учебном плане любого направления подготовки или специальности, в том числе при подготовке специалистов помогающих профессий (психологов и социальных работников). При этом федеральными государственными образовательными стандартами не прописаны четкие требования к количеству, содержанию психологических дисциплин, наполняемость содержания учебного плана является функционалом разработчиков образовательных программ. Так, анализ федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения (ФГОС) по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа» показал, что количество компетенций, в содержании которых были указаны психологические знания, сократилось с 7 до 0 в последней редакции ФГОС (3++), утвержденного в 2018 году.

Несмотря на отсутствие в образовательном стандарте компетенций, в содержании которых были указаны психологические знания, в учебном плане по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) предусмотрено 5 психологических дисциплин: «Психология», «Социальная психология», «Возрастная психология»/«Психодиагностика» (являются курсами по выбору обучающегося), «Практическая психология». При этом из 5 дисциплин лишь «Практическая психология» носит прикладной характер и является обязательной для освоения всеми обучающимися, наряду с «Психологией» и «Социальной психологией». Согласно учебному плану, за дисциплиной «Практическая психология» закреплены следующие компетенции:

– **УК-3**. Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;

– **УК-6**. Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

Согласно определению, практическая психология – «это система психологических знаний, областей исследования, направленных на решение практических психологических вопросов, возникающих в жизни людей, т.е. на применение практических навыков в повседневной практике» [9, с. 337]. Однако данный курс не вызывает трудностей скорее у психологов, получающих не только большой объем психологических знаний в процессе обучения, но и навыки применения полученных знаний через прикладные дисциплины, например: практикум по психодиагностике, «Психологическое консультирование», «Психологию личности», тренинговую деятельность и др. У будущих социальных работников практическое применение теоретических психологических знаний, полученных на ранних этапах обучения, происходит лишь в рамках дисциплины «Практическая психология».

Преподавание практических психологических дисциплин, включая и дисциплину «Практическая психология», связано с рядом трудностей:

– во-первых, это квалификация преподавателя или приглашенного специалиста, от которого требуется совмещение педагогического опыта и опыта практического психолога [1; 10] (от его опыта практической работы будет зависеть наполнение занятий психологическим содержанием с подбором определенного практического инструментария, что является особенно важным при преподавании дисциплины «Практическая психология» для обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа»);

– во-вторых, сложность в организации группового пространства для групповой работы, т.к. не каждый студент готов «эмоционально обнажиться» перед группой и даже сама группа не всегда готова погружаться в неприятные эмоциональные переживания [9].

В.Н. Раскин отмечает, что наиболее эффективной формой работы для понимания психологического содержания профессиональной деятельности при подготовке специалистов помогающих профессий (психологов и социальных работников) является социально-психологический тренинг, который предусматривает групповое взаимодействие [11].

Реализация практико-ориентированного обучения при преподавании практических психологических дисциплин, по мнению Н.А. Горбач, позволяет обучающемуся сформировать психологическую культуру и психологическую компетентность, т.е. развить значимые личностные качества для будущей профессии и наработать навыки идентификации психологического содержания при решении профессиональных задач [12].

Учитывая данные трудности и принимая во внимание описанные выше составляющие практико-ориентированного компетентностного обучения, методологической основой при разработке занятий по дисциплине «Практическая психология» для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа», стали следующие компоненты учебно-профессиональной деятельности:

1) *деятельностный* – обучение «в рамках формирования профессионально значимых качеств специалиста, присвоения знаний и формирования профессиональных умений и навыков» [12, с. 189];

2) *мотивационно-смысловой* – повышение профессиональной и личностной мотивации;

3) *оценочно-контрольный* – формирование навыка рефлексии [13].

Дисциплина «Практическая психология» осваивается на 4 курсе в 7 семестре, т.е. профессиональный портрет и небольшой практический опыт социального работника в процессе обучения у студента уже сложился. При этом профессиональная деятельность социального работника немного перекликается с деятельностью практического психолога – оказание помощи человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации или переживающему трудности в личной жизни. Следует отметить, что профессионально значимые качества и социального работника, и практического психолога тоже идентичны. К таким качествам можно отнести умение слушать и слышать клиента, умение принимать его психологическую реальность, быть эмпатичным. Это понимание позволило поставить задачу при разработке курса и проведении занятий – необходимо лишь дополнять уже сформированный профессиональный опыт социального работника повседневным психологическим опытом, который поможет сформировать навыки идентификации и анализа психологического содержания ситуации.

Под повседневным психологическим опытом мы понимаем умение понимать и принимать не только внутренний мир человека, которому оказываешь помощь, его трудности, мотивы, потребности, состояния, и пр., но и свой внутренний мир, свои трудности, мотивы, потребности, состояния и пр. при оказании запрашиваемой помощи, а также уметь замечать изменения, происходящие в своей и чужой жизни.

Мы также осознаем, что у студентов 4 курса уже сформирована своя мировоззренческая позиция, которая может иметь «жесткую» конструкцию, т.к. уже выстроено дальнейшее направление их жизнедеятельности. При этом большинство преподавателей отмечает, что теоретические психологические знания, формирующие мировоззрение, у студентов есть, но приложить их к повседневной жизни, а тем более трансформировать в профессиональный опыт им удается с трудом. Поэтому еще одна *задача* при проведении занятий по дисциплине «Практическая психология» – позволить студентами сделать «жесткую» мировоззренческую конструкцию более «гибкой». Под гибкостью мировоззренческой позиции мы понимаем навык принятия психологической реальности своей и Другого с сохранением личностных границ каждого.

Целью изучения дисциплины «Практическая психология», по нашему мнению, является не только знакомство с основными методами, техниками, направлениями практической психологии, но и получение психологического опыта, который может быть внедрен и в профессиональную деятельность социального работника и в собственную жизнь.

Трудоемкость аудиторной работы дисциплины «Практическая психология», предусмотренной учебным планом ННГУ по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа», составляет 32 часа, т.е. 16 занятий.

Автором была разработана следующая структура курса «Практическая психология»: обязательные занятия и занятия по желанию студентов.

В число обязательных занятий вошли мотивационное занятие (первое), анализ профессиональной деятельности практического психолога и социального работника (второе).

В рамках *мотивационного занятия* предусмотрены следующие виды работ преподавателя и обучающихся.

1. Устанавливаются правила изучения дисциплины. Правила устанавливаются совместно: преподаватель предлагает и объясняет требования к выполнению каждого правила, а студенты проясняют, корректируют. Правила таковы:

– активность – активное участие во всех мероприятиях занятия;

– уважение – уважительное отношение ко всем участникам процесса;

– все ответы правильные – в процессе обучения для преподавателя нет правильных и неправильных ответов, важным является то, что студент может свободно высказать свои мысли.

Установление правил позволяет сориентировать студентов на то, как будет выстроено обучение по дисциплине. Следует отметить, что, пока правила не обговорены и не приняты всеми участниками, занятие дальше не продолжается.

2. Следующий вид работ на первом занятии – это ответ на вопрос «Что такое практическая психология и зачем вам изучать ее?». Ответ на этот вопрос должен дать каждый студент, причем с подробной конкретикой. Такие ответы как «для жизни», «для будущей профессии» и т.д., не принимаются преподавателем. Важной является конкретизация, причем именно для каждого в отдельности. Если студент говорит, что он согласен в своем видении с М..., то преподаватель просит все равно озвучить ответ. По итогам этого обсуждения обучающиеся заполняют таблицу, согласно стратегии «Знаю – Хочу знать – Узнал».

3. Совместно выбирается формат работы на занятиях. Формат может быть и теоретическим, и практическим. Как правило, студентам более интересен практический формат работы. Для его реализации преподаватель знакомит студентов с собственным опытом практического психолога, т.е. на примерах из собственной реальной деятельности объясняет, с каким практическим инструментарием он может их познакомить.

Содержание второго обязательного занятия – *анализ профессиональной деятельности практического психолога и социального работника* – включает следующие виды деятельности*:*

– прояснение понятий *помощь, формы, состояния клиентов, мотивы оказания помощи в работе практического психолога и социального работника*;

– сравнительный анализ основных правил работы с клиентом практического психолога и социального работника.

В качестве наглядных примеров для обсуждения профессиональной деятельности практического психолога и социального работника были использованы мультфильмы «Серая шейка» и «Лунтик. Простуда».

Занятия по желанию студентов – это занятия, на которых студенты выбирали, с каким инструментарием они хотели бы познакомиться или какую тематику обсудить на следующем занятии.

В рамках проведения данных занятий в 2020/21 учебном году для студентов ННГУ, обучающихся по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа», преподавателем была предложена следующая тематика занятий:

– знакомство с графологией как с проективным психологическим инструментарием;

– знакомство с рисуночными тестами (рисунок человека, рисунок семьи) как с проективным психологическим инструментарием;

– группа самопознания с использованием мультфильма «Ежик в тумане»;

– терапевтическая группа с использованием метафорических ассоциативных карт;

– групповое обсуждение следующих тем: любовь (критерии и качество), семья как ценность современности, отношения мужчины и женщины, гендерные особенности, надо ли быть индивидуальностью и др. Базой для обсуждения на занятиях были следующие художественные фильмы: «Училка» (2015), «Влюблен по собственному желанию» (1982), «Зимняя вишня» (1985), «Идеальные незнакомцы» (2016), «Семь ужинов» (2019). При этом выбор фильмов обсуждался со студентами, и они также могли предложить к просмотру и обсуждению заинтересовавшие их фильмы.

Графологический анализ почерка (графология) – это не просто знакомство с графологией как проективным методом, но и индивидуальная консультация для каждого обучающегося, предоставившего образец собственного почерка. Преподавателем были объяснены основные теоретические особенности почерка, на которые очень важно обращать внимание, т.к. именно графологические признаки могут отражать психоэмоциональное состояние человека. Обучающиеся познакомились также с формой индивидуального консультирования, в рамках которого, помимо психологического портрета, также смогли получить некоторые рекомендации, связанные с личностными особенностями. В итоговом эссе все студенты отметили, что психологический портрет, описанный преподавателем, совпал на 95 процентов с их самооценкой.

Знакомство с рисуночными тестами включало теоретические аспекты расшифровки данного инструментария. Для практического знакомства одной из студенток был представлен рису-

нок семьи, выполненный ее младшей сестрой. После составления преподавателем психологического портрета семьи студентка дала обратную связь группе, указав, что описанные отношения в семье совпали с действительностью.

Примерно треть обучающихся после знакомства с проективными методиками на занятиях (графоанализ и рисуночные тесты) смогла проверить полученные знания, применив данные методики в отношении своих близких и друзей.

По итогам просмотренных художественных фильмов обсуждение предложенных тем соответствовало круглому столу или дискуссии, т.к. каждый участник обсуждения, включая преподавателя, мог высказать свое мнение. При этом обсуждении каждый обосновывал свою точку зрения и приводил примеры из просмотренных фильмов. При такой форме проведения занятий менялась роль преподавателя с источника информации на консультанта и фасилитатора дискуссии.

Итоговая аттестация по дисциплине «Практическая психология», предусмотренная учебным планом ННГУ, проводилась в форме зачета. Зачетным заданием для студентов было написание эссе на тему «Мои изменения как осмысление процесса и результата обучения по дисциплине "Практическая психология"». Данный формат итогового мероприятия связан с формированием навыка рефлексии. Также для преподавателя написанные эссе служили формой обратной связи, давая информацию о реакции студентов на предложенную форму организации обучения по дисциплине «Практическая психология» и необходимости ее корректив.

Особенность 2020/21 учебного года, которая сыграла большую роль в организации образовательного процесса по курсу «Практическая психология», связана с введением дистанционного формата обучения. Большая часть описанных занятий проводились в формате zoom-конференции.

В таком же формате были проведены занятия по дисциплине «Практическая психология» для студентов ННГУ, обучающихся по направлению 39.03.02 «Социальная работа» по заочной форме обучения, но разница состояла лишь в том, что по учебному плану предусмотрено лишь 8 часов аудиторной работы (это 4 занятия) и, как правило, данные занятия стоят более компактно в расписании, чаще два дня подряд.

Для заочной формы обучения была предложена следующая структура курса «Практическая психология»:

– мотивационное занятие;

– анализ профессиональной деятельности практического психолога и социального работника;

– знакомство с графологией как с проективным психологическим инструментарием;

– знакомство с рисуночными тестами (рисунок человека, рисунок семьи) как с проективным психологическим инструментарием;

– группа самопознания с использованием мультфильма «Ежик в тумане»;

– групповое обсуждение художественного фильма «Училка» (2015).

И еще одной особенностью для студентов заочной формы было то, что итоговое эссе им нужно было написать минимум после 2 недель по окончании занятий по дисциплине «Практическая психология».

Ниже приведены выдержки из эссе студентов ННГУ 4 курса, обучающихся по направлению 39.03.02 «Социальная работа».

«Обсуждать мультики и фильмы с психологической точки зрения было мне в новинку – обычно я смотрю и переживаю это внутри себя, ни с кем другим на таком глубоком уровне я не говорила про ощущения от просмотренного. Эти занятия позволили мне начать более глубоко понимать свои ощущения и чувства во время и после просмотренных сюжетов. Саморефлексия на занятиях дала мне возможность еще больше развивать эмоциональный интеллект и на более глубоком уровне понимать свои впечатления от фильмов, а не просто “понравилось/не понравилось”».

«Я поняла, что прежде, чем осуждать человека, даже в жизни, нужно подумать, почему же с ним так произошло, что вообще он может чувствовать и многое другое, может, тогда вся картина сложится, и ты уже не будешь осуждать и недоумевать, а поймёшь его.

Курс был для меня полезным, интересным и мне было интересно слушать мнение и рассуждение профессионала. И для меня было особенно приятно, что мы могли сами выбирать, чем нам заниматься на парах и что обсуждать, а преподаватель нас поддерживал во всём. На мой взгляд, именно такой подход является наиболее выигрышным и такой преподаватель является, с одной стороны, авторитетом для студентов, а с другой стороны, человеком, с которым можно поделиться своим мнением, взглядами и не бояться, что тебя не поймут».

«Наш курс «Практическая психология» повлиял на меня с хорошей стороны.

1) Я научилась понимать себя. Раньше у меня была большая проблема – я не умела объяснять, что я думаю. Не умела правильно излагать свои мысли, от чего людям, которые со мной общаются, было сложно меня понять. В течение курса практической психологии я стала замечать за собой, что мне всё проще и проще доно-

сить до людей свои мысли. Сначала я подумала, что просто мой словарный запас обогатился. Через некоторое время я поняла, что дело не в этом. Я вдруг чётко осознала, что раньше моя проблема была в том, что я не понимаю, о чём я хочу сказать и зачем я это говорю.

2) Я научилась прислушиваться к своим желаниям…

3) Я перестала заставлять себя делать то, что мне не нравится. А может быть, этот пункт нужно было назвать «Я поняла, что смысл жизни в самой жизни»…

4) Я перестала общаться с теми, с кем мне некомфортно. С людьми, которые не знают других слов, кроме как «Дай» и «Помоги». … Друг – это не бесконечная мольба о помощи с его стороны. Дружба – это любовь и забота.

5) Как ни странно, я смогла сформулировать для себя самой ответ на всеми любимый вопрос «Что такое любовь?». Любить значит принимать человека таким, какой он есть. Не пытаться его переделать, исправить, научить жизни, поругать или сделать замечание. А просто принимать все его ошибки, решения и изречения.

6) Я научилась слушать и слышать людей. Замечать моменты, когда человек закрыт, а когда готов поделиться тем, что болит.

7) Я перестала осуждать. Поняла для себя, что это глупо. Каждый живет так, как ему хочется. У каждого своя интерпретация «хорошо» и «плохо». … А если чьё-то «хорошо» не вписывается в рамки моего понимания, то это не значит, что этот человек ненормальный или я какая-то не такая. Это значит только одно: его понятия о «хорошо» не вписываются в мои понятия о «хорошо».

8) Я научилась не врать. Ни себе, ни окружающим. Я поняла, что во вранье нет смысла. … Кто не готов принять правду – не готов и принять меня. А я перестала общаться с теми, кто не может меня принять такой, какая я есть.

В целом, я была очень рада попасть на курс практической психологии. Мне было очень интересно. Особенно мне понравилось обсуждать фильмы и рассматривать героев не как героев, а как личностей. И если это возможно, я бы хотела и дальше иметь возможность делать это, несмотря на то, что семестр, в котором был курс «Практическая психология», закончился. Можно организовать что-то вроде дополнительного факультативного кружка. Я бы с удовольствием его посещала даже после выпуска из университета».

Ниже приведены выдержки из эссе студентов 4 курса, обучающихся по направлению 39.03.02 «Социальная работа» по заочной форме обучения, так как мы считаем эту оценку наиболее значимой для нас.

«…Мы проводили анализ двух мультфильмов – «Серая шейка» и «Лунтик. Простуда». При первом просмотре данных картин я не задумывалась о том, что каждого персонажа можно ассоциировать с каким-либо специалистом (тем же психологом, социальным работником). Для меня это были произведения, которые учат дружбе и взаимопомощи. В ходе беседы с преподавателем мы разбирали действия персонажей, мотивы их действий, и это заставило задуматься о том, что таким образом можно проанализировать и другие картины, подумать о скрытых смыслах, которые они несут в себе».

«Долго я собиралась сесть за написание данной работы. Каждый вечер думала, вот сейчас все мои лягут, и я возьмусь, но находились дела или я это считала делами, потом думала, что не знаю, что писать, т.к. во мне ничего не изменилось. Вчера ночью с мужем решили пройтись, я просто сказала ему, что не знаю, что писать, ведь во мне ничего не изменилось, а муж ответил: ты стала намного спокойнее. И ведь точно.

Последние полтора месяца были очень тяжелыми для меня. 1 июня я потеряла дорогого мне человека, мою бабушку. На учебу, на конференции я выходить не хотела, думала, брошу все это. Практику за меня отправлял муж, первый экзамен – достаточно было только присутствовать на парах и тройка в зачетке, если не делать задания, я так и поступила, думаю, мне все равно. При этом все мне говорили: не бросай, доучись, что меня еще больше раздражало, я не понимала, почему все не хотят услышать меня. При этом на всех лекциях я присутствовала, иногда отвечала. Я все время ждала – сейчас мне кто-нибудь скажет: бросай все, бери ребенка и езжай на дачу, отпуск ученический у тебя есть, приходи в себя, – а мне никто этого не говорил. И тут начались Ваши занятия.

Первое что меня зацепило, это графология. Сижу, слушаю, не верю, сначала участвовать не хотела, потом интерес пересилил. Я не думала, что это возможно (теперь расширяю свой кругозор), 95% всего сказанного в точку, а остальные 5%, скорее всего, мое нежелание принять истину.

Далее мой опыт заключался в рисунке. Это я тоже решила попробовать, узнала представление ребенка о нашей семье. Есть над чем работать. Опыт очень познавательный.

Отдельное внимание мне бы хотелось уделить коллективной работе. Мультфильм «Ежик в тумане» смотрела, плакала, раздражала сама мысль, что его придется обсуждать. Но оказалось очень поучительно, познавательно, лично для меня переменно (если есть такое слово). Одна фраза от одногруппницы заставила задуматься. Почему-то именно слово «заставила». И

я стала думать и постепенно поняла, что то, что я хочу услышать, мои близкие люди не то чтобы не хотят говорить, они просто не могут этого сказать, т.к. любят и переживают за меня и мое будущее. И я успокоилась, перестала разражаться по любому слову, делала задания на других парах, тройка меня больше не устраивает. Сдала все экзамены, остался один зачет и курсовая – моя головная боль, не знаю, как написать своему научному руководителю, которому хотела написать в мае, но заболела бабушка и мне было не этого, думала – вот поправится и займусь, но нет. Курсач готов, сегодня, ну, или завтра точно отправлю...

Единственное чего мне не хватило в предмете, это времени. Очень жаль, что так мало пар (учебных часов) было выделено для обучения. Спасибо».

Анализ эссе показал, что практически все обучающиеся отметили, что, помимо знакомства с практическим психологическим инструментарием, они получили и личностное развитие:

– познакомились с некоторыми новыми чертами себя, углубили познание своих мотивов и ценностей;

– с новой стороны узнали своих одногруппников, что больше сплотило группу;

– развили умение высказывать свое мнение;

– развили умение слышать мнение другого человека;

– выработалась привычка анализировать проблематику фильмов и характерологические особенности героев;

– появилась гибкость в мировоззренческой позиции;

– развили умение мыслить, анализировать, исследовать себя, делать проекцию героя на себя;

– появилась привычка наблюдать и обращать внимание на незначительные вещи;

– сформировалось понимание, что люди обладают абсолютно разными масштабами личных границ и воспринимают желание помочь абсолютно по-разному.

Таким образом, задачи, поставленные нами при проведении занятий, в том числе и в дистанционном формате, были решены. Предложенная нами форма работы оказалась для студентов интересной, эмоционально насыщенной и полезной для приобретения психологического опыта, а также были сформированы предусмотренные рабочей программой дисциплины «Практическая психология» способности – такие, как способность работать в команде, способность к саморазвитию.

Заключение

Проведенное исследование показало, что знакомство с психологическими практиками, а также активное участие в них при изучении дисциплины «Практическая психология» позволяют будущим социальным работникам не только приобрести собственный психологический опыт, который в будущем может быть применим ими в профессиональной деятельности, но и пересмотреть свою мировоззренческую позицию, сделать ее более гибкой.

Применение практического психологического инструментария на занятиях позволяет познакомить студентов не только с самим инструментарием и его возможностями, но и с критериями его использования в определенных формах психологической работы.

Наше исследование вывило и минусы в организации учебного процесса по дисциплине «Практическая психология», и это позволит нам внести следующие изменения и дополнения.

При наличии времени можно провести с обучающимися анализ предложенной формы работы с изучаемым инструментарием. Работа может проводиться таким образом, чтобы в процессе обсуждения обучающимися были выявлены основные критерии проводимой работы, это можно назвать рефлексией самого процесса. Данный анализ поможет сформировать у обучающихся навык идентификации практических форм оказания помощи клиентам, таких как формы консультирования (групповая или индивидуальная), группа самопомощи, группа самопознания, дискуссия и т.д., которые могут быть использованы выпускниками в дальнейшей профессиональной деятельности.

Значительным минусом в организации занятий по дисциплине «Практическая психология» является то, в учебном плане ННГУ направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» предусмотрено минимальное количество часов (одна пара в неделю, согласно сетке расписания). Очень сложно проводить групповую работу, тренинги и т.д. в 90 минут, поэтому не всегда удавалось завершить занятие рефлексией. Этот минус можно исправить расписанием занятий в виде сдвоенных пар (занятия раз в две недели).

Однако в любом случае при организации и проведении практико-ориентированного обучения по прикладным дисциплинам очень важным всегда будет психологический климат пространства занятия. Как говорил К. Роджерс, «я знаю, что не могу никого ничему научить, я могу только создать среду» [14, с. 16].

Данная статья обобщает эмпирический опыт преподавателя, направленный в первую очередь на исследование внутреннего мира будущих социальных работников и возможности использования описанного формата проведения занятий в их подготовке. Данный подход использу-

ется около полутора лет, и малый объем исследуемой выборки не позволяет нам провести серьезную статистическую обработку. Это является нашим пилотным проектом, который будет продолжен и даст материал для научного подтверждения.

Список литературы

1. Пономарева Е.Ю., Рудакова О.А. Проблема методических основ преподавания практической и прикладной психологии в высшей школы // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-2. С. 369–375.

2. Базарова Т.С. Методологические подходы к профессиональной подготовке социального работника // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 214–221.

3. Францева Ю.Е. Переход от проблемного обучения к контекстному обучению в условиях ФГОС 3++ // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью: Материалы Междунар. научно-практ. конф. / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Научно-исследовательского социологического центра, 2019. С. 684–688.

4. Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: Материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 84 с.

5. Бадмаев Б.Ц. Методика преподавания психологии: Учебное пособие. М.: ВЛАДОС, 1999. 304 с.

6. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 656 с.

7. Сайковская Т.О. Теоретические и практические аспекты мультимедийного сопровождения преподавания психологии // Современное образование Витебщины. 2015. № 1(7). С. 33–37.

8. Окопелов О.П. Процесс обучения в виртуальном образовательном пространстве // Информатика и образование. 2001. № 3. С. 66–70.

9. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. 560 с.

10. Буравцова Н.В. Проблемы эффективности преподавания практической психологии в вузе // СМАЛЬТА. 2016. № 2. С. 9–12.

11. Раскин В.Н. Социально-психологический тренинг как форма практической подготовки психологов и социальных работников в высшем учебном заведении (опыт преподавания тренинговых дисциплин в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы) // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2007. Т. 8. № 2. С. 113–117.

12. Горбач Н.А. Возможности и проблемы практической направленности обучения вузе (на примере преподавания психологии) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). С. 60–62.

13. Ярыгина Н.Ю., Францева Ю.Е. Специфика организации образовательного процесса подготовки психологов-консультантов, обучающихся по образовательной программе магистратуры «Психологическое консультирование» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 186–192.

14. Макшанов С.И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика: Монография. СПб.: Образование, 1997. 238 с.

CONTEXTUAL APPROACH TO TEACHING PRACTICAL PSYCHOLOGY TO FUTURE SOCIAL WORKERS

Yu.E. Frantseva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Modern trends in the development of society dictate new requirements not only for the professional skills of graduates obtained during their studies at the university, but also for the structure and content of the educational process itself. One of the conditions for the transformation of the learning process is the formation of the graduate's professional competence, or rather, the graduate's readiness for professional activity. Thus, not only the educational process of training a specialist, but also the process of mastering the discipline should become more practice-oriented and be based on such an educational approach as contextual learning. At the same time, the context is understood not so much as the context of the future professional activity of social workers, but rather the internally motivated activity of students when mastering the discipline. It is the internal context that allows a person to comprehend and fill his own activity with significance, and, accordingly, to form personal and professional competence.

The analysis of the process of teaching practical psychological disciplines allowed us to identify certain difficulties in organizing and conducting classes in this type of disciplines that teachers face, and ways to overcome these difficulties.

The article offers a methodological approach to conducting classes in the discipline «Practical Psychology» for students studying in the direction of training 39.03.02 «Social Work», as well as the results of testing the proposed methodology in the 2020–2021 academic year.

Keywords: organization of the learning process, practical psychology, social work, contextual learning, teaching of practical psychological disciplines.

УДК 37.015.323
DOI 10.52452/18115942_2021_4_188

САМООТНОШЕНИЕ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© 2021 г.

О.С. Щербинина

Щербинина Ольга Станиславовна, к.пед.н.; доц.;
доцент кафедры психолого-педагогического образования Костромского государственного университета
shcherbinina-olga@list.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2021
Статья принята к публикации 30.10.2021

На современном этапе развития системы образования значительно увеличилось внимание к такой нестандартной категории, как одаренные дети. Одаренные дети являются одной из категорий групп социального риска. Это связано с наличием у них особенностей и трудностей в личностном и социальном развитии, таких как специфика самоотношения, коммуникативные трудности, сложности самопрезентации и самореализации и др. Эти особенности могут стать причиной сложностей во взаимоотношениях таких детей с коллективом сверстников, что влечет за собой непринятие в детский коллектив или даже изоляцию. Данные факты говорят о необходимости особой организации психолого-педагогического сопровождения одаренных детей в образовательных организациях на основе понимания специфики их развития. Цель работы – охарактеризовать особенности самоотношения одаренных детей. В статье представлены результаты исследования особенностей самоотношения и социального развития младших школьников с признаками одаренности, одаренных подростков и одаренных старшеклассников. Диагностическим инструментарием выступили следующие методики: методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС), методика изучения сформированности образа «Я» и самооценки (Д.Б. Эльконин, А.Б. Венгер, 1987), опросник «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова), опросник «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий).

Ключевые слова: одаренность, одаренный ребенок, социальное развитие, социализация, психолого-педагогическое сопровождение, самоотношение.

Введение

На современном этапе развития системы образования в России важными задачами являются организация и осуществление работы с одаренными детьми как научным, интеллектуальным и творческим потенциалом страны. Для успешного становления системы работы с данной категорией важно определить условия и средства, способствующие развитию одаренного ребенка.

В Российской Федерации работа с одаренными детьми преимущественно организуется по трем направлениям: работа в общеобразовательных организациях, работа в организациях дополнительного образования и олимпиадно-конкурсное движение.

Система олимпиадно-конкурсных мероприятий способствует выявлению детей с признаками одаренности. Эта работа охватывает разнообразные виды одаренности: от интеллектуальной до творческой, представляя широчайший спектр конкурсов и олимпиад разного уровня (от муниципального до международного) для детей от дошкольного возраста до 18 лет.

Сопровождение детей, проявивших свои потенциалы, осуществляется в общеобразовательных организациях и организациях дополнительного образования.

Общеобразовательные организации (школы, лицеи и гимназии) нередко выделяют одаренных детей как особую категорию своей воспитательной работы. В школах создаются условия для развития способностей и разрабатываются программы сопровождения; однако, как показывают практика и результаты проведенных нами исследований, общеобразовательные организации преимущественно ориентированы на школьные успехи детей и их победы в конкурсах и олимпиадах. Создание условий для социального развития одаренных детей и своевременная социализация не являются для них приоритетной задачей.

При этом результаты изучения обозначенной проблемы демонстрируют неадекватную самооценку, сложности самореализации и самопрезентации своих разработок у одаренных детей, трудности выстраивания коммуникации с взрослыми и сверстниками, что влечет за собой социальную изоляцию таких детей [1].

Одной из причин, порождающих эти сложности, становится самоотношение одаренных детей.

Самоотношение можно понимать как целостное, относительно постоянное эмоциональное отношение к себе, мера принятия или непринятия индивидом самого себя. С ним тесно связано понятие «самооценка», трактуемое как эмоционально окрашенное отношение к себе в разных конкретных ситуациях и разных видах деятельности. Самооценка является изменчивой структурой. Тогда как самоотношение – относительно устойчивый феномен, синтезирующий множество самооценочных характеристик.

Наша работа направлена на изучение особенностей самоотношения одаренных детей.

Задачи исследования:

1) изучение самооценки и самоотношения младших школьников;

2) изучение самоотношения одаренных подростков;

3) исследование самоотношения одаренных старшеклассников;

4) разработка рекомендаций по организации психолого-педагогического сопровождения одаренных детей с учетом выявленных особенностей самоотношения.

Методология

Современная психолого-педагогическая литература имеет значительное количество научных трудов, посвященных изучению проблем одаренности и одаренных детей.

Весомый вклад в изучение сущности одаренности и психологии одаренных детей внесли такие российские ученые, как Д.Б. Богоявленская, Т.В. Бондарчук, А.А. Вербицкий, Л.А. Венгер, К.М. Гуревич, В.Н. Дружинин, И.В. Дубровина, В.А. Лазарев, Н.С. Лейтес, Л.А. Леутина, Р.А. Литвак, А.М. Матюшкин, В.И. Панов, В.А. Петровский, А.И. Савенков, М.А. Холодная, В.Э. Чудновский, В.С. Юркевич и другие [2–5].

Теоретико-методологической основой в изучении проблем социального развития и социализации одаренных детей становятся работы Л.С. Выготского, М.А. Галагузовой, О.И. Иванова, И.С. Кона, А.В. Мудрика, М.М. Рубинштейна, Д.И. Фельдштейна [6].

Социальная составляющая жизни одаренных детей также привлекает внимание зарубежных психологов в течение длительного времени. Среди зарубежных исследований интересными представляются подходы M.A. Joyce, P.J. Schwanenflugel к проблеме изучения детской одаренности, актуализации внимания к трудностям в развитии одаренного ребенка [7]. Результаты исследований J.L. Davis, S.A. Robinson подтверждают подверженность одаренных детей буллингу и говорят о необходимости специальной работы с их психоэмоциональной сферой, что требует высокой компетентности специалистов, работающих с одаренными детьми [8]. Высокие риски неудач в школе у одаренных детей в сравнении со сверстниками засвидетельствованы в работах A. Guez, H. Peyre, M. Le Cam, N. Gauvrit, F. Ramus [9; 10].

Особую значимость для нас имеют результаты исследования Е.Н. Волковой, А.В. Микляевой, А.Н. Кошелевой, В.В. Хороших по проблеме отношения к собственной одаренности у старших подростков, прошедших педагогический отбор на специализированные образовательные программы [11].

Вопросы самоотношения изучались в трудах отечественных и зарубежных ученых в области психологии, педагогики, акмеологии. В своем исследовании мы отталкиваемся от понимания самоотношения как компонента системы отношений человека и как компонента самосознания. Являясь компонентом системы отношений, самоотношение, с одной стороны, обеспечивает процессы самоопределения и самореализации человека, а с другой стороны, выступает как их результат. Как компонент самосознания, оно обеспечивает оценку своих характеристик. Наряду с этим оно способствует или препятствует самоопределению и самореализации и одновременно эмоционально-ценностному принятию себя.

В исследовании обобщены данные, полученные в разные периоды времени с 2016 до 2021 гг.

Выборочную совокупность исследования составили 104 одаренных ребенка (участники образовательных программ ОЦ «Сириус» г. Сочи и участники Многопредметной школы Костромского государственного университета для одаренных школьников). В исследовании использовался комплекс диагностических методик: методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС); методика изучения сформированности образа «Я» и самооценки (Д.Б. Эльконин, А.Б. Венгер, 1987); опросник «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова); опросник «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий).

Результаты и их обсуждение

Практический опыт работы и результаты исследований с одаренными детьми разного возраста подтвердили имеющиеся у нас на данный момент сведения о наличии у ряда одаренных

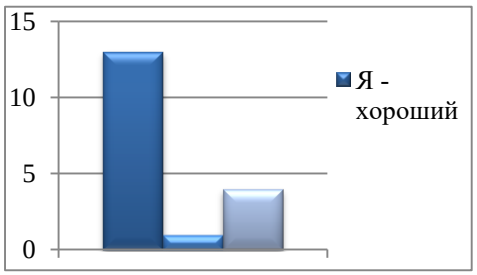

Рис. 1. Изучение сформированности образа «Я» и самооценки младших школьников (*n*=34)

школьников трудностей в коммуникации со сверстниками и педагогами (развитие коммуникативных способностей, наличие навыков взаимодействия и решения конфликтных ситуаций), трудностей, связанных с неадекватной самооценкой (завышенной и заниженной), тревожностью в ситуациях общения со сверстниками (недопонимание, травля со стороны одноклассников) и т.д. Мы предположили, что одной из причин обозначенных трудностей может стать самоотношение одаренного ребенка. В связи с этим нами было проведено исследование для изучения особенностей самоотношения и социального развития одаренных детей, в котором приняли участие младшие школьники с признаками одаренности, одаренные подростки и одаренные старшеклассники.

Результаты диагностики младших школьников (*n*=34) проводились с помощью методики «Изучение сформированности образа «Я» и самооценки» (Д.Б. Эльконин, А.Б. Венгер, 1987) (рис. 1).

Первая серия методики проводилась по следующим вопросам.

1. *Представь себе человека, который бы тебе так нравился, что ты хотел бы быть таким, как он, хотел бы быть похожим на него. Какой это человек? Каким бы ты хотел быть? На кого бы ты хотел быть похожим?*

18 одаренных детей ответили, что в будущем они хотели бы стать похожи на своих педагогов, у которых они занимаются на данный момент или у которых занимались когда-либо, иметь такой же опыт в построении занятия и для передачи знаний подрастающему поколению; обучающиеся хотели бы стать такими же уважаемыми, как их педагоги.

15 обучающихся назвали известных балерин в качестве своих кумиров и объяснили это тем, что в будущем они хотят быть частью большого балета, гастролировать по миру и иметь большую силу воли, выдержку для поддержания себя в форме и стабильных нагрузок и тренировок.

Одна обучающаяся в качестве примера назвала свою маму, перечисляя все её положительные качества (доброта, поддержка в трудных ситуация, понимание со стороны мамы).

2. *Представь себе человека, который бы тебе так не нравился, что ты ни за что не хотел бы быть таким, как он, не хотел бы быть на него похожим. Какой это человек? Каким бы ты не хотел быть? На кого бы ты не хотел быть похожим?*

При ответе на данный вопрос обучающиеся не назвали определенного человека, они лишь перечисляли отрицательные, по их мнению, качества личности (лицемерие, чрезмерная гордыня, ненадежность, невозможность положиться на человека, непонимание, злость, агрессивность, жадность), утверждая, что такими они никогда не хотели бы стать.

Вторая серия методики направлена на изучение соответствия реальной самооценки себя и идеальной.

Проанализировав ответы обучающихся по вопросам второй серии, мы получили следующие результаты:

– 26 обучающихся имеют высокую самооценку;

– у 8 обучающихся дифференцированная самооценка (девочки считали, что они могут быть лучше, выносливее, старательнее, чем на данный момент):

– у 2 обучающихся выявлен самокритичный уровень представления о себе (в ходе дальнейшей беседы установлено, что данная позиция ребенка связана с полученной травмой, из-за которой девочка не может тренироваться в полную силу).

Для изучения особенностей социального развития одаренных подростков мы взяли опросник «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова) (табл. 1).

По результатам проведенного исследования большинство одарённых подростков с удовольствием ходит в школу, и отношения с педагогами-предметниками и классными руководителями они оценивают как хорошие. При этом значительное число респондентов считает многие школьные предметы ненужными и, не стесняясь, пропускает многие уроки. В качестве причины пропусков называются дела вне школы. Из-за проблем в школе у половины респондентов возникают трудности во взаимоотношениях с родителями.

На вопрос «Есть ли у тебя друзья в школе?» все опрошенные ответили «да», или «скорее да, чем нет». Однако практически все говорят о наличии врагов или недоброжелателей в классе. Кроме того, почти у половины респондентов возникают конфликты с родителями из-за учебы.

На основании полученных данных мы можем зафиксировать хорошее отношение к школе в целом и у опрошенных подростков. Однако многие школьные предметы оцениваются респондентами как ненужные и вызывают у них сложности.

Большинство опрошенных говорят о наличии как друзей, так и врагов в их школьном сообществе.

Исследование мы продолжили с помощью опросника «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий) (табл. 2).

По результатам опроса, одаренные школьники ходят в школу потому, что так надо, по мнению родителей и учителей. Однако при решении поставленных школьных заданий они часто идут собственным, а не традиционным путем. И им очень хочется найти свой способ решения задачи.

Для половины опрошенных важна похвала взрослых при выполнении задания. И почти все опрошенные отметили, что любят решать трудные проблемные задачи.

По результатам применения «Методики исследования самоотношения» С.Р. Пантилеева в диагностике подростков мы увидели, что большинство респондентов проявляет *закрытость*. Это свидетельствует о выраженном защитном поведении личности, желании соответствовать общепринятым нормам поведения и взаимоотношений с окружающими людьми.

Шкала «*самоуверенность*» демонстрирует низкие показатели у опрошенных, что может говорить о недостаточном уважении к себе и быть связано с неуверенностью в своих возможностях и сомнением в своих способностях. Это может приводить к избеганию контактов с людьми, глубокому погружению в собственные проблемы, внутренней напряженности.

Значительное число респондентов получило высокие баллы по шкале «*саморуководство*». Это может свидетельствовать о восприятии себя подростками как главного источника развития своей личности, регулятора достижений и успехов.

Большая часть выборки показала низкие баллы по шкале «*внутренняя конфликтность*». Это, как правило, говорит о положительном отношении к себе, ощущении баланса между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, между притязаниями и достижениями, удовлетворенностью сложившейся жизненной ситуацией и собой. В данном случае возможно отрицание своих проблем и поверхностное восприятие себя.

По результатам диагностики у большинства респондентов получены низкие баллы по шкале «*самообвинение*», что свидетельствует о тенденции к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях. При этом защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели.

Изучение особенностей самоотношения и социального развития *одаренных старшекласс-*

Таблица 1

Результаты опроса подростков с помощью опросника «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова), *n*=26

Вопросы	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Хорошие ли у тебя отношения с учителями в целом?	18	6	2	0
Есть ли один учитель, с которым у тебя очень хорошие отношения?	23	3	0	0
Хорошие ли у тебя отношения с классным руководителем?	21	4	1	0
Нравится ли тебе учиться в школе?	15	9	2	0
Много ли предметов ты считаешь бессмысленными?	20	3	2	1
Считаешь ли ты, что учеба в школе пригодится тебе в будущем?	3	14	7	2
Часто ли ты пропускаешь занятия в школе без уважительных причин?	0	1	3	22
Строго ли контролируется в школе посещение уроков?	24	0	2	0
Связаны ли твои пропуски с теми или иными проблемами в школе?	0	0	0	26
Связаны ли твои пропуски с какими-либо делами, интересами вне школы, которые для тебя важнее учебы?	21	5	0	0
Есть ли у тебя в классе друзья?	19	6	1	0

Окончание таблицы 1

Вопросы	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Есть ли у тебя в классе враги и недоброжелатели?	0	1	1	24
Дружный ли у вас класс?	2	12	9	3
Есть ли у тебя друзья за пределами класса, с которыми тебе интереснее, чем с ребятами из класса?	23	3	0	0
Посещаешь ли ты кружки и секции в школе?	11	0	0	15
Часто ли ваш класс собирается, чтобы вместе провести праздники, другие мероприятия?	13	6	3	4
Нравится ли тебе принимать участие в классных мероприятиях?	3	18	4	1
Есть ли среди учителей кто-то, с кем тебе и твоим одноклассникам нравится проводить свободное время и внеклассные мероприятия?	4	6	15	1
Есть ли предметы в классе, по которым тебе особенно трудно учиться?	1	4	13	8
Есть ли предметы, которые ты настолько запустил, что самому тебе уже не наверстать упущенное?	2	5	11	8
Помогает ли тебе кто-либо в семье, если у тебя возникают трудности в учебе?	16	4	5	1
Есть ли учителя, к которым ты можешь обратиться за помощью, если у тебя возникают трудности в учебе?	22	1	3	0
Интересуются ли родители твоей учебой?	18	4	3	1
Есть ли у твоих родителей контакт с классным руководителем?	26	0	0	0
Часто ли у тебя возникают конфликты с родителями из-за учебы?	1	10	12	3
Часто ли учителя жалуются на тебя родителям?	1	2	20	3

Таблица 2

Результаты диагностики одаренных подростков с помощью опросника «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий)

Вопросы	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Родители и учителя говорят, что очень важно учиться, поэтому я учусь и хожу в школу	17	6	2	1
Я решаю примеры только так, как говорит учитель	7	2	3	14
Если на уроке я что-то не понял, я обязательно постараюсь разобраться в этом	15	4	6	1
Я обязан ходить в школу и выполнять все требования учителей	24	1	0	1
Когда я выполняю задание, самое важное, чтобы меня похвалили	9	4	9	4
Мне часто хочется найти свой способ решения задачи	17	4	4	1
Обычно я не делаю домашнее задание	0	2	5	19
Мне нравится справляться с трудными задачами	16	6	4	0
Я иногда пропускаю занятия	9	1	6	10
Когда мы проходим новую тему, мне хочется разобраться в непонятных вопросах	19	7	0	0
Можно сказать, что сорванный урок – это развлечение	0	0	0	26
Я не стал бы ходить на дополнительные занятия по трудному для меня предмету	7	1	12	6

ников (*n*=32) проводилось нами с помощью тех же диагностических методик (как у подростков).

Опросник «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова) показал, что одаренные старшеклассники в целом хорошо относятся к школе, к учителям и к классным руководителям, но, как и подростки, воспринимают многие предметы как бессмысленные (табл. 3).

У большинства опрошенных есть друзья в школе; отрицательно ответили на вопрос о наличии друзей 18% одаренных старшеклассников. При этом все опрошенные считают, что в классе у них есть враги. 56% респондентов ответили, что имеют друзей за пределами школы.

Наряду с этим свои классы дети оценивают как дружные. Классы достаточно часто собираются для совместных дел и мероприятий.

32% опрошенных ответили, что у них есть предметы, по которым трудно учиться и которые являются запущенными.

Таблица 3

Опросник «Школьная ситуация» (В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова)

Вопросы	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Хорошие ли у тебя отношения с учителями в целом?	32	0	0	0
Есть ли один учитель, с которым у тебя очень хорошие отношения?	32	0	0	0
Хорошие ли у тебя отношения с классным руководителем?	28	4	0	0
Нравится ли тебе учиться в школе?	14	8	10	0
Много ли предметов ты считаешь бессмысленными?	18	2	10	2
Считаешь ли ты, что учеба в школе пригодится тебе в будущем?	22	8	2	0
Часто ли ты пропускаешь занятия в школе без уважительных причин?	0	0	0	32
Строго ли контролируется в школе посещение уроков?	32	0	0	0
Связаны ли твои пропуски с теми или иными проблемами в школе?	0	0	0	32
Связаны ли твои пропуски с какими-либо делами, интересами вне школы, которые для тебя важнее учебы?	32	0	0	0
Есть ли у тебя в классе друзья?	18	8	6	0
Есть ли у тебя в классе враги и недоброжелатели?	0	0	12	20
Дружный ли у вас класс?	24	8	0	0
Есть ли у тебя друзья за пределами класса, с которыми тебе интереснее, чем с ребятами из класса?	12	6	6	8
Посещаешь ли ты кружки и секции в школе?	0	0	0	32
Часто ли ваш класс собирается, чтобы вместе провести праздники, другие мероприятия?	22	4	0	6
Нравится ли тебе принимать участие в классных мероприятиях?	24	4	0	4
Есть ли среди учителей кто-то, с кем тебе и твоим одноклассникам нравится проводить свободное время и внеклассные мероприятия?	14	14	4	0
Есть ли предметы в классе, по которым тебе особенно трудно учиться?	8	6	4	14
Есть ли предметы, которые ты настолько запустил, что самому тебе уже не наверстать упущенное?	6	4	12	10
Помогает ли тебе кто-либо в семье, если у тебя возникают трудности в учебе?	4	8	12	8
Есть ли учителя, к которым ты можешь обратиться за помощью, если у тебя возникают трудности в учебе?	22	8	2	0
Интересуются ли родители твоей учебой?	32	0	0	0
Есть ли у твоих родителей контакт с классным руководителем?	32	0	0	0
Часто ли у тебя возникают конфликты с родителями из-за учебы?	2	4	8	18
Часто ли учителя жалуются на тебя родителям?	0	2	12	18

Конфликты с родителями из-за учебы возникают у 81% опрошенных. При этом все пишут, что родители интересуются их учебой и у родителей есть контакт с классным руководителем.

Опросник «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий) (табл. 4) продемонстрировал тот факт, что дети учатся потому, что так надо и так говорят взрослые. В отличие от подростков, старшеклассники не так склонны к поиску новых путей решения и делают задачи таким путем, который показал учитель. Однако похвала взрослых становится для них не так важна, как для подростков. Они более самодостаточны.

Большинство из них не делает домашнее задание. У них уже нет тяги к проблемным задачам, однако в новых темах они стремятся разобраться.

Полученные результаты показывают больший конформизм и социальную пассивность у одаренных старшеклассников, в отличие от подростков.

По результатам «Методики исследования самоотношения» С.Р. Пантилеева (рис. 2) большинство одаренных старшеклассников демонстрирует *открытость*. Такие показатели могут говорить о внутренней честности, открытости

Таблица 4

Опросник «Субъектная позиция» (В.К. Зарецкий)

Вопросы	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Родители и учителя говорят, что очень важно учиться, поэтому я учусь и хожу в школу	18	14	0	0
Я решаю примеры только так, как говорит учитель	22	2	8	0
Если на уроке я что-то не понял, я обязательно постараюсь разобраться в этом	12	8	2	10
Я обязан ходить в школу и выполнять все требования учителей	28	4	0	0
Когда я выполняю задание, самое важное, чтобы меня похвалили	6	4	16	6
Мне часто хочется найти свой способ решения задачи	2	2	18	10
Обычно я не делаю домашнее задание	6	2	14	10
Мне нравится справляться с трудными задачами	8	4	16	4
Я иногда пропускаю занятия	14	6	0	12
Когда мы проходим новую тему, мне хочется разобраться в непонятных вопросах	30	2	0	0
Можно сказать, что сорванный урок – это развлечение	0	0	0	32
Я не стал бы ходить на дополнительные занятия по трудному для меня предмету	18	2	8	4

отношений человека с самим собой, о достаточно развитой рефлексии и глубоком понимании себя.

Шкала «*самоуверенность*» у большинства одаренных старшеклассников демонстрирует высокие показатели в сравнении с данными подростков, что может говорить о выраженной самоуверенности, ощущении силы собственного «Я», высокой смелости в общении. Наряду с этим полученные результаты могут говорить о том, что респонденты уважают себя, довольны собой, своими начинаниями и достижениями, ощущают свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы.

Одаренные старшеклассники, вслед за одаренными подростками, продемонстрировали высокие баллы по шкале «*саморуководство*», свидетельствуя о восприятии себя как главного источника развития своей личности, регулятора достижений и успехов.

Большинство респондентов показало высокие баллы по шкале «*зеркальное «Я*», что говорит об их восприятии себя как принятых окружающими людьми. Такие люди чувствуют, что их любят другие, ценят за личностные и духовные качества, за совершаемые поступки и действия, за приверженность групповым нормам и правилам. Они ощущают в себе общительность, эмоциональную открытость для взаимодействия с окружающими, легкость установления деловых и личных контактов.

Шкала «*самопринятие*» у 75% респондентов демонстрирует высокие баллы, свидетельствуя о склонности воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений. Это говорит о положительном общем фоне восприятия себя. Человек часто ощущает симпатию к себе, ко всем качествам своей личности. Свои недостатки считает продолжением достоинств. Неудачи, конфликтные ситуации не дают основания для того, чтобы считать себя плохим человеком.

Одаренные старшеклассники, как и одаренные подростки, продемонстрировали низкие баллы по шкале «*внутренняя конфликтность*», что свидетельствует о положительном отношении к себе, ощущении баланса между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, между притязаниями и достижениями, удовлетворенностью сложившейся жизненной ситуацией и собой.

Шкала «*самообвинение*» у одаренных старшеклассников имеет низкие баллы, что говорит об их склонности отрицать собственную вину в конфликтных ситуациях. При этом защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели.

Полученные результаты были учтены нами при разработке программы работы с одаренными школьниками «Саморазвитие – путь к успеху». Ее цель – разработка одаренным школьником программы интеграции в систему социальных отношений на основе саморазвития. В процессе занятий дети учатся выделять приоритеты при планировании своих жизненных перспектив на основе позитивного самоотношения и самопринятия, осознания себя в социуме.

Программа реализуется нами четыре года в Многопредметной школе для одаренных школьников Костромского государственного университета.

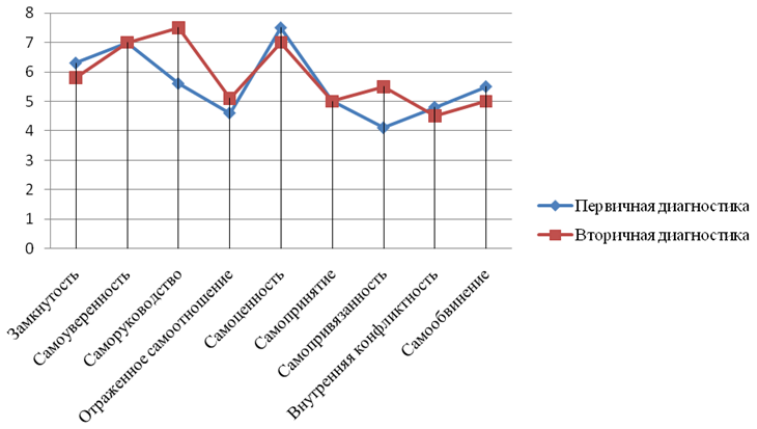

Рис. 2. Результаты диагностики одаренных школьников
с помощью методики исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (*n*=12)

Эффективность работы по программе подтверждается как качественными, так и количественные данными. Диагностическим инструментарием для оценки эффективности работы выступают несколько методик, одной из которых является «Методика исследования самоотношения» С.Р. Пантилеева.

Полученные результаты диагностики фиксируют изменения показателей «замкнутость», «саморуководство», «самоценность», «самопривязанность» у одаренных школьников – участников Школы одаренных школьников КГУ, что свидетельствует, на наш взгляд, об эффективности работы в решении поставленной цели программы.

Выводы

По результатам диагностики мы выявили следующие особенности самоотношения и социального развития младших школьников с признаками одаренности:

– большинство одаренных младших школьников имеет высокую самооценку;

– в качестве своих идеалов младшие школьники с признаками одаренности видят своих педагогов и тренеров, на которых ориентируются в процессе подготовки.

Проведенное исследование позволило выявить следующие особенности самоотношения и социального развития одаренных подростков:

– большинство одарённых подростков с удовольствием ходит в школу, и отношения с педагогами-предметниками и классными руководителями они оценивают как хорошие;

– большинству одаренных подростков свойственны закрытость, выраженное защитное поведение личности, желание соответствовать общепринятым нормам поведения и взаимоотношений с окружающими людьми;

– одаренные подростки демонстрируют неуверенность в своих возможностях, сомневаясь в своих способностях;

– выявлены тенденции к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях у одаренных подростков (при этом защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели).

Результаты диагностики особенностей самоотношения и социального развития одаренных старшеклассников позволяют сделать следующие выводы:

– одаренные старшеклассники в целом хорошо относятся к школе, к учителям и к классным руководителям; но, как и одаренные подростки, воспринимают многие предметы как бессмысленные;

– одаренные старшеклассники не стремятся к проблематизации в обучении;

– похвала взрослых становится для этой категории детей не так важна, как для одаренных подростков, они более самодостаточны;

– у большинства одаренных старшеклассников превалирует *открытость* как внутренняя честность, открытость отношений человека с самим собой;

– по шкале «*самоуверенность*» большая часть опрошенных имеет высокие показатели, демонстрируя выраженную самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», высокую смелость в общении;

– так же как одаренные подростки, одаренные старшеклассники в большинстве ответов показали высокие баллы по шкале «*саморуководство*», что говорит о восприятии себя как главного источника развития своей личности, регулятора достижений и успехов;

– по шкале «*самопринятие*» 75% опрошенных продемонстрировали высокие баллы, что

говорит о склонности воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений.

Полученные результаты расширяют представления об особенностях самоотношения одаренных детей, которые важно учитывать при организации психолого-педагогического сопровождения данной нестандартной категории детей. Эффективность данной работы подтверждает успех реализации программы «Саморазвитие – путь к успеху» на базе Многопредметной школы Костромского государственного университета для одаренных школьников.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00656.

Список литературы

1. Щербинина О.С. Преодоление трудностей социального развития одаренных детей: Монография / Науч. ред. М.И. Рожков. Кострома: Костромской государственный ун-т, 2019. 179 с.

2. Психология одаренности и творчества / Под ред. Л.И. Ларионовой, А.И. Савенкова. М.: СПб.: Нестор-История, 2017. 288 с.

3. Юркевич В.С. Интеллектуальная одаренность и социальное развитие: противоречивая связь // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 28–38.

4. Литвак Р.А., Бондарчук Т.В. Закономерности социализации одаренных детей в социокультурных условиях [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1(09). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 15.02.2021).

5. Леутина Л.А. Социализация детей в современных педагогических исследованиях // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 152–173.

6. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2000. 200 с.

7. Joyce M. A., Schwanenflugel P.J. Development of Metacognitive Concepts about Thinking in Gifted and Nongifted Children: Recent Research // Learning and Individual Differences. 1996. Vol. 8. № 4. P. 305–325.

8. Davis J.L., Robinson S.A. Being 3e, a new look at culturally diverse gifted learners with exceptional conditions: An examination of the issues and solutions for educators and families // Twice Exceptional: Supporting and Educating Bright and Creative Students with Learning Difficulties. 2018. 18 January. P. 278–289.

9. Guez A., Peyre H., Le Cam M., Gauvrit N., Ramus F. Are High-IQ Students more at Risk of School Failure? // Intelligence. 2018. Vol. 71. P. 32–40.

10. Peyre H., Ramus F., Melchior M., Forhan A., Heude B., Gauvrit N. Emotional, Behavioral and Social Difficulties among High-IQ Children during the Preschool Period: Results of the EDEN mother–child cohort // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233. 17 October. P. 333–337.

11. Волкова Е.Н., Микляева А.В., Кошелева А.Н., Хороших В.В. Отношение к собственной одаренности у старших подростков, прошедших педагогический отбор на специализированные образовательные программы // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 3. С. 49–63.

SELF-ATTITUDE OF GIFTED CHILDREN AS A PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM OF

O.S. Shcherbinina

Kostroma State University

At the present stage of the development of the education system, attention to such a non-standard category as gifted children has significantly increased.

Gifted children are one of the categories of social risk groups. This is due to the presence of their characteristics and difficulties in personal and social development, such as the specifics of self-attitude, communication difficulties, difficulties of self-presentation and self-realization, etc. These features can cause difficulties in the relationship of such a child with a group of peers, which leads to rejection in the children's group or even isolation. These facts indicate the need for a special organization of psychological and pedagogical support for gifted children in educational organizations based on an understanding of the specifics of their development.

The purpose of the work: to characterize the features of self-attitude of gifted children. The article presents the results of a study of the features of self-attitude and social development of younger schoolchildren with signs of giftedness, gifted adolescents and gifted high school students. The diagnostic tools were the following methods: The method of studying the self-attitude of S. R. Pantileev (MIS); the method of studying the formation of the image of «I» and self-esteem (D.B. Elkonin, A.B. Wenger, 1987); The questionnaire «School situation» (V.K. Zaretsky, A.B. Kholmogorova); The Questionnaire «Subject position» (V.K. Zaretsky).

Keywords: giftedness, gifted child, social development, socialization, psychological and pedagogical support, self-attitude.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (64)

2021

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 26,3. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 100 экз. Заказ № 527.
Дата выхода в свет: 30.12.2021
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет